

У юной ведьмы Эшли особый дар. Она видит то, что не дано другим — отпечатки зла на предметах и душах магов. Кулон наставницы Линетт, доставшийся после ее смерти, подчиняет Тьму и притягивает бэлмортгов. Бен — один из них. Он должен был убить Эшли и забрать украшение, но не смог. Теперь он навечно прикован к ней магией искупления. Бен меняется и чувствует это сам, но их странная связь более не пугает его.

Главный Фамильяр обращается к Эшли и Бену за помощью — пропали три студентки Университета Магии, четвертая охвачена темными силами. Герои идут по кровавым следам жертв и не замечают, как сами попадают в сети, расставленные убийцей. Эшли преследуют воспоминания Линетт, она отчаянно ищет мужчину из своих снов.

Запретный плод

Тонкое белое кружево штор на стрельчатых окнах неспешно раскачивалось на ветру. Полуденный солнечный свет наполнял просторный кабинет и слепил глаза. Комната — сплошь белизна и золото. Память будоражил букет знакомых до боли запахов, витающих в воздухе. Орхидеи благоухали в напольной керамической вазе у высокого книжного шкафа цвета слоновой кости. Полотно с единорогами переливалось перламутром. В изящном вытянутом сосуде между двумя креслами, обитыми парчой, стояли душистые свежесрезанные садовые розы. Старинные часы на каминной полке неспешно отмеряли секунды в тишине. Я сидела на диване с резьбой и выгнутой деревянной спинкой, окруженная множеством подушек. Подол длинного желтого платья лежал на нем веером. Якоснулась волос, упругими локонами спадавших на левое плечо. Это из-за чувства неловкости, хотя было приятно здесь находиться. Меня окружал едва уловимый аромат духов, пикантная смесь из нот мяты, цветущих цитрусовых и сладкой свежести — его я узнала бы из тысячи других запахов. Линетт.

Она смотрела с печальной улыбкой на устах, сжимая в ладонях мою руку. Я улыбалась в ответ, но ощущала себя сбитой с толку, растерянной и встревоженной. Сердце, не унимаясь, прыгало в груди, пока я любовалась ее сказочно прекрасным лицом. Фарфоровая кожа, глаза цвета аквамарин, тонкие аристократические черты. Огненно-рыжие волосы спадали гладким шелком на плечи, струились по спине. Темно-синее платье из шуршащей плотной ткани с глянцевым блеском и отделкой из изысканного черного плетения, глубокий вырез, тугий корсет, подчеркивающий и без того осиную талию. Пышная юбка со складками скрывалась под столом с гнутыми ножками. Я любовалась ею и радовалась встрече, хотя в глубине души понимала, Линетт уже нет. Мысль, от которой кололо в груди, и душа стонала.

Заметив мое сомнение, Линетт едва заметно нахмурилась. Ее улыбка померкла, растаяла. Из груди наставницы вырвался вздох, она склонила голову. Волосы рассыпались, обрамляя худощавое лицо. Их медный цвет контрастировал с бледностью кожи. Она скользнула тонкими пальцами, убирая прядь за ухо. Зеленые глаза с медовыми вкраплениями вдумчиво смотрели на меня. В то время, как я почувствовала горечь и печаль, она казалась приятно удивленной.

— Я знаю, что с тобой происходит, — ласково прошелестела она и погладила меня по руке.

Но договорить Линетт не успела — за ее спиной, в дверном проеме из теней соткался мужской силуэт. Я уже знала, что случится дальше, но вопреки ожиданиям, сон не прервался, Линетт не помрачнела, а образ незнакомца не растаял. Напротив, он плавно обретал очертания и дополнялся красками. Теперь я могла различить темно-русые волосы, тонкую бородку и линию усов. Красиво очерченные губы, нос слегка великоват для небольшого, но приятного лица. Светлая кожа без морщин — ему было не больше тридцати-тридцати пяти лет на вид. Пронзительно голубые глаза смотрели из-под занавеса прямых волос. Он буравил укоризненным взглядом спину Линетт, медленно сжимая руки в кулаки. Черное пальто нараспашку, средней длины с косыми карманами и большими круглыми пуговицами, белая рубашка, черные узкие брюки.... Его грудь мерно вздымалась от тяжелого дыхания. Хотелось внимательнее посмотреть на его лицо, я взволнованно сжала руки

Линетт. Она беззвучно рассмеялась, и дрожь пошла от ее кистей вверх к моим плечам. Я смутилась, отвела взгляд, но он зацепился за сверкающий золотой перстень на безымянном пальце ЕГО левой руки, инкрустированный родолитами и гранатами. Он переливался и обжигал — я отпрянула от стола, ощутив легкое жжение в глазах, но миг спустя наваждение исчезло, и кольцо осталось всего лишь изумительно красивым украшением.

Отведя взор от перстня, я осторожно подняла его, изучая каждую деталь образа мужчины. Стройный, поджарый, ростом чуть выше среднего.... Кулон спрятан под рубашку, но его сине-белое свечение пробивалось сквозь тонкую ткань. Как и таинственный блеск магии в глазах. В глазах, которые я уже видела на похоронах Линетт.

Внезапно меня окатило напором его силы. Я непроизвольно напрягла плечи. Стало тяжело дышать — воздух слегка вибрировал, обжигая, словно теплые морские волны. Магия плясала на коже, разливалась по комнате. Первые ее дуновения разметали шторы и мои волосы. Я прерывисто вдохнула ртом. Его сила. Она почти ощущалась как запах, как аромат ночи в темном лесу. Он дал мне попробовать ее на вкус, и внутри поднялся ответный шквал силы. Я пыталась вспомнить, где впервые ощутила этого мужчину. Зажмурившись от волнения, я освободилась от рук Линетт и закрыла ладонями лицо. Сердце разрывалось от знакомых ощущений, пульс бил в висках, и перед глазами комната завертелась яркими пятнами. Хотелось кричать и плакать, только бы унять это мучительное чувство....

— Зачем ты это сделала, Линетт?! — приятный, но обжигающий гневом, голос мужчины разбил тяжелую тишину.

Его сила ласковым теплом коснулась меня, по коже побежали мурашки. На душе стало чуть легче, светлее, спокойнее. Но едва я отняла руки от лица, как комната дрогнула, помутнела, и голос Линетт прозвучал издалека:

— Ты уже знаешь, Эшли. Осталось вспомнить....

Время от времени каждый из нас задумывается, почему жизнь сложилась так, а не иначе? В какой момент нужно было свернуть, когда стоило промолчать, а где уступить или, напротив, идти напролом? Почему кулон Линетт достался именно мне? Зачем силы свыше наделили меня редким даром? И как долго за эти подарки придется расплачиваться?

Я стояла у окна на кухне, обнимая себя за плечи, и смотрела на улицу. По ясному небу неспешно ползли редкие холодные облака. На кленах горели огнями дрожащие на ветру листья. Осенняя акварель навевала праздничное настроение. В этот теплый и солнечный, субботний день почти все соседи убирались во дворах своих домов, готовясь к зиме. Ее поступь ощущалась в воздухе морозным дыханием, но еще не все деревья сбросили пестрые наряды, не все цветы в клумбах уснули, да и перелетные птицы не спешили покидать Эгморр. Веселый гомон ребятни, разговоры соседей и свист ветра, раскручивающего флюгеры, не доносились до меня. Причиной тому не закрытые наглухо окна — в голове гудело от птичьих криков и шороха перьев.

Вот уже неделю я не покидала пределы родного жилища, и не позволяла этого делать Мишель и Монике. Том не объявлялся, но ощущение его присутствия где-то поблизости не покидало ни на секунду. Он мог быть рядом, за углом дома, и поджидать, сделав ставку на наше легкомыслие. Если небо не застилал черный дым, это еще не повод облегченно вздохнуть и жить дальше, как прежде. Как прежде уже не будет. Поэтому мы должны держаться вместе и продумывать каждый шаг наперед, чтобы не попасться в сети бэлморта, жаждущего заполучить кулоны ценой наших жизней. Ситуация сама собой не могла разрешиться, разумеется. Кому-то было суждено погибнуть, и я надеялась, что этим неудачником станет Том. Пока у нас на руках оставался козырь: он не знал, что я чувствовала бэлмортиков. Шерман старший наверняка затаился и караулил нас в засаде, а мы, в свою очередь, ждали, когда он уберется.... Я понимала, что придется выйти на улицу и встретиться с ним лицом к лицу, чтобы покончить раз и навсегда с этой историей. Но прежде стоило придумать, как незаметно проскользнуть за пределы защитной магии и подобраться к бэлморту. Его сущность я чувствовала, но предугадывать дальнейшие действия и читать мысли не умела, из-за чего до сих пор бездействовала. Хитроумный план никак не рождался в утомленной и измученной чужими воспоминаниями и птичьими голосами голове....

Неделя.... Ровно семь дней назад я совершила убийство. Уничтожила бэлморта, загубившего шестерых магов ради собственного благополучия и спокойствия. И здесь ключевое слово «бэлморт», ибо прихлопнуть это мерзкое кровожадное создание во власти только такого же бэлморта. Ни один маг, и, тем более, человек, не обладал достаточной силой. И кроме, как чудом происшествие в доме Вивиан Моррис не назовешь. Ведь я не утратила человеческий облик, отняв жизнь, что уже само по себе невозможно. Маги не могли убивать сродных по естеству — в нашем мире подобное преступление имело наивысшую степень тяжести и каралось смертной казнью. Но прежде сущность колдуна претерпевала метаморфозы, и прекрасное создание превращалось в омерзительного вида монстра. Так было всегда, но не со мной. Ломая голову над причиной моей неординарности, я все больше убеждалась в том, что с удачливостью и благополучным стечением

обстоятельств она ничего общего не имела. Здесь было что-то другое.... Ни к чему душой кривить — я давно заметила, что меняюсь, и не в лучшую сторону. Осталось понять, чем мне грозили сомнительные перемены, и возможно ли их остановить, пока не произошло что-то еще, более ужасное?!

Ощущая себя будто со стороны, я изучала красочный пейзаж, успевший надоесть за неделю томления в четырех стенах, и дрожала от неприятного холодка на коже. Майло Бенсон, мой сосед — темноволосый кареглазый парень среднего телосложения, в серой толстовке, черных джинсах и кроссовках красил забор, старательно выводил линии кистью. Бэлморт, отвергавший свою сущность, желая помогать людям и магам. Но этот факт не менял моей чувствительности к его естеству. Ощущение тревоги — легкое, смутное, мерзкое. Когда поблизости охотник, меня одолевали волнение и страх, застрявший в горле горячей пульсирующей жилкой. Прекрасно понимая, что никакой опасности нет, и это всего лишь старина Майло, я не могла унять колотящееся сердце и дышать ровно. Как и заставить замолкнуть воронов в голове.

Словно сквозь вату слышались шаги Мишель, и надменный тон Моники. Они о чем-то спорили, как всегда, но я даже не обернулась. Неподвижно смотрела на небо и вздрагивала от каждого дуновения ветра, срывающего листья с ветвей. А когда невзначай переводила взгляд на дом Саммер Джоунс — феи, убитой бэлмортом, нашим же соседом Мэрионом Макалистером — он начинал темнеть на глазах. Его окутывала сизая мгла, стелилась по земле. Осеннее буйство цветов теряло свою прелесть, меркло вокруг зараженного жилища.

Мэриона убила я. Эта тайна жила внутри меня, сестры ничего не знали о случившемся. Секрет, отравляющий душу. Если меня уже нельзя спасти, то их я уберегу молчанием. Стэнли пообещал не предавать огласке инцидент в доме Вивиан, пришлось поверить ему. С каждым днем Главный Фамильяр доказывал свою заинтересованность во мне и лояльность, а я нуждалась в его поддержке. Замяв историю с полицией, она наскоро состряпал легенду для общественности — Мэрион переехал в другой город, а дом приемных родителей решил продать. Соседи купились, сестры тоже. А я смотрела на дом Саммер и не могла не думать о том, что с нами со всеми стало. Смотрела и теряла волю. Тьма, обитавшая в ее доме, зазывала меня утробными стонами сквозняков и скрипами дверей в пустых комнатах.... Если так пойдет и дальше — я лишусь рассудка.

Чудесный осенний день, наполненный трелями птиц, шелестом ветерка, играющего с золотой листвой, и звонкими голосами, доносящимися отовсюду. Слева по противоположной стороне улицы Стоуны устроили барбекю, и аппетитный аромат сочного мяса разносился по всей округе. Справа, за пустеющим домом Саммер по ровному зеленому ковру из газонной травы во дворе двухэтажного кирпичного дома бегали двое детей. Мальчик лет шести и девочка лет десяти играли с собакой, резво лающей от радости и вторя детскому звонкому смеху. Вокруг бурлила жизнь, светило солнце, даря людям тепло и красоту готовящейся к зимнему сну природы. И только мне было холодно и безрадостно на душе.

Безумно хотелось повидаться со Странником и Лорелеей, но я не решалась переступить порог дома. Сердце сжималось от мыслей о Бене, но неразборчивые голоса в голове, будто нарочно перебивали их. С каждым днем, проведенным взаперти, я задыхалась и таяла, как льдинка, чувствуя слабость и тупую боль в груди. Дышалось все труднее, я будто бы болела какой-то тяжелой болезнью, высасывающей энергию и душевное тепло. Когда на улице

светило солнце, мне было темно и пасмурно.

— Эшли? — донесся голос Мишель и вырвал меня из холодной бездны темной магии.

Я посмотрела на сестру через плечо. Красивая и смуглая, с копной густых волнистых волос, обладательница больших карих глаз и чувственных губ. Мишель сновала по кухне, собираясь на работу — в свой маленький магазинчик колдовских зелий и талисманов. В пурпурном трикотажном платье, перехваченном на талии черным узким поясом, подчеркивающим точеные формы. Туфли на высоком каблуке, ожерелье из драгоценных камней на шее и обворожительная улыбка на лице — она из кожи вон лезла, доказывая мне и Монике, что оправилась от удара, нанесенного ее последним кавалером. Том оказался бэлмортом, посланным убить ее. Будучи по уши в него влюблена, Мишель переживала и пролиwała по ночам немало слез, о которых, как она считала, знала лишь ее любимая подушка. Минула неделя после тех страшных событий, она еще не отошла, но с усердием демонстрировала обратное....

— Да, Мишель? — бесцветно отозвалась я. Птичий гул стих, но ровно настолько, чтобы можно было говорить и слышать себя.

Остановившись передо мной, сестра склонила любопытно голову и нахмурилась.

— Ты очень бледная, — тихо произнесла она. — Тебе нездоровится?

— Все в порядке.

Я попыталась выдавить из себя улыбку, но Мишель, обладавшую способностью к эмпатии, не проведешь.

— Я же вижу. Что ты будешь мне рассказывать?! И чувствую, между прочим. Еще чуть-чуть, и меня вывернет наизнанку, — она скривилась и схватилась рукой за горло. — С этим надо что-то делать, и как можно быстрее!

Усмехнувшись, я отвернулась и посмотрела вновь в окно. На ветвях каштана расселись и нахохлились семь черных воронов. Поворачивая синхронно головы, они незаметно патрулировали улицу. Фамильяры, пернатая армия Верховной Ведьмы — владычицы магического народа. Я несколько раз сталкивалась с каждой птицей взглядами, и никто из нас не спешил его отводить и делать вид, что это всего лишь случайность. Я знала, кто они, а они знали меня.

— Зря нарядилась, — вздохнула я. Мишель не издала ни звука, замерев у меня за спиной. — Он еще здесь, совсем рядом.

— Мне необходимо попасть в магазин, — пролепетала она, взволнованно теребя ожерелье пальцами.

— Зачем? — я резко обернулась. — У тебя больше нет поставщика ингредиентов, изготовление зелий невозможно, а покупатели подождут. Или тебе наплевать на свою жизнь?!

— На улице Тома не видно, — осторожно отметила Мишель. Я склонила голову, всматриваясь в ее глаза, и она смущенно потупила взгляд. — Я не могу больше сидеть взаперти....

— Придется еще немного подождать, Мишель.

По кухне пронеслась Моника, и мои волосы разметал порыв воздуха. Я невольно взглянула на нее. Допивая на ходу кофе, сестра надевала серый плащ поверх темно-синего костюма, состоящего из узкой юбки до колен и приталенного блейзера. Прыгая на одной ноге, обулась в серые туфли на шпильке и поставила на стол пустую чашку. Я шагнула, обходя Мишель, и остановилась перед Моникой. Округлив удивленно глаза, она взмахнула

длинными ресницами.

— Не вздумай, — даже мне мой голос показался обжигающим.

Глаза Моники потемнели от злости, она надула губы, но послушалась. Развернувшись на каблуках, направилась в свою комнату, снимая на ходу плащ. Бросила в сторону, и он, повиснув на миг в воздухе, медленно поплыл к вешалке и аккуратно на ней разместился. Громко хлопнув дверью, она выразила свое возмущение моей настойчивостью. Вполне оправданной настойчивостью, между прочим!

Поднявшись к себе, я закрыла дверь и подошла к окну. На карнизе сидел Персик, раздраженно виляя хвостом. Открыв форточку, я впустила его. Кот юркнул на подоконник и спрыгнул на кровать. Я поспешила закрыть окно, пока за моей спиной животное обретало человеческий облик. Мурашки по коже оповестили о завершении магической трансформации, и в зеркале мелькнуло лицо Джоша.

— Мне нужно выбраться из дома, — сказала я, направляясь в ванную комнату. — Как можно скорее.

Джош прошелся по спальне до окна и задвинул шторы. На нем скрипела черная кожаная куртка, надетая поверх темно-синей футболки. Подтянутый зад и по-мужски стройные ноги подчеркивали темные узкие джинсы, идеально подобранные как по фигуре, так и по стилю. Вечерний туалет Джоша-сердцеда дополняли черные замшевые ботинки на шнуровке. С недавних пор он оставлял одежду в моей спальне на случай непредвиденной необходимости обратиться в животное. Пришлось выделить ему отдельную полку в гардеробе.

— Ты умом двинулась? — буднично спросил он, проводя пальцами по густой темно-русой шевелюре. — Том этого и ждет.

— Я должна разобраться с ним. Или найти способ сделать это, — включив воду, я бросила в ванну шипучий шарик. Он забурлил и превратился в воздушную и душистую пену. — Моя кровь тяжело ранила Мэриона.... Что, если с Томом тоже пройдет этот фокус?

— Он не подпустит тебя настолько близко, — вкрадчиво произнес Джош, застыв в дверях в ванную комнату. — Не позволит всадить окровавленный нож в спину.

— Тогда я найду другой способ! — резко развернувшись, рявкнула я. — И ты посодействуешь мне в этом!

Изумленно всплеснув руками, Джош иронично округлил глаза.

— Каким образом?

— Поможешь выбраться из дома и остаться незамеченной, — я подошла ближе, понизив голос до шепота. Остановившись почти вплотную, посмотрела в его каре-зеленые глаза. — Должен быть способ избавиться от Тома, и мы его найдем.

— Как я сделаю это? — смягчившись, спросил Джош и небрежно припал плечом к дверному косяку. — В зубах, как котенка, пронесу тебя через всю улицу?!

— Не ёрничай, — отрезала я. — Думай.

— У Мишель в комоде должно быть какое-то замудрёное зелье на такой случай. Можно поворошить ее закрома.

Я мотнула головой.

— Зелье невидимости действует всего час, и бэлмортам оно не помеха. Кстати говоря, для меня остается загадкой, почему они не видят в кошачьей шкуре твою истинную физиономию?!

Джош вздернул брови и многозначительно посмотрел на меня.

— Что? — протянула я.

— Это выход. Превратим тебя в белочку или карманную собачку!

— Да иди ты, — буркнула я, и вдруг отворилась дверь. Я медленно повернулась, чувствуя, как холодок пополз по спине — в комнату заглянула Мишель.

Глава 1 (продолжение)

— С кем ты тут разговариваешь?

Сглотнув, я скользнула взглядом туда, где секунду назад стоял Джош. Его там не оказалось, зато на кровати вальяжно разлегся Персик. Скорость его реакции поражала — я так и не смогла понять, куда он спрятал одежду. На самом деле Джош мог перевоплощаться, не скидывая шмотки, но это затрачивало больше магической энергии.

— С котом, — тихо ответила я, не доверяя своему голосу.

Мишель нахмурилась и прошла в комнату, уперев руки в бока. Осмотрелась, неторопливо расхаживая, не пренебрегла заглянуть под кровать. Так ничего и, не обнаружив, разочарованно хмыкнула.

— Я отчетливо слышала мужской голос. — Остановившись, она принялась и нахмурилась еще сильнее: — и почему здесь пахнет одеколоном Джоша?!

Удивленно и немного нервно рассмеявшись, я скрестила руки на груди.

— Надо же! Ты по нему скучаешь.

— Вот еще, — буркнула сестра и быстрым шагом унеслась из комнаты, не забыв хлопнуть дверью.

Я перевела взгляд на Персика.

— Она любит тебя, но не хочет, чтобы кто-то об этом знал. Совершила ошибку, о которой жалеет. Разве это не повод еще рьяней искать оружие против бэлморта?!

— Оно у нас есть, и сейчас стоит передо мной, — отозвался Джош, снова обратившись в человека. Он стоял за диваном с обнаженным торсом и застегивал джинсы. Теперь понятно, куда он прятал одежду. Стриптизер из него вышел бы потрясающий.

Я сверкнула довольной улыбкой, но ничего не сказала. Только отметила про себя — не могла не отметить — появление Мишель и то, как она отреагировала на мои слова, затронули душу Джоша. Не исключено, что отношения их действительно изжили свое, но чувства все равно остались....

— Что будем делать? — спросила я, когда выскочила из ванной. Я заранее взяла чистую одежду в уборную — Джош хоть и жил в моем доме больше шести лет под видом кота, но переодеваться при нем я ни за что не стала бы. Облачившись в черные джинсы, серую футболку и черный кожаный жакет на молнии, обула сапоги со шнуровкой на низком каблуке. Неизвестно, по каким кустам придется лезть.... Нужна удобная одежда.

— Необходимо добраться до Библиотеки, — тихо произнес Джош, приоткрывая дверь и выглядывая в гостиную. — Для этого нам нужно сделать тебя незаметной.

Бесшумно пройдя к шкафу с зельями Мишель, он выдвинул верхний ящик. Долго ворошил пакетики и склянки, пока не нашел пузырек с темно-синей жидкостью, напоминающей чернила, и бросил его мне. Покрутив в руках, я обнаружила этикетку с надписью, сделанной Мишель: «Абсолютная невидимость. Новый рецепт». Хмыкнув, я разочарованно вздохнула.

— Не поможет.

— Кто сказал?! — громким шепотом возмутился Джош, задвигая ящик. — Это зелье сделает тебя не просто невидимой, а бестелесной. Оно схоже с защитными чарами,

оберегающими твой дом от нападения Тома. Жидкий вариант. Оно подействует, поверь мне!

С минуту я колебалась, теребя в руках крохотный пузатый флакончик с жидкостью, переливающейся мелкими серебристыми искрами. Джош настороженно косился на лестницу, то и дело, вздрагивая от звуков, доносящихся с кухни. Посчитав, что иного выхода все равно нет, и решив пожалеть его нервы, я откупорила склянку и поднесла к губам.

— Капли будет достаточно, — предупредил Джош. — Не пей весь — пригодится еще.

Раздражено закатив глаза, я пригубила зелья и тут же скривилась от мерзкого солено-горького вкуса, прилипшего к языку. Все равно, что жидкости для мытья посуды глотнула.... И вдруг закружилась голова. Потолок гостиной нещадно вращался, и я не заметила, как подкосились ноги. Джош поймал меня за локоть и притянул к себе и придерживал, пока зелье подчиняло себе мое тело. Перед глазами еще какое-то время плясали разноцветные спирали, но вскоре я смогла твердо стоять. Вот только.... Не видела своего тела.

— Отлично, — пробормотал Джош, отпуская мою прозрачную руку. — Теперь можно выбираться из дома, но прежде предупреди Мишель, чтобы не заходила в твою комнату.

— Мишель! Я неважно себя чувствую и собираюсь немного отдохнуть...

— Я поняла, — с раздражением крикнула с кухни сестра. — Не буду беспокоить!

Удовлетворенно кивнув, Джош затолкал мое невидимое тело в комнату и закрыл за нами дверь. На замок.

Первый раз за неделю я вышла на улицу. Сгустились сумерки, пахло цветами и осенней сыростью, в высокой траве заливались сверчки — прекрасная, звездная ночь. Прохладный воздух наполнял легкие свежестью, и голова кружилась от остроты ароматов и звуков. Несколько минут я просто стояла, испытывая легкую слабость в теле и головокружение, как у человека, который провел много времени в постели из-за болезни. Я двинулась по дорожке, не чувствуя ни собственных ног, ни тела целиком — нереальное ощущение, от которого бегали мурашки. То ли виной тому действие зелья, то ли я действительно была истощена и обессилена. Окинув взглядом улицу и убедившись в том, что кроме меня и Джоша никто не захотел насладиться прелестью осенней ночи, пошла к калитке. Рядом бодро пружинил рыжий кот, известный под именем Персик — Джош перевоплотился для прогулки. Остановившись, я не решилась отодвинуть щеколду. В груди дрожал холодок тревоги — поблизости бэлморт, но я не видела его. Как и не ощущала запаха гари. Черт возьми, может, я настолько тонко реагировала на сущность Майло, а Тома давно след простыл?!

Персик вскарабкался на забор. Вращая головой не хуже дозорной совы, он ничего подозрительного не заметил. Обернувшись и мигнув мне каре-зелеными глазами, разрешил покинуть пределы защитной магии. Открыв калитку, я боязливо ступила за границу магии и замерла. Порыв неизвестно откуда взявшегося ветра разметал волосы, и у меня перехватило от неожиданности дыхание. Обняв себя за плечи, я боролась с желанием шагнуть обратно и зажмуриться. словно маленькая девочка, столкнувшаяся со своими страхами в темной комнате....

Сердце колотилось об ребра, пока я жадно хватала ртом воздух. Минуту, две или больше — если бы Том караулил меня, то не стал мешкать и уже напал бы. Эта мысль предала уверенности, и ноги сами понесли меня по дороге. Понимание того, что меня никто не видит, утешало, но в глубине души копошилось сомнение. Не верилось в отступление старшего Шермана. Он ни при каком условии не позволит жертве спастись. Исполнительный убийца, безукоризненный охотник. Он как снаряд, запущенный в цель. Везде мерещились тени и шорохи, частичка меня чуяла его, но не могла понять — почему. Просто предчувствие....

Персик бежал рядом и ориентировался по звукам моих шагов. И мыслям. Я разговаривала с ним и комментировала каждое свое движение, каждый шаг. И когда случайно задумывалась, он останавливался в растерянности и водил красивой рыжей мордой, выискивая меня суровым взглядом.

Миновав дом Майло, я посмотрела через дорогу на дом убитой феи. Вой сквозняков, мороз по коже от ощущения тьмы, поселившейся в нем, и я почувствовала себя вновь тяжело больной. Тьма меня затягивала, высасывая силы, и если бы Персик не ткнулся носом в ногу, я бы последовала за ней. Очнувшись, я жадно вдохнула и быстрым шагом направилась вперед по улице, но неожиданно возникло желание спрятаться или убежать. Трусиха, Эшли. Неприятный холодок, пронизывающий до костей, натолкнул на неприятную мысль — предчувствия меня не обманывали. Поблизости притаился бэлморт.

Замерев посреди дороги, я обернулась, ища глазами Персика. «Мы не одни», подумала

я, и кот подбежал ближе. Ветви плакучей ивы, отделявшей нас от перекрестка, шелохнулись, едва заметно, будто от чьего-то неосторожного дыхания. Я приросла ногами к земле, перестала моргать. Что-то двигалось в мою сторону. Вал клубящейся энергии прошел по моему телу, обжег щеку. Я невольно коснулась ее тыльной стороной ладони. На асфальте появилась вытянутая тень и, бесшумно приближаясь, исчезла за ивой. Из-за дерева неторопливо вышел Том. Он двигался с наглой уверенностью, и сила, покалывающая мою кожу, говорила, что он эту уверенность может подтвердить. В хлопковой ветровке серо-зеленого блеклого цвета с накладными карманами и воротником-стойкой, одетой нараспашку, поверх узкой черной футболки. Ноги облегали темные потертые джинсы, снизу ботинки на мощной подошве — не мужик, а конфетка. Конфетка, от которой зубы сводило. Он озадачено ухмылялся, озираясь и легко касаясь пальцами кружева листвы. Принюхавшись к воздуху, бэлморт тихо усмехнулся, но не проронил ни слова. Обойдя низко свесившиеся ветви ивы, медленно прошелся по дороге, совсем близко, и, почувствовав тепло моего тела, остановился. Резко повернув голову, он посмотрел на меня, но мимо. Я не дрогнула, хотя чуть не скончалась на месте от разрыва сердца. Хотелось куда-нибудь деть руки, но я боялась, что шорохом одежды привлеку его внимание. Персик успел пролезть за забор соседского дома. Шелестя травой, он громко и протяжно замурлыкал, отвлекая от меня внимание Тома. Но бэлморт даже не посмотрел в его сторону. Он поднял голову, всматриваясь в ночное небо, и ухмылка не сходила с его губ.

— Я запомнил твой запах, — сказал он и с шумом втянул воздух носом. — Мне знакомо ощущение твоей силы. Я не вижу тебя, но чувствую. Настолько, что ладони чешутся.

Бэлморт поднял правую руку и взглянул на нее. Она пылала магией.

Я смотрела на пламя, не в силах отвести взгляд. Том цыкнул, словно от боли, и небрежно передернул плечами.

— Ни за одной целью я не гонялся так долго. Теперь меня разбирает любопытство, за что же тебя заказали!? Может, поболтаем?

Я не ответила. Уловка не подействовала, но бэлморт не сдался.

— Ты перетянула на свою сторону моего брата, — процедил Том сквозь стиснутые зубы. Гнев внезапно смыл его показное радушие. — Понятия не имею, как это могло произойти, да и не важно, ведь теперь он обречен. Неужели хочешь, чтобы он из-за тебя умер? Кровь Бена будет на твоих руках, а не на моих, Эшли!

Он произнес мое имя с вызовом, и я невольно вздрогнула. Попытка взять интересом не сработала, тогда бэлморт решил надавить на больное место. Да, не спорю, тревога за Бена разъедала червем сердце, но если бы я сейчас выдала себя, Том убил бы меня сию же секунду, а потом и младшего брата. И эта мысль удержала меня от роковой ошибки.

Плавнo и очень осторожно я шагнула влево и посмотрела на него. Том уставился вдаль, что-то обдумывая, и ничего не заметил. Двинувшись мягкими бесшумными шагами к перекрестку, я добрела до ивы и замерла. Ветви коснулись рукава куртки, и тонкий слух бэлморта уловил звук. Резко обернувшись, Том ледяным взглядом посмотрел на то место, где миг назад стояла я — по инерции отступив назад, прижалась спиной к забору. Персик притих в траве, готовясь защищать меня от бэлморта.

Бесконечно долгие секунды, застывший ночной воздух, и мучительное ощущение опасности. Все, что произошло дальше, казалось сном: обратившись в дым перед носом у Тома, я взмыла в небо и понеслась прозрачным воздушным потоком прочь. Персик вытянул голову, распушив от злости и напряжения усы, но не шевельнулся. Джош не пил зелье

абсолютной невидимости.

Том почувствовал меня — завертел головой и посмотрел вверх. Поджав губы, сжал руки в кулаки и черным вихрем промчался над улицей. Я летела, скользила между зданиями и поднималась над ними, чтобы посмотреть, как близко он подобрался. Охотник не отставал — неся разъяренной стихией, круша флюгеры и ломая верхушки деревьев. В последнее время бэлморты забыли про осторожность и открыто нападали при свидетелях. Странник был прав в том, что они окончательно слетели с катушек без правителя.

Пролетая над домами, я снизила и сбавила скорость. Парила, затаив дыхание, в надежде, что Том пролетит мимо, не заметив меня. До Центральной Библиотеки оставалось совсем ничего, нужно было выиграть несколько минут форы для того, чтобы добраться до нее и успеть скрыться внутри.

Том пронесся мимо вихрем, от которого волосы на всем теле встали дыбом, а кожу обожгло горячей магией. Испугавшись, что он учует мой запах, подхваченный дуновением ветра, я закусила губу и припала к земле, но Том полетел дальше. Облегчено вздохнув, я поспешила свернуть за дом и пересечь улицу молниеносным порывом воздуха. Я никак не могла привыкнуть к бэлмортам и научиться быть хладнокровной. Все еще захватывало дух от мысли — мне посчастливилось узнать правду, увидеть их своими глазами! Ведь я слышала о бэлмортах от мамы и из легенд и слухов.

Передо мной была Библиотека. Я миновала стоянку и приземлилась около лестницы, на ступенях уже ждали Джош и Стэнли. Первый нервно поджимал губы, переминаясь с ноги на ногу, а другой задумчивым взглядом смотрел на меня. Спрятав руки в карманы синих джинсов, Стэнли казался невозмутимым, непроницаемым. Пуловер темно-синего цвета невероятно подчеркивал красоту голубых глаз, в них хотелось смотреть и тонуть. Никогда не устану поражаться их глубине и выразительности. Внезапно он вытащил руки из карманов и опустил вдоль тела, медленно сжимая в кулаки. Послышался шорох перьев, и за его спиной появились огромные черные крылья, касающиеся земли. Я восторженно уставилась на них — потрясающие, блестящие, черные, как смоль. Он расправил их, и меня чуть не снесло с лестницы от силы взмаха. В то же мгновение глаза Джоша замерцали силой, и я чуть не задохнулась от магии, нарастающей с каждой секундой и заряжающей воздух. Ощущение было, будто приближалась буря.

Не успела почувствовать твердую почву под ногами, как по спине пробежал холодок. Черт, они меня не видят! Но что же тогда их так насторожило?

Резко обернувшись, я увидела в небе огромное черное облако, закручивающееся в спираль. Она вращалась и неслась на немыслимой скорости к Библиотеке, но над площадью затормозила и повисла в воздухе. Запах гари, мерцание алых раскаленных прожилок, похожих на трещины, и грудь сдавило от волнения. Каждый вдох давался с болью, горло обжигал раскаленный воздух, и уже слезились глаза, будто я подошла слишком близко к открытому огню. Выставив вперед ладонь, я приготовилась обороняться, но над головой пролетело что-то огромное, коснувшись лица шелком перьев — Стэнли, воспарив над лестницей, преградил путь Тому.

— Убирайся, — его голос раскатом грома разорвал тишину.

Над площадью перед Библиотекой кружила стая воронов. Птицы слетались со всей округи и вливались во вращающийся черный поток, издающий громкие гневные крики. От них зазвенело в голове, хотелось зажмуриться, закрыть уши руками, но я лишь стиснула зубы. Не могла позволить себя пропустить такое зрелище!

Вместо ответа черное облако рвануло на Стэнли. Но когда столкновение казалось неизбежным, слепящая золотая молния расколола пространство между ними. Вспышка магического света озарила ночь. Бетонные плиты на площади перед Библиотекой покрывались трещинами и разломами, крошились, как мел. Воздух зарядился магией и накалился, волосы отбросило назад волной силы. В бок ударил импульс силы, и в глазах вспыхнули огни. Когда я снова могла видеть и дышать, передо мной раскинулось звездное небо. Лежа на спине, я вспоминала, где нахожусь, и чем занималась. Попыталась подняться, но завалилась обратно. Упав плечом на ступень, сквозь зубы тихонько взвыла и выдернула из плеча осколок плиты. Взглянув на нее, собралась было вышвырнуть, но вид собственной крови остановил меня. Поднявшись на негнущихся ногах, пошатываясь, как маятник, я посмотрела на Тома. Он пытался проломить магическую стену, созданную Джошем. Стэнли удерживал бесформенную черную массу сияющими нитями, тянущимися к ней золотой паутиной. Они будто врастали в Тома, проникали глубоко в воздушное тело. Бэлморт походил на муху, угадившую в паучью сеть. Такую огромную, невероятно красивую и сверкающую....

Подобравшись ближе к сгустку дыма, я прижала к бедру окровавленный осколок плиты. И была готова всадить его в тело бэлморта, когда он взвыл от ярости и рванул в небо. Золотая сеть, тянущаяся из ладоней Стэнли, дала трещину и раскололась. На площадь посыпалась искрящаяся пыль, плавно оседая и покрывая ступени золотым ковром. Том унесся прочь.

Птицы встревожено кружили над площадью. Их не меньше сотни. Посмотрев на них, я опустила голову — на меня глядели Стэнли и Джош. Действие зелья закончилось, и они будто чего-то ждали от меня.

— Мы пережили конец света, — хрипло засмеявшись, произнесла я и выбросила окровавленный осколок на усыпанную золотой пылью землю.

— Почему ты не сказал, что хочешь заманить Тома в ловушку?! — возмущалась я, пока мы с Джошем шли по темному коридору Библиотеки. Стэнли вел нас в свой кабинет.

— Я потерял вас из виду, — оправдывался Джош. — План неожиданно созрел! Ничего такого изначально я не собирался делать.

— Теперь он не скоро вернется, — вмешался Стэнли, остановившись перед массивной деревянной дверью. — Не осмелится второй раз встретиться с гвардией, вставшей на защиту маленькой ведьмы.

— Я собиралась его убить, — чуть слышно призналась я.

Стэнли изогнул насмешливо бровь, но никак не прокомментировал. Джош обнял меня по-братски за плечи, и я взвыла — кости затрепали от его участливости и дружеской поддержки.

— Ты еще не готова.

— Я должна пройти курсы специальной подготовки?! — огрызнулась я и высвободилась из объятий Джоша. Он тихо рассмеялся.

— Мы еще не выяснили, как тебе удалось убить Мэриона и остаться самой собой, — напомнил Стэнли. — Давай не будем торопиться. К тому же, — он окинул меня придирчивым взглядом, на губах фамильяра угадывалась улыбка, — ты пришла не за этим.

Немного смягчившись, я вздохнула и посмотрела на Джоша. Он слышал мои мысли, и знал истинную причину визита.

— Я хотела бы попасть в комнату из моих видений.

— Видений? Я не ослышался? — удивленно протянул Стэнли. — Поделишься, Эшли?

— Ничего конкретного, — я пожала плечами. — Воспоминания смутные и туманные, и в последнее время они стали меняться.

— Воспоминания?! — окончательно растерялся фамильяр и скрестил руки на груди. Его густые брови сошлись на переносице. — Чьи?!

— Линетт завещала мне свой кулон, — я достала из-под куртки цепочку и вытянула на свет камень. — Мне снятся сны, в которых я вижу ее воспоминания, переживаю те же чувства, но они всегда были размытыми, далёкими. До сегодняшнего дня.

— И что же изменилось сегодня?

— Ночью я вновь оказалась в одной из комнат Университета, которую видела десятки раз, знала слово в слово, что скажет Линетт, и что ответит мужчина в черном пальто. Но неожиданно его загадочный темный образ, похожий на тень, приобрел четкие очертания, в голосе поменялась интонация. И Линетт больше не грустила. Она улыбалась, как будто мое прозрение обрадовало ее.... Но мне было невыносимо гадко на душе.

Стэнли ничего не произнес, но его лицо разгладилось. Он вскользь посмотрел на Джоша и вновь на меня. Хотелось повернуться и понять, какую реакцию на мои слова увидел фамильяр, но его пронзительный взгляд не позволял отвести глаза.

— Кто этот мужчина, и о чем они говорят? — облизав губы, спросил Стэнли. Он казался спокойным, но в воздухе повисло напряжение. Я насторожилась.

— Не знаю, кем он приходился Линетт, но я видела его однажды наяву, на ее похоронах. Во всех видениях они ругаются, он упрекает Линетт в том, что она сделала, а она злится.

— А что она сделала? — бесцветным голосом вновь спросил фамильяр. Его взгляд застыл на моем лице и казался стеклянным. Мелькнула мысль, что он что-то знал или догадывался. — Они никогда не упоминали в разговоре?

Я коротко мотнула головой.

— Было бы слишком просто, не считаешь? — саркастически отметила я и, сложив руки на груди, прошла по кабинету. Джош и Стэнли, оставаясь неподвижными, провожали меня глазами. — Какой тогда смысл в моих снах и видениях?

— Значит, ты не имеешь понятия, что послужило причиной их ссоры? — еще раз уточнил Главный Фамильяр. Он говорил осторожно, но вкрадчиво.

Я остановилась и обернулась, пожалуй, слишком резко — он и Джош одновременно моргнули.

— Нет, — протянула я и скривилась. — Зачем я вообще тебе все рассказываю?!

Стэнли опешил и округлившимися глазами посмотрел на Джоша. Тот развел руками, соорудив непонимающую физиономию. Взяв себя в руки, фамильяр откашлялся в кулак и снова принял невозмутимый вид.

— Тебе же нужно содействие в анализе воспоминаний Линетт. Как и была нужна помощь в расследовании убийств магов — разве я отказал? Нет. Но попросил взамен немного информации. Сейчас я тоже прошу открыть завесу тайны и дать мне сведений для того, чтобы знать, с чего начинать работать.

— Я рассказала все, что знаю. Быть может, посещение комнаты, в которой они ругались, освежит мою память или навевет новое видение.

Стэнли понимающе кивнул и задумчиво поглядел в окно.

— Я хочу понять, зачем и почему воспоминания Линетт сняты мне. Какой тебе интерес, Стэнли? Знаю, ты не стал бы помогать мне только из вежливости.

Фамильяр повернул голову и мигнул, точно птица, грациозно и величественно.

— Нет никакого интереса, — устало бросил он. — Мне необходимы твои способности. Вернее, в них будет периодически возникать нужда, и я хотел бы иметь возможность обратиться и получить согласие....

— Короче говоря, — перебила я, нахмурившись, — ты стелешь себе солому под задницу, на случай, если понадобится обратиться ко мне за помощью?

Стэнли едва заметно вздернул брови, и вышло это вымученно и одновременно иронично.

— Да.

Джош прошелся по кабинету и остановился напротив него. Припав плечом к стене, скрестил руки на груди.

— Везде найдет свою выгоду, — выдохнул он. — Веди уже нас в кабинеты!

Оказавшись во мраке узкого прохода, скользящего между стенами комнат Библиотеки, я снова слышала шорох птичьих перьев и ощущала дыхание страха. Стэнли шел впереди, служил нам ориентиром в кромешной тьме, наполненной странными звуками, щекочущими нервы. В сознании ворочались страшные фантазии — плоды воображения, реагирующего на зловещую защитную магию. Я смотрела на спину Стэнли, наблюдала за тем, как перекачиваются мышцы под кожей, и вспоминала его огромные черные крылья. И не укладывалось в голове, как они умещались в теле фамильяра, хотя я отлично понимала, что все дело в магии. Хотелось их коснуться и узнать, каковы перья на ощупь, мягкие или жесткие, материальные или сотканые из тумана?

Джош бесшумно шагал сзади, изредка подталкивая меня в нужном направлении или опуская ладонь на плечо в моменты, когда воспаленное воображение овладевало разумом, и я впадала в легкую панику. Впереди замаячила тусклая полоска света — мы подошли к двери. Отворив ее, Стэнли впустил нас в тесное помещение, служившее коморкой для швабр в Университете. Удивленно хмыкнув, он нахмурился и, перешагивая через хозяйственный инвентарь, прошел к другой двери. Подергал ручку, и, на наше счастье, она оказалась не заперта.

— Заблудился? — усмехнулся Джош.

Стэнли задумчиво поглядел на него через плечо.

— Нет. Кто-то запутал переходы.

— Без твоего ведома? — изумился Джош и нервно хохотнул, подпихивая меня в спину для ускорения. Наступив на швабру, я в последнее мгновение отскочила, избежав удара промеж глаз. Задев ведро, сдвинула его с места с характерным звуком и застыла на месте, вытаращив глаза. Моргнув, я обернулась к Джошу и толкнула его в отместку. Он по инерции попятился назад и с грохотом привалился к стене, на которой были развешаны скребки и щетки.

— Тише вы! — сердито шикнул на нас Стэнли. Отвернувшись, он продолжил чуть тише и спокойнее: — да, хотя я неоднократно поднимал вопрос о самостоятельности в плане охраны.

— И ты догадываешься, кто это мог сделать?

— Можно сказать, уверен в своих предположениях, — хмыкнув, Стэнли посмотрел на нас и недобро улыбнулся.

Джош помрачнел. Поднимаясь и отряхиваясь, он огляделся.

— Похоже, выбор помещения был не случайным. Повсюду предметы разбросаны так, чтобы путник споткнулся и навернулся. Если я сломаю ногу, наступив в ведро, или заработаю сотрясение мозга от удара шваброй — такую травму можно считать рабочей?!

Стэнли ничего не ответил — снисходительно поглядел на Джоша и, покачав головой, открыл дверь. Вытянув шею, он выглянул в коридор и осмотрелся. Убедившись в том, что проход свободен, выскользнув из коморки, махнул нам рукой, призывая следовать за ним.

Лабиринты коридоров, в которых гуляло эхо, таинственное мерцание огней тусклых ламп, пляшущее в отражении мраморного пола — мы шли долго и молчали. Стэнли казался задумчивым и напряженным, сурово озирался по сторонам, будто выглядывал кого-то. Джош и я переглядывались, но не решались поинтересоваться, что так насторожило фамильяра. А минуту спустя все само собой разъяснилось. Стэнли раздраженно вздохнул и остановился посреди коридора, обрывающегося перед овальным холлом, к которому сходилась четыре таких же хода. Я и Джош застыли в нерешительности, а когда Стэнли, не оборачиваясь, поднял вверх указательный палец, давая знак, чтобы мы не издавали ни звука, слышались отчетливые шаги. Стук высоких каблуков по мраморному полу.

Глухая ночь, а мы в Университете бродили по темным коридорам.... Надеюсь, Мишель не додумалась заглянуть ко мне в спальню?! Там ее ждал малоприятный сюрприз....

Звуки шагов приближались, мое сердце вторило им, подпрыгивая до горла. В какой-то момент захотелось схватить Джоша за руку, но я сдержала порыв слабости. Осторожно и очень медленно вдохнув, я выдохнула и чуть не поперхнулась — из-за угла вышла длинноногая блондинка. Бледная кожа и большие голубые глаза, мерцающие таинственным красным светом. Тонкие брови, будто нарисованные, маленький, слегка вздернутый нос и пухлые чувственные губы. Бархатное темно-синее платье туго обтягивало тонкую талию и

маленькую грудь, спускалось по бедрам и волнами спадало на пол. Пикантный боковой разрез, отделанный сверкающими камешками, обнажал стройные ноги. Чернильно-синие туфли на высокой шпильке и платформе — худошавая девушка казалась в них не в меру высокой. Когда блондинка смотрела на нас, ее лицо принимало наивное, бесхитростное выражение, а глаза удивленно округлялись. Хорошенькая, с нежными изгибами в чертах, молоденькая, на вид не больше двадцати лет. На ум приходило слово «смазливая глупышка», но когда она поглядела на Стэнли, ее взор потемнел, а лицо превратилось в холодную маску. Перебросив через плечо, копну длинных волнистых волос изящным, отработанным жестом, она уперла точеную ручку с ярко-алым маникюром в бок и склонила голову. Слегка прищурившись, девушка улыбнулась Главному Фамильяру почти игриво.

— Не ожидала тебя увидеть здесь посреди ночи, Стэнли, — ее голос показался мне низким для ее комплекции и миловидного личика.

— Я так и понял, — сухо бросил он. — И ты все сделала для того, чтобы эта неожиданная встреча не состоялась, Марисса.

Девушка улыбнулась шире, сверкнув белоснежными зубами. Ее развеселили слова Стэнли, но ей хватило самообладания не рассмеяться.

— Всего-навсего предосторожность.

— Ты снова нарушила мой запрет, — он медленным шагом обошел Мариссу, задумчиво потирая подбородок. Девушка надменно вскинула голову, закатив глаза. — Я не давал тебе права вносить изменения в систему охраны здания, не ставя, при этом, меня в известность.

— Извини, — тихо бросила она и томно потупила взгляд. — Наступили беспокойные времена, можно ожидать, чего угодно....

— Я не объявлял военное положение, — перебил Стэнли и остановился перед ней. В ее жестах чувствовалось раздражение, которое открыто выражать она не осмелилась и боязливо избегала прямого взгляда фамильяра. — Если возникнет необходимость каждый час менять пароли и направления магических переходов, я объявлю об этом во всеуслышание. Но пока этого не произошло, попрошу следовать правилам и моим приказам, Марисса.

Коротко кивнув, девушка подняла горделиво голову и посмотрела в упор на Стэнли. Он смерил ее холодным взглядом и шагнул в сторону. Разворачиваясь к нам, он неожиданно нахмурился и вновь обернулся к Мариссе.

— А по какому случаю, позволь узнать, твой великолепный наряд?

Девушка смутилась. В ее глазах мелькнула тень, но, изящно поведя плечами, она выдавила из себя улыбку.

— В малом зале собрались маги. Сегодня суббота, — многозначительным тоном произнесла она, как будто это должно что-то значить. Стэнли насмешливо изогнул бровь и едва заметно кивнул, скрестив руки на груди.

— Теперь понятно, к чему были нужны предосторожности.

— Нет, — испуганно помотала головой девушка. — Все в рамках дозволенного!

Стэнли приблизился к Мариссе, чтобы взглянуть прямо в глаза. Несмотря на каблуки, девушка была ненамного выше фамильяра. Очевидно, худоба зрительно прибавляла к росту несколько лишних сантиметров.

— Сама же сказала «наступили беспокойные времена». Вот как вы справляетесь с опасностью и тьмой, нависшей над миром магов?!

— Запрета на светские вечеринки ты не накладывал! — визгливо воскликнула девушка. — Хочешь отобрать у нас последнюю радость?

По помещению пронесся пронзительный птичий крик, от него защекотало в горле. Джош зажмурился и пальцем почесал в ухе.

Стэнли изумленно округлил глаза.

— Последнюю радость?! Я не ослышался? — схватив Мариссу за руку чуть выше локтя, он несколько секунд, поджав добела губы, смотрел ей в глаза. После паузы он заговорил тихо, гневно чеканя слова: — вы же служите Верховной Ведьме! Бесстрашная армия на страже волшебного народа, которая всегда начеку. Так должно быть, а в действительности всего лишь горстка лентяев, опустошающих винные погреба Университета на светских раутах!

— Сегодня прибыло множество высших магов!

— Отлично! Богатеи мира волшебников, не желающие пачкать белые рученьки в борьбе со злом! — резко выпустив руку Мариссы, Стэнли развернулся к нам на каблуках. Его грудь вздымалась от тяжелого дыхания. Он шарил невидящим взглядом по помещению, сжимая и разжимая кулаки. Немного остыв, обернулся и посмотрел на девушку через плечо: — Вернись в малый зал, и вели всем расходиться.

— Но вечеринка в самом разгаре!? — капризно возразила она.

— Иначе я вмешаюсь, и тебе это не понравится!

— Линетт нам позволяла собираться, — тихо бросила Марисса, разворачиваясь. — И охотно присутствовала.

— Линетт больше нет! — выкрикнул Стэнли, и его слова эхом отскочили от стен и долго звенели в коридорах, пока не стихли далеко во мраке. — Могли бы отдать дань ее имени и повременить с весельем! Стены Университета еще скорбят по ней, а вы уже отплясываете и заливаете глотки вином из ее многовековых коллекций!

Одарив Стэнли долгим и тяжелым взглядом, Марисса взмахнула копной белокурых волос и быстрым шагом направилась в другой коридор. Она исчезла из виду, но еще какое-то время был слышен стук каблуков. Когда и он стих, я и Джош облегченно выдохнули. Стэнли повернул голову и вскинул бровь, все еще хмуро глядя на нас.

Глава 3 (продолжение)

— Что за фигня?! — рассмеявшись, пробормотал Джош.

— Светские вечеринки в Университете?! — изумилась я. — Не припомню, чтобы Линетт устраивала и тем более посещала нечто подобное.

— Ты много, чего не знаешь о жизни Линетт, — произнес Стэнли. — Доказательство тому видения из ее воспоминаний. Ты понятия не имеешь, кто тот мужчина за ее спиной и не догадываешься, что могло внести раздор в их отношения.

— Я пришла сюда, чтобы выяснить это, — напомнила я. Стэнли коротко кивнул. — Но все же, любопытно было бы узнать, чем занимаются высшие маги на увеселительных мероприятиях светского характера?!

Джош откашлялся в кулак, скрыв усмешку. Я посмотрела на него с вызовом.

— Может, покажешь ей?

Стэнли поморщился.

— Не стоит.

— Да, ладно! Не упрямясь, — весело улыбаясь, уговаривал его Джош. — Пусть посмотрит! Рано или поздно ей придется там побывать, так почему не сейчас?!

— Почему «придется»? — робко поинтересовалась я, но мужчины не смотрели на меня.

— Надеюсь, этого никогда не произойдет, — пробормотал Стэнли себе под нос, и устало потер лоб. Пряча руки в карманы джинсов, он тяжело вздохнул: — если только одним глазком....

— Отлично! — Джош довольно просиял и притянул меня к себе, пританцовывая: — Тусанемся вместе с богатеями!

— Я сказал «одним глазком»! — пригрозил Стэнли и ткнул Джоша в грудь указательным пальцем. — Не вздумай!

Растянув губы в широкой улыбке, заезжающей за границы лица, Джош сгреб меня в охапку и потащил к коридору, поворачивающему направо, где минутой ранее исчезла Марисса. Стэнли с грозным видом шел впереди.

Высокие двери зала белели в темноте и сверкали позолотой. Стены вибрировали от музыки и громких веселых голосов — Стэнли заскрипел зубами и решительно направился к дверям.

— Он не любит вечеринки? — шепотом спросила я у Джоша.

Он наклонился ко мне, чтобы так же тихо ответить на ухо:

— Стэнли не приемлет в Университете — обители магии и жизненно важном органе Системы — маломальские увеселительные мероприятия, которые посещают маги, не относящиеся к Системе.

— Боится утечки информации?

Джош кивнул.

— Что-то в этом роде. Он строит нерушимую, безупречно отлаженную конструкцию из защитных заклинаний и чар, а такие, как легкомысленная Марисса, ломают ее. Представляешь, как тяжело и утомительно каждый день начинать все с нуля?!

— Догадываюсь.... А какую роль в Системе играет Марисса?

— Она отвечает за безопасность помещений Университета. В идеале здесь никого не

должно быть, в том числе нас. А также она недавно встала во главе голубинового патруля.

Последние слова вызвали у Джоша улыбку.

— Голубиный патруль?! Она верховодит этими бестолковыми, гадящими везде и на всех, птицами?

Джош смутился, но улыбка с его губ не сошла.

— Ну, те, что гадят — обычные голуби. Фамильяры не испражняются на прохожих.

— Марисса ниже Стэнли рангом? — проглотив смешок, спросила я, но Джош не успел ответить — мы подошли к дверям зала.

— Да, она ниже, — ответил Стэнли и посмотрел на меня. — Но без нее Система не сможет слаженно работать. Без каждого из фамильяров, служащих Верховной Ведьме, не собрать полноценный механизм — он остановится и рухнет. И важна любая деталь, даже самая мельчайшая. Так что, если учесть, сколько патрулей под моим командованием и контролем, Марисса где-то между захудалым шурупом и одной из шестеренок в огромной неусыпно действующей машине.

Понимающе кивнув, я улыбнулась и потянулась к Джошу:

— Он сравнил Мариссу с шурупом?!

— Это же Стэнли! — усмехнулся Джош. — Нас он, может, вообще с ржавыми гайками сравнивает.

Отпрянув от Джоша, я с осуждением взглянула на него. В мыслях у него было совсем иное. Об этом свидетельствовал тихий злобный смех и нездоровый блеск в каре-зеленых глазах.

— Вы хотели отодвинуть завесу светского бесчинства, — напомнил Стэнли, берясь за ручки дверей. — Прошу!

Приоткрыв двери ровно настолько, чтобы можно было заглянуть в зал, он отступил. Но едва я шагнула ближе, чтобы посмотреть, как они распахнулись от порыва ветра. Меня отбросило назад, я упала в объятия Джоша, а Стэнли ворвался в помещение. В распахнутые окна вылетали маги, обратившись в белый дым, опрокидывая в спешке столы, напольные вазы с цветами и бюсты. Музыка не успела отзвучать, а музыкантов уже и след простыл, брошенные бокалы с шампанским и вином еще не разбились о пол, а зал уже опустел. Красивый мозаичный паркет был усыпан конфетти и блестками, а посреди помещения, уперев руки в боки, стояла злая и обиженная Марисса.

Сжав губы в тонкую линию, Стэнли повернулся на каблуках и посмотрел мне в глаза:

— На сегодня вечеринка окончена. Приходите в другой раз.

Но я его уже не слышала — ноги сами вели меня в зал. Джошу ничего не оставалось, кроме как отпустить меня. Я шла, а опрокинутые стулья поднимались, скатерти ровно стелились на столах, вазы с цветами поднимались и вставали на место, как и бюсты. Те, что разбились, собирались по крупинкам обратно. Я шла, а под ногами не хрустела мишура — ее не стало. На окнах висели другие шторы, а под потолком мерцала хрустальная люстра. Та же, что и сейчас, но новее и ярче.

Слева зазвучала музыка, и я резко отпрянула — откуда ни возьмись, появился оркестр. За столами сидели дамы в пышных платьях, с высокими прическами, глаза слепило от красоты украшений, оттягивающих их уши и шеи. Но я быстро потеряла к ним интерес: впереди мелькнула тень. Повернувшись, я увидела перед собой мужчину, протягивающего мне руку. Я удивилась, но приняла ее и ахнула — на мне было небесно-голубое атласное платье с роскошной юбкой в пол и кружевной отделкой на глубоком вырезе. Подняв голову,

вновь посмотрела на мужчину, но его лицо оказалось размытым.

Он кружил меня в танце, осторожно придерживая за талию. Лица, мебель, детали интерьера — все вокруг слилось в пестрое пятно без четких очертаний. Но один и тот же силуэт бросался в глаза и с каждым кругом прояснялся. Кавалер не интересовал меня, я ждала следующего витка танца, чтобы вновь увидеть другого мужчину. Он был одет в белую рубашку и черный костюм-двойку, держа руки за спиной, из дверей зала наблюдал за нашим танцем. Голубые глаза, излучающие тепло и грусть, следили за каждым моим движением. Тонкая борода, прямые темно-русые волосы, на губах играла едва уловимая улыбка — он был красив той красотой, от которой сердце замирает. Вроде бы ничего особенного, но что-то в его внешности заставляло дышать чаще. В груди теплело, когда мы встречались взглядами. В какой-то момент захотелось оборвать танец, остановиться и последовать за голубоглазым мужчиной, но он опечаленно опустил голову и, развернувшись, покинул зал быстрым шагом.

Видение вытолкнуло меня в реальность так же резко, как и поглотило. Глаза заволокло пеленой слез Линетт, провожающей взглядом того мужчину. И последнее, что я помнила — как падаю в объятия Джоша. Голова шла кругом, я снова оказалась в зале после вечеринки, а в груди дрожала чужая боль.

— Третий раз за ночь, — сказал Джош и придушенно засмеялся.

Я подняла голову, чтобы видеть его глаза.

— Я снова их видела, но на этот раз на балу.

— Твой кулон светится, — кивнул он. — И глаза.

Послышался звук быстрых шагов, а миг спустя к нам подошел Стэнли. Плавнo опустившись, припал одним коленом к полу и склонил голову. Заглядывая в мои глаза, он загадочно шурился. Марисса застыла посреди зала с растерянным видом, а когда захотела подойти ближе, Стэнли поднялся, так же плавно и быстро, и остановил ее небрежным жестом руки.

— Предлагаю отложить экскурсию по Университету на другой, более благоприятный день. Еще одно столь же яркое и детальное видение ослабит тебя и истощит морально.

Я хотела возразить, но Стэнли подавил мою волю тяжелым взглядом. Облизав пересохшие губы, я кивнула и позволила Джошу поддерживать мое усталое тело. Мы покинули помещение. Обернувшись, я посмотрела вновь в зал. Марисса с потрясенным видом изучала меня, но я ее не видела — перед глазами стояло лицо прекрасного мужчины....

Проводив нас до парадного холла, Стэнли остановился и испытующе посмотрел на меня.

— Я забыл выразить тебе благодарность, Эшли.

— Ты о чем?

— О твоём содействии в поимке домушников. И, между прочим, ты блестяще справились с расследованием смертей магов.

Он улыбнулся, и я чувствовала, что искренне. Когда Стэнли улыбался, то превращался в милого и добродушного юношу с открытым взглядом, в котором можно было утонуть. Мне нравилось видеть его в образе простого парня без замашек начальника и высокомерных усмешек. Жаль, что редко выпадала такая возможность.

Улыбнувшись в ответ, я смущенно пожала плечами.

— Всегда, пожалуйста!

Впервые за долгое время ночью мне ничего не снилось. Короткая, но приятная передышка. Надев длинный, вязаный кардиган цвета пасмурного неба поверх белой футболки и джинсов, я спустилась на кухню. Налила себе чашечку кофе со сливками и подошла к окну. Солнце золотило пеструю листву, слетающую с деревьев от нетерпеливых порывов ветра. Они словно бабочки то кружились, то парили в воздухе. С тихим шорохом ложась на землю, застилали ее красно-желтым лоскутным ковром. Унылые вороны грелись на ветвях, тесно прижимаясь друг к другу. Пригубив крепкого горячего напитка, я поставила чашку на стол и укуталась в кардиган. На душе царил холод. Тоска, сосущая под ложечкой, заставляла чувствовать себя опустошенной. Тревожное ощущение не оставляло в покое. Обняв себя за плечи, я на миг прикрыла глаза и с выдохом отпустила напряжение. Нет, не стало легче. Я снова шагнула к окну, в очередной раз окинула взглядом привычный пейзаж. Дома, дорога, деревья — все, как обычно, ничего нового. Лучи света скользили по покатым крышам, переливались бликами на окнах. Безмятежная тишина, безоблачное небо, теплая грусть осени. Отчего же сердце так взволновано колотится? Я прильнула к стеклу, коснулась ладонями его прохладной поверхности. Что-то все же изменилось — справа, около калитки, почудился силуэт. Он стоял в покачивающихся тенях деревьев. В последнее время мне часто что-то мерещилось, но не на этот раз.

Силуэт шагнул на свет, остановился перед калиткой. Мою болезнь как рукой сняло. Это был Бен. Он поднял ладонь над замком и осторожно провел ею, не касаясь, будто испытывал себя и заклинание на прочность. Защитная магия должна была оттолкнуть его, причинить жгучую боль, но Шерман стоял, не шелохнувшись. Лишь его рука дрожала. Я же ощущала волнение магии, как потрескивающее электричество в натяжении проводов. Она не собиралась его впускать, но Бен не пытался вторгнуться на территорию дома без приглашения. Его, казалось бы, неброский, повседневный вид вызвал трепет в груди. На нем была черная кожаная куртка, надетая поверх серой футболки, темно-синие джинсы и черные спортивные ботинки. Особенность бэлморт — выглядеть безупречно и желанно в любой одежде и ситуации.

Я выбежала на крыльцо, позабыв о чашке с кофе и ледяном ветре, кусающем за щеки. Торопилась по дорожке из речных камней, а глаза щипало. Я прятала улыбку, когда как по щеке сбежала первая слеза. Бен неспешно расхаживал перед калиткой, подозрительно озираясь по сторонам. Он то и дело смотрел на небо, темнеющее от приближения дождя. Свинцовые тучи незаметно затягивали лазурную гладь, повеяло сыростью и холодом. Остановившись у забора, я опустила руки на металлические пики, сдавила их пальцами. На его лице морщинками в уголках глаз пролегла усталость. Синева взгляда потускнела, но не утратила выразительности. Он смотрел мимо, стоя вполоборота, желваки на его скулах напряглись. Тишина начала давить, между нами воздух накалился. Бен медленно повернулся, его рука безвольно повисла вдоль тела, и мои слезы высохли. Черная борозда шрама грубо перечеркивала лоб и правую часть лица, будто к нему приложили раскаленную кочергу. Ссадины на левой щеке, разбитая губа, и ободранные костяшки рук — Бен дрался, и не нужно гадать, с кем именно. Том не оставит его в покое и постарается достать меня. Что, если он этого и добивался? Я быстро огляделась — никого. Бен чуть заметно поджал губы,

будто прочел мои мысли, и коротко мотнул головой. Брат его не преследовал. Мне должно было стать спокойнее, наверно. Но, посмотрев Бену в глаза, я забыла об угрозе, с замиранием сердца разглядывая тьму в его зрачках. В них клубилась сила. Мы не виделись неделю, безумно долгую и невыносимо тяжелую неделю, я успела истоскаться по его взгляду, по запаху кожи и голосу. И никак не ожидала увидеть Бена перед калиткой своего дома, не мечтала в самых смелых фантазиях....

Тепло разлилось в груди, раздалось дрожью на коже. Внизу живота стянуло мышцы. Интересно, знал ли Бен, как действует на меня? Я теряла перед ним волю, растворялась без остатка, забывала дышать. Хотелось коснуться его ран, провести пальцами по светлым коротким волосам. Я разжала пальцы, осторожно подняла руку и замерла, робея протянуть ее. Бен едва заметно сглотнул, но взгляда не отвел. Если бы я не остановилась, то он позволил бы дотронуться. Но, присмотревшись к ране, я опустила руку. Черный рубец недавно кровоточил, след совсем свежий. Только сейчас я заметила грязь на куртке, почуяла запах крови. Багровые бусинки в складках рукава, подсыхающие пятна на воротнике. На глаза вновь наворачивались слезы, и я закусила губу. Сердце защемило, боль смела все вопросы, миг назад крутившиеся в голове. Я внезапно осознала, насколько сильны мои чувства к нему. Они разрывали изнутри, наполняя жаром. Нас разделял забор и защитное заклятие. Если я не пожелаю, оно не впустит Бена. Отпрянув от калитки, я заставила ее открыться силой мысли, и протянула Бену руку, разрешая ему войти в единственное убежище от бэлморттов. Магия расступилась, обдав нас порывом горячего ветра. Я невольно зажмурилась, задержала дыхание. Бен казался растерянным и утомленным. Он посмотрел на протянутую ладонь, движение лишь глаз, и вновь на меня. Я натянуто улыбнулась, чтобы не спугнуть, но он понял. Осторожно вложил свою руку, и мы сцепили пальцы. Кожу приятно покалывало, на ней расцветали голубые узоры, а мы неторопливо шли по узкой дорожке из речных камней. Моя ладонь потерялась в его большой горячей руке, и это было безумно приятно, волнующе. Сердце требовало обнять Бена, обвить его шею и прижаться к крепкому телу, но я вела его к дому. И ни о чем не думала. В тот миг я была самой счастливой на свете.

Кружилась голова, перед глазами плыло, но я лишь крепче сжимала его ладонь. Я торопилась к двери, а Бен оглядывался, опасаясь, что нас кто-то увидит. Плевать! Теперь мне было абсолютно безразлично, что подумают соседи и сестры. Если он останется рядом, моя жизнь обретет краски и смысл. Да, без Бена я перестала чувствовать, словно бэлморт, мир потускнел и опустел.... Забыла, как мурашки от приятных прикосновений покрывают кожу, как сердце дрожит от волнительных взглядов и ощущения дыхания на коже. Бен пришел сам, а, значит, он хотел измениться и стать другим.

Мы вошли в дом, защитное заклятие вновь действовало. Здесь Бену ничего не угрожало. Не проронив ни слова, я повела его по лестнице в свою комнату, а он покорно шел следом, с опаской поглядывая на дверь в спальню Моники. К счастью, сестер не было дома — я уступила после долгих уговоров, поверив обещанию Стэнли. Когда мы поднялись, я заперла дверь на замок и прижалась к ней спиной, переводя дух. Бен расцепил пальцы и шагнул в центр комнаты, встав ко мне лицом, и выглядел он настороженным. С вялым интересом осмотревшись, не заостряя внимание на чем-то конкретном, он опустил голову, посмотрел на свои ладони. Вновь взглянув на меня, он нервно сглотнул. Я охнула и побежала к окну, чтобы задернуть шторы. Бен остался неподвижен.

— Мне нужно в душ, — осипшим голосом произнес он и закашлялся.

Ничего не сказав, я направилась в ванную комнату и включила воду. Пока ванна наполнялась, пронеслась по спальне до шкафа за полотенцем и обратно. Бен не пошевелился. Когда его неподвижность начала настораживать, я медленно обошла его. Что-то было не так. Встав перед ним, я нахмурилась. Бен смотрел сверху вниз, бесхитростно и как-то виновато, боролся с желанием отвести взгляд. Захотелось обнять его, запустить руки под куртку, но ему явно это не понравилось бы.

— Прости, что свалился, как снег на голову, — чуть слышно проговорил он. — Мне некуда больше пойти.

— Том? — шепотом спросила я.

Бен кивнул.

— Он вернулся посреди ночи, когда я пробрался в дом за вещами. Разъяренный и помятый. — Печально усмехнувшись, он посмотрел в сторону: — фальшивый кулон не сработал, и Том пришел в ярость. Отделал от души, я еле унес ноги.

— Это мы его вчера помяли, — призналась я, кончиками пальцев проводя по вороту его куртки. — Он подстерег меня и напал, но помогли друзья. Немного навалили ему и отбили желание подкрадываться со спины на ближайшие пару дней.

Бен посмотрел на меня, в глазах сурово поблескивало осуждение.

— У тебя есть друзья, способные навалить бэлморту? — в его голосе слышалось сомнение.

Я печально улыбнулась.

— Я начинаю сомневаться в неуязвимости и превосходстве вашей расы над магами.

Задумчиво опустив голову, он смотрел невидящим взглядом под ноги. Я убрала руку, обняла себя за плечи, чтобы не надоедать ему.

— Ванна наполнилась, — я направилась в уборную, чтобы выключать воду. А когда вернулась, Бен снимал куртку. Вытаскивая правую руку, до странного неуклюже, он прошипел сквозь стиснутые зубы. Покосившись на меня через плечо, не решился больше пошевелиться.

— Что с тобой? — мой голос не дрогнул, но в душе поднялась настоящая буря. Могла бы и раньше заметить, но радость затмила голову. Я подалась к Бену — он выставил вперед руку, сурово поджав губы.

— Не трогай.

— Бен....

— Нет!

В комнате заметно потеплело. Светильник в ванной разгорелся, вспыхнула подсветка, озарив помещение, у меня за спиной заискрился телевизор. Я стянула с себя кардиган, бросила его на кровать.

— Позволь осмотреть и обработать рану. У меня есть средство, — чуть требовательнее сказала я, обходя его вокруг. У Шермана на шее жилы натянулись до самых плеч, жар гнева бросился в лицо. Бен сглотнул и коротко мотнул головой. Я подошла ближе, всем своим видом показывая, что не отстану.

— Хотя бы разреши помочь снять куртку.

Бен криво усмехнулся и, отступая назад, вылез из кожанки. По его лицу пробежала гримаса боли. Он зажмурился, стягивая рукава чуть резче, злясь и намеренно причиняя себе еще большие страдания.

— Не надо мне ничего доказывать, — холодно проговорила я. — Нужно уметь иногда

уступать и принимать помощь — никто не посчитает тебя....

— Хватит! — рявкнул Бен и резко содрал с себя куртку, боль заставила его согнуться. Но лишь на мгновение — он выпрямился и с яростью швырнул ее на пол.

Я не обратила внимания: с ужасом в глазах смотрела на его плечо. Бен остался в футболке цвета мокрого асфальта, темная ткань не могла скрыть алое пятно, растекавшееся по всему правому плечу. Оно захватывало часть груди и спины, густые, уже подсыхающие полосы капель стекали по руке. Рана была настолько глубокой, что еще сочилась. Прикрыв рот ладонью, я подняла глаза. Раздраженно скривившись, он отвернулся — резко, как от пощечины. Облизав нервно губы, Бен тихо заговорил, отходя от меня:

— Я и так нагло воспользовался твоей добротой. Не нужно со мной нянчиться и уж тем более жалеть.

— Я тебя не жалела, — горячо возразила я.

Бен покосился на меня, и я ответила ему взглядом исподлобья.

— Хотела облегчить боль, отчасти вернуть гибкость задеревеневшим мышцам. — Шагнув к двери, я бросила на ходу: — грязную одежду брось в корзину для белья. Сейчас принесу что-нибудь из вещей Джоша....

С недавних пор в моем шкафу незаметно росла стопа сменной одежды Джоша. Размер у них с Беном приблизительно одинаковый, так что добытые серые джинсы, черная футболка и бежевая рубашка в мелкую клетку с короткими рукавами должны были подойти. Тем более, что других вариантов у Бена не было. Прижимая вещи к животу, я шагнула к ванной. Шум воды тут же стих, и мое сердце сладостно затрепетало. Я застыла у двери, не смея дышать. Бен открыл мне с непроницаемым видом. Взгляд сам собой упал на его грудь — на гладкой коже блестели капли воды. Треугольник темных волос, тонкой дорожкой спускающийся вниз, под полотенце, не оставляя простора для фантазий. Соблазнительные бугры мышц на руках, и, похожий на трещину в черной высохшей земле, шрам с обгорелыми кровоточащими краями. Он начинался у основания шеи, разделял пополам плечо и спускался на предплечье, где резко обрывался. Была и вторая рана, на другом плече — след от ладони, похожий на тот, что когда-то Том оставил у меня на шее, но много хуже. Темнеющие края кожи очерчивали кровоточащий отпечаток. Я подняла стыдливо глаза, посмотрела в синеву его взора. Он казался равнодушным, внутри меня же бушевала ярость. Я до боли сдавила в руках стопку вещей. Глядя, как по его лицу стекает струйками вода, рассматривая шрам, душила порыв силы, хлынувший из кулона. Придерживая полотенце на бедрах, Бен подался слегка вперед и протянул руку. Взялся за принесенную одежду, и мне пришлось разжать пальцы. Одарив меня пустым взглядом, он вновь закрыл дверь. Я мгновение простояла перед ней, приходя в себя. В груди пылало от гнева, но перед глазами все еще было его потрясающее тело и уродливый шрам, который, вероятно, уже не затянется. Зелье исцеления могло не подействовать.... Возможно, стоило расспросить Майло, чем лучше лечить бэлмортот.

Я побрела к дивану, теребя пальцами пуговицу на джинсах. Просто чтобы руки занять. За спиной открылась дверь, Бен вышел из ванной. Он смог самостоятельно надеть джинсы, уже хорошо. Или ему был приятен мой плотоядный, голодный женский интерес? Все же ставлю на то, что боль в плече не позволила ему натянуть футболку.

Бен прошел мимо, бросив вскользь предостерегающий взгляд. Я прикрыла глаза, медленно выдохнула и улыбнулась своим мыслям. Он не хотел выглядеть беспомощным, но я не считала его таковым. Встав ко мне спиной, он демонстративно расправил футболку.

Обернувшись, я застыла, разглядывая глубокую черную рану. Он только вышел из ванной, а она уже кровоточила. Я осторожно коснулась кончиками пальцев кожи вокруг нее. Цыкнув, Бен дернул плечом, сбрасывая мою руку. Я разозлилась, но промолчала — решила повторить попытку. Часть меня требовала касаться его тела, скользить ладонями по коже, но разум твердил о помощи. Я должна была использовать зелье и облегчить болевые ощущения. Прежде всего дело, Эшли. Подбери слюни и обработай раны.

Задумавшись, я вновь прикоснулась к шраму, и на этот раз Бену было действительно больно. Резко поведя плечом, он рыкнул сквозь стиснутые зубы. Посмотрев на меня, обжег сердитым взглядом.

— Не трогай, Эшли.

— Тебе нужно обработать и залечить порезы, — твердо возразила я и нахмурилась. — Прекрати меня отталкивать!

— Я не хочу, чтобы ты возилась со мной. Не хочу, чтобы прикасалась, — процедил он и шагнул к окну, продевая руки в рукава футболки.

— Почему?

Бен медленно развернулся, я мелькнула следом за ним, и мы оказались лицом к лицу. Он изогнул бровь, на его лице отразилась смесь удивления и насмешки. Он не ожидал увидеть меня так близко.

— Ты пришел ко мне домой. Сам! Ты нуждаешься в помощи, и жалость тут не причем. Так почему отталкиваешь меня?! По привычке?

Бен поджал губы. Глядя на меня, скомкал футболку. Посмотрев на его руки, я отобрала ее и швырнула на кровать. Он закатил раздраженно глаза.

— Дай мне зелье, — остыв, спокойно произнес он. — Я сам все сделаю.

Я изогнула бровь и упрямо скрестила руки на груди. Бен вопросительно склонил голову, соображая, чего от него ждут.

— Пожалуйста? — неуверенно спросил он и выдал ехидную улыбку.

Приняв такое поведение за издевательство, я резко развернулась и направилась к комоду. В верхнем ящике лежало несколько пузырьков, один я бросила Бену. Он рефлекторно поднял руку, чтобы поймать, и резко выдохнул — боль в плече сковала движения. Согнувшись и замерев, парализованный резким спазмом, он зажмурился и невесело рассмеялся. Пузырек повис в воздухе, не упав и не разбившись. Я удержала его силой магии, и когда Бен поднял голову и взглянул, зелье плыло по воздуху обратно ко мне в ладонь. Решительно шагнув к Бену, откупоривая на ходу пузырек, я быстро вылила его содержимое в рану на спине. Шерман закрипел зубами и одарил меня испепеляющим взглядом. А я, довольная собой, улыбнулась в ответ. Планируя повторить фокус с раной на правом плече, я шагнула в сторону, рассматривая обожженные края кожи. Внезапно он охватил мою талию одной рукой, развернул к себе спиной. Я пискнуть не успела, пока другой рукой он отбирал у меня зелье. После чего отпустил, так же неожиданно и плавно, но я пошатнулась, не до конца понимая, что произошло.

Глава 4 (продолжение)

Справившись с дыханием и взбудораженным сердечком, я обернулась. Бен стоял перед зеркалом в ванной комнате. Попытки вылить зелье негнущейся от боли рукой в рану на плече не увенчались успехом. Он беззвучно ругался, прикрыв глаза, и снова пробовал дотянуться. Упрямый, самонадеянный, но забавный. Я быстрым шагом пересекла комнату и появилась сзади — Бен увидел мое отражение в зеркале. На его лице отразилось смущение, совсем чуть-чуть. Одним почти не осязаемым движением я вновь завладела пузырьком — Бен только раздраженно причмокнул и прорычал что-то нечленораздельное. Вылила на шрам все без остатка, чтоб уж наверняка и пустой пузырек выбросила в мусорное ведро под раковиной. Кожа вокруг рубцов подсыхала и затягивалась буквально на глазах. Пройдя к кровати, я взяла футболку, чтобы отдать Бену, но только повернулась, как он выхватил ее у меня из рук. Я снова не услышала и не почувствовала, как он передвигался.

— Я должен сказать «спасибо»?

— Так предполагалось, но можешь не утруждаться. Вежливость — не твой конёк, я уже заметила.

Усмехнувшись, он надел футболку и прошел к эркеру с диваном — на левом плече остался необработанным след от ладони Тома. Я спохватилась, бросилась к комоду, но меня остановил легкий ветерок, раздувший порывом шторы. Форточка открыта! Мелькнув к окну, я закрыла ее и осмотрела комнату. Бен хмуро наблюдал за мной, но это быстро ему надоело, и он опустил на диван. Склонив голову, обхватил ее руками и устало вздохнул. Когда я закончила мельтешить перед ним, он медленно откинулся на спинку и, прикрыв веки, сцепил руки на животе.

Взяв с кровати подушку и плед, я подошла к нему. Почувствовав меня, Бен распахнул глаза.

— Полагаю, тебе было бы намного приятнее, если бы я швырнула в тебя подушкой и набросила сверху одеяло? — саркастически поинтересовалась я.

Он улыбнулся, заметно смягчившись. Поднявшись, взял из моих рук подушку. Краска залила лицо, мысли бросились врассыпную, а внизу живота разлился настоящий огонь, свел нижнюю часть тела судорогой. Всего лишь улыбка.... Мы встретились взглядами, на мгновение, и меня потянуло к нему. Все мое существо рвалось обернуться в тепло его тела. В глазах Бена мелькнула тень. Невзначай коснувшись моей руки, он сжал ее в ладони, это было почти больно. Кожа засияла голубым, свет искупления отразился в зрачках Бена. Он почувствовал то же самое, но стоило ему разжать пальцы и отодвинуться, как чары развеялись. Протянув ему плед, я поспешила выйти из комнаты. Не только, чтобы собраться с мыслями, но и захватить с кухни что-нибудь перекусить. Полагаю, сегодня Бену было не до еды, и он успел проголодаться, но спросить гордость не позволит. Или что там у бэлморттов?

Скользнув в коридор, я выглянула на лестницу. Сестры еще не вернулись. Сбежав вниз, открыла холодильник и по пояс залезла в него в поисках чего-нибудь съедобного, но сзади послышался шорох. Замерев, я миг прислушивалась к тишине, а потом медленно обернулась. На подоконнике сидел Персик и с чувством намывал мордочку лапой. Затаив дыхание, я стащила с полки блюдо с блинчиками и осторожно закрыла холодильник. На столе закипал чайник. Пока я готовила чашку и засыпала в нее кофе и сахар, кот скользнул на пол, в

прыжке принимая человеческий облик. Облокотившись локтями о стол, Джош склонился, с коронной ухмылкой заглядывая мне в лицо. Я заметила край серой ветровки и белую футболку под ней, но не повернулась. Джош задумчиво хмыкнул, и улыбка, игравшая на его губах, растаяла.

— Что ты делаешь, Эшли? — его голос прозвучал бесхитростно, почти буднично.

Я неопределенно пожала плечами и, наконец, решила посмотреть ему в глаза. Мило улыбаясь, похлопала ресницами. Лицо Джоша вытянулось, застыло.

— Проголодалась.

— Ты терпеть не можешь блинчики со сгущенкой, — протянул он.

— Тут есть с джемом! — оптимистично заявила я, наливая кипяток в чашку.

— Да что ты, — он хмыкнул и выпрямился. Обходя вокруг, Джош с холодным любопытством изучал меня, а я размышляла, как ускользнуть от него в спальню и не выдать своих мыслей. — А я думал, что все съел.... Что ты скрываешь от меня, Эш?

Я резко обернулась, подумав соорудить невинное личико, но вспомнила, что он не поверит. Тогда я нахмурилась и поджала недовольно губы.

— Ты в чем-то подозреваешь меня, Джош?! Сам-то где шатался столько времени?

Он опешил, как я и рассчитывала. Подняв блюдо с блинчиками со стола, и вооружившись чашкой с горячим кофе, я повернулась, чтобы удалиться. Джош пошатнулся, освобождая проход, и я с гордо поднятой головой двинулась к лестнице. Пока он чесал растерянно затылок, поднялась в спальню и подошла к двери, но неожиданно Джош что-то почувствовал. Он взбежал следом, перешагивая сразу через две ступени.

Остановившись перед дверью, я медленно повернула голову и взглянула на него.

— Мне нужно тебя кое о чем попросить, Джош, — я старалась говорить со всей серьезностью. Джош обошел меня и, скрестив руки на груди, припал плечом к стене.

— О чем? — бесцветно спросил он. Я ощущала его подозрение, видела в глазах и чувствовала в воздухе проявлением силы. Кожу щекотала магия, она исходила от него колючими импульсами.

— Мишель скоро с работы пойдет. Не мог бы ты незаметно проследить за ней и проводить до дома? — я говорила с печалью в голосе, ведь судьба сестры меня действительно волновала. Том в любой момент мог вернуться и довершить начатое, а она одна в магазине. Что толку от горстки фамильяров на дереве?!

Джош переменился в лице. Наморщив лоб, он сурово посмотрел на меня исподлобья. Его терзали сомнения, но и безопасность Мишель не давала покоя. Для убедительности я соорудила вымученную гримасу.

— Не рано ли ты разрешила сестрам выходить из дома?

— Я не могла их больше удерживать.

— Им плевать, что над домом вьется бэлморт, который только и ждет возможности напасть?! — в сердцах прошипел он и отлип от стены. Раздражено прошелся мимо, останавливаясь и заглядывая мне в глаза. Я следила за ним с усталым видом, как за стрелкой маятника, и успела немного утомиться, когда Джош сорвался вниз по лестнице.

— Будь на связи! — крикнул он с первого этажа, а секундой позже хлопнула входная дверь.

Облегченно вздохнув, я вошла в свою комнату.... И замерла в дверях — Бен уже спал на диване, укрывшись пледом.

Воспользовавшись отсутствием Джоша и сестер, я решила улизнуть из дома. Оставила Бена отдыхать и прокралась на цыпочках к шкафу. Джинсы, черная футболка, кожаный жакет на молнии и удобные ботиночки без каблуков на шнуровке — я забыла, когда последний раз обувала туфли. Провела пару раз расческой по волосам и удовлетворилась своим отражением в зеркале. Проверила окна, закрыла дверь в спальню на ключ и спрятала его в кармане жакета. Надеюсь, Бену не понадобится срочно покинуть дом.... А даже если и понадобится — ему придется подождать моего возвращения. Защитные чары не выпустят его.

Выбежав на улицу, я мгновение раздумывала, воспользоваться автомобилем или промчаться над городом дымкой?! Но разумнее добраться до места на машине — меньше шансов нарваться на Тома. Последовав своей безумной идее, я выехала на дорогу и покатила к набережной. Солнце только клонилось к земле, и появления Лорелеи на суше не следовало ждать, еще, по меньшей мере, час. Я решила скоротать время в баре у пристани. Оказавшись в знакомых стенах, облегченно вздохнула и улыбнулась, оглядывая шумных посетителей и привычный интерьер заведения. Спрятав руки в карманы джинсов, пошла в самый дальний и темный уголок, где за столом пускал кольца дыма мужчина в черной толстовке с капюшоном, наброшенным на голову. Странник — сердце ёкнуло и пустилось волнительно подпрыгивать до горла. Как же я соскучилась по нему!

Миновав ряды столиков, я подошла и опустилась на стул. Сложив перед собой руки, улыбнулась тьме под капюшоном. С шумом выдохнув идеально ровно кольцо, Странник покрутил сигарету пальцами. Мне всегда было интересно, почему он носил черные перчатки, но ответ приходил на ум сам собой: по той же причине, что и капюшон. Логично, не правда ли?!

Побарабанив пальцами по столу, он усмехнулся:

— Давно тебя не видел, Эшли. Что-то произошло в твоей насыщенной, яркой жизни?

— Ничего особенного, — пожав плечами, буднично ответила я. — Раскрыла четыре убийства, спасла одну ведьму от неминуемой гибели и убила бэлморта. Даже не знаю, чем тебя заинтересовать....

Странник от неожиданности проглотил одно из своих колец, так и не успев его выдохнуть.

— Кого ты убила?!

— Бэлморта, — скучаясь отозвалась я.

— И каким невероятным образом?! Ты нашла мифический меч, выкованный три тысячи с хреном лет назад в какой-нибудь захудалой пещере специально для того, чтобы карать бэлмортов, или призвала призрачного демона, продав свою душу?

Я скривилась, отодвинувшись от стола.

— Откуда столько цинизма, Странник? Не знаю ничего про меч и призрачного демона, но буду иметь в виду.

Странник придвинулся ближе и подался вперед. Затушив сигарету, долго глядел на меня из темноты под капюшоном, сложив руки на столе. Меня заинтриговало то, что он не достал из кармана новую сигарету.

— Хочешь сказать, ты голыми руками его убила?

— Да. И знаешь, кто оказался убийцей Саммер Джоунс и иже с ней? Мой сосед Мэрион Макалистер.

— Смазливый выскочка из богатенькой семейки лесных магов, — подытожил он и коротко кивнул, скорее своим мыслям, чем мне.

— Из приемной семьи, — поправила я Странника. — Он и был тем самым ребенком бэлморта из детского дома.

— Превратности судьбы, — он хмыкнул. — И, конечно же, он убил своих родителей?

— Да... — удивленно протянула я и склонила голову набок. Его проницательность всегда поражала, но в последнее время она приводила меня почти в недоумение. Кто он, черт возьми?! Сдавив руками край стола до белизны костяшек, я боролась с желанием спросить его в лоб. Оттолкнет, обдаст холодом безразличия, и я утрачу его доверие. Странник общался со мной лишь по причине моей терпеливости. Один неосторожный шаг, и он закроется.

— Это предсказуемо. Теперь. Выходит, он завладел их имуществом и кулонами. Мне всегда было любопытно: бэлморты расправляются с жертвами, забирают кулоны и отдают их заказчикам. Никому в голову не приходило присвоить себе магическое сокровище?! С другой стороны, темным и без кулонов прекрасно живется. Впрочем, я отвлекся, — Странник скользнул пальцами по столу, будто провел черту в теме разговора. — Так как же тебе удалось убить его?

— Я ранила его еще в доме Саммер. Ударила осколком зеркала, которым порезалась сама. Его раны нарывали — омерзительное зрелище. Мэрион сказал, что моя кровь оказалась для него ядом, — я обвела вороватым взглядом помещение. Никому не было до нас дела, прекрасно.

— Что-то невероятное, — хмыкнул Странник. — А поподробнее?

Времени у меня было не очень много, но я все-таки выложила ему всю историю, от начала до конца, с небольшими поправками. Умолчала о Джоше и Стэнли, о Центральной Библиотеке и помощи Бена в лесу. Везде фигурировала только я и иногда Лорелея. Дослушав, Странник, откинувшись на спинку стула и достал из кармана толстовки сигарету. Разминая ее пальцами, тихо заговорил, и я ощутила улыбку, которую не могла видеть:

— У меня всего два вопроса, Эшли.

Я изобразила на лице внимание.

— Почему передо мной сидишь ты, а не уродливый тролль с бородавками на лице? И куда из рассказа подевался эпизод с феерическим появлением бэлморта, спасшего тебя от беспощадного Мэриона?

Я опешила. Лорелея! Ну, конечно же! Она поведала в мельчайших подробностях Страннику о нашем опасном приключении. Во мне закипал гнев — глубоко внутри, и жар бросился в лицо. Как она могла? Романтические чувства к человеку, скрывающему свое лицо от общественности, оказались сильнее? Неприятное чувство — злость. Оно душило меня, затмевало разум. Я отчаянно сопротивлялась и топила его в мыслях о теплых дружеских отношениях, о Лорелее, которую любила и все равно простила бы. И вскоре на душе посветлело, а с губ слетел вздох облегчения. Нет, я не забуду о том, что русалка разболтала Страннику о Бене! Обязательно поговорю и объясню, что прежде нужно было спросить у меня, и вообще — подруги так не поступают! Это будет позже, а как же быть сейчас? Что наплести Страннику, чтобы он не цеплялся к моему близкому знакомству с бэлмортом?

Удивленно рассмеявшись, я откинулась на спинку стула. Скрестив руки на груди, исподлобья посмотрела на него.

— На первый вопрос у меня нет ответа, Странник. Я тоже хотела бы знать, что за чудо произошло со мной, или какое божество благодарить за покровительство?! А про бэлморта, спустившегося с небес ради моего спасения, скажу просто: это не относится к делу!

Странник запрокинул голову и раскатисто рассмеялся. Приятный такой, добрый смех. Я передернула плечами от мягкого ощущения. Будто мех скользнул по коже — его бархатный, подкупающий голос всегда мне нравился и вызывал мурашки. Наверно, из-за голоса я и терпела все его выходки.

Оборвав резко смех, он наклонился ко мне. Я ощутила легкое головокружение, когда обдало запахом табака, сквозь него прорывался аромат лосьона после бритья. Прежде я не замечала, или Странник не пододвигался так близко?!

— В круг твоих друзей вхож бэлморт — пускай это не относится к делу об убийстве. Он выручает тебя, но как он узнает, что ты влипла в передрягу?

— Я зову его, — сглотнув, пробормотала я и прикусила язык. Расплела руки и положила их перед собой на стол. С интересом рассматривая пальцы, выдохнула: — мысленно.

— Что значит «мысленно»? Он слышит твои мысли?!

— Да.

— А ты знаешь, о чем он сейчас думает?

— Нет, к сожалению.

— То есть, ваша связь имеет односторонний характер?

— Ага. Однако не исключаю, что Бен превосходно умеет закрываться щитами.

— Гм....

— Но я могу чувствовать то же, что и он. Занятно наблюдать за тем, как меняется его суть.

— Ты сама понимаешь, что это значит?

Я театрально округлила глаза, изобразив на лице страх, потому что должна была бы его испытывать, но не испытывала. И подняла голову, чтобы посмотреть на Странника.

— Я — бэлморт?! — мой голос прозвучал издевательски. Губы против воли изогнулись в ухмылке.

— Очень смешно, — хмыкнул он.

— Я его искупление, Странник. Теперь ты от меня отвяжешься?

Повисла тишина. От напряжения потрескивал воздух. Я слышала только свое дыхание, вслушивалась в пульс, колотящийся в висках, но глаз от Странника не отводила. Он словно исчез, слился с полумраком — застыл, глядя в мое лицо. Я снова чувствовала его взор, и он показался непомерно тяжелым. Настолько, что пришлось отвернуться. В груди зажгло, и случайно вспомнилось, как давно мы знакомы со Странником. Seriously, сколько лет уже прошло? И я до сих пор не удостоилась чести созерцать его лицо. Каждый раз садилась за столик, с восторгом и дрожью в коленках от предвкушения разговора с таинственным мужчиной, призраком, тенью.... Его образ пленил, воображение рисовало несуществующий идеал, и я бежала к нему со своими проблемами и вопросами. А он всегда давал подсказки, хоть и приправлял их сарказмом и иронией. Чаще насмешкой, она уже стала отличительной чертой Странника. Он вызывал во мне тепло. Но откуда бы ему взяться?! Чем этот тип заслужил мое доверие? Что меня привлекало в нем? Таинственность. И всегда, сидя напротив, я кусала губы, желая сдернуть проклятый капюшон. Но прежде не задумывалась о

том, какие у него руки.... Странно, что я сейчас вспомнила об этом.

В душе поднималась буря, и это было не любопытство. Тело обдало жаром изнутри. Сила исходила от меня рябью. По спине скользнул липкий страх, словно я собиралась прыгнуть в пропасть без страховки. Быстрый толчок в груди, магия смела стены, сдерживающие ее, и я проглотила прерывистый вздох. Помутнело в глазах, тусклый свет задрожал, как будто сквозняк дыхнул на пламя свечи. Внезапно помещение озарилось яркими, желтыми пятнами. Стены бара вздрогнули и поползли к центру зала. С потолка посыпалась побелка и хлопья краски, обои на углах с треском рвались, картины раскачивались и падали, разбиваясь о пол и столики. Лампы мигали, словно огни дискотеки, синхронно и в такт моему пульсу.

Вихрь силы взметнулся в воздухе, резким порывом отбросил мне волосы назад. Я смотрела на Странника и видела его образ в ореоле золотого света. Слышались веселые громкие голоса посетителей, беззаботный смех, заглушаемый скрежетом сдвигаемой мебели. Никто, кроме меня не видел, как рушилось здание, как стены давили на своем пути столы, стулья, двери.... Стекла в окнах покрылись тонкой паутиной трещин, угрожая лопнуть и обрушиться дождем мелких осколков. А я смотрела на Странника, и непреодолимо хотелось коснуться его рук, ощутить твердость тела.... Реален ли он на самом деле? Соблазн был велик, его ладони лежали передо мной, но я удержалась, отвернувшись. Прикрыла глаза, лишь на мгновение, а когда вновь открыла, стены и мебель стояли на своих местах, картины висели целые и невредимые. Облегченно вздохнув, я огляделась и уставилась на узор на обоях, только бы не смотреть на мужчину в капюшоне. Но мне это быстро наскучило. Я вновь посмотрела на Странника с мольбой в глазах, а он не проронил ни слова. Голова кружилась все сильнее, сердце перешло на бег, и внезапно стало нечем дышать. Взгляд то и дело возвращался к его черным перчаткам. Прикрыв веки, я отпустила напряжение, загнала магию в темный угол сознания, но желание трогать Странника не пропало.

Распахнув глаза, я мельком глянула во тьму под капюшоном и скользнула к его рукам, сложенным на столе. Сцепив пальцы, он наблюдал за моим более, чем странным поведением. Изучал, пронизывал холодным взглядом. Расстояние между нами таяло, осталось дотянуться и коснуться. Оторвав от стола ладонь, я поднесла ее к руке Странника, замерла над ней и почти опустила, когда он вдруг спросил:

— Что ты делаешь, Эшли?

Я вздрогнула и одернула руку.

— Не знаю. Минутное помутнение рассудка.

Он медленно склонил голову набок и задумчиво хмыкнул.

— И часто с тобой это происходит?

— В третий раз, если не ошибаюсь, — задумчиво пробормотала я, оправляя прядь волос за ухо.

— В третий? А кого тебе еще хотелось потрогать так же страстно, как и меня? — в его интонации послышалась насмешка. Я залилась краской.

— А, ты про это.... Такое со мной впервые.

— И давно ли тебя тянет коснуться меня?

— Всегда было интересно, реальный ты или всего-навсего плод моей шальной фантазии.

Странник тихо рассмеялся — по коже скользнуло мягкое тепло, похожее на тихий

летний ветерок.

— Считаешь, если я окажусь тенью твоего воображения, тебе будет легче?

— Нет. Я только хочу убедиться, что ты настоящий, Странник. Почувствовать твою силу и прислушаться к своим ощущениям. Мне стало бы легче, если бы я знала, кто ты на самом деле.

— И что дальше? — достав сигарету, Странник размял ее пальцами и прикурил. Запрокинув голову, выпустил струю дыма в потолок. Он нарочно растягивал паузу, чтобы пощекотать мне нервы и вывести из себя, как он любил делать. — Ты прикоснешься ко мне, узнаешь, какая сущность живет внутри, и каков мой магический потенциал. Но дальше-то что? Я знаю тебя, Эшли. Пока мое лицо скрыто под капюшоном, пока тебя интригует тьма под ним, ты приходишь сюда и делишься мыслями.

— Боишься, что я перестану навещать тебя, Странник? — догадалась я и улыбнулась.

— Вовсе нет. Тебе это нужно гораздо больше, чем мне.

— Серьезно? Думаешь, мне больше поговорить не с кем?

— Ты злишься, — отметил он и рассмеялся. — Это хорошо.

— Что хорошего? — прорычала я, подавшись вперед. Опираясь руками на стол, я медленно поднималась со стула. Еще немного, и потеряла бы над гневом контроль. Страннику бы не понравилось.

— То, что я вызываю у тебя определенные чувства, — многозначительно и как-то задумчиво сказал он и затянулся. И закончил фразу только когда выпустил в воздух пять ровных идеальных колец: — было бы печально, если бы в тебе ничто не отзывалось на мои слова.

— Ты наталкиваешь меня на странные мысли, Странник, — протянула я, застыв в неудобном и провокационном положении.

— Значит, я делаю все правильно, — бесстрастно отозвался он и вновь затянулся сигаретой.

— Я должна о чем-то догадаться? На что ты пытаешься навести меня?

Странник вздохнул, и в этом звуке было гораздо больше, чем просто вздох. Он не произнес вслух, но дал мне понять, что я сморозила какую-то нелепицу или чрезмерно наивна в своих рассуждениях.

— Похоже, я перестарался, и ты слишком сильно думаешь, Эшли.

— Очень смешно, — буркнула я и вызвала хохот у Странника. Опустившись на стул, я закрылась, скрестив руки на груди. — Знаешь, о чем я подумала? Ты без меня не был бы тем Странником, каковым являешься.

Он казался возмущенным до глубины души, а я ощущала себя просто превосходно! Мы наконец-то поменялись местами! Но я не успела возликовать и порадоваться своей маленькой победе — снисходительный смех Странника заставил меня приунуть. Он хитрее и умнее. Всегда был таким.

— О чем я и говорил, — тихо проговорил он и потушил сигарету в пепельнице. — Хотя.... — Он задумчиво хмыкнул: — возможно, ты права. Без твоего общества я был бы молчаливым отшельником, нашедшим духовный приют в баре у пристани. И вероятно, ты — мой самый близкий друг, Эшли. Больше никто не делится со мной тайнами и не развлекает байками о невероятных эпизодах из жизни магов.

В его голосе отчетливо слышалась насмешка и нотка цинизма, но в целом он был искренен. Я училась читать Бена, и кое в чем преуспела. Правду он прятал под иронией и

холодностью, как сейчас и Странник, хотя последний делал это намеренно, чтобы задеть нежные чувства легковверной собеседницы. Проверил на прочность утонченность моей натуры и излечивал от наивности, хотя чаще всего делал это ради собственного удовольствия и чтобы процесс общения с ним не казался мне непринужденной дружеской болтовней.

— Ну, все, — сквозь зубы сказала я. — Пожалуй, мне пора!

Я решительно поднялась из-за стола. Слышать веселье в голосе Странника стало невыносимым испытанием для моего самолюбия.

— А что ты имела в виду, говоря про третий раз? — уже совершенно серьезно спросил Странник.

Я обернулась и загадочно улыбнулась.

— Если бы ты был магопсихотерапевтом, Странник, то я бы выложила тебе все свои страхи, как на духу, познакомила бы с собственными демонами. Но ты им не являешься, а, значит, не можешь мне помочь.

— Откуда тебе знать, ведь ты же не рассказывала?!

— Логично, — хмыкнув, отметила я и провела пальцем по столу рядом с его рукой, очертила ее контуры. Он не дернулся от меня, как от проказы, и даже не дрогнул. Мне бы его самообладание. — Обязательно воспользуюсь твоим предложением, но как-нибудь в другой раз. А теперь мне действительно пора. До встречи, Странник.

— До встречи, Эшли. В следующий визит, надеюсь, расскажешь о галлюцинациях и шокирующих видениях?!

Слова, небрежно брошенные в спину, застали меня врасплох, словно выстрел. Я замерла, поперхнувшись дыханием. Сердце споткнулось, и в груди похолодело. Страх скользнул вниз по позвоночнику, оставив влажную дорожку. Футболка прилипла к спине, но я медленно повернула голову. Посмотрела на Странника через плечо, а он остался неподвижен в своей раскованной позе с сигаретой в руке. Закинув ногу на ногу, он разминал пальцами остаток сигареты и смотрел на меня тьмой из-под капюшона. Что, черт возьми, сейчас произошло? Откуда ему известно о моих видениях?!

— Если хорошо попросишь, — ледяным шепотом произнесла я, но он услышал и едва заметно кивнул.

Уходя из бара, я чувствовала кожей его провожающий взор. Он не рассмеялся, не издал более ни звука, но уверена, что остался доволен произведенным эффектом. А я нет. Меня трясло, когда я толкала дверь, намереваясь убраться подальше отсюда.

Даже на улице я чувствовала пристальный взор Странника. Если он хотел заставить меня волноваться, то у него это получилось. Теперь я сломаю голову, попытаюсь понять, откуда он черпал информацию. И забуду про более важные дела. Он никогда не отличался скромностью, но умением интригуяще преподать что-то известное ему одному, обладал в совершенстве.

Солнце таяло на горизонте, утопая в морских водах, словно сочно-оранжевая льдинка. Я стояла на пристани, ожидая волшебного появления Лорелеи. Мысли о том, что Том мог внезапно появиться в любой момент, не оставляли мое беспокойное сердце. Я видела его силуэт в качающихся тенях деревьев и колеблющейся воде, поблескивающей в закатных лучах. Страх повстречаться с ним прочно осел в утомленном сознании. По закону жанра бэлморт нарисуетя в тот миг, когда я буду совершенно не готова с ним встретиться. Кажется, у меня уже паранойя.

Солнце погрузилось в море, и небо озарилось мягким розовым светом. В тот же миг вода заволновалась, сверкающая гладь пошла рябью. О берег ударила мощная волна, за ней следующая, меня обдало дождем холодных брызг. Она поглотила пристань и медленно уползла обратно в море, будто огромный язык чудища из таинственных темных глубин. Вода вспенилась, забурилась. Одна волна поднялась и повисла над уровнем пристани, где уже сидела Лорелея. Хвост, пылающий золотом чешуи, ласкали мягкие каскады воды, русалка болтала им, играясь с волнами. Увидев меня, она заулыбалась — прекрасная и сияющая, как жемчужина, в ореоле розовых искр. Море вновь забурилось, по пояс окутало Лорелею, а когда отползло — она вышла на пристань босыми ногами.

Сотню раз наблюдала за появлением русалки из пучины вод и перевоплощением в человека, но никогда не перестану восхищаться и испытывать трепетное волнение. Лорелея шла на цыпочках, плавно и грациозно, будто по подиуму. Море прощалось с ней, лаская стопы пенной водой. На ней было легкое голубое платье без бретелей, его ткань переливалась и отбрасывала блики в лунных сумерках. Короткое, чуть выше колен, прямой воздушный покррой, русалка в нем порхала. Подбежав, Лорелея повисла у меня на шее, и я обняла ее за талию, хотя все еще злилась.

— Ты так редко меня встречаешь, Эшли! И я начинаю задумываться, невольно, — русалка отпрянула, заглядывая мне в лицо. Ее улыбка потускнела, а в глазах заискрилась тревога — у меня плохо получалось притворяться и изображать радость. — Что-то случилось?

— Зачем ты рассказала Страннику про Бена?

— А нельзя было? Ты же все равно ему при встрече поведаешь...

— Есть вещи, про которые я умалчиваю, Лорелея. Мы, — я запнулась и вздохнула, — вернее, я! Я не знаю, кто он на самом деле. Поэтому предпочитаю фильтровать информацию.

Взгляд русалки забегал по моему лицу. Надув обиженно губки, прекрасная блондинка решала, как ей поступить — оскорбиться или улыбнуться и обнять рассерженную подругу.

— Он не причинит тебе зла, — тихо произнесла, наконец, она. Ее тонкие изящные руки скользнули по моим плечам. — Теперь Странник знает о твоём знакомстве с бэлмортом, о

том, что он ни какой не монстр, а приятный и отзывчивый парень. Что с того, Эшли?

— Не все так просто, Лорелея. Бена ищет брат, который настроен не столь дружелюбно. Ему заказана Мишель, но он с превеликой охотой доделает работу и за Бена. Убьет меня, Мишель, а потом и младшего брата! И в свете последних событий, не побрезгует испепелить сердце каждого, кто хоть что-то знает о нашем местонахождении.

— Странник не выдаст....

— Ты слышишь меня, Лорелея? — я шагнула ближе, глядя русалке в глаза. Смотрела на нее с усталостью и досадой. На лице отразилось беспокойство, она заметила и в смятении поджала губы. — Он и до тебя доберется, если потребуется.

— Я взрослая, сильная девочка, и могу постоять за себя, — оскорблено заявила русалка. Ее ладони сползли по моей кожанке и упали, повиснув вдоль тела.

По ее лицу пробежала гримаса сожаления. Ветер играл с волнистыми волосами, отливающими золотом в свете луны. Она оправляла их, расчесывала пальцами. Ее нежные черты омрачила грусть. Мы стояли и смотрели друг на друга, не осмеливаясь нарушить тишину. Я чувствовала, что она видела во мне гораздо больше, чем я сама знала о себе. Прочла в ее аквамариновых глазах, заметила в них потаённый страх. Русалка прикрывалась жизнерадостной улыбкой, но не могла скрыть истинных опасений. Я и сама боялась. Боялась себя и того, на что еще могла быть способна. Смерть Мэриона заронила в ее душе семя сомнения, но она не отвернулась от меня. И вопреки произошедшему была рада видеть. Мне стало стыдно за то, что я на нее набросилась.

— Знаю, — мой голос дрогнул, но я сгладила неловкость улыбкой. И протянула руки, чтобы обнять ее. Лорелея, не задумываясь, подалась навстречу и обвила мою шею крепче, чем прежде. — Но будь осторожнее. Я не хочу тебя потерять.

Когда я вернулась домой, на кухне горел свет, а в гараже стояли автомобили сестер. Меня охватила тревога за Бена. Порхнув в открытую дверь, я мелькнула по лестнице вверх, в свою комнату, вынимая на ходу ключ. Но когда цель была близка, из своей спальни выплыла Мишель. Подол длинного шифонового платья цвета кофе с молоком расплескался вокруг ее ног. Сестра состроила сердитую гримасу и уперла возмущенно руки в бока. Я остановилась, пряча за спиной ключ, и изобразила приветливую улыбку.

— Где ты была, Эшли?

— Проводывала Лорелею, а в чем дело?

— Кот, — сестра поджала губы, покосившись на диван, — был под дверью твоей комнаты.

Я проследила за ее взглядом и никого не увидела. Но тут же задержала дыхание — значит, Джош был все это время дома! И сейчас он где-то в образе Персика ловил удачный момент, чтобы проскочить в мою спальню....

— Я оставила блюдо с блинчиками на диване, — сделала вид, что только сейчас вспомнила и ахнула. — А он, похоже, учуял!

— Ты ела блины в спальне? — удивилась Мишель. Сменив гнев на милость, она с любопытством всматривалась в мое лицо.

— Я неважно себя чувствовала, поэтому взяла в комнату немного еды, что такого?

— Ничего, — протянула подозрительно сестра. — Может, ты беременна?

— Что?!

— Лукас знает?

— Мишель! — воскликнула я, но поперхнулась от возмущения. — Я не беременна!

— Он будет рад, — мечтательно проговорила сестра и растянула губы в довольной улыбке. Сложив руки на груди, она постукивала указательным пальцем по подбородку, возведя загадочный взгляд к потолку. В ее глазах отражался неопиcуемый восторг, вызванный шквалом мыслей о моем гипотетическом положении. Она уже планировала мою свадьбу с Лукасом и выбирала наряд для себя. Я не могла не испугаться.

— Ты издеваешься? — раздраженно отодвинув сестру от двери в комнату, я достала ключ и незаметно вставила его в замок, бурча под нос: — все сегодня сговорились. Весь мир против меня....

— На плите свежий пирог и мясо под соусом, — удаляясь к себе, многозначительным тоном произнесла Мишель. Я замерла у двери и проводила ее тяжелым взглядом, на что сестра только захихикала. Она была довольна моей реакцией и сейчас наслаждалась собственным триумфом. Класс!

Оглядевшись и не заметив Персика, я приоткрыла дверь, чтобы проскользнуть в комнату. Оказалась по другую ее сторону и сразу заперла на ключ. Прислонилась спиной, облегченно прикрыв веки, и вдруг затаила дыхание — передо мной стоял Бен. Скрестив руки на груди, он холодно рассматривал меня с головы до ног, а потом вновь возвращался к глазам. Я виновато улыбнулась и отлипла от двери.

— Прости, что заперла, но я не видела другого выхода.

— Сюда ломались твои сестры, а потом сумасшедший кот пел под дверью упоительные серенады, — звенящим от злости голосом сообщил Бен. Я привыкла к его тону — характерная черта сущности бэлморта. И он никак с ней не мог распрощаться.

— С котом все ясно, — проговорила я, проследовав в ванную комнату, снимая на ходу жакет. Бен нехотя поплелся за мной, запрокинув голову назад. Его недовольство повисло в воздухе удушливым жаром. Бросив кожанку на кровать, я подошла к раковине и включила воду, придирчиво изучая свое отражение в зеркале. — А что сестры хотели?

— Без понятия, — чеканя слова, саркастически произнес Бен и холодно улыбнулся. Я медленно повернула голову и посмотрела на него. — Вероятно, почуяли недобрый дух в доме.

— Мишель требуется визуальный контакт, чтобы ощутить чужие мысли и чувства, — тихо возразила я. — А Моника ничем эмпатическим не обладает.

— Значит, я слишком громко ворочался во сне! — прищурившись, заключил Бен и припал плечом к косяку. Я смотрела ему в глаза, видела в них ледяную синеву, а в груди разливалось тепло — он менялся, но до безобразия противился этому.

— У нас не принято запирать двери в спальнях, — сказала я и отвернулась, чтобы вымыть руки. Бен наблюдал за мной, от его пристального взгляда футболка вновь прилипла к телу. — Видимо, они заподозрили что-то неладное.

— Видимо, — эхом повторил Бен и побрел к дивану. — Долго ты меня будешь держать взаперти?

Вытерев руки полотенцем, я выглянула из уборной:

— Хочешь, чтобы я тебя представила сестрам? Мишель, Моника, — театрально раскинув руками, с выражением проговорила я, — знакомьтесь, это — Бен! Он — бэлморт. Да-да, тот самый, что пытался меня убить. Да, я же его цель, совсем забыла упомянуть. Надеюсь, вы подружитесь.

Бен скривился и опустил голову. Сложив руки на коленях, долго разглядывал свои

ногти. Я решила, что он удовлетворился моими словами, раз так долго молчит, и вознамерилась вернуться в ванную. Но вдруг он тихо бросил мне в спину:

— Думаю, мне нужно поискать укрытие от Тома в другом месте.

Я обернулась и озадаченно посмотрела на него. Бен выглядел обеспокоенным и смущенным, чего прежде за ним не наблюдалось.

— Почему?

— Не хочу стеснять тебя и вызывать подозрение у сестер.

— Тебе неловко? — изумилась я.

Шерман нахмурился и пронизывающе посмотрел на меня исподлобья.

— Мне неуютно и тесно, — процедил он. — Чувствую себя комнатной собачкой. Осталось миску поставить у двери.

— Ты должен понимать. У нас нет другого выхода на данный момент.

— Мне претит чувствовать себя беспомощным. На нежном попечении ведьмы, которую я должен был... — он втянул воздух сквозь стиснутые зубы и качнул головой. На лице отразилась гримаса — смесь гнева и боли. Бен поднялся с дивана текучим, неуловимым от скорости движением.

Я подошла к нему слишком близко, нагло вторгаясь в его личное пространство. Комкая в руках полотенце, посмотрела с вызовом. Бен слегка наклонил голову, что-то мелькнуло в его глазах, и комнату наполнило тепло летнего зноя. Лица коснулся порыв магии, обдал жаром. Сила Бена пьянила. Ею можно было обернуться, словно пледом, и согреть сердце на целую вечность. С моих губ сорвался прерывистый вздох.

— Ты сделал выбор, — чуть слышно произнесла я. — Уже жалеешь?

— Нет, — в глазах Бена шевельнулось нечто темное, пугающее. Воздух между нами накалился, и если бы не полотенце в моих руках, я бы давно прижималась к его груди, жадно скользила по ней ладонями.

Поднявшись на цыпочки, я ласково, почти интимно шепнула ему на ухо:

— Тогда тебе придется научиться терпению, — и толкнула его скомканным полотенцем в грудь.

Бен попятился, смеясь. Звук его голоса окатил меня волной приятной дрожи. Что-то натянулось у меня внутри, и кровь прилила к лицу. Я плавно отступила с обиженным видом, но оторвать взгляда от его лица не смогла. Бен вернулся к дивану и опустился на него, сложив руки на коленях. Он обмяк, напряжение вытекло из него, как вода из разбитой чашки.

— А что, если к тебе наведается Лукас?! Или еще кто-нибудь, — Бен посмотрел на меня снизу вверх и выдал улыбку — одновременно веселую и ехидную.

— Лукас? — удивилась я, вешая полотенце. — Мы с ним расстались, и ты был свидетелем того малоприятного разговора.

Бен наморщил лоб, будто пытаюсь вспомнить.

— Так о чем мы? — мой голос прозвучал придушенно. Ему удавалось смущать меня, ничего при этом не делая. Я обняла себя за плечи и растерла ладонями. Самообладания мне явно не хватало.

Он устало закатил глаза и невольно усмехнулся.

— Твоя сестра — Мишель, кажется — что-то говорила о пироге и мясе под соусом....

Выдержав паузу, я направилась в ванную комнату, бросив на ходу: «я быстро». Приняв стремительно душ, как и обещала, я облачилась в домашние белые брюки, черную майку и

небрежно перехватила волосы заколкой. Вылетев в спальню, победоносно улыбнулась Бену и выпорхнула в коридор, не забыв запереть дверь.

На кухне за столом сидела Моника. Перед ней стояла чашка дымящегося какао, в которой ложечка самостоятельно размешивала пенку. Сестра со скорбным видом наблюдала за магическим действием. Сидя на высоком стуле, она подпирала голову рукой, копна темных блестящих волос свесилась вперед. На Монике было красное платье с воланами, на запястье сверкал рубиновый браслет, а шею украшало рубиновое кольцо. Она выглядела усталой и даже болезненной: темные круги под глазами, потускневшая кожа, морщинки в уголках губ.... Я всегда видела ее свежей и красивой, а такой — впервые.

Остановившись посреди кухни, я осторожно позвала:

— Моника?

Сестра не сразу отреагировала. Медленно подняла голову на звук, а когда увидела меня, то печально улыбнулась и картинно вздохнула.

— Что-то случилось?

— Все хорошо, Эшли, — проговорила она. — Я в порядке, вот только немного утомилась.

— А где ты была? — любопытствовала я, подходя к плите и заглядывая в сотейник. Подняв крышку, обнаружила тушеное мясо, а в маленькой кастрюльке отварные макароны.

— Посещала одно злчное место, — недовольно пробурчала Моника и неожиданно икнула. Я замерла и резко обернулась — сестра сидела, словно кол проглотила, и таращила на меня испуганные глаза.

— Моника, ты что — пьяная? — я рассмеялась. Сестра энергично мотнула головой и чуть не свалилась со стула. Поджав губы и перекривившись, как будто вот-вот заплачет, она сокрушенно кивнула и ссутулилась. Я совсем развеселилась: — как же тебя угораздило?!

— Невзначай, — пролепетала она. — Я глубоко раскаиваюсь.

— Раскаиваться будешь завтра, когда голову с подушки не сможешь поднять!

Опять кивнув, Моника икнула и смущенно прикрыла рот ладонью. Пододвинув к себе чашку с какао, жадно отпила половину содержимого. Я наморщила носик.

— Неудивительно, что тебя так развезло.

Моника непонимающе заморгала, подняв голову, но я лишь отмахнулась, накладывая в большое блюдо макароны, мясо и обильно поливая соусом.

— Н бери в голову, — улыбнувшись, бросила я на ходу, спеша к лестнице с блюдом. — И ложись скорее спать, дорогая!

Бен с сомнением взглянул на содержимое блюда, а затем поднял глаза на меня. Улыбка с моих губ сползла.

— Тебе не нравится? Мишель, конечно, не шеф-повар, и только учится готовить, но пока никого не отравила.

— Я ничего не хочу сказать о кулинарных способностях твоей сестры, — поморщившись, проговорил он. — Просто не уверен, что все это съем.

— А я тебе на что?! — усаживаясь на диван рядом с ним, я подогнула под себя ноги и взгромодила на колени тарелку с ужином. — В моей комнате временно проживает бэлморт. А я до сих пор не удосужилась выяснить у него немыслимое количество вопросов, мучивших мое хрупкое сознание уже многие годы.

Бен медленно повернулся и посмотрел на меня. В его глазах мелькнула тень, выражение лица стало непроницаемым. Я слегка склонила голову и ответила обезоруживающей улыбкой. Вручив ему вилку, пододвинула ближе блюдо.

— Начнем с самого начала, — наматывая на вилку макароны, произнесла я. — Откуда взялись бэлморты?

Он нахмурился, но еда его интересовала гораздо больше моих глупых вопросов.

— Из утробы матери.

— А дальше? Что появилось раньше — курица или яйцо?

— Я не помню свою мать, всю жизнь прожил с Томом.

— Каково это, быть бэлмортом? Ты не помнишь свою маму, не знаешь отца.... Вся твоя жизнь состояла из перемещений по стране и смертей, а как же детство? Помню, ты говорил, что брат воспитал тебя, но кто-то должен был научить всему Тома?!

— Он говорил, что у него это от природы, — невесело хмыкнул Бен. — И когда я видел его в деле, сомнений в этом не возникало. Ты спрашиваешь о семье.... Иногда я думаю, что он мог легко убить наших родителей, но потом вспоминаю, кем являемся, и легенды о таких, как мы.

— Я предположила, что у вас с Томом один биологический отец, но матери могли быть разные.

— Да, — кивнул Бен, ковыряясь вилкой в горке макарон. — От детей, зачатых от бэлморта, обычно отказываются или их забирают отцы. Вероятно, чтобы дети не узнали материнской любви и тепла, в последствие став еще более безжалостными чудовищами. Но нам повезло больше других — мать у нас общая. Правда, я ее ни разу не помню.

— Ты только что поверг меня в шок. Раз у вас с Томом одна мать, то понимаешь, что это значит?

— Не представляю, — хмуро проворчал он, глядя в тарелку. Бен жевал без особого удовольствия, и я начинала думать, что уже испортила парню аппетит.

— Ваши родители были любовниками. Их связывали чувства, иначе ты бы не родился.

— Ты так много вкладываешь смысла в это слово — «чувства», — он перекривился. — Мы не можем знать наверняка.

— Но ведь отказниками вы не были!

— Очевидно же.

— Кто твоя мать, Бен? — я чуть не выронила вилку, осененная неожиданной мыслью. В его жилах текла кровь ведьмы, не только бэлморта. В будущем он мог обрести ее способности. Если захотел бы, конечно.

— Ты не по адресу. О раннем детстве я знаю лишь со слов брата. Надеюсь, ты не планируешь разыскать моих родителей и воссоединить счастливую семью?

Посмотрев на него, я поняла, что он не лжет — коронная надменная ухмылочка и будничны́й взгляд. Ладно, с этой темой покончено.

— Сколько на твоём счету?

— Эшли, не надо, — вилка в руках Бена замерла, повеяло жаром, когда как голос его обжег холодом. Я не дрогнула, хотя хотелось передернуть плечами и сбросить неприятное жальщее ощущение.

— Я не верю, что ты хладнокровный убийца, Бен.

— Тебе повезло. Другим подобного счастья не выпало. Не говорю, что мне было приятно это делать, но я не видел иной жизни. Мне внушили, что я — хищник, но истребляющий не из чувства голода или инстинктов, а ради денег. Кажется, так еще хуже, чем, если бы я был волком и убивал умирающих животных.

— Да, пожалуй, — я задумалась и опустила вилку в тарелку. Бен заметил, что я смотрю невидящим взглядом перед собой и поднял голову. Поворачивая прибор в руке, он терпеливо ждал, когда я продолжу. — Как вы получаете заказ? Кто-то доставляет его, по почте или курьером?

— Я не знаком с этой системой. В нашем дуэте всегда был лидером Том, негласно. Меня никто не спрашивал, согласен я или нет — просто так повелось с самого начала.

— Он приносил конверты? — я внимательно посмотрела на Бена. На его лице ничего не отразилось.

— Я находил их на столе. Всегда. Но Том каждый раз пропадал на время, прежде, чем они появлялись.

— Надолго?

— Всегда по-разному, но не более, чем на сутки.

— Скорее всего, бэлморты получают заказы в Библиотеке, — произнесла я и посмотрела в тарелку. Взяв вилку, вяло поковырялась ею в остывшем и утратившем для меня аппетитность куске мяса. — Вероятно, в Системе предатель, или так всегда было заведено.

— Не могу сказать, — в голосе Бена ощущалась нотка вины, но лицо оставалось неподвижным и пустым. — Существует отлаженная за годы и даже века схема. Иначе бы уже кто-то вмешался и перекрыл кислород бэлмортам. Надо начинать капать из Библиотеки — там затягиваются все узлы.

— Да, — я с недоумением посмотрела на Бена.

Он нахмурился и склонился над блюдом, делая вид, что сосредоточен на еде. Удержавшись от улыбки, чтобы еще больше не смутить его, я отложила вилку и скрестила руки на груди.

— Я поговорю со Стэнли или проведу собственное расследование. Мне нужно выяснить, как бэлморты получают заказы. Прежде я думала, что есть некое третье лицо, вроде посыльного или посредника, через него заказчик связывается с охотником за головами. И только он знает в лицо и того, и другого.

Бен поднял голову и, прищурившись, посмотрел на меня.

— Это слишком опасно. Посредника могут перехватить, не считаешь? Такие искатели,

как ты, подловят и под пытками вытянут всю необходимую информацию. — Он покачал головой: — Нет, не согласен.

— Значит, остается только один вариант, — я торжествующе улыбнулась. Именно такого ответа я ждала от Бена, потому что теория об отлаженном порядке передачи сообщений для бэлмортиков в Библиотеке мне казалась более вероятной, и с каждым днем я все больше к ней склонялась. Заказчик оставлял в ячейке письмо до востребования, а бэлморт его забирал — удобно и без лишних хлопот и свидетелей. Но в таком случае, заказ мог достаться любому бэлморту....

Наверно, я нахмурилась — Бен настороженно усмехнулся.

— Что ты придумала?

— Если заказчик оставляет....

Он поморщился и жестом прервал мои рассуждения.

— Я слышал твои мысли, можешь не продолжать.

— Что? — по спине пробежала дрожь. Внезапно стало нечем дышать. Участвовавший пульс горячим леденцом трепетал у горла. Я смотрела на Бена, на его беспристрастное выражение лица и неспешные движения. Он накручивал макароны на вилку и делал это издевательски медленно. Я осторожно выдохнула. — Ты слышишь ВСЕ мои мысли?!

— Нет, но сейчас ты действительно громко думала. Все верно, ваши конверты могли достаться другим бэлмортам.

— И наша участь не оказалась бы столь прекрасной, — погрузнев, прошептала я. Бен неожиданно рассмеялся. Я покрылась мурашками от окатившего меня звука. Будто теплой мягкой водой облили. Чувствуя, как становлюсь пунцовой, прижала колени к груди и уткнулась в них лицом. В любом случае, он уже знал, но я смутилась и ничего не могла с собой поделать.

— Но судьба сложилась именно так. Зачем переживать из-за того, что не случилось и никогда не случится?! Хреново, что у Тома остался третий конверт, — он поморщился и небрежно уронил вилку в тарелку. — Но мы как-нибудь переживем.

— Я не переживу, — возразила я. — Мы должны узнать, кто третий.

Бен похолодел. Желваки на его скулах напряглись, он стиснул зубы.

— Возможно, третий уже мертв, Эшли. Лучше не ворошить это, только больнее будет.

— А если это Моника?! — выпрямившись, я уставилась на него. Бен схватил меня за запястье, и я не видела его движения. Притянув к себе, он впился взглядом в мои глаза. Мы оказались лицом к лицу, и я неосознанно пододвинулась ближе.

— Сейчас она в безопасности, — процедил он, обжигая дыханием. — Как и Мишель. Единственный, кто играет со смертью, и каждый день подставляет спину для удара — это ты, Эшли. Можно избежать опасности и отсидеться дома, пока его не покинет азарт или подвернется более выгодная работенка.

— Мы говорим о Томе, верно? Хочешь сказать, он уступит? Заказ от Верховной Ведьмы просто так не оставляют.

— Нет, — Шерман склонился, я ощутила его пульс у себя в груди. Он смотрел на меня, изучал каждый дюйм лица. Мой взгляд привлекли его губы, и я не могла отделаться от мысли о них. Сердце отзывалось на тепло тела, мы почти прижимались друг к другу. Бен притянул меня к себе, совсем чуть-чуть, и тугой ком сжался внизу живота. От него раздался сладостный жар по венам. Я стала пунцовой и смущенно потупила взгляд.

— Он не оставит вас в покое.

Кажется, Бен забыл, о чем мы говорили, впрочем, как и я. Жилка на его шее пульсировала так быстро, что я покрылась мурашками. Заметив голубое свечение на коже, я прерывисто выдохнула ему в лицо. Он больше не хмурился — его взгляд мутнел. Я проваливалась в синий искрящийся омут, видела только глаза и губы, и не могла выбрать, что нравится больше. Но Бен разжал пальцы, резко и грубо, хоть и продолжал смотреть в упор. Очнувшись, я растерянно заморгала.

— Пока я еще могу бороться, — чуть слышно проговорил он и нервно облизал губы. Взгляд прояснился и похолодел — Бен злился на свою слабость передо мной. Отстранившись, он устало выдохнул и сложил руки на коленях.

— А надо ли, — я осторожно отползла от него. — Неужели я тебе настолько противна?

Бен вскинул брови и смерил меня долгим тяжелым взглядом, под ним захотелось сжаться. Потом он рассмеялся, качнув головой.

— Была бы противна, меня бы здесь не было. — Показалось, что он говорил серьезно, хоть и продолжал веселиться. Потерев лоб, Шерман поднялся и посмотрел на меня сверху вниз. — Кажется, ты куда-то собиралась.

Он протянул мне ладонь. Посмотрев на нее, я секунду колебалась, но все же приняла. Голубое свечение разлилось узорами на коже, разряд дрожи пронзил тело, и я оказалась стоящей перед Беном. Между нами скользнула магия медленным обжигающим ветерком. Он поспешил разжать пальцы и шагнуть назад, с улыбкой подняв руки вверх.

— Я учусь с этим жить, как видишь.

— Вижу, — сказала я и улыбнулась. Получилось печально, вымученно, и он заметил, но отвернулся, как ни в чем не бывало. Интересно, как долго Бен будет сопротивляться? А, неважно. Я — девочка терпеливая.

Утро постучалось в окно настойчиво и громко. Сквозь сон донесся скрип ветвей, завывание сквозняка, но разбудил меня звук когтей, скребущих по стеклу. Когда я открыла глаза, Бен сидел на диване. Он косился в мою сторону, и выражение его лица было подчеркнуто беспристрастно. Только взгляд выдавал настороженность. Приподнявшись на локте, я быстро глянула ему за спину. В комнате царил серый давящий полумрак. Шторы неплотно задернуты, в небольшом зазоре мелькнула суетливая рыжая кошачья мордочка. И вид у животного был крайне взволнованный. Закатив глаза, я упала на подушку.

— Это Персик, — зевнув, сонно протянула я. — Пусть еще погуляет.

— На улице проливной дождь, — недоверчиво протянул Бен и исподлобья посмотрел на меня. По карнизу барабанили тяжелые капли, резкие порывы ветра ударились о стекло. Небо затянули тучи, настолько густые и низкие, что сложно было понять, какое сейчас время суток. Я поморщилась, представив мокрого кота, по моей милости замерзающего на улице. Джош будет в бешенстве.

Резко откинув одеяло, я села в постели. Скрипнув сердито зубами и мысленно осыпав Джоша проклятиями, я встала с кровати. Бен проводил меня настороженным взглядом. Прошлепав к двери, я небрежно бросила на ходу:

— Кофе будешь?

Бен изогнул бровь, но ничего не ответил. Под его пристальным взглядом я выпорхнула из спальни и помчалась вниз. За стеклянной дверью темнел высокий силуэт. Сердце сжалось, нахлынуло чувство вины. Неловкая ситуация, но я предвидела ее. Шерман начинал что-то подозревать, как и Джош. Последний и вовсе недоумевал, чем вызвано мое странное поведение. Я не была готова к их знакомству и всячески оттягивала момент. Будет жарко, и кому-то придется несладко. Неужели мне?! Медленно выдохнув, я повернула ручку. На пороге стоял промокший до нитки Джош. Темные волосы облепили лоб, струи воды стекали по лицу. Его скулы напряглись, в потемневших глазах плясали тени. Сказать, что он сердился — ничего не сказать.

— В чем дело, Эшли? Я в твоём доме теперь не желанный гость?

— Нет, — задумчиво протянула я и отступила, освобождая проход. — Милости прошу! Или тебе принципиально через окно?

— Я живу здесь в качестве кота, Эшли, — процедил он, но в дом вошел. — А для котов входить в окно — нормально. Светить своей физиономией лишний раз я не хочу.

Я хмыкнула и проследовала на кухню. Джош плелся сзади, поджав недовольно губы и буравя меня свирепым взглядом. Небрежным отработанным жестом он одернул полы спортивной серой ветровки, на пол посыпались капли воды. Джош мотнул головой, и миг просох от макушки до мысков ботинок.

— Подумаешь! Тебя каждая собака на улице знает и не обращает внимания.

Вальяжной походкой я направилась к столу. Достав три чашки с полки, налила в них кофе из кофейника, добавила сахар и сливки. Две из них поставила на поднос, стоя спиной к Джошу и заслоняя от него третью чашку. Помешивая в ней ложечкой, я мысленно накладывала заклинание. Фарфоровый сосуд вздрогнул, темная густая жидкость на миг окрасилась в бронзовый цвет. Магия потухла, растворилась в крошечном водовороте.

Надеюсь, на этот раз обойдется без последствий. Кофе должен был помочь на некоторое время усыпить его бдительность. В буквальном смысле.

— Прежде тебя не напрягало мое хождение по карнизу, — проворчал Джош. Сняв куртку, он повесил ее за плечики на спинку стула. Сев за стол, сложил перед собой руки, я ощутила между лопаток его гневный взор, словно раскаленный кинжал. Джош быстро перебирал пальцами, сверля меня потемневшими глазами.

— Мне не дает покоя гибель Мэриона, — я вздохнула. — Что произошло в доме Вивиан? Кто я?

Он пренебрежительно хмыкнул, потирая подбородок. Я наблюдала за его отражением в стеклянной глади кофейника. Вдруг Джош оживился, изогнул брови и удивленно склонил голову.

— В чем выражается моя "особенность", и как мне жить дальше?!

— Ты покарала убийцу, Эшли. Твой дар оказался многограннее и сильнее, чем мы думали, — осторожно, но вкрадчиво сказал Джош. — И нет ничего ужасного в том, что ты сделала. Бездействие гораздо хуже, поверь мне. Неужели твой сон был бы спокойнее и слаще, если бы черные деяния Мэриона остались безнаказанными, а Вивиан погибла?

— Можно было обойтись без кровопролития, — упрямо возразила я.

— Как? — с удивлением в голосе усмехнулся Джош. — Сдать его полиции? Осчастливить ненадолго Брейнта? Думаешь, Мэрион стал бы примерным заключенным?! Не прошло бы и дня, как он сбежал бы. И снова убил.

— Ты так говоришь, словно я мир спасла!

— Ты оказала услугу обществу. Сама мысль об убийстве ужасна, но иного выхода не было, Эшли. Или считаешь, смерть Вивиан Моррис и твоя принесли бы больше пользы Мортеллю? Все дело только в твоём душевном спокойствии, кончина слащавого ублюдка никого не тронула, никто не всплакнул и не осудил тебя. Лишь твоя собственная совесть.

— Я хочу понять, — тихо повторила я, со злостью сжав в руке ложку. — Почему моя кровь оказалась для него ядом....

— По той же причине, по которой ты не утратила человеческий облик.

— Да. Всему виной моя исключительность!

— Именно! — воскликнул Джош и развел руками.

— Тогда объясни мне, — резко обернувшись, я посмотрела ему в глаза, — почему никто не видел кровь на стенах? Она была такой же реальной, как и все остальное.

— Раны жертв тоже были настоящими, но видела их только ты. Думаю, ничего удивительного здесь нет. Однако, ради удовлетворения любопытства, можно покопаться в истории семьи Макалистеров и выяснить, какие именно магические силы он унаследовал от умерших родителей. Ты же понимаешь, что речь идет о способностях всех почивших магов этого древнего лесного рода? — побарабанив пальцами по столу, Джош хитро прищурился.

Склонив любопытно голову, я нахмурилась. Он с неприкрытым удовольствием наблюдал за тем, как в отражении моих глаз мысли сменяют друг друга. Губы Джоша дрогнули в сдерживаемой улыбке. Ему нравилось загонять меня в тупик, приводило в восторг мое замешательство. Если бы Джош знал, какой «сюрприз» я припасла для него в своей комнате.... Он бы так не радовался.

Я отвернулась под его тихий смех. Джоша невозможно обидеть. Он из тех добродушных парней, от которых все отскакивает. В мастерстве глумления он поднаторел больше меня благодаря толстому панцирю. Мне не грозит обзавестись таким же иммунитетом к иронии.

Я все принимаю близко к сердцу, верю на слово, а после чувствую себя полной дурой. Мерзкое ощущение. Но сейчас мы затронули тему, жалящую меня в самое сердце. Я не собиралась отступать. Быть может, он был прав в том, что мне не давала покоя совесть. Покарать монстра — дело благое, но важно сохранить себя. Душу терзал страх, науськивал голосом Мэриона, твердил, что мне не уйти от расплаты. И она будет заключаться в перевоплощении, но не в чудище с бородавками, а в такого же убийцу, каким был он сам. Разве могла я успокоиться и смириться с произошедшим? Ответы, мне были необходимы ответы. Джош знал наверняка, как Мэрион провел полицию, а я хотела понять. Пока своими глазами не увижу и не прикоснусь к правде — не поверю в рассказы об исключительности. Всему должно быть разумное объяснение. Даже в мире магов есть вещи, которые сами собой не случаются, и волшебство здесь не причем. И пока не услышу его, так и буду искать упущенные детали.

— Хорошо, — тихо сдалась я, грея руки о чашку. — Соглашусь с тобой, Джош. Ведь ты знаешь больше меня, — в моем неоднозначном тоне он услышал подтекст, отчего сразу нахмурился. Но не стал отрицать. — Ты и Стэнли все выяснили без меня. Тогда, вероятно, вы знаете и то, что являясь воспитанницей детского дома, Вивиан носит на шее непростой кулон?

— Ты про ее необычайную силу?

— Именно. Или тут тоже все элементарно и прозрачно?

— Ты видела, где она живет, — сказал он так, как будто это все объясняло. Но не для меня, к его сожалению.

— Да. И что с того?

— А то, что дом она тоже не сама строила. Ей все досталось по наследству от ближайших родственников. Но если тебя интересуют подробности, можешь обратиться к Стэнли и изучить архив или в лоб спросить у Моррис. Выбирай сама. Но могу уверить, что она не бэлморт.

Ощувив дуновение ветра через окно, я резко повернула голову. Чувство тревоги нахлынуло неожиданно, защекотало холодком кожу, но так же быстро улетучилось. Пасмурное небо, свинцовые тучи проплывали быстро и низко, словно куда-то спешили. Подальше отсюда... Пустынная холодная улица, беспокойные птицы на голых ветвях — просто осень застала город врасплох. Глубоко вздохнув, я снова почувствовала себя спокойно.

— Кстати о птичках, — быстро проговорил Джош. — Ты ничего не хочешь мне....

Когда я повернулась с чашкой и блюдом с вафлями в руках — коронным десертом Мишель — взгляд Джоша оттаял. Он утратил искорку разума, будто мысли из головы выветрились все до единой. Лицо разгладилось, обмякло, на губах заиграла блаженная улыбка. Джош быстро облизнулся, совсем по-кошачьи. Благодаря сестре я открыла беспронимательный способ вывести его из строя. Джоша невозможно сбить с толку, он всегда начеку, но если поставить перед ним тарелку со свежей выпечкой, он терял волю.

Ласково улыбнувшись, я пододвинула к нему чашку с кофе и вафли. Блеснув нежным взглядом, деловито направились обратно к столу, чтобы он не успел заметить две другие чашки и еще одно блюдо.

Джош долго принюхивался к кофе и подозрительно разглядывал угощение, преодолевая соблазн проглотить его вместе с тарелкой. Вертел под разными углами, пока я не встала перед ним, уперев руки в бока, с глубоко оскорбленным видом. Подняв на меня взгляд, он

нахмурился:

— Чувствую подвох....

Ничего не ответив, я поджала губы и попыталась отобрать у него чашку. Джош оторопело вытаращил глаза, вцепившись в нее, и осушил в один глоток. Искушение оказалось слишком велико и непреодолимо, сомнения и вполне оправданная мнительность не уберегли его. Словами не передать, как потеплело на душе, но порадоваться я не успела даже мысленно — глаза Джоша закатились, веки затрепетали. Липкий холодок скользнул по позвоночнику, я бросилась к нему, сама не своя от ужаса. Но в последний момент остановилась — широко зевнув, он опустил обмякшее лицо в блюдо с мягкими теплыми вафлями, щедро политыми сиропом. Возможно, я излишне жестока....

Джош сладко спал — это было заметно не вооруженным взглядом. Но для надежности я потрепала его за щеки, подергала за волосы, на что он лишь громко всхрапнул. Удовлетворенно улыбаясь, я обошла стол, взяла поднос и направилась наверх. В глубине души я уже примерно представляла, что меня ждет. И заранее продумывала свои дальнейшие действия.

Глава 8 (продолжение)

Скрестив руки на груди, Бен стоял у окна. Услышав шаги, он обернулся и встретил меня непроницаемым выражением лица. Я так и застыла в дверях, утратив дар речи. Он смотрел, словно видел меня насквозь. Я снова громко думала? Похоже на то. Выдав улыбку, я прошла в комнату, неся перед собой завтрак. Как выяснилось, в отличие от Джоша, Бен не падок на еду. Его будет куда сложнее обвести вокруг пальца. Проследив за мной недоверчивым взглядом, он отступил от окна. Опустив блюдо на стеклянный столик, я непринужденной походкой скользнула к шкафу. Пока он осваивал грани кулинарных способностей моей сестры, я посвятила его в свои планы.

— Я собираюсь навеститься в магазин Мишель.

Бен соорудил кислую физиономию. Кажется, это означало, что он против. Я не обратила внимания — продолжила выбирать наряд. Но в комнате затрещал воздух, повеяло жаром. Когда я обернулась, недовольно цыкнув, Бен ставил чашку на столик. Плавное выпрямляясь, он одарил меня красноречивым взглядом. Дождь и свинцово-серые тучи за окном казались настоящим праздником по сравнению с его хмурым видом.

— Я должна помочь ей прибрать кавардак, учиненный твоим братом, — прижимая к груди вешалку с кофточкой, приговаривала я. Бен молчал и косился на окно. — Она и так в растрепанных чувствах.

— На улице беспокойно, — серьезно произнес он, скрещивая руки на груди. — Я чувствую приближение тьмы. Эти тучи.... Они вызывают у меня смутное предчувствие. Чутье подсказывает, что это не просто осенний дождь. Там где-то рядом.

Скрывшись в ванной комнате, я натянула черные джинсы и бирюзовый топ с короткими рукавами. Перехватив волосы заколкой, вернулась в комнату к туалетному столику. Взгляд Бена преследовал меня тяжестью между лопаток. Нанесла пудру и румяна, накрашила ресницы и сходила за обувью. Демонстративно сев перед Беном на кресло, сдула прядь волос со лба. Он не сдвинулся с места, но я ощущала его повсюду колющими импульсами энергии.

— Что это значит, Бен? Насколько помню, раньше у тебя не случались приступы ясновидения, — я завязала шнурки на ботинках и медленно посмотрела снизу вверх.

— А теперь случаются, — причмокнув, раздраженно бросил он и осклабился.

— И давно?

— Не так, чтобы очень.

Бен посмотрел в окно, я невольно проследила за его взглядом. Еще не зная, что увижу, почувствовала холод, как от сквозняка, а потом засосало под ложечкой. Передернув плечами, я вздохнула и поднялась с кресла.

— Не драматизируй. Хуже, чем есть, уже не может быть.

— Думаешь? — лицо Бена озарилось, на губах угадывалась улыбка, но от нее веяло гневом. Зерно сомнения заворочалось, прорастая в душе....

— Зачем ты запугиваешь меня, Бен? Я все равно выйду из дома.

— Ты тоже чувствуешь, — уже без тени улыбки процедил он. — Знаешь, о чем я говорю.

— Да, — огрызнулась я. — Но ничего не могу поделать....

— Можешь, — возразил Бен и подошел ближе.

Мы почти соприкоснулись лбами, глядя друг другу в глаза. По рукам побежали мурашки

и вовсе не от нежности и прилива чувств. В них не было ничего приятного, как и в глазах Бена, сверкающих таинственными темными бликами. Меня обдало ароматом его кожи, сердце спотыкнулось. Внизу живота затрепетали крылья бабочек. Хотелось прикрыть веки, зажмуриться и отдаться сладостному чувству, вскружившему голову, но я удержалась. Ледяной взгляд Бена обжигал, но был так близко, что руки сами собой потянулись....

— Возьми меня с собой, — он говорил почти беззвучно, едва различимым шепотом, но я кожей чувствовала каждое слово. Заворачивалась в его голос, согреваясь дыханием. Слегка склонив голову набок, будто для поцелуя, он осторожно сглотнул. Мои ладони скользнули по его плечам, но Бен поймал их за запястье и оттолкнул. Внезапно я протрезвела и пошатнулась.

Оцепенение длилось всего мгновение — его сменил гнев. Настоящая буря, ломающая все на своем пути. Мысли, чувства, слова, не успевшие слететь с языка. Внутри закипала сила, пробужденная словами Бена. Меня возмутило его упрямство. Да, я скрывала Бена под крышей своего дома, рискуя абсолютно всем, что имела, и он решил этим воспользоваться. Шерман настаивал на своем участии в моих делах. Но почему-то мне и в голову не пришло, что дела у нас отныне общие.

Во мне вспыхнула магия белым огнем, я увидела ее отражение в глазах Бена. Она металась в груди пылающим ветром. Тело перестало мне подчиняться. Едва заметно дрогнул взгляд Бена и потеплел. Он осторожно потянулся ко мне рукой, взял за подбородок, заставляя смотреть в глаза. У меня в животе забурлила магия, захлестнула волной ощущений. Я проваливалась в бездну необузданной силы, и последнее, что помогало держаться на плаву и не терять сознание — глаза Бена. В ушах гудело от напряжения, пульс колотился в горле горячим леденцом. Он скользнул пальцами по линии моего лица и коснулся щеки ладонью, нежно и очень легко, будто не касался вовсе. Магия закружилась вихрем внутри меня и, пронизывая тело точечными разрядами, уползла в кулон. Я покачнулась и упала в объятия Бена. Его руки сомкнулись у меня на спине. Упершись ладонями ему в грудь, я боязливо подняла голову. От него пахло кофе и свежестью, веяло теплом и уютом. Рядом с ним меня охватило чувство защищенности. Сердце Шермана колотилось под моими руками пойманной птицей, на его лице отразилось недоумение. Воздух вокруг нас дрожал и переливался. Бен помог мне устоять на ногах и осторожно расплел руки, придержал за плечи. Дотронувшись до щеки невесомо и нежно, другой рукой он охватил мою талию. Когда я осмелилась посмотреть на Бена, в его глазах сияла магия.

На коже расцветали голубые узоры. Щеку приятно согревало волшебство, дрожало в груди и медленно растекалось на сердце, словно глазурь. Я ничего не видела, кроме его прекрасных голубых глаз. Не помню, как мои руки оказались у Бена под рубашкой — лишь ощутила ткань футболки, то, как комкаю ее. Скользнула ладонями по груди, спустилась ниже... Бен склонился, обжег осторожным дыханием. Я невольно зажмурилась. Он потянулся к моим губам, и я подалась навстречу, вставая на цыпочки. Его руки согревали, убаюкивали, и ничего вокруг больше не существовало. Сладостная дрожь предвкушения пробежала по спине, как вдруг он резко одернул руки и отпрянул. Я будто вынырнула из теплой воды на морозный берег и жадно вдохнула, распахнув глаза.словно выброшенная на безжизненную сушу жестокой стихией, обняла себя за плечи и попятилась. Упершись спиной в стену, сжалась. Глаза защипало, навернулись слезы, и чтобы спрятать их, я опустила голову. Бен был зол, но в то же время казался растерянным. Сжимая и разжимая кулаки, пытался сладить с дыханием. Стоя вполоборота, он смотрел на меня, и гнев вытекал

из него, воздух в комнате остывал. Он чувствовал себя так же паршиво, как и я. Обнаженная душа кричала у него из глаз, кричала о нужде, о боли, что искала выхода. Попытившись к окну, он закрыл глаза рукой, потер переносицу. Я проглотила всхлип, но в груди назревали настоящие рыдания. Глухо зарывчав сквозь стиснутые зубы, Бен качнул головой.

— Прости. Я не хотел. Это вышло неосознанно.

— Я знаю, — почти беззвучно отозвалась я и шмыгнула носом. Осознав, что сделала, затаила дыхание и подняла на него испуганные глаза. Но Бен уже заметил и обернулся. Он хотел что-то сказать, но решил, что я все равно сойду, и размытым от скорости движением приблизился ко мне. Я успела лишь моргнуть, а он уже коснулся моего подбородка и приподнял, чтобы видеть лицо. Любопытство, стыд, боль — в его взгляде промелькнуло абсолютно все, и я заметила. А он не думал скрывать. Смотрел в глаза, испытывая совершенно новые и необычные для его темной сущности чувства. Я ощутила его волнение в воздухе импульсом силы, во взгляде, бегавшем по моему лицу. Ему хотелось смотреть, но что-то подсказывало, что нельзя. И он потупил взгляд.

— Ты впервые видишь женские слезы?

— Да, — шепотом ответил он и, облизав пересохшие губы, осторожно посмотрел мне в глаза.

— И что ты чувствуешь?

— Мне неприятно, — запинаясь, произнес он. Поморщившись, отвернулся, словно не мог на меня глядеть.

Мои слезы быстро высыхали. Боль отпускала, и на первое место вышли иные чувства. Мне нравилась реакция Бена. Мне нравилось то, что он испытывал сейчас.

— Как это прекратить? — прикрыв веки, он поднял голову и только тогда посмотрел на меня. Он боролся, сопротивлялся, но получалось все хуже.

— Ты знаешь, — едва различимо шепнула я. Бен все еще касался моего лица, и, похоже, ему это было приятно. Или завораживали голубые узоры на коже.

— Нет, — он резко мотнул головой.

— Почему?

— Я не могу.

— Зачем ты сопротивляешься? Это сильнее нас, — дикое отчаяние в душе, по щеке сбежала горячая слеза, и я не лгала. Меня на кусочки разрывало от желания прижаться к нему, ощутить тепло тела, но стена из упрямства и холодности не подпускала ближе. Казалось бы, что может быть проще?! Взять ситуацию в свои руки и первой шагнуть навстречу. Первой поцеловать. Но я тоже боялась: Бен оттолкнул бы меня. И, если уж совсем начистоту, искупление — дар ему, а не мне. Он сам должен был осознать, пожелать этого и сделать последний шаг.

Бен чувствовал мою боль так же отчетливо, как и свою собственную. И каждая моя слезинка давалась ему все труднее, тяжелой и раскаленной каплей прожигала сердце. Оно больше не было каменным, мне удалось растопить его лед. Хмурясь и злясь на себя и меня, на весь мир, он коснулся ладонью моего лица. Провел большим пальцем по подбородку и сжал его — осторожно, но требовательно. Я не успела вскрикнуть — Бен накрыл мои губы поцелуем. Его губы были бархатные, прикосновение легкое и бережное. Руки скользнули по моим щекам, перебирая волосы, разминая, гладя. По его телу прошла дрожь. Меня окатило приятным ощущением слабости в его сильных руках, которые могли причинить мучительную боль. Оно разжигало изнутри, словно искорки огня хворост. Бен только

скользнул ладонью по линии волос, зарылся в них пальцами, а мне уже хотелось стонать от желания. Он поцеловал, чтобы успокоить, но плакать хотелось еще сильнее, обжигающими слезами страсти. Всего мгновение я ощущала его прерывистое дыхание на коже, пробовала на вкус мягкость губ — за окном раздался скрежет, будто кто-то царапал стекло. Для нас он прогремел раскатом грома. Я вздрогнула, и Бен резко отпрянул. Его взгляд уколол в самое сердце. Снова холод и гнев, а под ними разочарование. Он пятился от меня, переполняемый яростью, в глазах мелькнул белый свет. Боль пронзила меня насквозь, сорвала дыхание. Хотелось кричать от досады, но я стиснула зубы и взяла себя в руки. Он был перепуган не меньше моего, но предпочел прикрыться злостью. Я тоже сумею сдержаться и не сломать его. Мы играли в игру — кто первый сдастся. Не все так быстро, Бену нужно было время, а мне — терпение. Вот только где бы его взять?!

Я шагнула к окну и отодвинула штору. На карнизе сидели вороны — три черные птицы беспокойно вертелись, перебирая лапами. Увидев меня, они любопытно склонили головы. Разозлившись, я резко задернула штору и направилась к двери.

— Куда ты собралась одна? — устало выдохнул Бен, когда я взялась за дверную ручку. Вымученно улыбнувшись, я посмотрела на него через плечо.

— С тобой я тоже далеко не уйду.

Покинув пределы защитной магии, я даже не потрудилась оглядеться. Шла и чувствовала кожей фамильяров, рассевишихся гирляндами на деревьях. Шла, ощущая между лопаток взгляд Бена украдкой из-за шторы. Почувяв шевеление тьмы в доме Саммер и холодок от приближения дождя, я застегнула молнию ветровки. Уткнулась в воротник-стойку, спрятала руки в карманы и, перебегая дорогу, обратилась в дым. Моя любимая машинка погибла, да и вся округа в курсе, что я ведьма. Так какого черта?!

Замерев у витрины магазина, я долго наблюдала за движениями Мишель. Она заботливо размещала уцелевшие фигурки на полочках, а те, что разбились, не трогала. Позже, когда кроме осколков, на полу ничего не останется, она опустится на колени и соберет. Но вот уже все предметы расставлены по местам, а Мишель не торопится лечить разбитые... Повесив скорбно голову, она застыла над осколками и прикрыла глаза.

Я решительно двинулась к двери, но в магазин вошла почти крадучись. Мишель уже знала, что это я, но не обернулась. Встав рядом с ней, я подняла руку ладонь вниз и опустилась на колени. Магия золотыми искорками поплыла по воздуху, соединяя частички разбитых предметов и слепляя их. Медленно и с легким звоном стекла, они стекались в одну кучу и собирались, как мозаика, в различные фигурки. Вскоре на полу стояли сверкающий лебедь, девочка в пышном платье и хрустальная шкатулка.

Я поднялась и посмотрела на Мишель. По ее щеке сбежала слеза, и она открыла глаза. Мои поделки ее не тронули, а, кажется, наоборот, вызвали глубочайшую печаль.

— А меня так же собрать тебе хватит сил, Эшли? — сестра перебирала черную ленту пояса на атласном платье цвета спелой вишни. Я бы сказала, что оно шло ей и гармонировало с темными волосами, спадающими завитками на плечи. Но она выглядела бледной и осунувшейся, и платье буквально висело на ней.

— Нет, — рассеянно произнесла я.

— Жаль.

— Мишель....

— Похоже, у меня больше нет сердца. Или от него осталось так мало, один крошечный осколок, который никогда больше не сможет полюбить... — повернувшись, она посмотрела на меня потускневшими глазами. — Прости меня, Эшли.

— За что?

— За то, что я тебе не верила и злилась. Я предпочла негодяя сестре, ближе и родней которой у меня никого нет, и быть не может. Твои слова ранили меня, я повела себя глупо. Ты рушила мои идиллии, подрывала веру в чистую любовь, — шмыгнув носом, она прикрыла на миг рот ладонью. Прерывисто вздохнув, Мишель посмотрела на меня блестящими от слез глазами: — я наивна и простодушна, и осознанно не читаю тех, в кого влюбляюсь. Смотрю на них сквозь розовые очки и наделяю несуществующими качествами.

— Все мы совершаем ошибки, — вздохнула я и выдавила из себя улыбку. Мишель же, напротив, посуровела. Подняв на меня темный взгляд, она качнула головой, отчего волосы рассыпались по плечам.

— Только не ты. Извини, что назвала бесчувственной. Я не имела права. Ты взираешь на

жизнь под иным углом, поэтому не совершаешь ошибок. Ты прагматично судишь вещи, которые у меня вызывают детский восторг. За годы я так и не научилась чувствовать ложь. Сколько раз судьба стегала меня, а я так и подставляю другую щеку....

— Если бы ты знала, — дрожащим голосом начала я, но в глазах застыли слезы. Мишель внимательно посмотрела, ожидая продолжения, но слова застряли в горле. Пришлось выкручиваться: — на мне слишком много обязательств. Я не могу позволить себе быть слабой, Мишель. Но душе хочется света, а сердцу — тепла... И я чувствую, Мишель. Более того — люблю. Всем своим существом.

— Кого? — шмыгнув носом, удивилась Мишель. — Лукаса?

— Кто такой Лукас?! Я уже не помню, как он выглядит, — закрыв лицо ладонью, я тихо застонала от беспомощности. — Я не помню его голоса.

— Тогда я не понимаю... — Мишель с растерянным видом смотрела на меня, и ее слезы высыхали. Отняв руку от лица, я устало вздохнула. Надо было как-то подготовить ее к новости о том, что мы живем под одной крышей с настоящим бэлмортом. Но как сделать это деликатнее?

— Я люблю убийцу, Мишель.

— Бена? — взвизгнула сестра. — Бэлморта?!

— Ты же сходишь с ума из-за Тома?! Почему такая реакция? — изумилась я.

Глаза Мишель стали еще больше.

— Я не люблю Тома! Я переживаю разочарование, и оплакиваю в очередной раз разбитое сердце! Он не заслуживает ни одной моей слезинки!

— Верно, — проблеяла я. Зачем я тут распиналась, черт возьми, не напомните? — А я о чем?!

— Ты сказала, что любишь Бена! — заорала переполненная эмоциями сестра.

— Да, — прошептала я. — Неловко получилось.

Во время нелегкой паузы, повисшей так некстати, я шарила взглядом по помещению, изучала детали погрома, которые Мишель еще не успела устранить. В общем, смотрела куда угодно, только не в глаза сестре. Испытывала смущение, но она расценила мое поведение по-своему.

— Эшли? — протянула она голосом, не обещающим ничего хорошего. Прислонившись к стене, я посмотрела на нее — движение одних только глаз. — Ты хотела меня приободрить? И солгала про Бена?

— Что за вздор?! Нет, и в мыслях не было, — я сползла на пол и уткнулась лицом в колени. Мне было необходимо выговориться, излить душу, ощутить поддержку. Наболевшие тайны тянули сердце вниз, отравляли его. Довериться я могла только Мишель, Лорелея побежит секретничать со Странником. Прерывисто вздохнув, я подняла голову и смахнула слезу тыльной стороной ладони. — Бэлморт — не приговор, не склад ума и черта характера, а расовая принадлежность, — проговорила я, глядя мимо сестры невидящим взглядом. — Среди магов тоже полно мудаков, и среди людей их хватает. Я знакома с бэлмортом, который мухи не обидит.

— Не убедительно! — взорвалась Мишель, сжав кулачки, и шагнула на меня.

Я подумала, что доказывать искренность своих слов не лучшая идея, но сестру нужно было успокоить. Однако, любое оправдание могло вызвать аналогичную реакцию, и это ставило меня в тупик. Плавно поднявшись без помощи рук, я текучим движением и с несвойственной человеку гибкостью скользнула мимо сестры. Она с недоумением

наблюдала за мной, следила за каждым движением. По ее лицу мелькнула гримаса страха. Что-то подглядела у меня в голове и ужаснулась. Да, я умею пугать. Что есть, то есть.

— Странно, — пожав плечами, тихо произнесла я и прошлась вдоль стеклянных витрин. Сестра провожала меня озадаченным взглядом, но ничего не предпринимала. — Я решила, будто самый близкий человек в жизни поймет мои чувства и разделит их... Похоже, я глубоко ошибалась. Что скажешь, Мишель? — остановившись, я посмотрела на сестру сквозь стекло витрины. — Заслуживаю ли я понимания? Ты сама совсем недавно сказала, что я не совершаю ошибок.

— Возможно, это твоя первая ошибка?

— Нет, — мотнув головой, я горько улыбнулась. — Мое сердце не ошибается. Когда-нибудь ты поймешь это.

Развернувшись, я направилась к выходу, но остановилась у самой двери. Взявшись за ручку, бросила через плечо:

— Когда ты проведешь полную инвентаризацию, станет ясно, что бесследно пропал один кулон-оберег от сглаза. Его взяла я. Если тебе будет интересно — зачем, то вечером задашь мне этот вопрос дома.

Распахнув дверь, я вышла на улицу. Ветер швырял под ноги пожелтевшие листья, вихрем кружил пыль на асфальте, а серые тучи обволакивали небо над городом. Казалось, Мортелль накрыло колючим одеялом, спрятало от солнца нечто зловещее. Когда я смотрела вверх, на плотные свинцовые облака, в животе что-то неприятно сжималось, и хотелось убежать прочь, чтобы укрыться. Надвигались мрачные дни, и такие же мрачные события, и мне почему-то казалось, что всему виной именно я....

Оглядевшись по сторонам, я взмыла в воздух дымкой под изумленный возглас Мишель за окном магазина.

Мой путь лежал в Университет. Я не могла сидеть, сложа руки, когда внутри все переворачивалось от необъяснимой тревоги. Отговорки, что ничего конкретного не произошло и не происходит в принципе, не успокаивали. Если невозможно усидеть на месте, каждая тень повергает в ужас, а голова кружится от предчувствий — для меня это обоснованный сигнал к действию. Пусть я не знала, где искать, интуиция и кулон Линетт могли подсказать правильный курс. Мне чертовски хотелось понять, какое отношение мужчина из видений имел к смерти наставницы. Выяснить, кто он на самом деле, но и в то же время не давал покоя Том. Он мог объявиться в любой момент, обрушиться, как снег на голову именно тогда, когда мы его не ждали. Но мы его ждали неусыпно. На его месте другой залег бы на дно до тех пор, пока все не уляжется. Однако мы говорим о Томе Шермане, чей брат прятался у меня в спальне. Вряд ли он оставил бы Бена в покое. И теперь неизвестно, кто интересовал его больше — Бен, Мишель или я? И, в конце концов, чье фото было в третьем конверте?! Логичнее всего предположить, что Моники, но по неизвестной причине в моей душе копошились сомнения....

Сверкающее здание, напоминающее замок, с башенками и большими витражами, виднелось издалека. Цветные стекла переливались и поблескивали, несмотря на пасмурную погоду и полное отсутствие солнечных лучей. Здание было выложено из бежевого камня, отделанного мрамором цвета охры. Главная башня представляла собой величественное строение с высокими парадными дверьми, его украшали большие стрелочные окна и крона из позолоченных колец, напоминающих корону. Ступенчатые коридоры от этажа к этажу,

отделанные благородным камнем, плавные переходы к другим башням напоминали волны — дугообразные туннели с витражами. В любую из башен можно было попасть из центрального корпуса, а так же выйти во внутренний двор, где плескался фонтан посреди чистейшего пруда. Вокруг него тянулись и извивались каменные дорожки, а фруктовые деревья склоняли ветви к воде. Масштаб здания потрясал воображение, его красота поразительна и царственна — в главной башне восемь этажей, каждый из них вмещал не меньше тысячи человек. Холл, зал для торжеств, университетская библиотека, кабинеты.... Аудитории оборудованы в остальных башнях, как и столовая, кухня, кабинет Линетт. Запрокинув голову, я оглядела колоссальных размеров здание. Прежде и в голову не приходило, насколько вместителен Университет. Безусловно, для смертных он закрыт, но маги получали образование именно здесь.

Глава 9 (продолжение)

К Университету вела широкая каменная дорога через парк. Ее обрамляли причудливые клумбы с пестрыми цветами и ряды ухоженных фруктовых деревьев. Невысокие фонтаны, деревянные скамейки и кованые фонари — здесь всегда пустынно и одиноко. Площади парка позавидовали бы спортивные стадионы — чтобы пройти его, требовалось немало терпения. К сожалению, подъехать к главной лестнице на автомобиле нельзя, но можно воспользоваться магией и домчаться по воздуху.

Взбежав по широкой лестнице с мраморными перилами, юркнув в высокие массивные двери, я попала в обитель мудрости и силы. Только так можно охарактеризовать помпезность и в то же время строгость интерьера. Повсюду сверкающие полы, свечи — на стенах, в канделябрах и подсвечниках. Картины в позолоченных резных рамах, тяжелые бархатные шторы насыщенного глубокого цвета звездной ночи. Хрустальная люстра занимала не меньше четверти холла. Торжественная и изысканная — она напоминала гроздь винограда и сияла точно тысяча маленьких солнышек — в подсвечниках постоянно горели желтые свечи.

Колонны из песочного мрамора держали своды крыши. На полу стояли деревянные столы, кресла, высокие вазы с цветами и чучела диковинных животных. С больших полотен взирали невиданные магические существа, о них можно было узнать из древних книг. Я шла по холлу, не глядя по сторонам — каждую деталь интерьера, все до единой картины подробно изучила за годы, проведенные рядом с Линетт. Слева был изображен левиафан — древнее создание демонического происхождения, похожее на ящерицу. Черная гладкая кожа, треугольные уши, сияющие красные глаза и торчащий изо рта язык с искоркой огня на кончике. Сидя на камне, он пригнулся, хватаясь за него цепкими перепончатыми пальцами с острыми когтями, и размахивал длинным глянцевым хвостом с наконечником-молнией. Размером левиафан был не крупнее собаки, но мог за ночь в одиночку загрызть стадо овец численностью в пятьдесят голов. К счастью современных фермеров, этот загадочный вид паразитов истребили в средние века фамильяры по особому приказу Верховной Ведьмы. Дело в том, что они разоряли деревни и наносили непоправимый вред сельскому хозяйству. Их способности не имели особой ценности — левиафаны могли перемещаться со скоростью звука и растворяться в темноте. Сейчас существовали многочисленные зелья, повышающие быстроту и придающие невидимость. Тогда, много веков назад, никто не задумывался о том, что действие зелий рано или поздно заканчивается, и, причем, в самый неподходящий момент.

На следующей картине суетился трип — некрупное существо, обитавшее в лесах. Оно славилось умением подстраиваться под любую обстановку и принимать облик каждого животного или растения, попавшегося на глаза. С виду хрупкий, маленький, чуть выше метра, покрытый зеленой шерстью, похожей на мягкий кудрявый мох. Трип напоминал кошку с плоской мордой и ушами, что располагались по бокам небольшой головы. Хищник по своей природе, он был истреблен более проворными и современными видами лесных существ.

Следующее полотно — портрет древнего вампира. Если сейчас кровопийцу не отличишь от человека ни по манере поведения, ни по внешности, то в древние века он

внушал животный страх. Невысокое существо с когтистыми руками, торчащими зубами и впалыми глазами на серовой коже. Оно вызывало желание прибить его чем-нибудь потяжелее, а не любовный трепет, как вампиры из современных романтических приторно-сладких псевдо саг. Эволюционировавший вид, совершенный во всех отношениях, кроме непереносимости дневного света, в наше время особенно популярен. Этаким идол для современной молодежи, эталон красоты и силы, вожденный и несравненный. Вот только все забыли, что для вампиров люди всегда являлись и по сей день являются едой. Никто из вас не пытался завязать романтическое знакомство с говяжьей отбивной или вступить в отношения с сэндвичем? Вот и кровопийцам игры в любовь с людьми кажутся странными, но бывают и исключения. Гуманные и цивилизованные вампиры встречаются крайне редко, и, насколько известно, принадлежат одному-единственному клану, проживающему в Вердландии, в широко известном городе Хайенвилле.

Пожалуй, на сегодня повременим с экскурсией по миру магии, хотя за стенами Университета хранились древние знания и ценные сведения обо всех волшебных видах.

Я прошла огромный холл, приблизилась к мраморной лестнице, ведущей на второй этаж главной башни, и душа упала в пятки. На стенах отплясывали тени от пламени сотни свечей, навевая мистическую атмосферу. Желтый полумрак, и гулкое эхо моих шагов в пустом помещении.... Я поднималась по изгибающейся лестнице, ступень за ступенью, предвкушая прилив забытых ощущений и воспоминаний. Она вела меня в зал для торжеств, где несколько месяцев назад я простилась с Линетт, и он навсегда утратил для меня шарм и привлекательность. Теперь это место ассоциировалось со скорбью, холодом и утратой, а потрескивание огня и запах воска усиливали эффект.

Оказавшись в дверях зала, я с замиранием сердца огляделась. Скамьи, витражи, вазы с цветами и небольшая сцена — все осталось прежним, ни малейшего намека на похороны Линетт. Вообще, что за странный обычай провожать магов в последний путь в помещении или здании, где они прослужили долгие годы? В случае с Линетт все немного сложнее. Университет являлся не только ее местом работы, но и родным домом. Она жила здесь с тех же времен, как пришла получать образование. Две башни Университета отведены под общежития, но не каждому магу предоставлялась честь обзавестись королевскими апартаментами по окончании обучения. Линетт внесла огромный научный вклад в жизнь Университета, и ей было разрешено остаться здесь навечно. Кем? Неужели Верховной Ведьмой? Эта мысль посетила меня неожиданно, и я не могла от нее отделаться. Мне казалось, что все сходится. От волнения я на миг даже остановилась, чтобы перевести дыхание.

Сжав всю волю в кулак, я двинулась между рядов скамеек, стараясь не смотреть на кружевную ширму в левом углу сцены. Занавес из желто-золотых бархатных штор колыбался от ветра, чуть заметно. Я непроизвольно проследила взглядом, откуда он мог задуть. Дверь из черного дерева, ее очертания практически невозможно угадать на темной стене, загороженной занавесом. В груди екнуло, и я почти сменила курс, устремила к таинственной двери. Помню, как вылетела из нее, спеша покинуть непроглядные коридоры здания..... Теперь я знала, что они заколдованы, и не отважилась бы броситься в путешествие без подготовки и моральной поддержки в лице Стэнли. Хотя..... Нет, Эшли! Не сегодня.

Последние шаги дались с трудом. Я приблизилась к высокой светлой двери и остановилась, чтобы отдышаться. Успокоив беспокойное сердце, взялась за ручку и повернула.

Стэнли восстановил мой пропуск и, более того, присвоил ему наивысшую степень доступа. Отныне я могла свободно перемещаться не только по зданию Университета, но и посещать особые секции Библиотеки. А также гулять по тёмным, магическим коридорам между обоими зданиями и совать нос во все коморки и ящики. Возможно, он наделил меня почетной привилегией и одарил своим доверием, возложив определенные надежды на мои неординарные способности? Облегчил жизнь, так сказать, потому что был уверен — свой нос я все равно суну везде, где можно и не можно. Но не слишком ли Главный Фамильяр расщедрился? Не уж-то воспоминания, что донимали мой разум днем и ночью, настолько ценны? Он ничего не делал, если не был заинтересован. Значит, доступ ко всем помещениям был дозволен мне с чёткой целью.... А именно — вспомнить как можно больше.

Из отворившейся двери на меня хлынула лавина запахов и звуков. Шелест ткани и страниц книг, шорох шагов и птичьих перьев, на фоне из ароматов женских духов, старинной бумаги и воска. Большая светлая комната — переход в другую башню, где всегда бурлила жизнь. Блики от витражей создавали неповторимое ощущение волшебства, наполняли длинный и широкий коридор яркими красками. Светлый, почти белый мраморный пол украшали цветные пятна. Но одна деталь не вписывалась в общую картину и портила впечатление — дерево в глиняном горшке. Тонкий прямой ствол, тянущийся тощими сухими ветвями к потолку. Листвы на них не было, только ярко-алые, крупные ягоды висели гроздьями. Ветви прогибались от их тяжести, вызывая желание подойти и сорвать их.

Ягоды рассыпались вокруг горшка, они постоянно опадали, по одной, словно слезинки. Дерево плакало рубиновыми каплями, беззвучно роняя их на пол. Чем дольше я смотрела, тем гаже становилось на душе. Рядом с деревом кровь стыла в жилах, в какой-то момент непреодолимо захотелось убежать. Я никогда не видела его. Вероятно, растение кто-то принес уже после смерти Линетт. Уши заложило от шума собственной крови, в горле застрял кисло-сладкий ком — казалось, что я слышала каждую ягоду. Они стонали и молили о помощи, а когда падали на пол, голоса разбивались звонкими осколками.

На мое плечо опустилась рука, и я едва не завопила в голос. Резко обернувшись, чуть не сбила с ног Мариссу, сияющую свежим профессиональным макияжем. Я увидела свое бледное отражение в ее слегка округлившихся глазах и судорожно сглотнула. Она смотрела на меня, а я изучала ее безупречную прическу. Золотые локоны были уложены в небрежную косу упругими локонами, а выбивающиеся пряди ниспадали на плечи. Тонкую длинную шею украшало кольцо из россыпи камней, таких же многообразных и цветных, как витражи на окнах. На безымянном пальце левой руки поблескивал перстень, а на правом запястье сверкал браслет из того же комплекта. Изумрудное платье, легкое, но облегающее тело, как вторая кожа, переливалось, словно рыба чешуя. Оно прикрывало колени, спереди был глубокий треугольный вырез. Я невольно посмотрела вниз и увидела такие же зеленые и сверкающие туфли на высоких каблуках. Марисса пылала страстью к шпилькам и платформе при своем росте выше среднего. И чтобы посмотреть ей в глаза, мне приходилось

запрокидывать голову.

Девушка опустила перед собой руки и сцепила пальцы, просияв лучезарной улыбкой. А ведь я считала себя обладательницей обворожительной внешности.... Сейчас передо мной стояла бесспорная конкурентка, ведь от ее улыбки даже я потеряла дар речи. Как Мариссе это удавалось?

— Привет, — я изобразила на лице радушие. — Марисса, если не ошибаюсь?

— Не ошибаешься, — необычайно красивым низким голосом пропела она и почти ослепила меня белозубой улыбкой. — Ты здесь по поручению Стэнли? Он ничего мне не говорил....

— Нет. Я пришла по собственной инициативе, — пришлось достать из кармана ветровки пропуск и продемонстрировать Мариссе. Движение одних только глаз — она посмотрела на него, и у нее лицо напряглось. — Полагаю, о моем визите не требуется предупреждать заблаговременно. Или, все же, требуется?

— Нет, конечно, — без интонации ответила Марисса. Она все время улыбалась — будь то широкая улыбка или чуть заметный намек на нее. Я смотрела на девушку и невольно задумывалась, не болит у нее по вечерам лицо? — Этот пропуск дает тебе право приходить в Университет в любое время суток. Когда пожелаешь, Эшли.

— Ну, надо же. Ты запомнила мое имя, — проговорила я задумчиво и тихо. Марисса не расслышала и вопросительно нахмурилась. Просияв, я помотала головой, рассыпав по плечам волосы. — Мысли вслух. Не обращай внимания.

Мы стояли и обменивались любезностями — еще немного, и у меня случилась бы передозировка лицемерием. Я не испытывала неприязни к Мариссе, но меня по какой-то причине задевала ее безупречность и элегантность. Большинство женщин учатся этому, следят за модой и стараются выглядеть на все сто, прикладывая усилия, как физические, так и финансовые. Мариссе же привлекательность досталась от природы. Это как быть футболистом по призванию, иметь дар в кулинарии или писать стихи, едва научившись говорить. Кто-то родился, чтобы разгадывать тайнства мира магии, видеть то, что никогда не увидят другие, а кто-то появился на свет, чтобы быть принцессой. Она рассматривала меня — окинула ненавязчивым, но придирчивым взглядом с ног до головы. Задержав его на лице, едва заметно прищурилась. В ее глазах читалось чисто женское любопытство. Облизав сверкающие помадой губы, Марисса изогнула их в вежливой улыбке. Я ощущала в ней некую ревностность, недовольство моим появлением. Не только в Университете, но и в окружении Стэнли. Видела во мне соперницу? Я не претендовала на внимание Главного Фамильяра, он сам меня выбрал для важной миссии.

Нарушить странную паузу пришлось мне:

— Не подскажешь, где теперь хранятся записи Линетт? Я не была здесь со дня ее похорон, и многое могло измениться....

Улыбка с лица Мариссы испарилась, на нем застыло вежливо-деловое выражение:

— Все дневники и рукописи переехали в архив, а личные вещи остались в ее кабинете. Мы не посмели трогать и перемещать память о ней.

— Отлично! Тогда я пойду, с твоего позволения? Не терпится взяться за дело.

— Безусловно, — растерянно проговорила Марисса. В ее глазах промелькнул вопрос, но слова сорвались с языка быстрее, чем она успела их обдумать:- а чем ты занимаешься, Эшли?

— Разгадываю некоторые несостыковки и заполняю пробелы в биографии Линетт. Я проработала с ней бок обок много лет, но, оказывается, непростительно мало знаю о ее

судьбе. И совсем некстати так сложились обстоятельства, что нам необходимо все выяснить как можно быстрее.

— А, понятно, — коротко сказала девушка и моргнула, из чего я сделала вывод, что ничего ей не понятно. Замечательно. Я и не собиралась посвящать мисс Лучезарность в свои дела.

— Тогда я пойду? — совершенно искренне просияла я.

Марисса неуверенно кивнула. Развернувшись на каблуках, я пошагала по переходу, чувствуя между лопатками зуд от пристального взгляда.

Ворох бумаг, кипа картонных папок и стопки старинных книг лежали посреди просторной комнаты прямо на полу, устеленном старым, рукодельным ковром. Справа стоял старинный диван с резной спинкой и два кресла, обитых розовым шелком, хрустальный кофейный столик на деревянных ножках, высокий книжный шкаф, упирающийся в потолок. Слева — рабочий стол из цельного дерева, массивный стул с высокой спинкой, стеклянная витрина с особо ценными книгами в кожаных переплетах. На окнах колыхались парчовые шторы грязно-желтого цвета. Картины на стенах и канделябры из бронзы — ничего не изменилось, если не считать отсутствие живого духа Линетт. В комнате еще пахло ее духами, но ощущение пустоты напоминало о том, что это всего лишь воспоминание, ее остывающий след. Вскоре он померкнет, и в воздухе навсегда повиснет запах пыли и безжизненной комнаты.

Закрыв за собой дверь, я прошлась по кабинету и остановилась перед ворохом бумаг. Опустившись на колени, провела ладонью над стопой папок, но ничего не почувствовала. Тогда, осторожно потянув за краешек желтого от старости листа, вытащила из стопы рукописную статью Линетт. Ничего примечательного, ведь меня не интересовали ее научные труды — я искала частички воспоминаний, предметы, с которыми могли нахлынуть видения. Первая неудача придала смелости, и я разворошила кипу исписанного пергамента, перебрала каждую страницу, коснулась цветных картонных папок и заглянула вовнутрь, но ничего не почувствовала. На самом деле, видения из жизни Линетт не вызывали у меня бурного восторга, а напротив, высасывали силы. Истощали, будто они питались моей жизненной энергией.

С минуту я просидела на коленях с опущенными руками. Смотрела на гору макулатуры, не принесшей никакой пользы. Похоже, работа не имела отношения к переживаниям Линетт, но еще рано унывать. Пересмотрю бегло все книги, облазаю полки, загляну в ящики стола, даже если поиски не дадут результатов. С каждой новой личной вещью Линетт я приближалась к разгадке, и вскоре должна была обязательно натолкнуться на предмет, запавший ей в душу, по той или иной причине.

Поднявшись с пола, я подошла к дивану и пробежалась по подлокотнику кончиками пальцев, осторожно опустилась на мягкое сидение и откинулась на спинку. Не успела удобно расположиться, как перед глазами мелькнуло мутное воспоминание — точно, как я, Линетт присела и расправила складки пышной юбки из атласа. Платье цвета сочной сливы, рыжие локоны спадали на грудь, и тихий шорох шагов по мягкому ковру. Она смотрела перед собой, сложив руки на коленях. Мимо скользнула вытянутая тень — настолько быстро, что я не успела рассмотреть. Линетт тяжело вздохнула, и видение растаяло. Разочарованно усмехнувшись, я поднялась с дивана и подошла к рабочему столу. Обошла его, проведя ладонью по гладкой отполированной до блеска поверхности, и присела на стул. Сложив руки, долго всматривалась в зеркальную гладь стола, надеясь вспомнить что-то

новое. Застонав, опустила голову на ладони и закрыла глаза, но вдруг скрипнула половица. Резко выпрямившись, я увидела мужчину в черном пальто — настолько отчетливо, что могла разглядеть каждую деталь одежды и внешности. Голубые глаза, от взгляда которых я покрылась мурашками — никогда их не забуду. Легкая щетина представляла собой искусно подобранный образ, словно над его тонкой аккуратной бородкой работал штат стилистов. Темно-русые волосы, небрежно взъерошенные, спадали занавесом, когда мужчина опускал голову, чтобы посмотреть под ноги; губы красивой формы, он то поджимал их, то задумчиво облизывал. Держа руки за спиной, он медленно прохаживался по кабинету Линетт, изредка останавливаясь и косясь, будто желал посмотреть на нее, но не осмеливался. Она же терпеливо ждала, наблюдала за ним, и в груди вспыхивало приятное тепло, когда удавалось поймать взгляд. Мужчина не смотрел прямо в глаза, лишь украдкой, отчего Линетт волновалась и перебирала пальцами. Когда ожидание становилось особенно невыносимым, она барабанила длинными ухоженными ногтями по столу. Мужчина улыбался и прикрывал веки, раздраженно и одновременно польщено.

— Мы не должны ссориться, — тихо произнес он. Открыв глаза, обратил взор на Линетт сквозь занавес волос. — Мы всегда должны действовать рука об руку.

— Так и есть, — небрежно пожав плечами, сказала она.

— Ложь, — голос мужчины заметно похолодел. — Ты отыскала ее — без моего ведома, и решила обременить непосильными обязательствами. Самостоятельно приняла решение сломать жизнь и круто изменить судьбу несчастной девочки!

— Я всегда хотела иметь дочь. Почему ты против?

Мужчина резко повернулся и оперся ладонью на стол. Подавшись вперед, он посмотрел в глаза Линетт, по телу растеклась ледяная дрожь.

— Ты должна была обсудить со мной свое решение! — его голос наполнил просторный кабинет, шипя и перекатываясь, пока не вернулся резким свистящим эхом. Меня обдало напором его силы, обожгло кожу, но не Линетт. Она развеяла магию небрежным взмахом руки.

— Я всегда лично выбирала студентов для Университета, — возразила наставница. Поднявшись из-за стола, она неторопливо обошла его. — Что не так сегодня? Почему именно эта девочка заставила тебя нервничать, Ровер?

— Не называй меня так, — сквозь зубы процедил мужчина и выпрямился. На его красивом лице застыла каменная маска. — Ты знаешь, как я не люблю это прозвище!

Линетт скользнула ему за спину и остановилась. Я ощутила ее смятение бурлящей энергией под кожей, но она держалась уверенно, не подавала виду, что нервничает. И чувствовала особенный трепет, когда смотрела на мужчину. На то, как он медленно поворачивается, чтобы через плечо посмотреть на нее. Ее душу переполняла нежность и любовь, которую, почему-то, она хотела скрыть.

— Ответь мне, прошу, — почти шепотом произнесла Линетт.

— Я знаю, что ты задумала, Линетт, — с жаром бросил он. — И я не допущу.

— А это уже не тебе решать.

Комнату залила колючая, холодная магия, как вода наполняет сосуд. Последнее, что я увидела — мужчина поджал губы и, резко развернувшись, направился к двери, оставив Линетт в одиночестве. И она ничего не чувствовала, кроме обжигающей, ледяной ярости, от которой ломило кости.

Я словно вынырнула с глубины. Подняла голову, жадно хватая ртом воздух, ослепленная

магическим свечением. Дверь неожиданно распахнулась, и я вскочила со стула. Не помню, как оказалась у стены.... Подняв глаза, я увидела, как в кабинет входит Стэнли.

— Что с тобой? — нейтральным тоном поинтересовался он, как будто постоянно видел меня в подобном состоянии. Фамильяр нахмурился, застыв посреди комнаты. На самом деле он натолкнулся на ворох бумаг и папок, и сейчас удивленно разглядывал их.

— Ты застал меня врасплох, — сглотнув испуганное сердце, призналась я. Отлипнув от стены, я подошла к стулу, чтобы опереться на спинку руками и отдышаться. — Видения обрушиваются, когда их совсем не ждешь, но сегодня я намеренно искала повод окунуться в омут воспоминаний Линетт. И оказалось, что едва ли могу выдержать их.

Стэнли обошел бумажный хлам на ковре и остановился около стола, на том самом месте, где миг назад стоял голубоглазый мужчина в черном пальто. Он вел себя рассеянno и задумчиво, будто мой рассказ не вызывал интереса из-за более важных мыслей.

— И что на этот раз?

— Кто такой Ровер?

Лицо Стэнли не дрогнуло, ни единый мускул не шевельнулся, но взгляд застыл на моем лице.

— Впервые слышу.

— Линетт так называла мужчину из видения, — я обошла стол и подошла к Стэнли. Он следил за мной взглядом, но с места не сдвинулся. Когда я встала напротив, глядя в упор, фамильяр слегка приподнял брови. — И ему это не нравилось.

— Больше на собачью кличку похоже, в самом деле, — насмешливо хмыкнул фамильяр, пряча руки в карманы черных вельветовых джинсов. — И я бы запомнил такое необычное имя.

— У Линетт были дети?

Здесь Стэнли не сдержал эмоций — округлил от изумления глаза и повернулся ко мне.

— Нет. Никогда.

— Она отбирала студентов для Университета — это правда? Здесь обучались только одаренные дети магов? — не унималась я. Он скорчил кислую физиономию. Скрестив руки на груди, я прищурилась: — тебе не интересно? Тогда зачем я трачу время и силы на видения?

— Мне безумно интересно, Эшли. Но появились дела гораздо важнее, чем воспоминания Линетт, — сообщил Стэнли и, извиняясь, улыбнулся. Но я чувствовала исходящий от него холод.

— Какие, например?

На его безупречном лице застыло серьезное выражение.

— В городе бесследно пропали две молодые ведьмы — студентки нашего Университета. Фамильяры сбились с ног, но не нашли их следов.

— Одновременно пропали? Обе? — подозрительно переспросила я. Стэнли нехотя качнул головой и поджал виновато губы. Мне это не понравилось. — Тогда почему не забили тревогу, когда исчезла первая ведьма?

— Мы забили, но вторая пропала на следующий день. Вернее, мы предполагаем, что обе ведьмы не вернулись домой в воскресенье, но ее родные не сразу сообщили в полицию.

— В полицию?! Я не ослышалась? Брейнт в курсе?!

— У нас нет выхода, — тихо проговорил Главный Фамильяр. — Мы не можем быть уверенны, что дело по части магии.

— Но что-то заставило тебя думать об этих девушках?!

— Да, — он отвел задумчивый взгляд в сторону. — Предчувствие и опыт.

— Неплохо, — протянула я и холодно усмехнулась. Стэнли закатил глаза и, высокомерно задрав голову, взглянул на меня сверху вниз. — Очень профессионально!

Скорчив гримасу, он передразнил меня и внезапно стал непроницаем.

— Нам не обойтись без особых наблюдений. Вероятно, способностей фамильяров мало для расследования исчезновений двух несчастных девушек....

— И почему ты не попросил меня о помощи? Насколько помню, у нас договоренность.

— Именно поэтому я здесь, Эшли, — Стэнли просиял, но от его ледяной улыбки я лишь поморщилась. — Не могла бы ты....

— Что надо делать? — перебила я его слащавые речи. Фамильяр изменился вновь в лице — теперь он казался довольным и уверенным в себе, словно в очередной раз убедился в собственной неотразимости.

— Пообщаться с родными, осмотреть их дома и личные вещи. В общем, все, что необходимо делать в подобных случаях.

— А ты?

— А я отправлю фамильяров в круглосуточный дозор. Пусть ищут непрерывно и в оба глаза наблюдают за семьями жертв.

Стэнли покинул кабинет так же стремительно и изящно, как и появился. На столе лежал свернутый вдвое лист бумаги с адресами пропавших ведьм. Дождавшись, когда за дверью стихнут шаги фамильяра, я взяла в руки записку и бегло пробежалась взглядом по надписям, выведенным красивым почерком перьевой ручкой. Первая жертва — Адриана Хиггинз — проживала в фешенебельном районе Вижн. Вторую звали Валери Гилберт, и родом она была из Старого города. В глаза сразу бросилось различие между пропавшими девушками — они принадлежали к разным социальным классам, что значительно сокращало вероятность их не знакомства, так дружбы. Пока единственное, что объединяло жертв — это то, что они были ведьмами и учились в Университете.

Спрятав клочок бумаги в карман джинсов, я поспешила покинуть кабинет, чтобы успеть до наступления темноты поговорить с родными жертв. У меня не было документального основания проводить расследование, из-за чего еще предстояло побадаться с полицией. Но время имеет свойство ускользать сквозь пальцы, как песок, а в нашем случае время — жизни несчастных девушек. Поэтому мне следовало сделать все, чтобы не встречаться с детективом Брейнтом.

Проходя по коридору, я сбавила шаг, чтобы еще раз посмотреть на дерево с красными ягодами. Несколько сочных плодов упали, одна ягода покатила по полу, перебегая мне дорогу. Я застыла, наблюдая за ней, мысленно уносясь прочь, в Старый город, откуда решила начать расследование. Безумно хотелось раздавить ее, но я устояла перед неожиданным побуждением. Меня ждало расследование.

На улице было мрачно и сыро. Дождь еще не начался, но холодный ветер и запах сырости извещали о его приближении. Застегнув куртку, я сбежала по ступеням и взмыла в воздух пушистым и очень быстрым облачком. До улиц Старого города я добралась за считанные минуты и опустилась на землю перед одноэтажным домом из красного кирпича. Черепичная крыша с флюгером и дымоходом, большие светлые окна, веранда с плетеной мебелью и небольшой палисадник у крыльца — совершенно обычный дом без излишеств. Просторный двор с подстриженным газоном, по которому ветер разбросал пожелтевшие листья с деревьев, выстроившихся стеной за забором. Дома соседей стояли чуть поодаль, и вид дома Валери Гилберт навевал ощущение одиночества.

Шагнув к деревянной калитке, я ощутила защитные чары и остановилась. Посмотрев на окна, осторожно нажала кнопку над замком. Из-за шторы выглянула белокурая женщина. Вежливо улыбнувшись, я помахала ей.

Она почти бежала по дорожке из коричневой плитки, кутаясь в клетчатую шаль. Волосы средней длины завиты для придания объема прическе. Невысокая, худощавая, лет пятидесяти с хвостиком, ухоженная женщина. На ней было шерстяное синее платье прямого классического покроя длиной ниже колен и домашние туфли. Когда мы встретились взглядами, я заметила припухлость вокруг серых, потускневших глаз.

— Здравствуйте. Меня зовут Эшли, — сдержанно улыбнувшись, поздоровалась я. Женщина внимательно разглядывала мое лицо, кутаясь в платок на холодном ветру. — Я хотела бы задать несколько вопросов о вашей дочери Валери....

Она поджала губы, сдерживая нахлынувшие слезы, и, энергично закивав, открыла

калитку. Странно, но я ожидала некоторых трудностей в опросе родственников, ведь к полицейскому расследованию мой интерес дела не имел. Вероятно, они еще впереди, но по возможности следовало предупредить женщину об области моей деятельности....

— Меня прислали из Университета, — осторожно сообщила я, когда мы торопливо шли по дорожке к дому. Женщина только закивала, коротко посмотрев на меня. Я растерялась окончательно: — я не из полиции. Меня зовут Эшли Браун. А вы...?

— Миссис Гилберт, — проронила женщина дрожащим голосом.

Она поднялась по деревянным ступеням, прошла веранду, открыла передо мной дверь и пропустила в дом. Посмотрев на ее заплаканное лицо, я решила, что в состоянии, в котором пребывала несчастная мать, абсолютно все равно, кто заявился поговорить о ее горе. Тяжело вздохнув, я вошла в уютную прихожую и тщательно вытерла ноги о круглый пушистый коврик в форме спелого помидора. Слева висело зеркало в художественно ковanej раме, под ним комод из трех ящичков, слева — полка для обуви и платяной шкаф. Обои с цветочным орнаментом медного цвета, люстра и бра над зеркалом кованые и стилизованные под старинные уличные фонари.

Миссис Гилберт поспешно закрыла дверь и припустила вперед меня на кухню, которую было видно через арку. Уютно обустроенное помещение, где ваниль и шоколад — являлись преобладающими цветами. Встроенная техника, большие светлые окна в ажурных белоснежных шторах, в центре — небольшой столик и несколько стульев. Белая скатерть, ваза с садовыми цветами, в глаза бросалась безупречная чистота, а в воздухе витал аппетитный аромат свежее испеченного пирога. Я искала глазами источник запаха, но подбежавшая к духовому шкафу миссис Гилберт подсказала, где он. Когда она вынимала пышное и румяное произведение кулинарного искусства, ее лицо озарилось, а слезы высыхали. Поставив форму с пирогом на стол, женщина вернулась к духовому шкафу и извняла из него противень с пирожками.

Отодвинув стул, я опустилась на него, наблюдая за увлеченно порхающей по кухне хозяйке. Она суежилась, укладывая готовые пирожки в блюдо, застеленное пекарской бумагой, смазывала противень и заполняла его комочками теста, которые отщипывала от большого куска теста в глубокой миске. Комочки формировались в симпатичные полумесяцы без ее помощи, но по средству магии, после чего отправлялись в духовой шкаф. Обтерев руки полотенцем, она повернулась ко мне.

— Не хотите чаю?

— Нет, спасибо, — вежливо отказалась я, едва заметно улыбнувшись. Миссис Гилберт помрачнела и опустилась на стул, будто я напомнила ей о причине своего визита. Она черпала силы и радость из приготовления выпечки, а я заставила ее вернуться с небес на землю. Каждый переживает горе по-своему, но я бы не хотела спешить и ставить крест на мыслях о том, что Валери жива. Тело не найдено, а, значит, смерть не доказана. Как сказал бы Лукас: нет тела — нет дела.

— Мы можем поговорить о вашей дочери Валери?

— Да, — чуть слышно отозвалась женщина и посмотрела на меня сверкающими от непролитых слез глазами. — Что бы вы хотели узнать? Я готова рассказать все, что вам могло бы помочь.

Честно говоря, я сама не знала, с чего начать. Стэнли не дал мне никаких инструкций и сведений о пропавших девушках — абсолютно никаких, вплоть до возраста. Поэтому нужно было начинать с самого начала.

— Как давно вы переехали в Мортелль, миссис Гилберт?

— Задолго до рождения Валери, — теребя подол кружевного фартука, сказала она. — Мы с мужем покинули леса и заселились здесь, устроились на работу к людям и старались не выделяться. Валери — первая в нашей семье, кто получит высшее магическое образование. Мы так мечтали....

— А какие предметы она выбрала?

В мире магов в Университете не получают общего образования — стандартные дисциплины должны быть изучены в образовательном учреждении людей. Юные маги приходили в Университет, чтобы получить специальность, но прежде нужно пройти отбор. Комиссия, состоявшая из магов-предметников, отбирала студентов, которые, по их мнению, заслуживали право обучаться в заведении. Стандартная процедура, но, как правило, далеко не всем она по зубам. Линетт выбрала меня, и я стала ее ученицей, а после — помощницей. Тем, кому не посчастливилось попасть в ряды избранных, ничего не оставалось, кроме как овладевать специальностями людей.

Однако, комиссия не только студентов фильтровала, но и отслеживала работу полиции людей, проводила своеобразные курсы повышения квалификации и тщательно следила за соблюдением всех законов и договоренностей между людьми и магами. Каждый детектив отдела магии обязан пройти такую комиссию, иначе его не допустят к работе. Лукасу же только предстояла эта процедура — комиссия была временно распущена после смерти Линетт.

— Артефакторика, эликсироведение, магия элементов, защитная магия и магия времени. Мы вместе выбирали.

— Интересные предметы, — отметила я. В свое время я отдала предпочтение магии тьмы, защитной магии, магии пространства и естественной магии. Линетт настаивала на ясновидении и телепатии, но я не посчитала их важными. Мои способности не укладывались ни в одну из дисциплин, преподаваемых в Университете, поэтому мы развивали их самостоятельно, так сказать, факультативно — в кабинете Линетт, когда ни одной живой души не оставалось в замке. — А кого из ее однокурсников вы знаете, миссис Гилберт?

— Валери почти ни с кем не общалась, — протянула рассеянно женщина. — Но я слышала от нее много про Адриану Хиггинз, и преимущественно скверное.

— Они не ладили?

— Валери и Адриана из разных слоев общества, — осторожно сказала миссис Гилберт и, виновато поморщилась. — Знаете, как это бывает....

— Догадываюсь. Значит, кроме предметов, они не имеют ничего общего?

— Конечно, нет! Валери — милая и тихая домашняя девочка, а Адриана любит шумные вечеринки и дорогую одежду. Как сами считаете, что их может объединять?!

Осторожно кивнув, я понимающе улыбнулась. Не стоило ей объяснять то, что она глубоко заблуждается. Забитые девочки легко попадают под влияние звездных приятельниц и попадают в плохую компанию. У матери и без того душа болела.

— А других имен вы не знаете?

— Сабрин Дей, если не ошибаюсь, всегда крутится около Адрианы и ей во всем потакает, чтобы набиться в близкие подружки. Еще слышала о Мариссе, — многозначительно добавила женщина, понизив голос до шепота.

— И что же вы слышали? — так же тихо поинтересовалась я, закинув ногу на ногу. Слегка подавшись вперед, сложила руки на столе, чтобы показать хозяйке дома, что я

внимательно слушаю ее.

— О том, что она помогает Валери с учебой, хотя все ее считают зазнайкой. Ведь Марисса стала совсем недавно главой охраны в Университете. Валери тяжело дается артефакторика, — сокрушенно сказала женщина. — А Марисса превосходно учится.

— Да, я в курсе ее успехов, — отозвалась я.

На духовом шкафу сработал таймер, и миссис Гилберт поднялась со стула. Ее словно подменили — в глазах появился блеск, лицо зарумянилось точно свежее испеченный пирог. Самозабвенно вынимая противень и раскладывая горячие пышные булки по тарелкам, она будто позабыла о моем существовании. Однако, когда последний пирог оказался на блюде, а в миске с тестом опустело, женщина снова помрачнела и опустила на стул.

— Я хотела бы уточнить, — осторожно проговорила я. — Валери не посещала вечеринки и нигде не задерживалась после учебы?

— Случалось, — кивнула миссис Гилберт. — В Университете есть книжный архив, где дочь проводила много времени. Иногда возвращалась домой за полночь.

Чудесная отговорка. Похоже, Валери часто ею пользовалась.

— И вы не заподозрили ничего странного?

— Валери никогда нас не обманывала. С чего бы мне не доверять ей?

Хотелось объяснить женщине, что в жизни каждого подростка, даже такого великовозрастного, как молодая ведьма, случаются моменты, когда приходится лгать родителям. Это связано не только с употреблением чего-то запрещенного или дурной компанией — нередко тому виной гормоны и красивое слово «любовь». Но я решила тактично промолчать, потому что мать Валери Гилберт могла неверно понять.

— А где ваш муж, миссис Гилберт?

— Алвин работает поваром в ресторане «Феерия». У него почти не бывает выходных. Страсть к приготовлению к пище у нас общая.

— И как Алвин относится к дочери?

Миссис Гилберт подняла на меня большие блеклые глаза. У нее задрожали губы.

— Души в Валери не чаёт. Каждые выходные они выбирают на природу, устраивают походы. Но в последние несколько недель дочь с головой ушла в учебу, запиралась в комнате и заучивала лекции по....- она запнулась. Взгляд женщины растерянно забегал. Всплеснув руками, она в сердцах прошептала:- понятия не имею, что она там делала! Но Валери все реже спускалась к нам в гостиную — мы всегда ужинаем за одним столом строго в семь часов вечера.

— Семейная традиция, — пробормотала я. Она обреченно кивнула. Я не стала поднимать вопрос о недоверии, миссис Гилберт ясно дала понять, что дочь не могла лгать. Все лгут, а Валери не могла. Чушь. — И молодого человека у нее не было?

Глаза матери округлились, потемнели от гнева.

— Учеба — прежде всего, мисс Браун. Мы не запрещали Валери заводить романы, — сказала она голосом, противоречащим всему сказанному. — Но амурные дела у дочери стояли на последнем плане. Нет, у Валери не было молодого человека. Мы бы знали.

На мгновение я утратила дар речи. Довольно взрослая девушка поставила крест на романтических отношениях до окончания Университета? Сильно сомневаюсь. Похоже, родители наседали на нее с учебой. Я бы на ее месте тоже запиралась в комнате и убегала через окно на вечеринки!

Перебирая пальцами, она посмотрела на меня глазами, полными печали:

— Вы найдете мою дочь?

— Сделаю все возможное, — неуверенно пообещала я. — Все будет хорошо, миссис Гилберт.

Закивав, она заплакала и уткнулась лицом в скомканный в руках подол кружевного передника. Решив, что пора заканчивать разговор, я выпрямилась и поднялась из-за стола.

— Вы позволите мне осмотреть комнату Валери?

— Да, конечно. Вторая дверь направо после кухни, — сквозь рыдания произнесла женщина. — Только я там прибралась.

Меня всегда «умилиали» такие люди: в их семье произошло несчастье, и любая мелочь, крохотная пылинка могла послужить уликой и указать на местонахождение жертвы или эпизод, приведший к неблагоприятному стечению обстоятельств. Но нет! Горе горем, а влажная уборка должна быть каждый день по расписанию. И их не волнует, что зацепка, которую они смахнули щеткой, могла спасти жизнь их несчастному родственнику.

Небольшое светлое помещение, где не было ничего лишнего — кровать, шкаф, рабочий стол и кресло, туалетный столик, а так же большие книжные полки. Рельефные обои цвета топленого молока, плотные, но мягкие на ощупь шторы на окнах струились, словно карамель. Мебель темная и строгая, на полу — ковер в тон шторам. Книги на полках в алфавитном порядке, одежда в шкафу висела аккуратными пестрыми стопочками. Безликая и неживая комната — я не ощущала в ней ровным счетом ничего, кроме отвращения к безупречной чистоте. Она казалась мне неестественной, и можно было не рассчитывать натолкнуться хоть на что-то, выбивающееся из повседневной картины.

Уже собираясь уходить, я услышала странный звук и замерла. Оглядевшись, прислушалась к тишине пустой комнаты и уловила тонкий хруст. Не понимая, откуда он мог идти, прошла по периметру спальни и остановилась напротив туалетного столика с зеркалом. И сначала было слышно только треск стекла, но когда я подошла ближе и присмотрелась, то обомлела — зеркало покрывалось паутиной трещин. Сквозь них проглядывала пустота, и зеркальная гладь темнела на глазах. Казалось, я смотрю во мрак, а зеркало крошилось на множество кусочков, в каждом из которых я видела свое крохотное бледное отражение. Жутко и удивительно, я не видела такого раньше.

Чем дольше я смотрела в зеркало, тем громче оно трещало, тем мельче были осколки. В помещении заметно похолодало, мороз по коже бежал — от зеркала веяло тьмой. Сердце заволновалось, почуяв беду. Я не выдержала и шагнула прочь от столика, зажмурилась, надеясь справиться со страхом, а когда вновь открыла глаза — зеркало было чистым и девственно гладким. Что бы это могло быть? Может, оно было куплено на домашней распродаже или проклято? Никогда не сталкивалась со столь жуткими явлениями и не могла понять, какова его природа. И пока я размышляла, на меня смотрело мое собственное отражение, и мне оно больше не казалось нормальным.

Оглядевшись еще раз, я в задумчивости побрела в кухню, где миссис Гилберт вдохновенно месила новую порцию теста для пирогов. Кажется, женщине срочно нужна психологическая помощь.

— Миссис Гилберт, — осторожно позвала я. Женщина замерла и испуганно обернулась. — А что конкретно вы прибрали в спальне Валери?

— Ох, — она медленно повернулась ко мне, и ее руки были в тесте. — На полу была свалена вся ее одежда из шкафа. Беспорядочной кучей.... Я весьма удивилась, ведь Валери — очень аккуратная девушка.

— А туалетный столик? Как давно вы приобрели его?

— Когда Валери пошла в школу, — охотно сообщила женщина. — Купили в магазине. А что? С ним что-то не так?

— Нет, все хорошо. Спасибо, — рассеянно произнесла я и попятилась к выходу. — Извините, если доставила вам неудобства.

Когда я вышла, на улице сгущались тяжелые сумерки. Я чувствовала тьму, кожа вибрировала от ее движения, но, оглядевшись, не обнаружила ни одного «мертвого» дома. Отчетливое ощущение паники нарастало с каждой секундой. Я застегнула куртку и поспешила покинуть территорию чужого жилища. Свинцово-серые тучи ворочались над городом, укутывали его в плотное холодное одеяло из облаков. При одном взгляде на небо становилось понятно, что солнце надолго покинуло Мортелль. От мысли об этом страх пробирал до костей. Я вышла на дорогу и быстрым шагом направилась вверх по улице, не оглядываясь и не придавая значения формирующимся над головой темным массам. Все больше казалось, что это не тучи вовсе. Сердце подпрыгнуло, задрожало обжигающим леденцом на языке. Я слышала свой пульс, оглушительный и беспокойный, в ушах гудело от шума крови, а над головой завывал ледяной ветер. Он срывал листья с деревьев, небрежно и жестоко обнажал ветви, хлестал по лицу, но я упрямо шла вперед, к арке. Обращаться в дым показалось опасным делом в нелетную погоду, и я решила добраться до дома пешком — всего-то два квартала разделяло меня от теплой уютной комнаты, где злился и метался из угла в угол Бен.

Я остановилась в арке отдышаться и обернулась. Взглянув на зловещее небо, долго следила за плавными изгибами туч, которые закручивал порывистый ветер. И чем дольше смотрела, тем отчетливее становилось огненно-алое мерцание. Уже понимая, что вижу, не верила своим глазам. Небосвод затягивал черный дым, заслонял от хмурых слоистых облаков. Приближалась гроза. Я чувствовала запах дождя сквозь удушливую гарь и боялась пошевелиться. От такой своры мне не скрыться....

Темнота накрывала город. Я обвела взглядом проспект сквозь чернеющий тоннель арки, насколько хватило обзора. Опасность приближалась, описывала круги над крышами домов. Что же делать? И откуда взялось столько бэлмортвов? Неужели Том обзавелся друзьями?!

В тоннель задул резкий порыв ветра, волосы отбросило назад. У меня перехватило дыхание, и по коже пополз холодок. Посмотрев назад, я увидела столб дыма, преградивший путь, и рванула вперед. Но остановилась, едва не натолкнувшись на другого бэлморта. Он повис над выходом из арки. Они загнали меня в капкан, но не в моем характере сдаваться без боя. Оставался шанс улизнуть — прошмыгнуть перед носом у одного из охотников. Я побежала и обратилась в дым, он догадался, двинулся в сторону, но узкого зазора мне вполне хватило. Проносясь почти вплотную к бэлмарту, я чудом не расплавилась от исходящего от него жара. Взмыла вверх и помчалась над крышами домов. Гремели раскаты грома, несколько тяжелых капель врезались в лицо, но я продолжала мчаться без оглядки. И на какой-то момент даже поверила, что сумела оторваться.

Свернув за угол многоэтажного дома на пересечении улиц Старого города и улицы Роз, я обогнула здание. Решила снизить высоту, но что-то заставило меня посмотреть вверх. Над головой кружило пятеро бэлмортвов — черные вихри плыли по воздуху, переплетаясь друг с другом, неспешно и плавно. Они будто бы и не собирались нападать, только наблюдали. Что происходит, в конце концов?! Что им нужно, и почему они бездействуют? Я, конечно, не рвалась биться с толпой убийц, но и находиться в их окружении мне тоже не особо нравилось. Так в чем, все-таки, дело?

Собравшись с духом, я снова разогналась и полетела над землей, низко, почти касаясь верхушек молодых деревьев и кустарников. Бэлморты неторопливо следовали за мной, держали в постоянном напряжении, играли. А когда нервы натянулись, словно оголенные провода, влил ледяной дождь. Крупные капли били по лицу, и я подумала сбавить скорость, опуститься на землю. Внезапно небо озарил мощный электрический разряд и ослепил меня. В глаза попала вода, когда я снижалась. В панике рванув вперед, налетела на что-то твердое и острое, упала и покатила по сырой траве. Падение оглушило на мгновение, но и этого бэлмортам было бы достаточно, чтобы покончить со мной. Едва подумав о своре охотников, я пришла в себя — страх оказался сильным стимулом. Ну почему я такая неуклюжая?!

Закрыв лицо руками, проклиная себя за невезучесть, я села на колени и потеряла глаза. Когда зрение вернулось, заморгала, посмотрев на бушующее небо. Глотнув влажного холодного воздуха, я почувствовала облегчение, но вдруг спину полоснуло жаром. Я прогнулась от боли и силы удара. Вскрикнув, упала лицом в мокрую зелень. Мир исчез, вокруг меня был белый шум. Только мое хриплое, жадное дыхание перебивало его. Уткнувшись лицом в мокрую зелень и промозглую землю, я потеряла счет времени. Ветер безжалостно трепал обрывки одежды на спине, которую будто разрезали раскаленным кинжалом. Холодные капли обжигали рану, я вздрагивала, судорожно всхлипывая. При падении я разбила губу, по подбородку стекала струйка крови. Я стерла ее тыльной стороной ладони. Приподнявшись и повернув голову, захотела посмотреть. Глубокая борозда вдоль позвоночника, с обугленными краями и влажным кровавым блеском. Казалось, у меня все кости наружу — боль была невыносимой. Кожа вокруг раны пылала, дотлевая, покрывалась черной коркой. Кровь запеклась, я боялась пошевелиться. Тело пульсировало, словно одна нарывающая язва. И чем дольше я оставалась неподвижной, тем быстрее мутнело в голове. Дико хотелось свернуться калачиком и закрыть глаза. От страха и бессилия сдавило горло. Я не могла позвать на помощь. Да и кого? Я знала, на что шла, так почему жалею себя, схлопотав первую ссадину?! Никто не говорил, что будет легко и просто. Поэтому я должна взять себя в руки и подняться, во что бы то ни стало.

Черный вихрь пронесся над головой, когда я почти была на ногах. Порывом воздуха меня снесло назад. Пролетев дугой, я рухнула навзничь и выгнулась от мгновенной боли. Вопль застрял в горле, тело свело судорогой. С хрипом вдохнув, я упала на траву. Мир вращался, но мне удалось перекатиться набок. Из глаз еще сыпались черные искры, а я уже пыталась встать, вздрагивая каждый раз, когда капли дождя попадали на оголенную рану. Я сосредоточилась на боли и не чувствовала холода. Где-то рядом скрипнула калитка, ударила о забор — от дома Майло взметнулся вихрь. Не успела повернуться, как он опустился передо мной, искрящаяся мгла расползлась над поляной. Из небыстрым шагом вышел сосед. Упав на одно колено, он склонился надо мной, от чего темные прямые волосы свесились вперед. Его глаза сияли, зрачки утонули в белом свете магии.

— Кто они? Ты в порядке? — его голос послышался издали. Перед глазами расплывалось. Я прищурилась, чтобы видеть лицо Майло. В висках стучал пульс, тошнота подкатывала к горлу. Сглотнув, я приподнялась на руках.

— Выкарабкаюсь.

— Почему они напали? — он помог мне сесть, придерживая за локоть. Меня обдало жаром его силы, снова сбилось дыхание.

— Я бы тоже хотела знать. Вероятно, кто-то решил свести со мной счеты.

— Их нужно остановить, — почти прорычал парень и неуловимым движением

выпрямился, оказался на ногах. Я подняла голову — Майло стоял в белом сиянии собственной энергии, сжимая кулаки.

— Не вмешивайся, Майло, — сказала я и, прикрыв глаза, облизала пересохшие губы. Во рту появился солоноватый вкус, я поморщилась и вновь посмотрела на него. — Ты не должен. Не хочу, чтобы ты пострадал из-за меня.

На его лице отразилось искреннее недоумение, смешанное с гневом.

— Предлагаешь остаться в стороне и через окно наблюдать за тем, как тебя убивают? Не выйдет, — его голос оборвался, меня окутал черный дым и удушливый запах гари. Майло взмыл в воздух, обдав жаром.

К своре бэлмортвов несся еще один вихрь. Он вмазался в бушующее облако — полетели мерцающие, испещренные огнем клочья. Разделив охотников, Майло набросился на одного из пятерых, и они сплелись в немыслимом танце. У меня по спине скатилась капля пота — воздух накалился, плавился, словно улицу охватило пожаром. Листья на деревьях съеживались, ссыхались и, вспыхивая и тлея, падали на землю. Подобрав к груди ноги, я села почти без помощи рук. К этому времени Майло уже бился с другим бэлмортвом. Я с ужасом косилась в их сторону, стараясь не упустить из виду трех других охотников. На миг показалось, что между ними случилась потасовка — один из черных вихрей разгонял оставшихся двоих. Он поднимался над улицей, набирал скорость и летел, разрывая небо, пронзая воздух палящей, переливающейся бурей. Раздавшийся хлопок оглушил меня, погасил раскат грома. Его отголоски прокатились треском по округе, будто молния угодила в дерево и переломила его. Бэлморты столкнулись, и удар силы разнесся зыбью, прибил траву к земле. Почва подо мной вздрогнула, над головой вспыхнуло небо, и улицу озарило алой вспышкой. Я зажмурилась и пригнулась, охватив себя руками.

И не заметила, как вниз рванул охотник. Один из вихрей отбился от своры, приметив меня, и решил добить, пока другие отвлеклись. Бэлморт облетел улицу, сделал круг над поляной — за ним тащился огненный шлейф, как у кометы. Он мчался так низко и быстро, что от порыва воздуха траву вырывало с корнями из сырой земли. Порывом воздуха меня снесло назад. Я упала на руки, не потревожив рану, и прерывисто вздохнула. Смерть приближалась, неслась мерцающим черным ураганом. Из глубин тела поднималась сила, пробежала покалывающей волной жара по коже. Ужас застилал глаза, но я готовилась встретить мучительную боль и попытаться отразить удар. Бэлморт почти настиг меня, но внезапно его на полном ходу сбил другой — я вскрикнула, прикрыв лицо согнутой в локте рукой. Он налетел из ниоткуда и вмазался черной густой массой в такой же черный вихрь, слился с ним в единое целое. Бесформенное облако унеслось прочь, срывая вспыхивающую сухую листву с ветвей. Я зажала рот ладонью, чтобы не завопить. Перед глазами небо слилось с землей, надо мной кружились черные знойные облака, боролись и швыряли друг друга. Первый сгусток дыма покатился по горизонту, а потом вдруг огромной воронкой спустился вниз. Поднимаясь на ватные ноги, я запрокинула голову — звуки обрушились болезненной лавиной. Меня захлестнуло волной ощущений, скрутило конвульсией, повалило оземь. Раскаты грома, вспышки молний, озаряющие темное небо, а по нему, будто по ковру, катались несколько черных, искрящихся огнем шаров, сотканых из дыма. Завораживающе и пугающе до смерти. Зрелищное шоу с ошеломительными спецэффектами. Я словно попала в фантастический боевик и не могла выбраться.

Не понимая, что происходит, и почему бэлморты дерутся между собой, я отползла к дороге. Я не видела, кто из них ранил меня — в нематериальном облике все бэлморты

одинаковы.... Единственное, что знала наверняка — среди них не могло быть Бена. Так кто же они? И откуда взялись? Неважно. Сейчас они разрывали небо и крушили грозовые облака, мерялись силой, а я осталась без внимания, и была этому безумно рада.

Осторожно проплывая между домами, я прислушивалась к каждому звуку, к каждому раскату грома, стиснув зубы от боли. Если это был Том, то у меня появилась еще одна причина для ненависти и мести. Почувствовав ногами твердую почву, я побежала вдоль улицы. До дома было рукой подать, но вдруг на дорогу, которую я перебегала, спустился бэлморт. Плавнo подплыл ближе и повис в воздухе. Остановившись, я обернулась — позади стоял еще один охотник. Они преградили путь, окружили, но не спешили нападать. Я не осмелилась побежать к калитке. Страх почти парализовал тело и мысли, и я ничего не чувствовала, кроме холода и дождя, хлеставшего по щекам. Вода стекала по мокрым волосам, капала с одежды на асфальт, струйками бежала по коже под курткой, заливалась в рану. Я слушала свое дыхание, глядя во тьму мерцающего дыма, обретающего форму человеческого тела. И меня заполняла сила. Она забирала светлую часть моей души, где кроме безмолвия и шороха помех ничего не осталось. А я охотно отдавалась ей. Я почувствовала, как глаза наливаются светом. Кулон дрогнул, опалил кожу на груди, но дождь тут же охладил ее. Камень зашипел, потемнел. Кончики пальцев закололо, магия расплескалась вокруг меня золотистым ореолом. И это было чертовски приятное ощущение.

Дым формировался, уже показались ноги. Время загустело, капли повисли в воздухе, и мое сердце тоже замерло. Сила потекла по венам вместо крови, достигла сердца и скользнула в него — тело пронзило тепло, словно молния ударила. Воздух вибрировал, магия рябью плыла к бэлмортам. Какая-то часть меня была уверена в том, что необходимо сделать, и я прислушалась к ней. Медленно вышла на середину дороги и встала перед бэлмортом. Он еще не успел материализоваться, время продолжало густеть, но я уже выставила вперед руку.

— Убирайтесь! — мой голос разнесся по улице раскатом грома, отразился от крыш. Завертелись флюгеры, как сумасшедшие, закрипели ставни на окнах домов. Эхо отзвенело, и на улицу опустилась оглушительная тишина. Лишь шум дождя, стук неторопливых капель по лицу...

Я еще не поняла, что произошло, а бэлморты закружились черной воронкой и унеслись ввысь, исчезли во тьме ночного неба. Остался лишь Майло — он медленно спускался на дорогу. Внезапно время продолжило свой естественный ход — дождь обрушился на землю. Жадно хватая ртом воздух, я огляделась, едва устояв на ногах. Бэлморты убрались восвояси, не тронув меня. Они послушались. Как такое может быть? И что вообще произошло здесь?

— Поздравляю, ты обзавелась поклонниками, — сказал Майло, выходя из черной мглы. Усмехнувшись, он наклонился и протянул мне руку. Сила таяла в его темных глазах, на смену ей пришло знакомое тепло.

Я окинула его тревожным взором, но не нашла травм, лишь рукав домашней красной байковой рубашки еще дымился. Похоже, будет дырка.

— Какие же вы, бэлморты, все вспыльчивые, — проворчала я, опираясь на предложенную им ладонь. — Ты не видел, кто из них оказался из другого стада?

Майло рассмеялся, сверкнув белозубой улыбкой.

— Увы, нет. Он сражался против четверых, я облегчил ему работу. Но лица его не видел, прости. В нематериальном виде мы все одной масти.

Оказавшись на ногах, я попыталась отряхнуться, но обожженная спина отомстила мне

болезненным спазмом. Не смея больше шевелиться, я посмотрела на Майло. Он больше не улыбался, между бровей пролегла морщинка. С шумом втянув носом воздух, он окинул быстрым взглядом улицу.

— Тебе необходима помощь. Кто знает, когда эти недоумки надумают вернуться.

Адреналин отхлынул, и меня буквально давило к земле от слабости. Ноги подкашивались, руки тряслись. Майло пришлось взять их в свои ладони, чтобы я не упала.

— Почему они меня послушались? — я цедила слова тихим, сдавленным голосом, потому что иначе заорала бы. Заорала бы от боли и страха.

— Не понимаю, о чем ты, — устало ответил он и, придерживав за талию, помог дойти до дороги. Вцепившись в его плечи, я доковыляла до калитки, ни разу не пискнув. Остатки куртки трепал ветер, причиняя боль. Майло бережно подхватил меня, когда колени подогнулись.

Схватившись за колья забора, я жадно вдохнула. Майло стоял рядом, я чувствовала на себе тяжесть его взгляда. Подставив лицо дождю, зажмурилась и с минуту наслаждалась его мерным шумом. Молния сверкнула вдалеке, я ощутила вспышку, и над головой задрожало небо от удаляющегося грома.

— А мне кажется, что понимаешь, — открыв глаза, я опустила голову и покосилась на соседа сквозь занавес мокрых волос.

Майло смотрел на меня в упор. Выражение его лица стало пустым, непроницаемым, глаза — холодными и красивыми, в них ничего нельзя было прочесть.

— Ты была крайне убедительна. Какой еще ответ ты хочешь от меня услышать?

— Не знаю, — честно сказала я и пожала плечами. — Хоть какой-нибудь, чтобы мне не было так мучительно больно думать. Все перемешалось, спуталось, и я перестаю хоть что-то понимать, — я огляделась. Ни одной птицы поблизости, пернатая армия покинула меня. Стэнли отозвал их?

— Очевидно, они заняты более важным делом, — озвучил мои мысли Майло и тяжело вздохнул. — Меня пугает твоя рана, Эшли. Похоже, придется накладывать швы.

Я затрясла головой и отступила от забора, не отпуская колья. Так и замерла на вытянутых руках, скривившись от боли. Майло шагнул ближе и придержал меня за плечи. От него пахло гарью, но под этим едким запахом улавливался слабый аромат ванили. Как странно видеть истинное обличие Майло после стольких лет знакомства. Совершенно другой парень, но такой же близкий. Почти все в нем казалось непривычным, как если бы мы встретились после долгой разлуки и заново узнавали друг друга.

Я с шумом выдохнула.

— Нет, ни за что! Сестры не должны знать об этом.

— Все соседи наверняка в курсе, — он не сумел сдержать улыбки. — А ты опасаясь гнева сестер?!

— А зелья никакого нет?

— Простое зелье исцеления здесь не поможет, — Майло нахмурился, его руки исчезли с моей спины — он вдруг растворился в воздухе, черной песчаной бурей унесся в дом. Я покачнулась от неожиданности.

— Жидкие стежки.

Я снова не видела движения Майло и чуть не вскрикнула, когда он появился уже с другой стороны. Он протянул мне пузырек с черной жидкостью, похожей на смолу. Я не шелохнулась. Тогда сосед самостоятельно положил его в карман моей куртки.

— Бэлморт серьезно ранил тебя. Если бы не ожег, ты потеряла бы много крови. Только это теперь поможет.

— Проводишь меня до калитки? — сипло попросила я. Майло охотно кивнул и взял меня под руку. Я посмотрела на окна своего дома. На втором этаже горел свет, шторы были задернуты. Защитная магия искажала реальность в некоторых случаях, и Бен мог не услышать вакханалию за окном. От огненного зарева не осталось и следа, на улицу опустился тихий осенний вечер. Сегодня мне чудом удалось пережить нападение бэлмортиков. На месте своих соседей, я бы переехала подальше отсюда. Подальше от меня. Наверняка кто-то из них видел все в деталях. И мне нечего будет сказать в свое оправдание. Да черт с ним.

Я побрела на ватных ногах к дому, дрожа от холода. Мокрая насквозь одежда прилипла к телу, рана на спине пылала, нарывала, и каждое движение давалось с болью. Ко всему этому прибавьте усталость — я готова была лечь на пороге и больше не шевелиться. Хватаясь за перила негнущимися пальцами, я поднялась на крыльцо и вошла в дом. На кухне горел свет, но никого не было. Шаркая ногами, я добрела до лестницы на второй этаж. За мной тянулся шлейф из капель воды и крови, но я ничего не видела и не слышала, нацеленная на дверь спальни. Она манила и обещала тепло и скорое выздоровление, но где-то совсем близко раздалось кошачье рычание. Меня охватил панический страх. Объясняться перед Джошем я не хотела, а у него накопилось достаточно причин припереть меня к стенке. Я поговорю с ним, но не сейчас. Не чуя боли, я побежала к своей комнате — пожалуй, со стороны это смотрелось крайне неуклюже и неестественно. Взявшись за ручку, я потеряла несколько секунд, шаря окоченевшей рукой в карманах джинсов в поисках ключа. Когда Персик уже взбежал по лестнице, я буквально ввалилась в спальню и закрыла за собой дверь. Оставив в замке ключ, прислонилась к ней лбом и прикрыла тяжелые веки. Меня трясло от усталости, от напряжения и боли мышцы одеревенели. Стараясь дышать ровно и глубоко, силясь унять беспокойный пульс, я захотела взглянуть на рану.

— Что это? — раздался голос Бена.

Удивление, тревога, волнение — неужели я слышу все это?

Медленно обернувшись, я посмотрела на него загнанным зверем сквозь занавес мокрых волос. Зубы стучали, чудом не раскалываясь, по лицу стекали капли, и было очень холодно, но перед глазами возникло лицо Бена. Сначала он расплывалось — пришлось прищуриться. Он наверняка хотел выглядеть спокойным, но уже забыл, как изображать бесчувственность. И смотрел на меня настороженно, в глазах мелькнула тень испуга. Почему-то мне захотелось улыбаться....

Он шагнул навстречу, вытянув вперед руку. Я непонимающе уставилась на нее, доставая из кармана куртки пузырек с зельем Майло.

— В последнее время опасности подстерегают меня на каждом шагу, — едва ворочая языком, сказала я.

Куртка держалась на воротнике, манжетах и поясе, ткань на спине прогорела. Я попыталась ее снять, но боль пронзила тело насквозь. Вскрикнув сквозь стиснутые зубы, я обошла Бена ковыляющим шагом и приблизилась к кровати. Его глаза заметно расширились. Расстегнув молнию, я стала стряхивать с себя ветровку. Бен подошел сзади и потянул за ворот. Я дернула плечом, смахивая его руки. Он цыкнул, медленно выдохнул и повторил попытку. На этот раз я позволила ему помочь. Куртка упала на пол, осталась футболка. Она пропиталась кровью, клочья ткани прилипли к коже. Только сейчас я почувствовала, как от меня несет гарью — от мокрой одежды, кожи, волос. В голове мутнело, к горлу подкатывал кисло-сладкий ком. Сглотнув, я поплелась в ванную комнату.

— Куда ты идешь? — Бен следовал за мной, не решаясь остановить. На его лице застыло непроницаемое выражение, глаза тоже были пусты, но в их глубокой синеве разгоралось темное пламя. От него повеяло жаром, свет люстры задрожал над головой.

Вспомнив, что забыла зелье на кровати, я развернулась и уткнулась лицом в его грудь.

Она вздымалась от тяжелого дыхания, сердце стучало так, что оглушило меня. Втянув аромат его кожи, я ощутила мимолетное облегчение. За дверью завывал Персик, меня била крупная, почти судорожная дрожь, в голове покачивались свинцовые шарики. Дико хотелось упасть и уснуть. Но я открыла глаза, подняла голову и посмотрела на Бена. По его лицу пробежала гримаса сожаления, но на лбу пролегла суровая морщинка. Моргнув, я с вымученным выражением взглянула на него в упор.

— Дай мне пройти.

Бен опешил. Взяв меня за плечи, словно хотел встряхнуть, он слегка наклонился, всмотрелся в лицо.

— На тебя напал Том? — голос Шермана сквозил холодом. Я поморщилась и оттолкнула его.

— Понятия не имею. Если и да, то он пришел с друзьями, — я вернулась в ванную комнату. Облокотившись руками о раковину, нехотя посмотрела на свое отражение в зеркале — мутное и нечеткое, но однозначно безобразное....

Он вошел следом, не церемонясь, и остановился у меня за спиной. Разглядывая рану, Бен покачал головой.

— Том любит смотреть в глаза жертве и видеть, как угасает в них жизнь. Он бы не ударил в спину.

— Второй удар бэлморт хотел нанести в лоб, но я не решусь утверждать, что это был Том.

Ноги подкосились, и я внезапно ощутила себя ужасно несчастной и слабой. Из глаз покатались слезы, горькими дорожками побежали по щекам. Утерев их тыльной стороной ладони, я двинулась в спальню, но Бен попытался преградить путь.

— Куда ты собралась? — схватив за руки, он заталкивал меня обратно в ванную, но я упиралась кулаками ему в грудь. Дыхание обожгло кожу, он слишком близко склонился. Волнительно и горячо что-то сжалось внизу живота, но я не могла сейчас смотреть на Бена. Сцепив пальцы на моих запястьях, он прижимал меня к себе, пятясь в спальню — уступил женщине, но все равно сделал по-своему.

— Мне нужно залить рану зельем....

— Прежде всего, нужно ее промыть. Да и какое к черту зелье, Эшли?! Оно здесь не поможет! Надо швы накладывать....

— Отпусти меня, — взмолилась я, выворачивая руки.

Бен расцепил пальцы — резко и покорно, но с явным раздражением. Пока я плелась к кровати, он опередил меня и схватил пузырек с покрывала. Я остановилась, руки безвольно повисли вдоль тела. Бен громко и красноречиво вздохнул и шагнул мне навстречу. Червь упрямства заворочался в моем сознании. Я попыталась выхватить у него зелье, он закатил глаза, отведя руку в сторону.

— Если ты хотела показать, насколько по-идиотски выглядел я, когда ты пыталась мне помочь, то у тебя получилось, Эшли.

Я поджала губы и чуть не заплакала от обиды. Повернулась и направилась в ванную, но Бен поймал меня за локоть. Грубо одернув его, я высвободилась, но он не собирался так легко сдаваться — схватил за запястье другой руки. Бен прекрасно понимал, что я не рискну вырываться из-за страха перед болью. И оказался прав — я остановилась и одарила его испепеляющим взглядом.

— Мне не нужна твоя помощь, Бен, — прорычала я ему в лицо. Он подался вперед,

склонив любопытно голову, и ухмыльнулся. Дразняще покачав перед лицом пузырьком с зельем, затолкал меня в ванную.

— Это не я тебя ранил, — ответил он мне тем же тоном, хотя в глазах уже прыгали чертики. И я растаяла. Буквально — слезы побежали по щекам, тело обмякло, и я упала в его руки. Поймав, он подвел меня к раковине. Достав из колонки над раковиной упаковку марлевых салфеток и флакон с антисептиком, Бен заставил меня наклониться вперед. Испытывая неловкость, я боялась даже посмотреть на него в зеркало. Пока он промывал рану, чувствовала себя сломленной, безвольной тряпкой. Кожу щипало, от боли пульсировало все тело, но я не проронила ни звука, пока он не закончил.

— Я устала, — шмыгая носом, пожаловалась я. Бен покосился на меня в отражении и откупорил пузырек с зельем. — Это не моя жизнь.

Холодная жидкость потекла по обожженной коже, по рубцу, в котором вовсе кожи не осталось — ее сожрал огонь — и я закусила губу. Густая жидкость стягивала края раны черными стежками, будто скобами, заставляла вздрагивать. Пискнув, когда последний стежок затвердел, я судорожно выдохнула и включила кран. На лице засохла кровь, я с остервенением терла щеки и подбородок, захлебываясь слезами ярости.

— Тебе же нравятся приключения, — саркастически отметил Бен, бережно протирая салфеткой остатки воды вокруг раны. — Острота ощущений, новые возможности и повсюду кровища! Когда я тебя встретил, энергия была ключом, а любопытство хлестало через край. К чему, ты думала, все это должно было привести?

— Возможно, я столкнулась с проблемами, которые мне не по зубам....

— Тебе не по зубам? — переспросил Бен и развернул меня к себе лицом. Сердито всматриваясь в мои глаза, он оперся рукой о стену. — Ты убила одного бэлморта, другого отделала, а третьего держишь в заточении в своей спальне, как комнатную собачку — что, говоришь, тебе не по зубам?!

— Я не держу тебя в заточении, — обиженно пробормотала я. — Ты сам пришел.

От неожиданности Бен засмеялся. Я невольно улыбнулась, но тут же вскрикнула и согнулась от боли. Он подхватил меня и прислонил к стене плечом. Я прижалась щекой к косяку и посмотрела на него.

На миг в его взгляде промелькнул страх. Бен представил, что случилось бы, если бы он последовал зову крови и убил меня. Неожиданно для себя осознал, что испытал бы, увидев, как свет жизни угасает в моих глазах. Захотелось взять его лицо в ладони и поцеловать, но я лишь коснулась его щеки. Он не отодвинулся. Его лицо разгладилось, напряжение ушло, и Бен облегченно прикрыл веки.

— Теперь ты сердишься. Неужели на меня?

— Своими прикосновениями ты меня компрометируешь.

— Если тебе приятно, то ничего плохого в этом нет.

Он открыл глаза и нахмурился, собираясь выдать очередную злобную шуточку, но в коридоре раздался заунывный кошачий вой. Бен жестом указал на дверь и холодно усмехнулся:

— Вот видишь! Даже кот возмущается. Впусти его уже, пусть успокоится.

— Нет!

— Ты меня и от кота будешь прятать!? — от Бена вновь повеяло силой. Я сжалась, когда он шагнул почти вплотную. — Открой немедленно дверь!

— Не могу, — я покачала головой, рассыпая волосы по плечам.

— Почему? — его голос понизился до обжигающего шепота, глаза темнели и наливались магией.

В комнате становилось жарко, а когда заморгал свет, я выскользнула из-под руки Бена и шагнула к двери. Прижавшись к ней плечом как можно осторожнее, упрямо уставилась на надвигающегося бэлморта. Игриво вскинув брови, он улыбнулся:

— Почему ты не даешь мне его впустить?

— Тише, — попросила я, но Бен категорично помотал головой. — Ты не понимаешь....

— Что именно?

— Это не просто кот, Бен, — я уже перешла на шепот. А когда он подошел совсем близко, выставила руки и уперлась в грудь. Крепкая, пылающая, часто вздымающаяся — меня окатило теплом. Я покрылась мурашками, и сердце затрепетало пойманной птицей. Во всех наших взглядах и телесных контактах было гораздо больше интимного, чем можно представить. Мы не дотрагивались друг до друга просто так, особенно Бен. Он страдал от противоречий и внутренней борьбы с изменениями из-за «искупления». Но мы оба делали вид, будто новая ступень в наших отношениях ничего не значит, хотя еще вчера любое касание, случайное или нет, вызывало настоящую бурю в душе. Все осталось по-прежнему, но Бен стал смелее, и теперь осознанно трогал меня. Хотя сейчас прикасалась я, что особенно нервировало его. Еще вчера.

— Что не так с этим котом? — еле слышно спросил он, наклоняясь все ближе. Свет больше не мигал, воздух не плавился от магии, но пылала моя кожа от его дыхания.

— Он не совсем кот, — облизав губы, пробормотала я. — Вернее, он совсем не кот.

Бен замер и нахмурился. Он отстранился, чтобы вопросительно посмотреть мне прямо в глаза, но взгляд упал на мои ладони, лежащие на его груди. Отпрянув плавно и грациозно, он скрестил руки, пытаясь скрыть неловкость. Я не стала уязвлять его и без того задетое самолюбие и сделала вид, что ничего не заметила.

— А кто же он?

Не успела и рта раскрыть, как Бен оказался около меня и неуловимым движением отодвинул от двери. Я оказалась в кольце его рук. Он отвернул меня лицом к окну, держа за талию, и отпер замок. Щелчок, нажим ручки, и дверь медленно отворилась....

— Какого... — пробормотал Бен. Перед ним стоял Джош и, как я успела заметить в отражении в окне — совершенно обнаженный. Бен рывком закрыл дверь, но тот успел упереться в нее руками.

— Я — ее телохранитель! — раздался с той стороны грозный голос, напоминающий рык.

Бен повернул меня к себе лицом и отпустил. Он смотрел с недоумением, продолжая удерживать дверь.

— И правильно, нечего ему здесь делать, — процедил он.

— Открой немедленно, Эшли! — потребовал Джош. — Или я перебужу твоих сестер! Будешь сама объяснять, что я делаю посреди ночи около твоей спальни голый!

— Твою мать, — в сердцах прошептала я и двинулась к ванной за полотенцем. Вернувшись, осторожно отворила дверь и просунула его в образовавшуюся щель. — Накинь ради приличия!

Глава 13 (продолжение)

Джош вошел по-хозяйски — глядя мимо меня, распахнул дверь и решительно двинулся на Бена. Тот не шелохнулся и виду не показал, что ситуация вышла из-под контроля. Смотрел на парня с флегматичным видом. Чем, видимо, смутил Джоша и вызвал интерес одновременно — он остановился, придерживая одной рукой повязанное на бедрах розовое махровое полотенце. Прищурившись и чуть склонив голову, изучал бэлморта. Бен следил за ним ничего не выражающим взглядом.

— Где твоя одежда? — возмутилась я, закрыв дверь.

Джош бросил быстрый сердитый взор через плечо, и снова все его внимание оказалось приковано к Бену.

— Я проснулся мордой в вафлях со слипшимися от сиропа ресницами и волосами, — прорычал он, не оборачиваясь. — Решил принять ванну прежде, чем обрушить свой праведный гнев и потребовать возмездия у одной самовлюбленной ведьмы!

— Прости, — проблеяла я, но Джош остановил мои излияния, подняв вверх указательный палец. И его улыбка не обещала ничего доброго.

— Я простил тебе заклинание, от которого у меня распухли яйца и лицо, — холодно проговорил он. — Простил недельную икоту, но это..... Надеюсь, над ним ты издеваешься с тем же азартом?!

Джош ткнул пальцем в Бена, и тот вопросительно изогнул брови, выражение лица при этом осталось каменным. Мужчины сверлили друг друга тяжелыми взглядами, и на несколько невыносимых минут в комнате повисла тишина. Никто не желал сдаваться, оба оказались жутко упрямыми и, наверно, могли бы простоять так всю ночь, а то и сутки, но мое терпение лопнуло. Я прошлепала на середину комнаты и встала между ними.

— Даже не думай, Джош, — прошипела я, и он опустил на меня удивленный и почти оскорбленный взор.

Он скривился.

— На нем моя одежда?

Я пристально на него посмотрела.

— Тебе она все равно не нужна.

Джош открыл рот, собираясь что-то ответить, но его внимание привлек поднос с пустыми чашками и блюдом, на котором сиротливо лежала недоеденная вафля. Джош побелел от злости и обиды.

— Ты его еще и кормишь!?

Мигнув, я покосилась на Бена. Он смотрел на Джоша, и на губах улавливалась коронная ухмылочка.

— Что толку от мертвого бэлморта, — небрежно пожав плечами, нашла я и устало вздохнула. Мои слова подстегнули Бена — поджав губы, он медленно повернул голову и уставился на меня. Я улыбнулась. — На самом деле, он безобидный.

— Ты завела новую зверушку, а меня в известность не поставила?! — продолжал возмущаться Джош, но уже чуть мягче. — А как же Персик, Эшли? Ты его больше не любишь?

— Я не зверушка! — процедил Бен сквозь стиснутые зубы.

— Заткнитесь оба! — я поморщилась от боли. Никто не заметил — мальчишки были чрезвычайно увлечены друг другом.

— Какая разница?! Она любит всякую нечисть, подбирает на улице и все в дом тащит! После очередной реплики Джоша, я уперлась ладонью в его обнаженную грудь.

Бен саркастически усмехнулся и деловито поинтересовался у меня:

— У тебя есть и другие бэлморты? Кого еще ты заперла в доме и держишь в качестве домашних питомцев?!

Я ничего не ответила — медленно повернулась и смерила его прожигающим насквозь взглядом. Но он лишь фыркнул. Устало вздохнув, Бен прошелся до дивана и опустился на него.

— Что он здесь делает? — уже серьезно спросил Джош, и он все еще был зол.

— Том пытался убить его и не успокоится, пока не добьется своего.

— Том? — нахмурился Джош, но вдруг его лицо озарилось. Посмотрев на Бена, он расплылся в довольной улыбочке: — Так ты его братец!

Бен с шумом выдохнул и сложил руки на коленях. Глядел на Джоша исподлобья и постукивал пальцами, поражая стальным самообладанием.

Джош светился от счастья, но не долго. Снова помрачнев, он перевел на меня взгляд:

— И, все же, я не понимаю, Эшли. Он же пытался тебя убить?!

— Я тебе все подробно объяснила, — многозначительно вращая глазами, почти шепотом ответила я. Джош вытянул губы трубочкой.

— И что нам с ним делать?

— Нам? — переспросила я и подалась на него. — К тебе это никак не относится, Джош! Я не сдам его Стэнли, и не мечтай.

— Какому Стэнли? — равнодушно осведомился Бен.

Я и Джош одновременно посмотрели на него.

— Главный Фамильяр Верховной Ведьмы, — небрежно бросила я.

Бен понимающе кивнул.

— А, этот, — и вздохнул.

— Совсем страх потерял, — буркнул Джош и поглядел на меня. — Мне нужна моя одежда, Эшли!

На споры и ругань не осталось сил. Я сдула упавшую на лицо прядь подсыхающих волос и направилась к шкафу, позабыв про открытую дверь. Стянула с полки первое попавшееся барахло Джоша, надеясь, что на этом вечер благополучно завершится, и я смогу лечь спать. Но моим планам не суждено было свершиться. Проходя мимо двери, я замерла — на пороге стояла Мишель. Первой мыслью было закрыться, но я сдержалась. От ее вида по спине скользнул холодок. Глаза сестры пылали гневом в темноте. На ней был махровый халат цвета крем-брюле нараспашку и короткая черная сорочка с кружевами. Ноги грели пуховые гамаши. Взлохмаченные волосы, примятые слева — сестра любила спать на одном боку. Она уперла руки в бока, поджала губы, и в воздухе появились первые искорки магии. Я должна была бы сжаться и все выложить, как на духу, но вместо этого выпрямилась и мило улыбнулась.

— Прости, что разбудила, Мишель.

Она нахмурилась и не заметила, как я прячу вещи за спиной.

— Из твоей спальни отчетливо доносились мужские голоса.

— Скажешь тоже, — протянула я и смущенно рассмеялась. — Прямо уж, голоса!

— Мне не приснилось! — обиженно протянула Мишель. — Что происходит, Эшли?

Я собиралась рассказать сестрам о том, что в моей комнате живет Бен, и, видимо, настал такой момент....

— Мне надо тебе кое-что сообщить, Мишель, — без тени улыбки произнесла я. — Спустимся в кухню, или здесь все обсудим?

Заинтригованная сестра округлила глаза и медленно развернулась к лестнице, но что-то произошло у нее в голове, родилась какая-то шальная мысль — она быстрым шагом, почти бегом, припустила в мою спальню. Я не успела ничего сделать и даже крикнуть, как Мишель распахнула дверь и вошла.

— Этот день никогда не закончится, — пробормотала я.

Картина, представшая перед моим взором, впечатляла. Бен стоял у окна, от него веяло напряжением, но это могла заметить только я. Мишель же он показался уставшим и равнодушным — именно так он хотел выглядеть. Привалившись к подоконнику, Бен сложил руки на груди. Задумчиво глядел в пол, но когда вошла Мишель, с легким недоумением приподнял брови и взглянул на нее. Джоша след простыл, но на диване с важным видом вылизывался взъерошенный Персик.

Сестра прошла по комнате, разглядывая Бена. Он следил за ней скучающим взглядом, лишь изредка косился на кота. Мишель остановилась возле дивана, почесала Персика за ухом, на что он с явным недовольством фыркнул. Пока она не могла оторвать глаз от Бена, я скользнула в ванную комнату и оставила на стиральной машине одежду Джоша.

— Кто он? — тихо спросила Мишель и приблизилась ко мне.

Справившись с волнением, я глубоко вдохнула и на выдохе ответила:

— Так сложились обстоятельства, Мишель. Ему некуда пойти.

— Кто он? — настойчивее, с жаром повторила сестра.

— Бен, — лаконично ответила я и лучезарно улыбнулась. Сестра вытаращила глаза, и ее лицо начало быстро заливаться краской. Скорчив усталую гримасу, я отмахнулась и прошла в комнату. — Можешь ничего не говорить, Мишель. Я и так знаю, что ты думаешь по этому поводу. Но он был серьезно ранен, и до сих пор не излечился.

Бен нахмурился, когда сестра повернулась к нему. Из-под рукава его рубашки выглядывали края пропитанной кровью бинтовой повязки. Я подошла к нему, и мы переглянулись. В глазах Бена не осталось холода, но ситуация его заметно нервировала. Я чувствовала его напряжение.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Он же пытался убить тебя! — напомнила сестра на грани истерики.

— А еще он — брат Тома, — раздраженно бросила я. — И что с того?!

Мишель не нашла, что сказать. Вернее, ее переполняло от желания наорать, но моя реакция ставила в тупик. Закипая, она металась взглядом по комнате, но всегда возвращалась ко мне.

— Он же убийца, — злым шепотом, наконец, выдавила она из себя. — Он убьет всех нас!

— Нет.

— Ты же его цель, Эшли! Как ты не понимаешь? Бэлморты всегда находят способ подобраться к жертве.

— Он мне жизнь спас. А ведь мог убить, Мишель.

— Ты привела в наш дом смерть, — она развернулась, собираясь уходить.

— В мой дом, Мишель, — отозвалась тихо я, уже понимая, что раню ее. Выпрямившись, сестра застыла в дверях, и мгновение стояла, справляясь с потрясением. И вдруг быстрым шагом удалилась в свою комнату.

Пока я ходила закрывать дверь, Персик вновь стал Джошем, а Бен устало выдохнул и отлип от подоконника.

— Мне показалось, или это было немного жестоко? — отметил он.

— Да, Эшли, — сказал Джош, небрежно повязывая на бедрах полотенце. — Ты обошлась жестоко с Мишель.

— Неправда, — буркнула я. — Они с Моникой привыкли строить меня, хотя живут в моем доме по приглашению. А еще... — я запнулась, посчитав, что им не стоило знать о наших с Мишель недавних ссорах. Не мужское это дело.

— Ты не можешь их выгнать, — Джош разворачивал одежду, что я оставила в ванной, и придирчиво рассматривал.

— Могу — чисто теоретически, — вздохнула я. — Но не выгоню.

— Ты слишком добрая. — Он натянул футболку и как бы, между прочим, спросил: — что у тебя со спиной?

— Действительно, — пробормотала я и опустилась на кресло, растерянно глядя в пол. — Мишель не спросила, что с моей спиной.... На нее это не похоже. И вообще, в последнее время она стала вести себя странно.

Джош подошел к креслу, когда полностью оделся, и склонился, чтобы осмотреть мое ранение.

— Кто тебя так?

— Не знаю. Бэлморт.

— Какой развернутый ответ, — он хмыкнул и обошел кресло, чтобы сесть рядом на диван. Бен наблюдал за нами, привалившись плечом к стене у окна. Джош вел себя так, будто не замечал его вовсе. Сложив руки на коленях, он участливо заглянул мне в глаза: — что же произошло, Эшли, пока я спал?

Последние слова он произнес сквозь зубы. Поморщившись, я виновато посмотрела на него.

— Я была в Университете, осматривала кабинет Линетт, но пришел Стэнли и озадачил....

— Чем?

— В городе пропали две молодые ведьмы, бесследно. Фамильяры сделали все, что могли. За дело взялась полиция, и он попросил меня вмешаться.

— Поговорить с полицией? — опешил Джош.

— Не тупи, — взмолилась я. — У меня со Стэнли договоренность, забыл?

— Ты откликаешься на его зов, а он помогает тебе, чем может....

— Именно. Поэтому до наступления темноты я допрашивала мать первой жертвы, а когда вышла на улицу — над головой кружила свора бэлмортов. Они преследовали меня до дома, но потом один из них напал.

— Один? — синхронно спросили Джош и Бен. Бескостным движением Шерман оторвался от стены и приблизился к нам.

— Да, только один. Он и оставил мне автограф на спине, — попытка посмотреть на рану вызвала острую боль, и я выдохнула сквозь стиснутые зубы.

— А дальше? — протянул Джош. Бен как-то странно покосился на него, но ничего не

сказал.

— За меня вступился Майло, отогнал его, пока другой бэлморт отделявал оставшихся, — удивленно произнесла я и посмотрела на Джоша. — Они дрались, понимаешь?

— Нет, — честно признался он и помотал растерянно головой.

— А потом...- я так и не договорила и отвела взгляд. Джош задумчиво жевал нижнюю губу, будто находился уже далеко отсюда. Бен же сел рядом со мной, чтобы я лишний раз не запрокидывала голову в попытке взглянуть на него.

— А потом? Почему ты не договорила?

Нехотя посмотрев на Бена, я выдержала паузу. Когда я прогнала бэлмортов, показалось, что они послушались меня. Но что, если все совсем иначе?

— Я прогнала их, — почти беззвучно ответила я. — Сказала им «пошли вон», и они убрались восвояси.

Ни Джош, ни Бен не издали ни звука. На их лицах ничего не отразилось, не потяжелевший воздух в комнате говорил все за них. Никто из нас не понимал, что происходит со мной. И это пугало гораздо сильнее, чем свора бэлмортов.

На звуки голосов в мою спальню поднялась Моника. Наверняка ей что-то успела поведать Мишель, и она решила увидеть своими глазами. Недовольный Персик вилял хвостом, расположившись на моей кровати. Я поспешила накинуть легкую чернильно-синюю кофточку на пуговицах, длиной она доходила до середины бедер, скрывала швы на спине и рваную футболку. Гвоздем сегодняшней программы была не я, но еще не вечер. Не хотелось бы пугать сестер больше, чем уже напугала.

Рана на плече Бена кровоточила, и я собиралась сменить повязку. Пока готовила бинты, он смывал кровь влажным полотенцем. Моника из дверей одарила его изучающим взглядом, ее темные глаза вспыхнули любопытством. Она прошлась по комнате, но остановилась на полпути — замерла перед нами, осторожно протягивая руку. Бен покосился на меня, придерживая компресс с зельем на плече. Он пропитался кровью, но, кажется, никого, кроме Мишель, это не смущало. Она удивленно открыла рот, влетев в мою спальню, и схватила Моника за руку, одернула на себя.

— Ты с ума сошла? Не подходи к нему!

— Мишель, отпусти меня, — спокойным голосом потребовала старшая сестра и просияла улыбкой, адресованной исключительно Бену. — Не видишь? Он ранен. Ему требуется помощь.

— Не требуется, — проговорил Бен, не отводя мрачного взгляда от Моника, но она была непреклонна.

— Нет, требуется, — тоном, не терпящим возражений, заявила сестра и шагнула к нему. Остановившись перед Беном, Моника с неподдельным восхищением и кокетством принялась его разглядывать. Ее глаза блестели от восторга, а руки тянулись пощупать — реальной ли он.

— Моника, — прошептала я и шагнула вперед, преграждая ей путь.

— Не жадничай, Эшли! — укоризненно произнесла она и нахмурилась, продолжая улыбаться. — Не каждый день видишь живого бэлморта.

— Ты смущаешь его, — последняя отчаянная попытка отогнать сестру не оправдала себя — Бен и Моника уставились на меня.

— Ему знакомо это чувство? — удивилась она, и внезапно ее лицо озарилось: — мы должны обработать твою рану!

Она потянулась к руке Бена, но взгляд, которым он ее остановил, заставил сестру отпрянуть и испуганно посмотреть на меня.

— Я не стану его трогать, если это так важно, — с мольбой в глазах прошептала сестра. — Но рана на плече серьезная. Его ранил бэлморт, верно?

— Верно, — удивилась я.

— Тогда нельзя медлить! — Моника резко развернулась и пересекла комнату, не оглядываясь на пылающую от гнева Мишель. Под ее чутким свирепым взглядом перевернула содержимое ящиков шкафа со снадобьями в гостиной, и, наконец, обнаружила все необходимое для обработки раны. — Посади его на диван, — потребовала она, разворачивая на столе чистое полотенце. Я толкнула Бена к дивану в центре гостиной, выдержав его тяжелый взор, и мое упорство оказалось вознаграждено. Он прошел через всю комнату и

опустился на диван, смерив меня взглядом исподлобья. Меня будто ледяной водой окатили.

Тем временем Моника разложила на полотенце ватные тампоны, пузырьки с зельями и марлю. Она выглядела спокойной и умиротворенной, тихонько радовалась своей победе. Бен следил за ее плавными и точными движениями, как смотрит ребенок в больнице на руки врача, заполняющего шприц лекарством. Я осторожно забрала у него влажный от крови компресс, заставила обнажить плечо. Моника мельком взглянула на него и ахнула:

— Надо промыть, Эшли. Слишком много крови.

Я покорно поднялась, стянула со стола миску и пошла в ванную комнату, осторожно покосившись на Бена. Кожа на плече блестела от бисеринок пота, рваная рана с обожженными черными краями казалась глубокой. Будто кто-то хотел вплавить в его тело свою ладонь — очертания раны напоминали человеческую руку. И не кто-то, а Том, его родной брат.

Я вошла в ванную комнату и замерла перед зеркалом, увидев свое бледное отражение. На щеке мазок засохшей крови, на шее следы сажи, руки перепачканы, но хотелось улыбаться. Бен сидел в моей гостиной, а Моника крутилась вокруг, желая помочь — почему-то ситуация вызывала неописуемую радость. От старшей сестры я никак не ожидала понимания, скорее страх и отвращение, а в свете недавних событий — ненависть. Но она приятно удивила, проявив интерес к Бену и его ранению. Я была благодарна Монике, и он тоже, хоть этого еще не осознавал.

Включив холодную воду, я умылась — прохлада несла облегчение. Спина позволила нагнуться, боль притупилась, я начинала к ней привыкать. Набрав в миску воды, вновь посмотрела на свое отражение. От усталости кожа посерела, вокруг глаз пролегли тени, но с губ не сходила улыбка. Что со мной, черт возьми?! Лояльность Моники еще ничего не значила и не отменяла опасности в доме.

Когда я вернулась в гостиную, Мишель полыхнула на меня взглядом и повернулась на пятках. Разметав полы халата, она скрылась за дверью, не забыв громко ею хлопнуть. Пожав безразлично плечами, я подошла к столу и поставила на него миску. Моника суежилась вокруг Бена, изучая его травму. Заметив меня, она одобрительно улыбнулась и опустила в воду марлю для компресса.

— Видела бы сейчас меня моя мамочка, — она тихо рассмеялась. Бен стиснул зубы и посмотрел на меня поверх головы Моники. Она осторожно промачивала кровь влажной тканью, не замечая нашей игры в гляделки. Бен казался уставшим, действия Моники больше не вызывали у него интереса, но он безропотно выполнял ее указания с показным недовольством. — Всегда мечтала увидеть живого бэлморта. Кто тебя так?

— Брат, — после паузы неохотно отозвался Бен.

— Что вы не поделили? — весело любопытствовала Моника, промывая марлю в миске. Вода окрасилась в алый цвет, и я понесла ее в ванную, чтобы набрать свежей.

— Не сошлись во мнениях.

Моника хихикнула и посмотрела на Бена. Он скользнул изучающим взглядом по ее лицу и отвернулся. Я замерла в дверях, наблюдая за ними. Непринужденный разговор, ничего особенного, но Бену было не по себе среди нас. Обычные ведьмы, цели, как он говорил. И вот мы суежились около него, развлекали беседами, улыбались и радовались как идиотки, ниспосланному на нас чуду в его лице. Что все это значило для него? Что-то немыслимое, чуждое. Прежде Бен ничего подобного не испытывал. От него не шарахались, узнав правду, не гнали прочь и не пытались защищаться — разве так поступают маги, когда встречаются с

бэлмортами?! Нет, конечно, но Бен — необычный бэлморт.

— И где сейчас твой брат? — не унималась Моника.

Я принесла воду и поставила на стол. Она незамедлительно опустила в миску новый кусок марли. Я села рядом с Беном и сложила руки на коленях. Такое странное чувство, будто мне снова семнадцать лет и я привела в дом мальчика, прятала в своей спальне, но нас застукала мама и заставила выйти познакомиться. Есть вещи, которые я бы с удовольствием испытала вновь, но только не эту детскую наивную неловкость....

Бен осторожно пожал плечами, чтобы не тревожить рану.

— Скорее всего, в каком-нибудь захолустном баре запивает неудачу очередной бутылкой рома, а потом найдет очередную подружку на одну ночь, и круг замкнется.

Я смотрела на Монику, наблюдала за реакцией на равнодушный тон Бена и откровенные слова, но она лишь нарочито смутилась и снова рассмеялась.

— А он довольно прямолинейный и честный, — отметила она. — Мне нравится.

— Ему не знакомы такие понятия, как скромность, — улыбнулась я. Бен смерил меня пустым взглядом. Я почувствовала, как он смотрит, но не повернулась.

— Но мне известно, что такое искренность, — тихо проговорил он. — Я заявился в ваш дом и не имею права лгать. — он скривился, когда Моника приложила к ране компресс, пропитанный зеленовато-желтым зельем, и выдохнул сквозь стиснутые зубы. — Тем более, про Тома иначе не скажешь.

— Том — это тот парень, с которым крутила Мишель? — окончательно развеселилась Моника и посмотрела на меня.

Я кивнула.

— Да, это он. Тот самый, что напал на нее.

— Забавно, — вздохнула сестра, — у Мишель нюх на подонков.

— Джош не производит впечатления того, что он подонок, — возразила я.

Моника сверкнула на меня глазами и фыркнула.

— Джош вообще никакого впечатления не производит. За душой ничего нет, кроме смазливой мордашки и шикарного тела.

В моей спальне зарычал Персик, что-то упало с комода. Я собиралась возразить сестре, но сдержалась. Моника не могла знать, каким Джош был на самом деле. Меня задела ее слова, ведь он долгие годы оберегал нас, вынужденно играл роль, чтобы не вызывать подозрений и не предавать огласке свое истинное предназначение. Кто я такая, чтобы рушить образ, создаваемый столь тщательно, даже если он никому не нравился?! Ведь самое главное, что я знала правду, верно? И пусть все остается так, как есть. Пока.

— Прости мне мое неумолимое любопытство, Бен, — протянула Моника, забыв о теме нашего разговора.

Проливая содержимое флакончика с грязно-коричневым тягучим зельем на ватный тампон, она внимательно смотрела на бэлморта. Я не могла понять, что испытывала сестра рядом с ним, кроме показного восхищения. Почему показного? Да потому что я впервые видела ведьму, в трезвом уме и ясной памяти испытывающую восторг от знакомства с живым бэлмортом. Возможно, моя подозрительность зовется паранойей, но я не могла избавиться от ощущения, будто все вокруг настроены против Бена, ведь на самом деле так и было. И Моника оказалась первой, кто изъявил желание помочь, и без смущения общалась с ним. Даже я себе этого не позволяла. Рядом с ним я переживала неоднозначные чувства — с одной стороны, поджилки тряслись, а с другой — безумно хотелось прильнуть к его телу,

обвить руками и больше никогда не отпускать ни на шаг. И что теперь будет? Не важно. Самое главное, что Бен здесь, рядом, в моем доме, и я, как школьница, радовалась и любовалась мужчиной, в присутствии которого сердце бешено стучало, а в лицо бросалась краска.

Бен нахмурился, глядя на Монику. Его напряжение было почти осязаемо, хотя в глазах читалось равнодушие. Моника кокетливо склонила голову и улыбнулась, заламывая руки.

— Ты совсем ничего не чувствуешь?

— Смотря, что вы подразумеваете под чувствами, — голосом, лишенным эмоций, сказал он.

Моника наморщила носик, накладывая ватный тампон на рану. Зелье зашипело, и Бена передернуло от боли. Но мы встретились взглядами, и он громко сглотнул. Его скулы напряглись, заходили желваки. Я состроила сочувствующую гримасу.

— Не надо обращаться ко мне на «вы». Я не настолько дряхлая ведьма, хоть и не могу похвастаться юностью. Мне еще далеко до почтенного возраста, когда ведьму называют каргой и пугают ею непослушных детей. Но, не скрою, мне было бы лестно....- она вздохнула и, сложив руки на коленях, снисходительно улыбнулась. И снова этот высокомерно — покровительственный образ! Снова я ощущала себя наивной девчушкой, но Бен, в отличие от меня, оставался непроницаем, глядя на Монику.

— Хорошо, — кивнул он. — Что ты подразумеваешь под чувствами?

— Совестливость, жалость, любовь, желание, в конце концов.

— Для меня это всего лишь слова.

— Но ты же должен что-то испытывать, — удивилась сестра. — Ни за что не поверю, что у тебя никогда не было женщины! Что-то же ты чувствуешь, когда дело доходит до постели?!

— Ты не слишком разошлась? — встряла я.

Моника перевела на меня изумленный взгляд.

— Я только хочу понять, — стала оправдываться она, прижав ладонь к груди. — Нам с детства внушали, будто бэлморты — бездушные существа и не имеют чувств. В сознании соткался образ хладнокровного монстра, не способного на простейшие эмоции. Но я сижу сейчас перед живым бэлмортом и хочу сказать, что многое из мифов — ложь. Он все равно что-то чувствует, какую-то малость. Невозможно с кем-то трахаться и ничего не чувствовать!

Я поперхнулась и утратила дар речи. От злости загло в горле, руки сжались в кулаки. Беззаботный смех Моники поплыл мимо меня, эхом отразился от стен. В тот миг я была готова накинуться на нее и заставить заткнуться, но даже не шелохнулась. Дышать, главное — дышать....

— То, что необходимо для этого, — холодно сказал Бен и усмехнулся, — я чувствую.

— Я не хочу участвовать в этом, — пробормотала я, помотав головой, и резко поднялась с дивана. Спину пронзило болью, обжигающая дрожь прокатилась по телу, и я медленно опустилась обратно.

— И не участвуй, — парировала Моника, не замечая моих мучений. — Я сама отлично справлюсь.

— Тебя так интересует интимная сторона жизни бэлмортов? Больше, чем обстоятельства, которые привели Бена в мой дом? — меня раздражала не тема разговора, а сама ситуация в общем. Не спорю, смущение тоже имело место быть, но дискомфорт от

чрезмерного внимания Моники к Бену заставлял все больше нервничать. Дотошная и бесцеремонная, моя старшая сестра влезет любому в душу и наведет там порядок, понятный только ей одной.

— В наш дом, — обиженно поправила меня Моника.

— Формально он мой, — устало вздохнула я. — Но ты права, Моника — наш дом. Ведь дом — это не просто жилище, а место, где тебя ждут близкие, дорогие сердцу люди.

Моника скривилась.

— Для него же здесь места хватит? Разбавит нашу теплую женскую кампанию, а то у нас мужики не приживаются. Только кот каким-то чудом до сих пор не удрал. Думаю, он никак не может найти выход, а то давно бы сделал лапы! — повернувшись к Бену, она сложила руки на коленях и состроила милейшую улыбочку. — Ты же останешься с нами, Бен?

Он не дрогнул ни единым мускулом, но осторожно покосился на меня — движение только глаз, мимолетное, но весомое. Я непроизвольно улыбнулась, ощутив его смятение. Он будто искал одобрения.

Глава 14 (продолжение)

— Мне пока некуда идти, — его голос был пустым и тихим. — Спасибо, что приютили, но я не хочу никого обременять.

Моника захлопала в ладоши, словно маленькая капризная девочка, получившая долгожданный вожделенный подарок.

— Какой же он милый! Убить бы того, кто распускает грязные слухи о бэлмортах.

— Ты просто не встречала других, — сухо бросил Бен и слегка запрокинул голову, взглянул на Монику. Он смотрел на нее снизу вверх, но давил взглядом, лицо сестры омрачилось. Она вдруг увидела в нем то, чего боялась, но по глупости забылась и подпустила опасность слишком близко. — Не стоит по мне судить о целой расе, я создаю неверное впечатление о бэлмортах. Даже Том не самый жестокий и бессердечный, хотя тот еще ублюдок. И он считал меня слабаком из-за чрезмерной совестливости.

— Ты не хотел убивать? — на одном дыхании выпалила побелевшая Моника.

Бен поморщился и склонил голову набок, едва заметно улыбнулся. Но улыбка была не из приятных.

— Я начинал задумываться, заслуживает ли цель смерти, жалел утративших облик, сочувствовал им. Испытывал горечь, наутро обнаружив пустую постель, — Бен опустил голову, но тут же посмотрел на сестру исподлобья. Каждый раз, когда мне казалось, что она забралась слишком глубоко в его холодную душу и расшевелила сокровенные мысли, он удивлял меня и вел себя, как ни в чем не бывало. Уходил от темы, отвечал на вопросы, размыто, но так, что у Моника не возникало желания получить более точный ответ. Небрежные улыбки, беспристрастный тон и взгляд, от которого бежал мороз по коже. Но Моника не замечала этого. Она смотрела на привлекательного молодого мужчину и видела только его, а не представителя самого бессердечного и жестокого народа. Он ей казался милым симпатягой, но никак не бездушным и расчетливым убийцей, лишенным принципов. Будь Бен бэлмортом в полном смысле слова, он бы за милой беседой выпил с Моникой чашечку кофе, а после выжег бы ей сердце, не задумываясь о приличиях и чужих чувствах.

— Так ты после ночи с девушкой убивал ее? — почти прозрачная Моника смотрела на Бена расширенными от легкого шока глазами.

— Не я, а Том. Как правило, в моей постели оказывались ведьмы, чье имя значилось в конверте с заказом. — С мрачным видом Бен усмехнулся: — я ни разу не просыпался с девушкой.

— Том убивал ведьм после секса с тобой? — недоумевала сестра. Бена это развеселило — в глазах появился ледяной блеск.

— Наверно, он ревновал.

Сестра перевела на меня полный ужаса взгляд. Кожа ее лица стала похожа на тонкую прозрачную бумагу — она обтянула лицо, и проступили кости. Бен напугал ее не на шутку.

— Это он так шутит?

— Да, — наморщив носик, кивнула я. — У него своеобразное чувство юмора. Сущность и годы, проведенные рядом с Томом, накладывают отпечаток.

Я ощутила на себе взор Бена — отчасти благодарный, но и слегка рассерженный. Я помешала ему забавляться с сознанием моей сестры. Улыбку не удалось сдержать, он

заметил ее. Но я нахмурилась и повернулась к нему непроницаемым лицом. Мгновение мы смотрели друг другу в глаза, промелькнула целая вечность за долю секунды, а в груди уже жгло, по коже бежали мурашки. Он понял, что дальше делать и повернулся к Моники с извиняющейся улыбкой, обаяние пролилось через край. Оно хлынуло на Монику, как если бы его можно было увидеть, и сестра зарделась. От страха не осталось и следа, ее лицо приобрело здоровый румянец, глаза волнительно засверкали, и она потупила их, взмахнув густыми ресницами. Но лишь на миг. Мою сестру не так легко сбить с толку, хотя Бену это почти удалось.

— Я не хотел напугать тебя, Моники, — он говорил мягко, но я уловила нотку холода. Вот сейчас Бен играл, я научилась различать его маски. Еще пару недель назад он точно так же лгал мне, и я верила. Не возникало сомнений в том, что он притворяется. Я не видела в нем бэлморта, принимая за человека, но теперь все было по-другому. Я все больше в бэлморте узнавала мужчину, которого сбили с истинного пути брат и темная сущность.

— А просто ради секса вы с девушками встречаетесь? — игриво улыбнувшись, спросила Моники. В глазах сестры читался нездоровый интерес — похоже, ее уже ничего не смущало.

Улыбка Бена едва заметно потухла, а в глазах мелькнула тень. Он задумался. Тут мое терпение и лопнуло — наизнанку выворачивало от мысли, что Бен к кому-то прикасался, целовал чужие губы, ласкал тело. Совсем паршиво становилось, когда я думала о том, что он с кем-то спал. Закрыв лицо ладонями, я сосчитала до десяти. Нет, нельзя ревновать, я не имела права!

Пауза затянулась, и Моники довольно захихикала. Бен замер и посмотрел на нее.

— Ничего себе, — с придыханием произнесла она и потухла, будто кто-то погасил свет где-то внутри нее. Опустив голову, она посмотрела на свои руки, будто ничего важнее в мире в эту секунду не существовало. — Жутко любопытно и просто жутко. Ты спал только с жертвами....

— Все, с меня хватит, — я поднялась с дивана. — И с тебя на сегодня тоже, Моники.

Я прошла мимо Бена в свою спальню, скользнула к шкафу. В кофточке становилось жарко, или в комнате накалилась обстановка. Ткань тревожила швы, боль дрожью разносилась по спине. Осторожно стянув кардиган, я швырнула ее на пол, и Моники ахнула. Я не успела понять, в чем дело, как сестра оказалась около меня. Я застыла и медленно повернула голову, посмотрела на нее через плечо.

— Священные силы.... -она поперхнулась и приложила ладонь к груди. — Что это, Эшли?

— Так, ерунда, — чуть слышно произнесла я и взяла с полки светло-голубую футболку. Она была мне великовата, свободно болталась, и я посчитала, что это то, что мне сейчас нужно. На груди блестела переводная сова в больших круглых очках — забавный принт, из-за него и купила. — Не стоит твоего внимания.

— Немедленно садись на диван! Я займусь твоей раной, — Моники коснулась моего локтя, и я обернулась, смерила ее неподвижным взглядом.

— Бен уже все сделал, можешь не волноваться.

Сестра поджала губы и отпрянула, ее рука соскользнула и безвольно повисла.

— Извини, что сразу не заметила. Ты неуклюже двигалась....

— Ты была увлечена более животрепещущими вопросами, — огрызнулась я и направилась в ванную комнату.

— Ты словно осталась в прошлом веке, Эшли, — вздохнула она и прошла по комнате,

обнимая себя руками. — Сейчас по всем каналам говорят о сексе, а ты смущаешься, как школьница. Или все дело в Бене?

Я переоделась и вышла под осторожным взглядом Бена, но даже не посмотрела в его сторону.

— Дело вовсе не в Бене, — раздраженно бросила я, собирая со стола пузырьки с зельями и миску с перепачканными бинтами. — Меня нервирует тема разговора. Как ты можешь спокойно говорить о таких вещах, Моника?!

— Это ты привела бэлморта в дом, а не я, — рассудительно ответила сестра. — Должна была предугадать, что его тут ждет допрос с пристрастием.

— Да, но я не предполагала, что конкретно тебя заинтересует!

Проследовав мимо сестры, я смирила ее обжигающим взглядом. Улыбка стекла с лица Моника, как краска, размытая водой, а в глазах появился таинственный огонек.

— Не думала, что задену чьи-то чувства, — пролепетала она.

Поставив миску в раковину, я посмотрела на свое отражение, и устало вздохнула. Моника по своей природе бесцеремонна, и нельзя было ее винить в этом. Возможно, будь на месте Бена другой бэлморт, с которым меня не связывали никакие романтические чувства, я бы точно так же задавала неприличные вопросы. Но моя душа тянулась к нему, и о том, что кто-то когда-то оказывался в его постели, знать не хотелось. Даже просто думать об этом. Мое сердце, словно изнутри кололи тонкими иглами, и тепло в груди угасало. У людей это зовется ревностью, а для меня значит, что я увязла по самые уши.

Я вышла в гостиную и остановилась между Моникой и Беном, сидящим на диване. Он поднял на меня глаза, а сестра упрямо разглядывала свои руки. Мое поведение задело ее утонченную натуру, и она всем своим видом хотела донести это до меня.

— Прости, Моника, — сглотнув, почти шепотом сказала я. — Ты помогла обработать рану Бену, хотя не обязана это делать. За помощь ты заслужила право задавать вопросы, к тому же, с нами под одной крышей живет бэлморт. Я слишком близко к сердцу восприняла твой интерес, а не должна была.

Я наклонилась и обняла сестру за плечи, чтобы поцеловать в щеку. Моника любила объятия, и этим стоило воспользоваться, чтобы сгладить неприятный момент. Она не сдержала улыбки и посмотрела на меня.

— Ничего страшного, — сказала примирительно она и коснулась моей руки. — Я понимаю, что тебе неприятно. Это нормально.

Погладив меня по тыльной стороне ладони, Моника посмотрела на Бена и одарила его ласковой улыбкой. Я осторожно убрала руки и выпрямилась, чтобы мой жест она не расценила, как продолжение ссоры. Бен вскинул бровь и улыбнулся одними уголками рта, но слишком холодно, чтобы поверить. Он проявил вежливость по отношению к Монике, без притворства.

— Думаю, мне пора отправляться спать. Уже поздно.

— Да, конечно, — сказала я. — Я уберу со стола.

— Оставляю тебя на Бена. Теперь пусть он присматривает за тобой.

Наградив нас на прощанье усталой улыбкой, Моника в последний раз взглянула на Бена и направилась вниз по лестнице. Когда ее шаги стихли и щелкнул дверной замок, оповестивший о том, что сестра уже в спальне, мы переглянулись.

— Она смотрела на меня, как на музейный экспонат, — устало выдохнув, прошептал Бен и поднялся с дивана. Он придерживал повязку на плече и морщился от боли. — Хорошо,

что руки не распускала.

— Скоро она утратит к тебе интерес и перестанет замечать вовсе, — я безразлично хмыкнула.

Бен коротко глянул на меня, но не ответил на мой выпад.

— Я думал, зелье поможет ране затянуться, и боль стихнет. Но я до сих пор чувствую, как кожа горит синим пламенем.

— Так и будет, но не сразу, — кивнув, пустым голосом произнесла я, складывая на столе полотенце. Бен что-то почувствовал — как бы странно это не прозвучало — и подошел. Замерев сзади, наблюдал за мной — я слышала его ровное дыхание, чувствовала запах кожи.

— Тебе, правда, неприятно? — вдруг спросил он. От неожиданности я выронила из рук полотенце. На миг даже забыла, как дышать. Расправив плечи, я повернула голову, чтобы посмотреть на него. Бен выглядел равнодушным — никак не выглядел. Никаких эмоций, ни одной морщинки на лице, но в глазах плескалось что-то, похожее на удивление.

— Есть вещи, которые я бы не хотела о тебе знать, — прошептала я. — Не скрою, мне любопытно, но сомневаюсь, что смогу жить с этим.

Я чувствовала тепло его тела, Бен стоял настолько близко, что кожа шла рябью. Сердце спотыкалось, и я зажмурилась. Он шагнул в сторону, чтобы заглянуть мне в лицо, но я отвернулась. Он улыбнулся.

— Для меня необычно само то, что я у кого-то вызываю хоть какие-то чувства, кроме презрения.

И направился в комнату, но для меня это было слишком резко — тепло отхлынуло, и я пошатнулась. От падения спасло только то, что успела схватиться руками за стол. Повернувшись вслед Бену, я проводила его взглядом в спальню, а он ни разу не обернулся, хотя почувствовал. Тяжело нам придется...

Джошу пришлось постелить на полу, место на диване уже негласно принадлежало Бену. Я хотела сделать едкое замечание о том, что в облиии кота он гораздо меньше занял бы места, но воздержалась. Это было бы мелочно с моей стороны, Джош заслуживал большего. Мы комфортно разместились, не привлекая внимания сестер, все остались довольны, и я в том числе. Джош отхватил две подушки и завернулся в теплое одеяло. Он вымотался и уснул почти мгновенно. Бена новый жилец не смутил, и я надеялась, что они поладят. При первой встрече не накинулись друг на друга — это добрый знак. Закрыв глаза, я подумала о том, что моя комната приобретала странную репутацию.... С каждым днем в ней все больше ночевало мужчин. Но тут же отмахнулась и перевернулась на другой бок. Меня все больше беспокоило отсутствие фамильяров. Где они были, когда бэлморты напали на меня среди белого дня? Стэнли приставил к дому пернатую охрану, но деревья пустовали. Это не могло быть простым совпадением. В голову вкралась ненавязчивая мысль: исчезновение крылатой армии и путаница в Университете.... Что, если все это как-то связано между собой? И кто подослал охотников?

Сон навалился мягким, но тяжелым покрывалом, уходящий день, как далекий ночной кошмар, таял в поволоке дремы. Детали событий смазались, словно очертания города в тумане. Казалось, это было так давно.... Я не заметила, как уснула. Спина все еще болела, но усталость оказалась сильнее. Проснулась от нарастающего шороха дождя. За окном шел ливень, тяжелые капли барабанили по крыше и карнизу. Открыв глаза, я осторожно перевернулась в постели и обнаружила Персика. Кот сидел в ногах в ожидании моего пробуждения. Бен стоял у окна, сложив руки на груди. Сонно жмурясь, я приподнялась на локте и спросила:

— Что происходит?

Бен пристально посмотрел на меня.

— За окном беспокойно, — загадочно произнес он и снова отвернулся. Я проследила за его взглядом — небо затянули свинцовые тучи, по стеклу бежали ручьи, и я только сейчас поняла, что окно не зашторено.

Со словами «тебя же увидят фамильяры!» я откинула одеяло и вскочила с кровати. Подбежала к окну и, схватившись за шторы, осмотрелась. Старый дуб замер под тяжестью влажной листвы, скользкие сучья скребли по черепице. Бен усмехнулся моему озадаченно вытянувшемуся лицу.

— Во время дождя фамильяры не сидят на ветвях, — не без иронии сообщил он.

Я вздохнула и поморщилась. Боль в спине сковывала движения — кожа вокруг раны подсохла, швы стягивали и подергивали обожженный рубец. Рыча сквозь зубы, я опустила жалюзи. Заметив, Бен поймал меня за руку и резко развернул к себе лицом.

— Слишком поздно, Эшли! Том знает, что я здесь, а фамильяры не посмеют придти за мной.

— Я не была бы так уверена, — пробормотала я и посмотрела ему прямо в глаза. — Лучше соблюдать меры предосторожности. Пока. Как твое плечо?

— Гораздо лучше, — сухо бросил он.

Я кивнула и высвободилась, Бен расцепил пальцы, буравя меня пронзительно

холодными голубыми глазами. Он продолжал строить из себя недотрогу, за ночь ничего не изменилось. Покачав головой, я направилась в ванную комнату и оставила его наедине с Джошем, хотя вряд ли кого-то, кроме меня, это смутило. На удивление мальчики сносили общество друг друга без видимых усилий. Что ж, прекрасно! Быстрее найдут общий язык — у них просто нет иного выхода. Приняв душ и поразмыслив над планами на день, я кое-как умылась и привела себя в порядок, избегая неосторожных и резких движений. Они причиняли боль. Самым сложным оказалось одеться. Серые домашние брюки, футболка с длинными рукавами кораллового цвета, и я была готова. В комнате меня ждала картина маслом — Бен подпирал подоконник, сцепив руки, а перед ним на краю моей кровати с величественным видом восседал Персик. Они сверлили друг друга глазами. Хохотнув, я предложила им позавтракать, и никто не возражал. Кот прыгнул на пол и побежал к двери, замаячил, вопрошающе воздев ко мне взгляд зелено-желтых глаз. Все-таки мохнатая сущность украшала Джоша, но он был хорош во всех своих образах. Мы спустились на кухню — я, Бен и Персик. Мишель еще не отошла от знакомства с Беном, а новость об истинном облике домашнего питомца могла окончательно выбить ее из колеи.

Сестра суежилась у плиты, что-то напевая себе под нос. Шипело масло, и сладко пахло ванилью. Мишель услышала наши шаги, но не обернулась, лишь ее плечи напряглись. Я спустилась первой и прошла к островку, кот прильнул к моим ногам, толкнулся лбом, предвкушая сытную трапезу. Бен поглядывал на сестру, намеренно гремевшую посудой. Усадив его за стол, я подошла к кофейнику и достала из шкафа две чашки. Персик суежился, обтирался о туфли сестры. Мишель фыркнула и топнула ногой — она злилась из-за присутствия Бена, но я не могла больше держать его в спальне. Сложив руки на столе, он задумчиво смотрел в окно и наблюдал за бушующей стихией, гнущей деревья и ломающей ветви. Ветер усилился, дождь лил стеной, не было видно ни соседних домов, ни очертаний забора.

— Прекрати, — тихо сказала я, наливая кофе.

Мишель громко вздохнула и повернулась ко мне. Темные глаза сверкнули, безупречно красивое лицо разгладилось. Она поджала губы и поставила пустую сковороду на конфорку. Я тихо усмехнулась, размешивая сахар, и покосилась на сестру. На ней были синие классические брюки из плотной ткани, а сверху — ажурная белая блузка с глубоким вырезом и воротником-стойкой. На шее блестели длинные жемчужные бусы, связанные узлом на уровне груди. Идеально уложенные волосы, повседневный, безупречный макияж — я всегда восхищалась красотой Мишель, но сегодня она была по-особенному хороша.

— Он из рода убийц, Эшли, — сказала Мишель так, чтобы Бен слышал. Ее ледяной тоном резал слух, но вызвал у меня улыбку. Шерман только повел бровью — его нервам можно позавидовать.

— Ты сходила в салон? — удивленно перебила я ее. Сестра опешила, проглотив возмущение, и несколько секунд в растерянности моргала. — Ты выглядишь... идеально!

— Не заговаривай мне зубы! — прошипела она и отвернулась. На плите стояла форма с поджаристым, пышным творожным пирогом, украшенным взбитыми сливками. Аппетитный аромат заполнял просторное помещение, и Персик, тихонько урча, уже извивался вокруг ножек стола. Изумление отразилось на моем лице, и Мишель заметила. Не могла не заметить. — Решила попробовать новый рецепт, — пробормотала она и гневно вонзила нож в пирог. Я вздрогнула.

— Ты насмотрелась канала для домохозяек? — я отставила кофейник. Когда несла

чашки, наполненные горячим напитком, к столу, по лестнице спустилась Моника. На ней струилось длинное атласное платье цвета спелой малины, перехваченное широким черным поясом. Засмотревшись, я чуть не врезалась в Бена, он придержал меня за руку, не дал обжигающей жидкости расплескаться. Моника глядела под ноги, придерживая подол, а когда вышла к нам, ее лицо просияло от улыбки. И причина тому — Бен.

— Какой же он хорошенький, — чуть слышно отметила сестра, проходя мимо меня. Бен проследил за ней настороженным взглядом, но Монике это явно понравилось. Она ему подмигнула. — А Мишель считает, что в нашем доме живет монстр. Где же он? Покажите мне его — я вся трепещу от ужаса!

— Он — бэлморт! — не оборачиваясь, сквозь зубы процедила Мишель. Она вынимала пирог из формы и укладывала его на большое десертное блюдо. Персик исходил от нетерпения и готов был сплясать перед Мишель вприсядку за кусочек свежее испеченного лакомства.

— И что с того? — небрежно пожав плечами, бросила Моника и села напротив Бена. Сложив перед собой тонкие изящные кисти с ярким маникюром, она склонила голову набок, и длинные темные волосы свесились на стол.

Бен изо всех сил старался не смотреть на нее, но взгляд сам собой возвращался к красивому лицу. Что-то было в этом... странное. Я нахмурилась, но Бен отвернулся и непринужденно отпил из чашки — наваждение растаяло в воздухе.

— Хотел бы убить — давно убил бы. Сама же спала с бэлмортом, — последние слова Моника произнесла с явной издевкой и одарила Бена лучезарной улыбкой. Он посмотрел на Мишель, поднес к губам чашку с дымящимся кофе, но отпивать не спешил. Заметив его пристальное внимание, Мишель спала с лица, побледнела, но нашла в себе силы поставить перед нами блюдо с пирогом. Она отвела глаза, выпрямляясь, и украдкой посмотрела на Бена — он все это время наблюдал за ней. Захотелось одернуть его, напомнить о приличиях, но я прикусила язык. Показалось, что он видел каждую из нас насквозь и что-то для себя мысленно отмечал. Но так ли это? Окончательно смутившись, сестра быстрым шагом направилась к вешалке и буквально сорвала с нее плащ и зонт-трость. Небрежно оделась и выскочила на улицу под проливной дождь.

— А как же пирог? — крикнула я ей в след, но в ответ лишь хлопнула дверь. Повернувшись к Монике, я холодно посмотрела на нее. — Зачем ты так?

— Она не имеет права судить тебя, — спокойно ответила она, вставая из-за стола, чтобы налить себе кофе. И вела себя непринужденно, будто не сидела за одним столом с бэлмортом, хотя еще несколько дней назад у нее волосы вставали дыбом от одной мысли об охотниках. Бен не поднялся и не опередил ее, хотя я ожидала этого. Но Моника не смутилась и не расценила его поведение дурным тоном. Она не заостряла внимание на таких глупостях. — И вообще, ты не заметила, Эшли, что наша милая Мишель в последнее время какая-то агрессивная?

— Есть немного, — ковыряясь ложкой в чашке, отозвалась я. — Ей не надо было расставаться с Джошем.

Бен, отпивая из чашки, поперхнулся и посмотрел на меня. Он медленно опустил ее, откашлявшись в кулак. Я улыбнулась и невинно похлопала ресницами.

— Сумасшедший дом, — одними губами произнес он и издевательски ухмыльнулся. — Твоя сестра спит с котом.

Под столом зарычал Персик, но звук резко оборвался, и послышался в угрожающий вой

— Бен пнул его ногой. Я поджала губы.

— Не обижай Персика, — цедя слова, я отпила из чашки.

— А то что? Помочится в ботинки?

— Морду набьет, — бесхитростно сказала я и пожала плечами. Поставив чашку на стол, сложила руки и перебирала пальцами, буравя его глазами. Он не моргал, не отводил взгляда, а улыбка становилась все шире и ослепительнее.

Моника вернулась с кружкой ароматного кофе. Поерзав на стуле, она принялась разрезать ножом пирог, а я невольно разглядывала ее лицо. Кожа бледнее обычного, без румянца, слегка впалые глаза, вокруг — темные болезненные круги. Усталый вид, словно сестра не выспалась или неважно себя чувствовала.

Пока я размышляла, Моника беззаботно улыбалась Бену. Он старался быть вежливым, отвечал сдержанной полуулыбкой и отводил глаза, с неприкрытым любопытством рассматривал дно своей пустеющей чашки. Моника заметила, что он не попробовал пирог, и поспешила отрезать кусочек. Я сидела и давилась кофе, злясь на обеих сестер, но никто, конечно же, этого не замечал. На ближайшие дни Бен стал объектом повышенного внимания со стороны моих родных.

— Как дела на работе? — я решила начать издалека, спрашивать сестру в лоб о ее самочувствии было бы опрометчиво.

Моника неопределенно пожала плечами и припала губами к чашке. Облизав пенку, она громко вздохнула. Я пыталась поймать ее взгляд, но тщетно. Сестра смотрела на Бена или мимо него, изредка косилась в мою сторону — ее что-то беспокоило, я нутром чуяла.

— Все чудесно, — ее губы нервно дрогнули в кислой улыбке. — Как раз собираюсь на встречу с клиентом. Но с нетерпением жду вечера и не нахожу себе места....

— Почему же? — я отложила ложечку и отпила из чашки, глядя на сестру, словно боялась, что если моргу — она исчезнет.

— Намечается вечеринка, — быстро проговорила она, поднимаясь из-за стола, обвела нас беглым взглядом и посмотрела на часы над дверью. — Я уже опаздываю.

Облачившись в длинный светло-голубой плащ, Моника торопливо упорхнула из дома. Спрятавшись под зонтом, она побежала к гаражу, а уже через минуту послышался шум мотора отъезжающего автомобиля. С ней что-то творилось, я чувствовала. Бен тоже заметил, и мы переглянулись. Меня волновало здоровье сестры, она никогда не позволяла себе выглядеть уставшей, ее внешность вызывала зависть у окружающих. Моника — преобразователь, искажитель, и она мастер своего дела. В частности направляла дар на свой образ роковой красавицы. Что же произошло с ее безупречностью?

Не успела я встать из-за стола, как Джош принял человеческий облик. Еще ничего не сказала, а он уже схватил со стола пирог и вцепился в него зубами, сверля Бена ледяным взглядом.

— Разрешаю его пнуть в отместку, — одобрительно произнесла я.

— Нет, он прав, — сказал Джош, подходя к кофейнику. Он держал в одной руке кусок пирога, хватаясь другой за чашку с кофе, которую я ему только что наполнила. — Я живу в твоём доме под видом кота, вступаю в отношения с сестрой — это разве не извращение?!

— Ты же это не в животном облики делаешь?!

— Не важно, — отмахнулся Джош. — В доме живут три женщины.

— Я никогда не переодевалась при тебе, — усмехнулась я.

— Ты — нет, — многозначительно подтвердил Джош, дожевывая. Скривив губы в

ехидной улыбке, он смутил меня. Я поморщилась и мотнула головой, рассыпая волосы по плечам.

— Не хочу знать подробностей, — я отпихнула Джоша рукой и направилась к лестнице.

— Что мы сегодня делаем? — деловито осведомился он.

— Отправляемся в Вижн. Нужно пообщаться с родителями второй пропавшей девушки.

— Ее имя ты знаешь?

— Разумеется. Адриана Хиггинз.

— Он едет с нами, — Джош указал пальцем на Бена. Услышав, что о нем говорят, Бен с каменным видом откинулся на спинку стула и скрестил руки на груди.

— Зачем? — удивилась я и остановилась посреди лестницы.

— Сколько он будет киснуть в твоей комнате?! Я бы давно свихнулся!

— Смотрю, вы уже подружились, — отметила я и направилась в спальню. — Что ж, будет весело.

На сборы у меня ушло бы гораздо меньше времени, если бы не швы на спине. Обтягивающие темно-синие джинсы я заправила в черные кожаные сапоги на низких широких каблуках. Сверху надела трикотажный пуловер цвета топленого молока, а вот завернуться в кожаный жакет оказалось задачей не из легких. При малейшем прикосновении к коже вокруг раны боль пронизывала тело раскаленной стрелой. Мужчин я выгнала из спальни, но в эту минуту горько пожалела об этом. Бросив жакет на кровать, я поплелась к зеркалу.

Светло-бежевые тени, капелька румян, тушь для ресниц — последним штрихом моего сегодняшнего образа стал перламутровый блеск для губ. Волосы оставила распущенными, и они упругими каштановыми локонами падали на плечи, при этом я старалась не думать о том, для кого прихорашиваюсь. Результат в зеркале меня удовлетворил, я была готова к выходу, оставалось только надеть жакет....

Я вышла из спальни, держа в руках кожанку. Бен стоял у шкафа со снадобьями и разглядывал пузырьки через стеклянные дверцы, заложив руки за спину. На нем была серая ветровка и черная пижонская футболка Джоша, она прилегала к телу, но не стесняла движений, подчеркивала красивое спортивное сложение. Пришлось постараться, чтобы не пялиться на вздымающуюся грудь с четко очерченными формами мышц и не думать, каково оказаться в его объятиях. Я тряхнула головой и нахмурилась, мысленно злясь на себя — Бен посмотрел на меня в отражении в стекле, и по его лицу сложно было что-то прочесть. Джинсы и спортивные ботинки он оставил свои — надо срочно что-то делать с его гардеробом. Не будет же он вечно щеголять в одежде с чужого плеча.... Утратив ко мне интерес, он вернулся к изучению содержимого полок шкафа, чтобы хоть как-то занять себя, и убить время.

Джош сидел за столом, развалившись на кресле, и настукивал пальцами жесткий драматический ритм, отлично передающий его настроение. Он следил за Беном исподлобья, будто боялся, что тот что-то выкинет, и я усомнилась в перемирии между ними. Джош расстегнул молнию и распахнул темно-серую стеганую куртку с воротником — стойкой, засунул руку в карман светло-серых джинсов. Бледно-голубой джемпер с треугольным вырезом подчеркивал достоинства его крепкой, но худощавой фигуры, под ним белела футболка — его небрежный образ притягивал взгляд. В Джоше чувствовалась кошачья энергетика, его хотелось трогать и чесать за ухом, но я бы не рискнула.

Я закрыла за собой дверь в спальню, и на меня уставились две пары глаз. Немного неловко, но нужно было привыкать к обществу Джоша и Бена и повсеместному сопровождению. Застыв перед ними, я мысленно проговаривала просьбу о помощи, но так и не произнесла ее вслух. Только успела глубоко вдохнуть и открыть рот, как Бен скользнул ко мне с ничего не выражающим видом, одновременно с ним Джош плавно поднялся из-за стола и шагнул в мою сторону. И замерли, когда поняли, что произошло, и переглянулись.

— Вы оба слышите мои мысли, — догадавшись, прошептала я. Бен покосился на Джоша, изогнув бровь, а тот удивленно нахмурился и поглядел на меня.

— Что значит «оба»? Этот, — небрежно кивнув головой на Бена, Джош скривился, — тоже?!

— «Этот» отзывается на ее зов, — звенящим от холода тоном сказал Бен. Джош поджал губы и повернул голову, чтобы видеть его непроницаемое лицо. Челюсти Бена напряглись, и голос прозвучал глухо, но с ощутимым жаром: — и не только когда ей необходимо помочь одеться.

— Намекаешь на то, что я не защитил ее от бэлмортов? — процедил Джош. Он медленно развернулся к Бену, сверля его тяжелым, обжигающим взглядом. Пришлось толкнуть его в плечо, чтобы привлечь к себе внимание.

— Не вздумай, слышишь? Он чувствует меня на расстоянии, а чтобы с тобой обмениваться мыслями, мне требуется зрительный контакт.

— Нет, — возразил Джош и встал передо мной с обескураженным видом. — Нам не нужно смотреть друг другу в глаза. Я всегда слышу тебя, когда ты этого хочешь.

— То есть? — непонимающе протянула я и сжала в руках куртку.

Он приблизился и снисходительно посмотрел сверху вниз. Меня обдало ароматом его одеколona, а щеки защипало от магии, пульсирующей волнами в воздухе. Я скользнула взглядом на золотую цепочку на его шее, на которой болтался кулон. Он спрятал его под одежду, но даже сквозь ткань футболки и джемпера пробивалось нежно-зеленое сияние. Воздев глаза к лицу Джоша, я наткнулась на неприкрытый гнев.

— Тебе достаточно позвать меня, Эшли. Мысленно, — четко выговаривая каждое слово, ответил он.

— Я не знала, — призналась я и протянула куртку Бену. Он незамедлительно принял ее и обошел меня вокруг. Джош проводил бэлморта холодным внимательным взором и не отводил его, пока Бен помогал мне просунуть руки в рукава. Когда я застегнула молнию, Бен уже направлялся к лестнице. Он остановился, дожидаясь нас. Я собиралась проследовать за ним, но Джош поймал меня за руку.

— Почему он тебя слышит? — горячо выдохнул он мне в лицо, склонившись так низко, что я могла разглядеть и посчитать каждую веснушку на его носу.

— Я — его «искупление», ты уже в курсе. Но, честно говоря, мы сами не понимаем, почему так происходит. Он просто знает, где я нахожусь, и что мне нужна помощь.

— Это он тебя вытащил из дома Моррис?

— Да.

— Почему ты мне не рассказывала, Эшли? Мы же договорились. Как я могу защищать тебя, если ты не посвящаешь меня в свои дела и постоянно что-то утаиваешь?! Какие-то важные детали...

— Я ожидала подобной реакции, — прошипела я, перебивая его. — Знала, как ты отнесешься к его сущности!

— Возможно, для тебя станет новостью, Эшли Браун, — ледяным тоном проговорил Джош, — но я с пониманием отношусь к твоим причудам, принимаю их, мирюсь с ними. Неужели я не заслужил знать о существовании бэлморта, с которым у тебя необычная связь?! Считаешь, я как Мишель закатил бы истерику и попытался его прикончить? Ты такого обо мне мнения, да?!

— А разве сейчас ты не истеришь? — спокойно спросила я.

Еще немного, и у Джоша повалил бы пар из ушей. Он поджал губы добела и сверлил меня глазами. Я коснулась его рукой, положила ладонь на грудь и ощутила бешеный пульс. По коже потекла магия, поднимая волоски вверх, от нее захватывало дух, и плавился воздух. Мне захотелось унять его злость — я мысленно обратилась к Джошу:

«— Прости. Я научусь пользоваться нашей телепатической связью, обещаю. И больше ничего не утаю. Ничего важного».

Он внимательно выслушал меня, но последние слова его задели — брови возмущенно взлетели на лоб.

— «Ничего важного?»

«— Ничего, что тебе следовало бы знать, Джош».

Я улыбнулась, чувствуя, как магия отступает, стало легче дышать. Кулон под одеждой Джоша угасал, пульс замедлялся. Он громко вздохнул и, отстраняясь, скривил губы в улыбке. Выпустил мою руку и двинулся к лестнице, хмуро глядя перед собой и игнорируя Бена. Проследив за ним движением глаз, Бен посмотрел на меня, словно хотел убедиться, что все в порядке. Из груди вырвался вздох облегчения, я наморщила носик и виновато улыбнулась. И он не смог изобразить безразличие, хотя пытался — губы предательски дрогнули в ответной улыбке, но он их плотно сжал. Однако, взгляд заметно потеплел, и с этим он уже ничего не смог поделать.

Я быстрым шагом подошла к нему и коснулась плеча, почти невесомо провела ладонью по спине и сбежала по лестнице. Обогнала его и наградила улыбкой через плечо, Бен поспешил отвести глаза. Я заигрывала, а он смущался, как мальчишка. Такой сильный, неприступный и безжалостный, в прошлом наемный убийца и порождение тьмы и злобы, но от одного моего взгляда терялся и не знал, куда деть себя.

Автомобиль Джоша стоял в гараже нашего дома, иного средства передвижения у нас не было. Я забралась на пассажирское место рядом с водителем. Бену пришлось расположиться сзади, его это вполне устраивало, а вот я испытывала дискомфорт. Замерев, словно кол проглотила, схватилась за ручку на двери — рана на спине затягивалась, но медленнее, чем хотелось бы. След от ладони Тома на шее заживал с неделю, а он на фоне рубца, полученного вчера, всего лишь царапина. Травмы, нанесенные бэлмортами, заживали крайне тяжело и мучительно.

Джош покосился на меня, пристегивая ремень безопасности, и издевательски поцокал языком. Я посмотрела через плечо на Бена — откинувшись на спинку сиденья, он сложил руки на животе, сплел пальцы и глядел в окно. Повернув ключ зажигания, Джош включил музыку — салон завибрировал, и я не слышала собственных мыслей. Веселая поездочка намечается....

За окном мелькали серые улицы, их размытые водой очертания. Тусклые огни витрин, и мокрые дома — город парализовал проливной дождь. Редкие прохожие прятались под зонтами, а мы гнали по лужам к мосту, разделяющему район Вижн и Мортелль. Машина плавно и бесшумно катила по зеркальной и гладкой дороге, и чем ближе мы подъезжали, тем ярче расцветал пейзаж. Словно в Вижн была другая почва, плодороднее, а дождь шел исключительно питательный. Но секрет прост: другие сорта деревьев, а также само расположение района — в низине, где ветра меньше.

Мы заехали на главную улицу, она пылала желтым и красным, осенняя акварель навевала праздничное настроение. Джош сбавил скорость, мы неспешно скользили мимо шикарных особняков, выискивая глазами нужный дом. Аккуратные газоны, чистейшие тротуары, ни единого листочка, как на рекламном проспекте — искусственно и дорого. Я уже говорила, что не хотела бы здесь жить? Шумные соседи, звонкая ребятня и ковер из

опавшей листвы гораздо милее сердцу.

Дворники на лобовом стекле не справлялись с потоками воды, Джош почти лег на руль, всматриваясь в контуры улицы, я прилипла носом к окну. Мы проехали центральный проспект, свернули налево на перекрестке и миновали еще четыре дома, прежде чем нашли кирпичный двухэтажный замок с мраморной лестницей и прудом во дворе. Высокий кованный забор, автоматические ворота и широкая подъездная дорожка, усыпанная гравием. Вдоль нее выстроились стройные, как под линейку, туи, приветственно и строго, словно встречая важную особу. Крыльцо окружили клумбы с белыми хризантемами. Остановившись, Джош присвистнул.

— Надеюсь, в доме не установлена сигнализация?

Я повернулась и одарила его долгим взглядом.

— Хочешь вынести все ценное?

— Нет, — бесхитростно ответил он, но договорить не успел. Бен подался вперед и облокотился на спинки наших кресел руками. Джош обернулся к нему.

— Пропавшая девушка была ведьмой? — задумчиво спросил Шерман.

— Да. Так сказал Стэнли, — ответила я, но не осмелилась обернуться.

— Если она мертва, — продолжил вслух его мысль Джош, — сигнализация не сработает, верно?

— Нам не надо, чтобы она была мертва.

— Как бы цинично это не звучало, — поморщившись, сказал Бен, — нам надо. Если жертва проживала в здесь в гордом одиночестве, то это ваш единственный шанс. Иначе вы просто не попадете в дом.

Стиснув зубы от боли, я осторожно повернулась, чтобы видеть Бена. В интонации послышалась ирония, и мне захотелось разрушить его иллюзии. Джош не просто так настоял на присутствии бэлморта — он преследовал цель, о сути которой я только что догадалась.

— Думаешь? — я лукаво прищурилась, маскируя болевые конвульсии улыбкой. — А ты здесь для чего?

Ухмылочка сползла с лица Шермана. Оно разгладилось, а брови сошлись на переносице. Он покосился на довольного собой Джоша — он потирал подбородок и с азартом наблюдал за нашим разговором.

— Я служил в полиции. А ты предлагаешь мне вломиться в дом, являющийся чужой собственностью?

— Ты служил в полиции, я помню. Но не теперь. И нам нужна твоя помощь, Бен.

— Кажется, кто-то хотел оставить меня взаперти в своей спальне, — раздраженно напомнил он, открывая дверь и выбираясь из автомобиля. Я поспешила оказаться под дождем, чтобы не упустить его из виду. Джош заметался по салону, собирая все необходимое и рассовывая по карманам зелья из бардачка.

— Подождите меня! — громким шепотом взмолился он и выглянул в приоткрытую дверь. — Я припаркую машину за пару домов отсюда.

— Я прислушалась к мнению Джоша, — выкрутилась я, шагая к воротам.

Бен шел впереди, и я по его напряженным плечам понимала, как ему не нравилась наша идея. Джош медленно покатыл по дороге, чтобы создавать как можно меньше шума и не привлекать внимания. Достав на ходу кожаные перчатки из карманов куртки, я натянула их — нельзя оставлять отпечатки. Надавив пальцем на кнопку домофона, я посмотрела на Бена. По его каменному лицу стекали дождевые капли, волосы намокли и потемнели. Он

застегнул ветровку и спрятал подбородок в воротник-стойку. Где-то в груди разлилось тепло, и я не могла не смотреть на него, его показная холодность и безразличие уже не трогали меня. А должны бы.

— К тому же, ты помогаешь расследовать преступление.

Бен с сомнением покосился на меня. Никто кроме него не мог одним лишь взглядом выразить столько мыслей сразу. Все мы понимали, что Брейнт сделает, если поймает нас. Он из кожи вон вылезет, чтобы упечь нас за решетку.

— Никто не отвечает, — рассеянно пробормотала я, с ужасом осознавая, что дом пуст. По лицу хлестал дождь, волосы потяжелели и повисли бесформенной копной. Смахнув капли со лба, я полезла в карман за зельем неодушевленной памяти.

— Как в воду глядел! — воскликнул Джош, возникнув у меня за спиной.

Бен покосился на него, и они встретились взглядами. Я заметила, как изменилось выражение его лица — глаза посуровели и потемнели, кожа разгладилась, губы сложились в линию. Они обменивались неприязнью, выказывая всем видом взаимное недоверие. И только при мне изображали дружелюбие. Я не могла никого из них осудить, как и заставить терпимее относиться друг к другу. Пройдет время, и между ними возникнет дружба. Мне бы этого очень хотелось.

— Надеюсь, видеокамеры не навешаны по всему периметру, — я открыла мощный замок на воротах при помощи зелья. В воздухе повисло напряжение от избытка тестостерона, но стоило Бену отвлечься и осмотреться, как оно растаяло. Джош надменно хмыкнул, а я с облегчением вздохнула. Пусть разбираются сами, но быстрее.

— Странно, но нет, — удивленно протянул Бен и подошел вплотную к воротам, вынимая руки из карманов. — Как правило, в таких домах камер и датчиков движений больше, чем мебели.

— Магическая защита сдулась? — Джош встал между нами. В груди натянулось неприятное ощущение. Он словно всеми силами старался не подпускать ко мне Бена.

— Похоже на то, — отозвалась я, проводя рукой вдоль металлических прутьев. — Я не чувствую чар.

Ворота медленно открылись, но никто из нас не решился первым шагнуть на дорожку из гравия.

— А дом? Ты что-нибудь чувствуешь? — не оборачиваясь, спросил Бен. Джош покосился на меня. Он определенно ревновал — считал, что Бен подвинул его.

— Нет. Если Адриана умерла, то не здесь.

Бен посмотрел на дом, а секунду спустя обратился в дым и рванул к нему. Я и Джош едва устояли на ногах от порыва воздуха и его скорости. Кожу обдало жаром, пахло гарью, но лишь на мгновение. Я стояла, словно зачарованная, и смотрела, как густое серебристо-сизое облако мчится над землей, срывая с туй мелкие ветви и заставляя деревья прогибаться. Бен подлетел к парадному входу, замедлился и вдруг рванул вверх. Он облетел крышу, ворвался в дымоход и исчез внутри здания.

— Он не черный, — холодным, но недоумевающим тоном проговорил Джош и едва заметно кивнул своим мыслям. — Не черный.

— Ты удивлен? — спросила я и посмотрела на него.

Джош пожал плечами и нахмурился.

— Наверно.

— Ты не ожидал, верно?

— Я не верил, — сухо бросил он и, наконец, удостоил меня взгляда — испытующего и пронзительного. Мне стало приятно, что Бен сумел удивить Джоша в хорошем смысле этого слова. — Он действительно меняется.

Я улыбнулась одним уголками губ, ничего не ответив, и посмотрела на дом. Входная дверь медленно и бесшумно отворилась, на пороге стоял Бен. Осмотревшись, он призывающе махнул нам рукой. Мы обратились в дым и в одно мгновение пронеслись к крыльцу и ворвались внутрь. Бен шагнул в сторону, освобождая нам путь, и захлопнул дверь. Нас окутала зловещая тишина, лишь отголоски дождя, колотящего в окна, нарушали ее.

Обстановка впечатляла с первого взгляда. Светлые стены и пол с отделкой под мрамор, плавные изгибы и сверкающие переходы вместо прямых линий. Широкая лестница с черными коваными перилами разворачивалась полукругом, точно веер. Посреди просторного холла стояла напольная ваза в металлической подставке, аромат от пышного букета из роз и хризантем разносился по всему дому. Бра на стенах — стекло и темное дерево — в цветочном стиле, а над вазой висела люстра, стилизованная под старинный фонарик, с черным узором на белом стекле. Слева стоял небольшой деревянный диванчик, обтянутый шелком каштанового цвета с мелким геометрическим узором, с двумя белыми декоративными подушками. Справа — точно такое же кресло и кофейный столик бледно-зеленого стекла. Шагнув в помещение, я замерла, перепугавшись эхом собственных шагов, оно прокатилось по округлым стенам. Я обернулась и посмотрела на мужчин — они настороженно озирались по сторонам. Медленно выдохнув, я шагнула налево к широкой арке и попала в светлую столовую. Круглый обеденный стол обступили шесть стульев в чехлах, тумба на высоких тонких ножках со светильником, в центре комнаты — люстра. Контраст ярко-синего и черного, голубые переливы в мелких деталях придавали строгость интерьеру, пол был устелен паласом, с черно-белым узором все в том же геометрическом стиле, на больших окнах — плотные серо-синие шторы на кольцах. И повсюду белые вазы с композициями из сухоцвета — на столе, подоконниках, на полу. Я обошла комнату, огляделась, но ничего подозрительного не заметила и не ощутила. Дом не был заражен тьмой, не отмечен магией смерти, но в нем гуляла пустота, от нее щемило в груди. Я не могла знать наверняка, жива Адриана Хиггинз или нет, но чувствовала, что сюда она больше не вернется.

Заглянув в уборную, прилегающую к кухне, я окинула взором просторное помещение, выполненное в классическом стиле. Коричневая и белая плитка, отделка золотом, белая сантехника, большое зеркало над раковиной в раме — снова ничего интересного. Гостиная притаилась под лестницей. Окно во всю стену выходило во внутренний двор, парчовые шторы цвета охры с буфами; паркет сверкал глянцем, кожаный угловой диван с небольшим деревянным столиком, камин с канделябрами, и все в коричнево-бежевой гамме. Над камином — широкоэкранный плазменный телевизор, на столе — белая ваза с сухоцветом. Стильно, строго, сдержанно, но везде пахло большими деньгами, очень большими. Откуда они у молодой девушки? Ах да, она же ведьма, и ее истинный возраст нам не был известен! Можно было надумать сотню теорий ее обогащения — будь-то удачное замужество или наследство, а, может, выигрыш в лотерею — нас это не касалось. А вот то, что я не чувствовала здесь тепла и уюта, присутствия жизни — это было действительно интересно. В доме Валери Гилберт осталась ее мать, что само по себе наделяло его жизнью, и я не ощутила ничего странного. А вот в доме Адрианы меня изнутри сжимало от чувства одиночества и пустоты.

Быстрым шагом я вышла из гостиной и пересекла холл, направляясь в кухню. По полу стелилась темно-коричневая керамическая плитка под мрамор, сверкала полиролью мебель из темного дерева и белого матового стекла. В центре расположились квадратный деревянный столик и несколько стульев; с потолка, усеянного мелкой подсветкой, свисала

люстра из бронзы. Хозяйка обладала превосходным вкусом, но для меня ничего примечательного в этом не было. Везде бездушная тишина и холодная красота.

Опустив взгляд, я прерывисто вздохнула и поспешила выйти из кухни. В дверях стояли Джош и Бен, и я задела их локтями, вылетая в холл.

— Что ты почувствовала? — спросил вдогонку Джош.

— Пустоту, — ответила я, уже взбегая по лестнице на второй этаж.

— Она мертва? — Бен уже следовал за мной — неторопливо поднимался ступень за ступенью, держа руки в карманах куртки. Джош плелся за ним и придирчиво разглядывал стены.

— Не знаю. Скорее всего.

Остановившись посреди просторного коридора, я смотрела на белые двери, которых было три. Мне уже не хотелось открывать их — ничего нового не узнаю. Но начатое дело надо доводить до конца, поэтому я подошла к первой слева и распахнула ее. Спальня. Серо-коричневые стены с узором из золотых листьев, теплые и светлые тона. Заданный обоями оттенок и рисунок повторялся в элементах интерьера — обивка кровати и кресел у окна, портьеры, покрывало. Старинная мебель из бука с резными вставками, лепной потолок — гармоничные и утонченные оттенки и богатые драпировки. И, конечно же, в центре комнаты и внимания — огромная кровать. На ней можно было с легкостью посадить самолет.

В этой комнате впервые попалась на глаза деталь, портящая безупречную картину и напоминающая о том, что здесь кто-то жил — на полу были разбросаны вещи. Платяной шкаф со старинным зеркалом стоял нараспашку, из его недр вывалились наружу пестрые внутренности. Беспорядочная куча белья, от платьев до бюстгалтеров. Складывалось впечатление, будто хозяйка впопыхах наряжалась, вороша содержимое полок, швыряя тряпки под ноги, и у нее не осталось и минутки свободного времени, чтобы устранить беспорядок. Или она уже не первый день одевалась подобным образом.... Подбирала с ковра нужную вещь, бросая рядом утративший свежесть модный туалет. Окинув взглядом кавардак, я прошла в комнату и опустилась на колени. Небрежно скомканная одежда, кое-где рваная — она что-то искала, или кто-то посторонний? К сожалению, неизвестно.

Я заглянула за следующую дверь, и там оказалась гостевая спальня. Интерьер немного скромнее, чем в предыдущей комнате, но тоже со вкусом и в классическом стиле. Шкаф у стены, кресло и светильник, у окна расположился туалетный столик с пуфиком, комод и второе кресло. Кровать в центре с белоснежным кружевным постельным бельем и парчовым покрывалом — старинная мебель и теплые цвета. Но все через чур идеально, аж скулы сводило. Захлопнув дверь, я вошла в следующую комнату и попала в еще одну ванную комнату, точную копию уборной на первом этаже, и здесь картина не была столь радужной.

В груди защемило от неприятного ощущения — перед глазами возникла картина в комнате Валери Гилберт. Зеркало над раковиной — кроме него я ничего не замечала. Что, если история повторилась? Я отважилась подойти ближе, с блестящей глади взидало мое отражение. Стоило остановиться, и оно начало покрываться тонкой паутиной трещин. Я слышала хруст и звон стекла. Зеркало темнело, словно по ту сторону выключили свет, и проваливалось в стену. Мое отражение бледнело, кожа обтягивала кости, истончалась, как бумага. Вдруг оно разбилось на мелкие осколки, и по спине скользнул холодок. Я знала, что если зажмурюсь, то наваждение исчезнет, но хотелось выяснить, одна ли я его вижу.

Я обернулась и посмотрела на Бена и Джоша, они повсюду следовали за мной, словно тени. В комнатах парни осматривали полки, изучали содержимое ящиков, но мы не знали,

что ищем, поэтому ничего не нашли. Следовало сразу подойти к зеркалу.

— Здесь кое-что есть, — сглотнув, сказала я. — Взгляните.

— Что ты заметила? — пробормотал Джош, покосился в зеркало, но ничего не заметил. Он оглядел ванную комнату и посмотрел на Бена. — Что скажет эксперт?

Бен смерил его отсутствующим взглядом.

— Здесь не пахнет темной магией и бэлмортами, и Эшли подтвердит, — холодно сказал он, подходя ближе. — Здесь вообще ничем не пахнет.

Он взглянул на зеркало, но ничего не увидел. Трещины мерещились только мне — этого следовало ожидать. Бен нахмурился и посмотрел на меня. Как в случае со следами крови в доме Саммер, никто не мог видеть того, что вижу я.

— Кстати, я ощутила аромат цветов в холле, но больше ни в одном помещении ничем не пахло. Абсолютно.

— Что ты имеешь в виду? Здесь безукоризненная чистота, — разведя руками, отметил Джош. — Поэтому не пахнет!

— Нет, — я качнула головой и рассыпала волосы по плечам. — Не пахнет ни пылью, ни тканью, ни деревом. Обычно в доме, где кто-то живет или жил, остаются запахи. Те же самые духи и крема, — я указала пальцем на пузырьки, выстроившиеся вдоль ванной. — Почему ничем не пахнет?

— Не бери в голову, Эш, — Джош устало вздохнул и припал плечом к стене. — Вряд ли это имеет отношение к исчезновению хозяйки дома.

— Я хочу найти зацепку. Хоть какую-то.

Мужчины задумчиво посмотрели на меня, не проронив ни слова. Я шагнула из ванной, но вдруг в груди что-то дрогнуло — Бен поймал меня за руку и притянул к себе.

— Кто-то в доме, — шепнул он мне в висок. — Я слышу шаги.

Кулон завибрировал, чутье обострилось, и я украдкой вдохнула. Кто-то мягко ступал по холлу первого этажа, осторожно и неторопливо, будто знал о нашем присутствии. Я посмотрела на Джоша с немым вопросом в глазах «что будем делать?». Он кивнул на окно около двери в ванную комнату. Скользнув к нему, я повернула ручку и открыла форточку. Немешкая, мы обратились в дым, вылетели в нее и опустились на землю за пределами дома в густых и высоких зарослях подлеска.

Мокрая и колючая трава хлестала по лицу, дождь лил, как из ведра, и через несколько минут одежда промокла насквозь и прилипла к телу. Ноги путались в растительности, я шла прочь от дома и была рада, что выбралась. До этой минуты....

Шум дождя, шорох сухого ковыля — все звуки слились в монотонный гул. Я уже бежала, наугад, сомневаясь частью себя, что от преследования. Мной овладевала паника, я давилась сердцем, клопочущим в горле, а когда послышался знакомый шелест перьев, замерла и огляделась. Звук затих вместе со мной, и я шагнула вперед. Шелест возобновился и снова замолк, когда я остановилась. Теперь можно было бояться по-настоящему.

Вглядываясь в гнущиеся на ветру высокие желтые стебли степной ковыли, я искала глазами что-то, выбивающееся из общего пейзажа. Надеялась заметить хоть какое-то постороннее, неосторожное движение. И чем дольше смотрела, тем больше мерещилось, и я бы сослалась на разыгравшуюся фантазию, если бы темное пятно среди монотонного серо-желтого шума не шевельнулось. Чуть не вскрикнув, я прикрыла рот рукой — пятно шагнуло в мою сторону. А стоило развернуться и побежать в обратном направлении, как справа показалось еще одно. Бен и Джош? Нет, навряд ли.

Слева что-то мелькнуло, и я обернулась. Еще одна тень, которую невозможно поймать глазами — она скрывалась в траве, но было отчетливо слышно, как передвигается. Попятившись, я тут же остановилась, дернулась кожа на спине от ощущения присутствия чего-то сзади. Холод пробежал по телу электрическим разрядом, я медленно повернула голову и сглотнула трепещущий ком в горле, он тяжело и гулко упал в желудок. Кажется, это было мое перепуганное сердце..... Пятно шевельнулось, подалось вперед, и одновременно с ним задвигались остальные тени. А я крутилась на месте, боялась упустить из виду хотя бы одного из них и медленно поднимала ладони над землей. Внутри шевельнулась магия, словно пробудившийся зверь, и закололо кончики пальцев. Сила заиграла на коже, воздух вокруг заискрился, и стало немного теплее — магия проливалась сквозь меня, создавая защитный барьер. Он серебрился, отражаясь от капель дождя. На душе становилось спокойнее, в голове прояснялось, когда я обращалась к своей силе. Время замедлило ход — все вокруг застывало, замерзало. Черные пятна притихли, почуяв магию. Трава больше не колыхалась на ветру, капли повисли в воздухе — перед лицом, над головой, сбоку, — и можно было тщательнее рассмотреть тени, но я боялась совершить лишнее движение. Боялась спугнуть их.

Ни искорки магии, ни малейшего намека на сущность окруживших меня неизвестных преследователей. Я не могла прощупать их, как ни старалась — пустота и внутренняя тишина, как если бы они были обычными людьми. Но они не являлись ими, такими глазами не мог обладать человек!

Подняв руку, я протянула ее влево, чтобы коснуться кончиками пальцев травы, но не осмелилась. Раздвинула ее магией, не касаясь, и в треугольнике сухих стеблей мелькнул глаз, подглядывающий за мной. И он не был похож на человеческий: оранжевая радужка тонким кольцом обрамляла большой черный зрачок. Я засмотрелась, забыв, как дышать, и подалась вперед, вытянув шею. Внезапно глаз моргнул. Вздвогнув, я отпустила траву, и в то же мгновение тени взмыли в воздух и унеслись прочь, словно четыре молниеносных белых облака. Шелестя крыльями, как птицы, которых спугнули.....

От шороха перьев защекотало в горле, я судорожно сглотнула и огляделась. Снова шел дождь, колыхалась и прогибалась от тяжелых капель ковыль, и снова мне было холодно и немножко страшно. Целую минуту, утомительно долгую и напряженную, я вертелась и искала глазами движение, малейший намек на черную тень среди травы. Прислушивалась к каждой капле, падающей с неба, касающейся земли, но слышала лишь дождь и ветер, волнами пробегающий по желтым просторам.

Не заметив больше ничего, я направилась вперед, хотя сложно было сказать, куда я шла. Все перемешалось, поле вращалось — черные тени сбили меня с толку и запутали, дезориентировали. Кто это был? И почему они не тронули меня? Белый дым говорил о том, что бэлмортами эти четверо быть не могли, да и характерного ощущения я не испытывала в их присутствии. Охотников я чуяла нутром, и здесь их не было. Даже Бена.....

Я шла и шла, холод пронизывал до костей, и ноги уже не слушались. Мокрая одежда противно липла к телу, по коже струились ледяные ручьи, но нельзя было останавливаться. Неожиданный порыв ветра, от которого перехватило дыхание, оповестил о близости Бена. Теперь я знала, что он был справа, а слева двигался Джош — он мысленно шепнул мне. Я звала его, беззвучно шевеля губами, и он откликнулся.

Среди сухоцвета и пожелтевшей грязной травы что-то белело. Разгребая ее руками, я двигалась медленнее, глядя под ноги на сырую мягкую почву. И замерла, наткнувшись на то,

что совсем не ожидала здесь обнаружить. Каштановые волосы смешались с грязью, белосиняя, мертвенная кожа ссохлась и казалась прозрачной, рваное белое платье облепило худощавое тело. Посреди поляны лежала молодая девушка, ее остекленевшие серо-голубые глаза с испугом смотрели в небо.

Остановившись, я с ужасом смотрела на руки в тонких порезах, бледные босые ноги в садах, и по моей спине струился холодок. При жизни она была хорошенькой — аристократические черты, изящная фигура, точно высеченная умелой рукой из белого мрамора. Но что-то высосало из девушки жизнь, лишило природной красоты. На мокрой холодной земле осталась брошенной пустая оболочка, ни капли магии в ней не осталось. Сзади подошел Бен, и я чуть не завизжала от неожиданности. Он посмотрел вниз слегка расширенными глазами.

— Это она?

— Точно не могу сказать, — облизав губы, пробормотала я. — Но предполагаю, что да.

— Она убегала. — Бен указал на порезы на руках и ногах: — бежала по траве. Босиком.

— Убегала, — отметил запыхавшийся Джош. — И нам надо уносить ноги. Нас преследуют.

Со стороны дома доносились отчетливые шорохи и быстрые чавкающие шаги, словно кто-то бежал. Не успев договориться, в какую сторону «уносить ноги», мы рванули прочь, не разбирая дороги. Перед глазами стояло лицо мертвой девушки, в ушах — шелест травы и шум крови. От страха пульс стучал у самого горла, и я бежала, раздвигая руками траву. Бежала и бежала, и вдруг осознала, что никого поблизости нет, впереди показались темные верхушки деревьев. Я подошла к подлеску и осталась совершенно одна. Замерла и осмотрелась, прислушалась к тишине, но шум дождя смазывал все остальные звуки. Глядя в густую высокую траву, я впадала в панику. Отсюда не было видно ни дома Адрианы Хиггинз, ни удаляющихся Бена и Джоша. Совсем близко пробежала река, где-то внизу — ощущался характерный запах воды, который дождь не мог перебить. Промокшая до нитки, озябшая до костей, я стояла и дрожала, не в силах бежать дальше. Но и здесь оставаться было нельзя.

Разгребая руками сырую траву, от которой уже горела кожа, и появились порезы, я двинулась обратно в сторону дома, в надежде наткнуться на ребят. Мысленно взывая к ним, плелась, с трудом переставляя окоченевшие ноги. В сапогах хлюпало, по спине бежали ручьи, и, кажется, сознание давно отключилось, все движения совершались мной на автомате. Как вдруг впереди послышался шорох.

Я заметила движение и замерла. Радости не было предела — я все же нашла их! В душе и проснулся червь сомнения, закопошился, но все равно я шагнула навстречу и.... Из травы просунулось дуло пистолета, потом появилась рука, направляющая его мне в лицо. Я проглотила свою радость — раздвинув свободной рукой траву, ко мне вышел Лукас.

Внутри меня что-то оборвалось, когда я увидела его ледяное, больше похожее на маску, лицо. Темный, суровый взгляд буравил меня. Лукас никогда так не смотрел, и сейчас до жути походил на детектива Брейнта. Когда он увидел меня, то ничуть не удивился — по крайней мере, ничем не выказал этого. Ни один мускул не дрогнул, даже взгляд остался прежним. Но я наделась, что Лукас одумается и опустит пистолет.

— Привет, — дрогнувшим голосом сказала я. Он подошел ближе и обошел меня вокруг, не опуская оружия. — Не мог бы ты не направлять пистолет мне в лицо, Лукас?

— Что ты здесь делаешь, Эшли? — холодно спросил он и остановился справа. Перехватил пистолет второй рукой, он и не думал выполнять мою просьбу. Напротив, теперь целился обеими руками, с еще большей злостью в глазах. Не думала, что когда-то увижу столько ненависти в Лукасе.... Наверное, я заслужила в его понимании.

— Думаю, то же, что и ты. Расследую исчезновение Адрианы Хиггинз.

— Ты стояла над ее телом, — сквозь зубы процедил он.

— Думаешь, я убила ее? — теперь я начала выходить из себя. Как он мог допустить мысль о моей причастности к убийству? Ведь Лукас отлично знал меня. Я смотрела на него и не узнавала того мужчину, с которым провела рядом несколько безоблачных лет. Раньше я видела в его глазах тепло и нежность, на которую откликалось мое сердце. А теперь — только холод. Хотелось достучаться до прежнего Лукаса, но как это сделать?

Опустив олову, я закусила губу, и вновь посмотрела на него взглядом, перед которым он не должен был устоять. Вложила в него свою печаль и боль, горечь, надеясь заслужить отклик в его сердце. Все чувства, что испытывала к нему сейчас. И лицо Лукаса дрогнуло — оно больше не напоминало холодную маску, в глазах мелькнула тень. И имя ей — грусть и сожаление. Тяжело вздохнув, он немного отвел пистолет — теперь дуло смотрело мне в грудь. Перебирая затекшими пальцами, Лукас смотрел мне в глаза, искал прежнюю Эшли. Но ее давно не стало.

— Нет, не думаю, — тихо произнес он и облизал губы. Его темно-серый строгий костюм промок от дождя и стал почти черным. По лицу бежали капли, со светлых коротких волос стекали дорожки воды, а он стоял и смотрел на меня. В груди разлился холодок — главное, чтобы в его сердце не родилась надежда....

— Это было ее тело? Адрианы? — так же тихо спросила я, и Лукас коротко кивнул. Он так смотрел, будто боялся, что я исчезну, если он моргнет. Мне было тяжело под этим взглядом, хотелось отвернуться. — Она одна жила в этом огромном доме?

Снова кивок. Лукас не мог больше смотреть на меня поверх дула и постоянно его опускал, но лишь на мгновение. Его растерянный вид снова и снова задевал меня, напоминал о чувствах, которые я когда-то к нему испытывала. Лукас злился — хотел злиться, но я видела в его глазах лишь боль и муку.

— А что ее тело делает в траве?

— Понятия не имею, — сказал он и облизал капли дождя с губ. Опустив взгляд, Лукас, терзаемый сомнениями и желанием поверить девушке, которую до сих пор беззаветно любил, растерял всю свою твердость и холодность. На его лице отразилась растерянность. — Вчера ее здесь не было, мы всю округу обшарили с собаками.

— Значит, она убежала от своего похитителя, но оказалась слишком слаба....

— Она практически обескровлена, Эшли, — неожиданно жестко произнес Лукас и склонил голову набок. — В доме же нет следов борьбы и крови. Ее убили где-то здесь.

Я хотела признаться, что видела, но прикусила язык. Еще оставалось тепло и нежность в глазах Лукаса, но снова проснулся его внутренний коп. Если в Лукасе теперь было больше от Брейнта, то он нацепит на меня наручники и отвезет в участок. Пусть лучше думает, что я болталась вокруг дома и не успела пролезть вовнутрь. Видимо, что-то все же отразилось у меня на лице, потому что он прищурился и криво ухмыльнулся. Неприятное ощущение перечеркнуло все мои чувства к нему, в груди разлилась колючая злость, вспыхнуло разочарование, несмотря на горечь во всех его мановениях и голосе.

— Ты видела, — с твердой уверенностью произнес он. — Я хорошо тебя знаю, Эшли. И вижу, когда ты лжешь.

— Видишь? — почти удивилась я и недоверчиво прищурилась. По лбу стекала вода, но она меня не тревожила. Все внимание занимал Лукас и его неуловимые мысли. Из-под личины хорошего парня нахально выглядывал стальной коп и двойник Брейнта с расистскими замашками.

— Твое лицо замирает, когда ты о чем-то умалчиваешь или увливаешь. Ты не умеешь врать, Эшли.

— Да, я видела, — призналась я голосом, лишенным эмоций. Я больше не хотела верить ему и строить из себя бывшую подружку, страдающую от чувства вины. За Лукаса говорили уязвленное самолюбие и личная обида. Что ж, это его проблемы. С моего лица ушли эмоции, сердце забилось ровнее, спокойнее. Ему не задеть меня, больше нет. — Но тебе не дано видеть то, что вижу я, Лукас. И я считаю, что она сама себя поранила.

— Что за вздор?! — он рассмеялся и едва не опустил пистолет. — Зачем ей это?

— Пока не знаю. Возможно, из-за слабости или опьянения, бежала по высокой мокрой траве и порезала руки. А как ты узнал, где искать тело Адрианы Хиггинз, Лукас?

— Ты пролезла в дом, — его смех разбился, глаза вспыхнули гневом, — и сработала сигнализация. Адриана установила охранную систему людей — она не доверяла магической защите.

— А ты приехал на вызов, потому что ведешь это дело, — догадалась я и кивнула. — А где твой напарник?

— Осматривает дом. Полагаю, ты позаботилась об отпечатках?

Мы одновременно взглянули на мои руки в кожаных перчатках.

— Кажется, Брейнта ждет разочарование.

— По всей видимости, — протянул Лукас и поднял пистолет, направил вновь мне в лицо. — Но я его не разочарую.

— Ты стал его маленькой копией, — отметила я и шагнула вперед, так, чтобы дуло уперлось мне в лоб. В его взгляде промелькнул страх, но лицо осталось неподвижным, непроницаемым. Я смотрела ему в глаза, а когда он действительно напрягся, ласково улыбнулась, как улыбалась раньше, когда была с ним. — Вот только нужно ли тебе становиться уродом, Лукас?

Руки Лукаса дрожали — он слишком долго держал пушку на весу, но теперь ему вовсе стало тяжело удержать его. Мои слова или улыбка подействовали — неважно, главное, что я достучалась до его сердца. Выражение лица заметно смягчилось, на нем отразилась замешательство. Снова я чувствовала его боль — в глазах, движениях, в том, как он

разглядывал меня и поджимал губы. Опустив оружие и направив его в землю, он склонил голову, прикрыв веки, и шумно выдохнул.

— Я так не могу, — прошептал он и качнул головой. Захотелось протянуть руку и прикоснуться к его волосам, запустить в них пальцы, как раньше, дотронуться до лица или провести ладонью по щеке. Он запутался и этим тронул мою душу, вновь разбудил забытое и почти не существовавшее. И моя рука поднялась, Лукас ощутил и, открыв глаза, посмотрел на меня. Столько печали и сожаления было в его взгляде, что я чуть в них не утонула. Где-то глубоко совесть уже грызла меня, но Лукас не должен был знать об этом. Снова я поверила ему, забыла на мгновение, что этого делать нельзя.

Он собирался что-то сказать. Вероятно, о том, как сожалеет и ему даже стыдно, но из травы бесшумно вышел Бен. Он замер рядом со мной, от него веяло холодом, да так, что воздух шел рябью. Я слегка повернула голову, чтобы посмотреть — каменное выражение лица, пустой взгляд, под которым бушевала тщательно сдерживаемая ярость. Руки Лукаса напряглись — он задумался. Я увидела в его глазах желание навести пистолет на Бена, но он не решился. Посчитал, что в меня выгоднее целиться — и снова я смотрела в черное дуло табельного револьвера. Это уже начинало надоедать.

Мужчины мерились тяжестью взглядов. Бен ничего не делал, просто стоял и давил Лукаса глубокой темной синевой глаз и прущей из него энергией. Если бы не магия, то я окончательно озябла бы — жар коснулся волос, щек, обжег кожу. Сердце трепетало в горле пойманной птицей, и было страшно моргнуть. Если бы поблизости были электроприборы, то они бы взорвались от напряжения. Хотелось прижаться к Бену, обернуться его телом и согреться — оно буквально пылало, аж воздух плавился. Бен стоял неподвижно, опустив руки, норовящие сжаться в кулаки, пока Лукас переживал миллион противоречий. На его лице промелькнули все чувства за миг — от трогательной любви ко мне до лютой ненависти к Бену. Он вспомнил его и сейчас сгорал от ревности и гнева.

— Опусти пушку, — ледяным тоном потребовал Бен, будто клинок бросил. Его задевало то, что дуло смотрело на меня, хотя я сама этого добивалась еще минуту назад. При взгляде на Бена Лукас суровел, лицо искажалось до неузнаваемости. Я бы простила его за наставленное оружие и гнобила бы себя за причиненные страдания, за то, что отвергла его, если бы он хотя бы попытался скрыть неприязнь к Бену. Звучит глупо, даже цинично, но открыто демонстрировать неприязнь к сопернику, унижать его в глазах любимой девушки низко и мерзко. Подобное поведение лишь доказывало слабость Лукаса. И он понимал, что не способен конкурировать с Беном, эта мысль душила его, буквально приводила в бешенство.

— Я бы с удовольствием наставил бы его на тебя, Шерман, — произнес Лукас сквозь зубы. — Но я ее поймал около мертвого тела.

— Что ты несешь? — прошипела я, но Лукас даже не посмотрел на меня. Его интересовал Бен, занимал все внимание, и ненависть хлестала через край.

— Я знаю, что ты была там, Эшли. И в доме. Брейнт подтвердит мои слова, а большего и не нужно!

— Ты научился фабриковать улики и показания? Когда успел стать таким же бессердечным мудаком, как детектив Джон Брейнт?!

— Когда ты выбросила меня из своей жизни! — теперь он смотрел на меня и орал прямо в лицо. Столько боли и желчи одновременно, что я с трудом смогла выдержать.... Сердце сжалось, а я силилась понять — ненавижу его или себя? А пока давилась

собственными сомнениями, он продолжал изливать свою ядовитую ярость: — использовала меня, а потом вышвырнула! Растоптала, как ненужную вещь. Ради него?!

Лукас посмотрел на Бена, но тот никак не отреагировал. Он знал, что я чувствую после всей грязи, вылитой Лукасом, ощущал мое состояние. Как и знал, что по щеке скатилась вовсе не капля дождя. Но его занимали более важные вещи: Лукас привлекал внимание, и очень скоро на его душевные излияния сбегутся копы, явившиеся на вызов, во главе с Брейнтом, и нам не поздоровится. Нужно было как можно быстрее уходить, но пистолет Лукаса все еще упирался дулом мне в лоб....

Что-то надломилось во мне, все чувства исчезли, затерлись, и сила пролилась, охватила всех нас. Я подняла голову и посмотрела на Лукаса, но он будто не видел меня. Я собиралась взяться за дуло и опустить его, но он сделал это раньше меня — резко навел пистолет на Бена. Я испугалась и стала задыхаться от собственной магии. Прекрасно понимая, что пулей бэлморта не убить, боялась до чертиков, что Лукас выстрелит. Бен менялся, и никто не знал наверняка, как «искупление» повлияло на его неуязвимость.

Бен глядел на Лукаса, а тот на него — поверх дула. Между ними застыл воздух, капли замерли, и я покрылась ледяными мурашками. По лицу Бена хлестал дождь, но он даже не моргал, его сила ломилась в Лукаса, подавляла. Его воля была почти осязаемой, и со всей своей свирепостью Лукас проигрывал, но держался твердо и до конца. Ни один не уступит, никто не сломается, и только быстрота реакции рассудит их. Лукас, казалось, совершенно серьезно настроился спустить курок, а Бен не собирался сходить с места. А я.... А я таяла, сгорала изнутри, стоя в стороне, и боялась шевельнуться.

— Лукас, не делай этого, — ровным голосом попросила я. — Не превращайся в монстра.

— Ты забрала мое сердце, Эшли, — чуть слышно произнес он. — Мне теперь все равно.

— Не я усомнилась в тебе. Не я поверила больной фантазии детектива Брейнта, Лукас. Это был ты. И сколько можно выяснять отношения и обвинять друг друга?!

— Вы оказались на месте преступления, — ледяным тоном копа сказал он и судорожно сглотнул. — Проникли в дом жертвы. Я имею право вас задержать, а в случае неповиновения — выстрелить.

— Ты не сделаешь этого, — твердо сказала я. — Отпусти нас, Лукас. Мы работаем на Систему, расследуем это дело так же, как и ты.

Лукас посмотрел на меня — движение глаз — и его лицо озарилось. На Бена он уже по-другому поглядел, что-то промелькнуло во взгляде, и он опустил пистолет. Я бы назвала его наивным и легковерным, но ведь он действительно хотел верить в то, что мы не убивали несчастную девушку. Всем сердцем, которое из-за меня покрылось тонкой коркой льда. И мои слова согрели его, обнадежили. Самое главное, что они были искренними.

— Почему ты сразу не сказала?

— Мы не имеем права раскрываться.

Рядом в траве послышался шорох. Лукас навел пушку на звук, к нам вышел Джош и замер. Окинув Лукаса изумленным взглядом, приметил пистолет, наставленный в грудь, и изогнул бровь. Он красноречиво посмотрел на меня.

— Что за ерунда здесь творится?

— И ты здесь, — медленно выдохнул Лукас. — Неожиданная встреча.

— Ты наставил на меня пистолет? — изумился Джош и укоризненно склонил голову. — Совсем с катушек слетел?

— Извини, Джош, — пробормотал Лукас и, опустив оружие, наконец, поставил его на предохранитель. — Я не знал, что вы работаете на Систему. Нас не поставили в известность.

— И не поставят, — процедил Джош. — Мы не афишируем свою работу, чтобы вовремя прибраться за вами. А потом все равно вы в фаворе, а мы в тени вашей славы!

— Не я эти правила придумал, — подавшись вперед, прошипел Лукас ему в лицо. — Мне бы не помешали маги в отделе!

— И не мы, — хмыкнул Джош. — Отпусти нас, пока Брейнт не появился. Он уже летит сюда — услышал твои вопли.

Лукас исподлобья посмотрел на него, вложив во взгляд столько злости и пренебрежения, что я бы не сдержалась. Но Джош лишь колко усмехнулся и, взяв меня за руку, стал увлекать в траву. Бен шагнул назад, не отворачиваясь от Лукаса, чтобы не упускать его из виду и не дать шанса попытаться выстрелить в спину. Когда мы скрылись в зарослях, он все еще продолжал стоять.

Мы бежали к реке, ковыль хлестала по лицу, но я уже не чувствовала. Оглядываясь, искала глазами Бена, но его все не было. Когда мы настигли моста и остановились отдышаться, с неба перед нами спустился Бен.

— И ты встречалась с этим уродом?! — прошипел он, утирая мокрое от дождя лицо рукавом ветровки.

— Замуж собиралась, прикинь! — подстегнул Джош и расплылся в широкой улыбке. Я только рот от изумления открыла. — А я ее отговаривал.

— Что ты несешь?! — взорвалась я и пихнула его в грудь. — И вообще! Я встречалась с другим Лукасом! То, что сейчас было перед нами — точная копия Брейнта! Он заразил его своим ядом, заронил семя черствости и бессердечия в его сердце, обвинив меня....- я запнулась под пристальными взглядами обоих мужчин. Бен собственными ушами слышал, как Брейнт мешал меня с дерьмом, а Джошу рассказала я. И они не осуждали, однако лишний раз распинаться не стоило. Поджав губы, я холодно произнесла: - Лукас — слабый и неуверенный в себе. Жаль, что пришлось пройти через все это, чтобы увидеть его истинное лицо.

— Ты повышала его самооценку, — тихо сказал Джош, отряхиваясь, словно мокрый кот. — Он пылинки с тебя сдувал, как с бесценного сокровища, и, естественно, сломался, когда ты порвала с ним.

— Я не нужна ему для повышения самооценки. Он самодостаточный мужчина, красивый и интересный, но не для меня.

— Ты любишь мудаков, да, — растянув губы в издевательской улыбке, протянул Джош и покосился на Бена. Тот заметил и ухмыльнулся.

— Вот он и стал мудаком, чтобы завоевать твое сердце, — звенящим от холода голосом произнес Бен, глядя мне прямо в глаза. Почему-то я снова почувствовала магию бэлморта — липкую и обжигающе ледяную.

— "Поздравляю, мелкая", — мысленно шепнул Джош. — "Теперь он знает, что такое ревность".

Но я промолчала. Голова пошла кругом, кулон на груди дрогнул, и сила внутри полыхнула. Я стояла и не могла оторвать взгляда от потемневшего лица Бена, словно он снова стал прежним — жестоким и бездушным, а сила выползала из меня, наполняя воздух вокруг нас.

— Эшли? — позвал Джош и подался вперед, чтобы заслонить от меня Шермана. Я

услышала его голос, как сквозь вату, и медленно повернула голову. Он протянул руку и коснулся плеча: — ты в порядке?

Я ничего не ответила — посмотрела вновь на Бена.

— Там, в траве, вы ничего странного не заметили? — я облизала губы и перевела взгляд на Джоша, с трудом оторвав его от Бена.

— Кроме Лукаса? — хохотнул Джош, оправляя мокрые волосы привычным движением. — Нет. А что?

— Там были четверо. Они окружили меня, но, похоже, вы их спугнули.

Мужчины напряглись.

— Кто это был, Эшли? — Джош посмотрел на меня искоса, настороженно.

— Откуда мне знать?! — вспыхнула я, кутаясь в мокрую куртку. — Черные тени, подкраившиеся бесшумно или затаившиеся в траве.

— Ты знаешь, — твердо произнес Джош, глядя сурово, с осуждением мне в глаза. — Но не хочешь произносить вслух.

Вздыхнув, я склонила устало голову.

— Не хочу верить, что фамилльяры причастны к гибели молодой ведьмы. Ведь если это окажется правдой, то в деле замешан Стэнли.

— А, может, они охраняли Адриану?

— Все четверо? — с сомнением протянула я. — Ты лучше меня знаешь, что фамилльяры группами работают, но не охраняют.

— Мы не знаем наверняка....

— Они хотели напасть на меня, сжимали в кольцо. Что ты скажешь на это?!

— Здесь что-то не так, согласен, — тихо произнес он, и они с Беном переглянулись. Многозначительно, будто понимали друг друга без слов. — Но я бы не спешил с выводами, Эшли. Скорее всего, Стэнли не в курсе.

— Ты так защищаешь его, Джош. Почему?

Во мне бушевала сила. Будто ленты вились, хлестали изнутри, обжигали. Я видела все сквозь светящуюся призму, слышала, словно из-под воды, размазано и с задержкой. Натолкнувшись на взгляд Бена, такой же пустой, как и лицо, я замерла. Мгновение мы смотрели друг на друга, я чувствовала жар его силы на коже и удушливый запах гари и тьмы — густой и липкой. Но вдруг все исчезло — Бен отвел взгляд.

Посмотрев в небо, он втянул воздух носом и спрятал руки в карманы куртки.

— Надо убираться отсюда, — бросил он и направился к дороге.

Очнувшись от потрясения, я посмотрела на свой кулон — он больше не подавал признаков жизни. Магия улеглась внутри меня, успокоилась, и звуки снова стали четкими.

— Эш? — протянул настойчивее Джош и потряс меня за плечо. Я подняла голову.

— Он прав. Нам надо уходить.

Дома мы приняли по очереди душ, переоделись в сухую одежду и согрелись горячим чаем с остатками пирога. Середина дня. Я задумчиво глядела в окно, за которым стихал дождь. Пожухлые листья дрожали на ветру, срывались под тяжестью капель и падали в лужи. Свинцовые тучи нависали над улицей, мгла застилала холодную землю. Лето покинуло наши края, и наступила унылая пора, предвестница зимы.

— Что дальше? — спросил Джош, собирая пальцем крошки с пустого блюда. — К Стэнли?

Бен хмуро глядел в чашку с чаем, держа ее в ладони, другую руку он опустил на стол и беззвучно барабанил пальцами.

— Я хочу опросить общих знакомых жертв, — задумчиво сказала я и отпила из кружки — аккуратно, чтобы не обжечь губы.

— А они есть? — усомнился Джош.

— Они же учились в Университете — конечно есть! Просто обязаны быть.

— Значит, мы идем в Университет? — изогнув бровь, бесцветно спросил Бен и отпил из чашки, наблюдая за моей реакцией. — Или ты меня в комнате снова запрешь?

— У вас нет допуска, — я вздохнула. — Если только....

— Что? — настороженно протянул Джош и отодвинул блюдо на середину стола. Я посмотрела на него и улыбнулась.

— Ты примешь чужой облик, например Стэнли, а Бен просочится через окно.

Мужчины немигающими взглядами уставились на меня. Сразу стало ясно, что моя гениальная идея не получит их одобрения. Поникнув, я допила чай и поднялась из-за стола.

— Значит, я пойду одна.

Перед глазами стояла недавняя картина: сухой ковыль, среди стеблей тень подглядывала за мной одним черно-желтым птичьим глазом. И я знала, какому именно птичьему народу характерен такой цвет радужек. Вороны. Осталось выяснить, что фамильяры забыли на месте смерти Адрианы Хиггинз. Неужели они как-то связаны с убийством? Или они не уберегли ее?

В тяжелых раздумьях я прибыла в Университет — добралась за мгновение, обратившись в дым. Пусть меня заметили, неважно. Вокруг умирали ведьмы, небо бороздили бэлморты, а я по-прежнему опасалась, лишний раз, обличить свою истинную сущность.

В холле царил медлительное спокойствие. Неспешно прогуливались студенты, сновали служители Системы. Никто не переживал из-за гибели Адрианы Хиггинз и таинственного исчезновения Валери Гилберт. Я шла, цокая высокими каблуками черных замшевых туфель, и осторожно озиралась по сторонам. Вспомнив о Мариссе, захотела выглядеть ничуть не хуже. Поэтому на мне было сине-черное обтягивающее платье до колен и с длинными рукавами. Цветочный узор начинался под грудью и плавными завитками спускался к подолу. Неброский повседневный макияж, волосы падали мягкими блестящими волнами на плечи. Грациозной походкой проплыв холл, я свернула в переход, где пестрили мозаикой разноцветные окна. И вновь не сумела удержаться и подошла к странному дереву с красными ягодами. Они наливались соком, тяжелели, самые крупные срывались с тощих ветвей и падали, разбиваясь брызгами на цветном кафеле. Брезгливо отпрянув, я поспешила

пройти в башню, но едва перешагнула порог, как на меня налетел темноволосый парень и чудом не сбил с ног.

— Простите, — пробормотал он, подхватив меня за талию, и ненароком поймал мой взгляд. Глубокий коричный цвет, мягкий и теплый, обволакивающий — в его глаза хотелось смотреть. Приятное юношеское лицо с прямым тонким носом, волевым подбородком и коротким ежиком темно-русых волос. Он виновато улыбнулся, застенчиво потупил взор, и ловким движением придвинул меня к стене. Не успела я и слова вымолвить, как парень выскользнул в переход. Что за суматоха?

Отлипнув от стены и оправив привычным жестом платье, я развернулась на каблуках, намереваясь проследовать в кабинет Линетт. Мимо пробегали мужчины и женщины, как на пожар, приходилось пробивать себе путь и уворачиваться от прущих напролом магов, чтобы не потерять равновесие. Казалось, конца и края нет толпе, но, не прошло и мига, как я осталась одна посреди небольшого холла, оглушенная шелестом перьев и голосами в голове. Затаив дыхание, стояла, а навстречу шла, точно по подиуму, Марисса. Нахмутив идеальные брови на кукольном личике, она замыкала процессию из взбудораженных фамильяров.

Остановившись передо мной, но глядя все еще мимо, вслед толпе, она поджала губы и медленно повернула голову. Когда мы встретились взглядами, лицо Мариссы озарилось. Просияв улыбкой, она сложила руки перед собой. Узкое платье-футляр электрического синего цвета, отделанное жестким кружевом, придающим особенную изюминку, без рукавов и чуть ниже колен. Оно подчеркивало тонкую талию и широкие бедра Мариссы, но утягивало и без того маленькую грудь. Волнистые волосы затянуты в хвост на затылке, глаза сверкали во многом благодаря безупречному макияжу, а кожа лица радовала румянцем. Девушка с обложки глянцевого журнала, рядом с ней со свистом падала самооценка. Отметив про себя, что Марисса не изменяла своей страсти к каблукам и как всегда была на высоте во всех смыслах этого слова, я не утратила самообладания и улыбнулась в ответ.

— Что здесь происходит? — спросила я и сверкнула белоснежной улыбкой.

Марисса театрально закатила глаза.

— Неприятный инцидент. Фамильяры, все до единого, отправлены на патрулирование улиц. Но это же их работа, — она пожала плечами и нахмурилась. — А ты здесь снова по делу?

Я открыла рот, но ответить не успела — из-за спины Мариссы появился Стэнли. При виде Главного Фамильяра моя улыбка разбилась. Таинственные сине-голубые глаза, как и прежде, но что-то в них отталкивало. Холодность? Похоже, но не то. Он вглядывался в мое лицо, впивался в него, словно в чем-то подозревал. Сложив руки за спиной, Стэнли обошел Мариссу и остановился. Он смерил ее ничего не выражающим взглядом.

— Почему ты все еще здесь?

Не успели отзвучать слова, как Марисса исчезла в переходе — только стук каблуков еще мгновение был слышен.

Стэнли посмотрел на меня, и его лицо разгладилось, но брови все еще были сведены к переносице. А я не знала, как реагировать на изменения в его настроении, стояла и смотрела в холодную, не успевшую оттаять, бездну глаз.

— Что-то не так, Эшли?

— Почему меня чуть не сбили с ног фамильяры? Куда ты их послал?

Стэнли вымученно улыбнулся.

— Из темницы сбежал один заключенный. Я был вынужден отправить патруль по следу.

— Из темницы? — удивилась я. — В Университете есть темница? И кого в ней держат?

— В подземелье Университета есть темница. Она старая и неудобная, но тварям, что прописаны там, удобства не нужны. Они опасны, но по каким-то причинам Верховная Ведьма не посчитала нужным отнимать у них жизни.

— Темница охраняется?

— Разумеется! Помимо стражников, их сдерживают древние чары, наложенные сильнейшими магами мира сего, большинство из которых уже мертвы, что делает темницу неприступной.

— А сколько стражников достаточно для обеспечения безопасности и уверенности в том, что заключенные не удерут на свободу?

— По всем правилам в темнице одновременно дежурят шестеро охранников. Пересменка происходит каждые четыре часа для того, чтобы они не успевали уставать. — Стэнли вздохнул, складывая руки на груди: — в темнице отбывают срок не какие-нибудь домушники, насильники или пьяницы. Там сосредоточено все зло магического мира, не удостоившееся смерти.

— Смерти нужно удостоиться? — изумилась я. — Наша правительница не каждому дарует право быть казненным?! Я чего-то не понимаю, Стэнли?

— Нет, Эшли. Ты все правильно понимаешь. Бывает так, что смерть для злодея — шанс возродиться в другом теле или предмете. Если Верховная Ведьма посчитала единственно верным выходом сохранить жизнь темному магу, загубившему сотни невинных душ, значит, существует вероятность воскрешения этого ублюдка.

— Есть и такие? — понизив голос, спросила я. — Получается, они бессмертны.

— Вроде того, — бросил фамилляр и скривился, как от резкой зубной боли. — И если они заключены в темнице, то владычица не нашла действенного способа уничтожить их.

— Тогда бы усилила охрану темницы, — возмутилась я, на что Стэнли повел любопытно бровью. — Возможно, и армии фамилляров будет мало для того, чтобы удержать столь могущественных колдунов в стенах подземелья.

— Возможно, — спокойно повторил он. — Но прежде никому не удавалось совершить оттуда побег.

В словах Стэнли слышался намек, и когда я открыла рот, чтобы озвучить свои догадки, он осмотрелся вокруг — движение лишь глаз — и снова посмотрел на меня. Многозначительно и красноречиво — я должна молчать. Кто-то помог сбежать преступнику, и этот «кто-то», по всей видимости, служил Системе. Чтобы провернуть подобное дельце, нужно обладать не просто магической силой, а могуществом, полученным от предков. Древняя магия — таинственная материя, с которой не каждый справится. Мало получить в наследство кулон прадеда-колдуна, необходимо чувствовать эту необъяснимую силу и уметь обращаться с ней. Против древней магии практически невозможно устоять, поэтому обладатель знаний о первозданной силе потенциально бессмертен. На деле еще никому не удавалось этого доказать, но оно и понятно. Получалось, что по коридорам и башням Университета ходил волшебник, обладавший невероятной мощью, но никто не раскусил его. Обычно магу тяжело затеряться в толпе, мы чувствуем потенциал друг друга даже на расстоянии. Но, учитывая его возможности, я не удивилась. Даже осмелилась предположить, что появление неизвестного колдуна среди системщиков, освободившего преступника из темницы, исчезновение молодых ведьм и смерть Адрианы Хиггинз — не совпадение. Что-то должно связывать между собой все эти события — я чуяла. И придется нанизывать каждую

крупинку этого зловещего ожерелья, каждую деталь происходящего на одну нить, чтобы собрать полную картину.

Жуть, как хотелось оглядеться в пустом холле башни, но силы воли хватило на то, чтобы не отвести взгляда от лица Стэнли. Он удовлетворенно кивнул и расплел руки, чтобы спрятать их в карманы черных вельветовых брюк. Переведя осторожно дух, будто кто-то мог услышать, я опустила взгляд, посмотрела себе под ноги. Стэнли изучающее взирал на меня, читал по мимике и жестам. Он словно видел перед собой диковинную зверушку, которая вызывала восхищение и любопытство. Вероятно, я что-то делала не так, как обычные люди, или Стэнли считал меня занимательной. Он никак не мог налюбоваться, а я с трудом сдерживала взволнованное сердце. Оно норовило выпрыгнуть из груди. Хотелось провалиться на месте, только бы он так не смотрел.

— Со мной что-то не так, Стэнли? — не удержалась я.

Фамильяр мгновенно повесил на лицо удивленное выражение и мотнул головой.

— Все отлично, Эшли. Просто меня приводит в восторг твоя уникальность — не могу сдержать эмоций, — его голос прозвучал настолько бесцветно и небрежно, что пришлось прокрутить слова мысленно несколько раз, чтобы уловить тайный смысл. Стэнли не мог понять природу моих способностей, и это вызывало у него интерес. Похоже, его задевало, что я умею нечто не свойственное ему.

— Вернемся к сегодняшнему происшествию, — я прошлась вдоль витражного окна. Касаясь стекла кончиками пальцев, я наблюдала за игрой света с тем же азартом, что Стэнли смотрел на меня. — Темницу охраняли шестеро фамильяров. Где они сейчас?

— Двое были найдены без сознания, — по-деловому серьезно ответил он. — Четверо других бесследно исчезли.

Я перевела взгляд на Стэнли. Его лицо ничего не выражало, ни единая мышца не дрогнула. Какая невероятная выдержка! Мне бы такие нервы.

— Ты пустил патруль по следу пропавших охранников?

— Разумеется.

— И они были найдены?

— Пока нет, но мы их обязательно разыщем.

Внутри меня разливался холод, с лица исчезали эмоции, будто их смыло дождем. Четверо фамильяров гнались за Адрианой, и, думаю, они были причастны к ее гибели. Не хотелось верить, что Стэнли держал девушку в темнице, а когда она сбежала — отдал приказ догнать, во что бы то ни стало. Возможно, его люди перестарались, но давно ходили слухи, что пернатым дозволено немного больше, чем принято считать, будто бы они выполняли за Стэнли грязную работу. Тогда они ни чем не лучше бэлмортгов! А Стэнли.... Пока доказательств не было — я хотела верить в то, что он на светлой стороне. Вот только.... Если Адриану держали в подземелье, то вероятно там сейчас могла находиться Валери Гилберт.

Я покосилась на Стэнли, и он перехватил мой взгляд, так жадно, словно сгорал от нетерпения. Он казался удивленным, но держался твердо. В его глазах мелькнула тень тревоги, он быстро прикрыл ее усталостью. Потерев переносицу, он шумно выдохнул и осмотрелся, словно что-то услышал.

— Вы еще не допросили тех двоих?

Стэнли вновь глядел на меня. Он прищурился, и на губах его заиграла усмешка.

— Мы знаем свое дело, Эшли.

— Не заметно, — холодно перебила я. Стэнли не рассердился — напротив, его улыбка стала шире.

— Их не просто вырубili, а стерли память при помощи колдовства. Понадобится время для того, чтобы восстановить ее и вернуть разум несчастным фамильярам.

— Что значит «вернуть разум»? — удивилась я. Разноцветное окно более не вызывало у меня интереса. Я подошла к Стэнли и, встав совсем близко, скрестила руки на груди. И с вызовом поглядела снизу вверх в небесно-голубые глаза, полные тайн. — Они обезумели?

Стэнли задумчиво скривился, его улыбка потускнела, а вскоре и вовсе исчезла.

— Магия, которой воздействовали на них, по-настоящему темная и древняя. Я давно не сталкивался ни с чем подобным, и будет несколько сложнее снять чары с охранников, чем, если бы их околдовал я или ты, Эшли. Понимаешь, о чем я говорю?

— Магия, которая давно не существует, — пробормотала я. — И кому же удалось сбежать? Кто это был, Стэнли?

— Не могу сказать однозначно. Документация утеряна, мы не можем выяснить, кого держали в той камере и кто до сих пор отбывает наказание в подземелье.

— В Университете больше нет архива?

— Безусловно, есть, — он тихо хмыкнул, — но записи затерялись. Они настолько древние, настолько уникальные, но те, кто охраняет их, не осознают этого. Полагаю, допрос как-то связан с расследованием исчезновения наших студенток? Как оно, кстати, продвигается?

— Продвигается, — размыто бросила я. Стэнли недоверчиво прищурился, чуть склонившись ко мне, но миг спустя, его лицо разгладилось. На губах вновь играла полуулыбка. — Позволь спросить, а что на счет соседей по камере беглеца? Их возможно допросить? Вдруг они что-то видели или слышали....

— Этих существ никто не станет допрашивать, — с пренебрежением бросил он и поджал губы. — Даже если они что-то видели или слышали, Эшли, то не признаются.

— Почему же? У них нет языков?

— Наша темница разительно отличается от тюрьмы людей, — он снова говорил без эмоций, но учтиво. — Никаких решеток и темных промозглых камер, но ряды тесных комнат, окутанных магией. Заключение не видят и не слышат друг друга — их разделяют защитные чары.

— Я хочу посмотреть, — само собой слетело с моих губ, бесцветно и едва уловимо, но Стэнли услышал, и его лицо слегка вытянулось. Заметив, что произнесла это вслух, я и глазом не моргнула, хотя внутри пробирала дрожь. Мне свойственны необдуманные поступки и высказывания, но тут мысль оказалась быстрее. Но и Стэнли не стал медлить.

— Чтобы провести тебя в темницу, придется задействовать несколько охранников, Эшли, — начал объяснять он, вежливо, как всегда. Я снова ощутила укол в сердце — он не хотел, чтобы я ходила в подземелье. — Что в данный момент проблематично.

— Я расследую исчезновение двух студенток Университета, — расплетая руки, возмутилась я. — По твоей просьбе, между прочим!

— И как это связано с побегом заключенного из подземелья? — холодно усмехнулся он. Хотелось крикнуть прямо в лицо этому самоуверенному балвану или превосходному лжецу «напрямую!», но я только стиснула кулачки и поджала от досады губы. Стэнли глядел на меня, как на вздорную, но милую сердцу девчонку — необъяснимое тепло плескалось в его взоре. Показалось, что он хочет что-то сказать, но мгновение минуло, и на меня снова

смотрели красивые, но холодные глаза.

— Я должна все проверить. Хотела помочь.

— Поверь, я хочу того же, — устало отозвался Стэнли и легко коснулся моего плеча. Я покосилась на него, скользнула взглядом на руку, и он убрал ее, но с достоинством и нарочно медленно. Слегка нахмурившись, Стэнли склонил голову вперед: — и проведу тебя туда, как только появится возможность и уверенность в том, что я могу обеспечить твою безопасность. Я не могу рисковать твоей жизнью, если существует хоть малейшая вероятность угрозы.

Он говорил тихо, отчетливо, но мягко, будто хотел успокоить меня, заставить поверить. И я почти поверила, размякла от его взгляда и голоса. Нет, он не воздействовал магией — у Стэнли дар располагать к себе и подчинять своей воле. Иначе он не был бы Главным Фамильяром.

Я осторожно кивнула, будто мы состояли в тайном сговоре, а сейчас заключали сделку и боялись огласки. Стэнли странную игру затеял, и мне досталась одна из главных ролей. Замечательно. Всегда знала, что во мне дремлет актерский талант, неостребованный и недооцененный искушенной публикой!

— Я пришла, чтобы пообщаться с однокурсниками и друзьями пропавших девушек. А в свете происходящего, охотно посещу ваш архив, — заявила я и просияла пустой улыбкой.

На губах Стэнли появилась довольная ухмылка.

— Одно другому не мешает, — он выпрямился и расправил плечи. Казалось, сейчас появятся огромные черные крылья, которые я до сих пор вспоминала, но то была лишь иллюзия, а для Стэнли — привычный жест. — Тем более, что Адриана Хиггинз частенько заходила туда...

— По какому поводу? — протянула я, предчувствуя недоброе.

Стэнли расплел руки и опустил их, небрежно пожав плечами:

— Она дружила с парнем, заведующим архивом.

Стэнли проводил меня по непроглядным коридорам Университета в архив, уверив, что так будет быстрее. В целом, его поведение казалось естественным, и мне почудилось, на минуточку, что он действительно ничего не понимал. Лгать в глаза Стэнли умел мастерски, я не могла его подловить, но чувствовала, что он что-то скрывает. Да, он совершенно точно утаивал нечто важное! Одни его ужимки и скользкие взгляды чего стоили. Но зачем ему все это? Неужели он готов поставить на кон могущество и пойти против магов, Верховной Ведьмы? В голове не укладывалось. Да, Стэнли способен на многое, но мое сердце отказывалось верить в его причастность к гибели Адрианы и исчезновению Валери. Душа болела от одной мысли о том, что Главный Фамильяр только снаружи прекрасен и грациозен, мудр, как сова, а внутри — гнилой, точно перезревшее яблоко. Стэнли — правая рука нашей всемогущей правительницы, и если он на темной стороне, то весь магический народ в опасности. А так не должно быть.

Не знаю, какими доводами я руководствовалась, когда решила скрыть от него правду о гибели одной из пропавших девушек. Да, меня одолевали сомнения, но риск был неоправданный, хоть и показалось, что он не в курсе. Похоже, группа фамильяров, преследовавших ее, еще не отчиталась, или не Стэнли посылал их в погоню. Черт возьми, он, вероятно, вообще не причем! Но тогда что за бардак творится у него под носом? Куда он смотрит?

Вопросов накопилось много, но в лоб спрашивать я не решалась. Почему бэлмортам дозволено расхаживать по Библиотеке и получать заказы на убийство легально? Как правительница магов допустила такое? Но я снова должна была молчать — до подходящего момента. Считая шаги и повороты, я запоминала дорогу — на всякий случай. А чтобы скрасить тяжелую тишину, в которой мы шли в архив, я решила расспросить Стэнли о Мариссе.

— Что собой представляет Марисса? Насколько знаю, она — начальник охраны Университета?

— Обычная девушка, — пожал плечами, бросил он на ходу.

— Обычная девушка, ставшая начальником охраны Университета, и стоящая во главе голубинового патруля?! — я усмехнулась. — Так разве бывает?!

— Она из наших студенток, но давно служит в Системе. Я ею не особо доволен, но пока она не подводила.

— Вспоминая случай с вечеринкой в приемном зале, верится с трудом.

— У Мариссы ветер в голове, не спорю, — вздохнул он, сворачивая направо. Темные коридоры, казалось, бесконечны — зачарованные тоннели, зловещие проходы между помещениями и целыми зданиями, играющие с воображением. К их причудливости со временем привыкаешь, и относишься к шевелящейся тьме и скользящим по стенам теням, как к декорациям. Шорох перьев, будто потревоженные птицы угрожающе машут крыльями, струйки ледяного ветра. Мурашками я больше не покрывалась, однако все равно было как-то не по себе. — Но фамильяры безукоризненно выполняют ее приказы. Как ей это удастся — тайна ее происхождения.

— Откуда она? Какой-то особенный магический вид?

— Нет. Природный дар, как у тебя, Эшли. И это не просто слова — так и есть на самом деле. Я не могу объяснить привязанность фамильяров к ней, как и твою способность видеть то, что скрыто от глаз.

Тоннель исчезал во тьме и казался бесконечным. Вскоре я перестала различать шелест перьев — звуки наших шагов заглушали все остальные. Вроде бы мы шли всего несколько минут, а ноги уже успели устать — еще одна иллюзия.

— Чему сейчас обучают молодых ведьм и колдунов?

— Тому же, что и тебя много лет назад, Эшли. Раскрывать свой потенциал, использовать магию и управлять собственной силой, но не в ущерб людям.

— Линетт открыла передо мной многое из того, о чем другие ведьмы никогда, вероятно, не узнают, — печально вздохнула я.

— Не сомневаюсь, — показалось, будто Стэнли сказал сквозь зубы. Но поинтересоваться, что его так зацепило, я не успела. Он громко вздохнул: — Вот мы и пришли.

Я проследила за его рукой. Привычным изящным жестом он нарисовал во тьме прямоугольник, на стене проступили голубые линии в мерцающем ореоле. Стэнли начертил во мраке дверь. Повернув круглую ручку, он отворил ее, и на миг я ослепла. Прикрыв глаза ладонью, шагнула в яркий свет, и жмурилась до тех пор, пока не стихла боль. В воздухе витал запах чернил, старой бумаги и пыли, слышался шорох страниц, и скрежет пера. Осторожно опустив руку, я огляделась, уже охваченная воспоминаниями. В груди льдинкой дрожало ощущение дежавю, дыхание спотыкалось, а я во все глаза смотрела на незнакомые полки и стеллажи, изучала комнату, в которой оказалась впервые.

Просторное помещение с темным паркетным полом и высоким, переливающимся из-за витражей потолком. Они были повсюду, словно тот, кто проектировал здание, страстно любил собирать мозаики и немного увлекся. Стены были обтянуты коричневым шелком с мелким узором, от него рябило в глазах. Но этот досадный изъян в интерьере скрывали высокие стеллажи темного дерева, заваленные кипами бумаг и папок с разноцветными ярлычками и закладками. Встречались экземпляры с лентами и вышитыми бисером клочками ткани. Окон также не было видно, но цветные блики на полу говорили сами за себя — витражи повсюду. Я ощущала себя заточенной в огромном калейдоскопе.

Стэнли посмотрел на меня и улыбнулся.

— Ты специально водил меня по зачарованным тоннелям, чтобы я не нашла сюда сама дорогу? — проворчала я и окинула взором ряды стеллажей, за которыми виднелась конторка.

— И в мыслях не было, — усмехнулся он и направился к ней. Я фыркнула, семена на высоких каблуках по скользкому, начищенному до блеска паркету.

Здесь царил благородный полумрак, и пахло лаком и деревом. Резная конторка стояла полукругом и была завалена пестрыми папками и небрежными стопками бумаг. Лампа с золототканым абажуром разливала вокруг себя желтую лужу света. Над стойкой склонился темноволосый парень. За ухом простой карандаш, короткие волосы взъерошены, а лоб задумчиво наморщен — он скользил вдумчивым взглядом по строчкам старинной книги и покусывая губу. Гладковыбритое лицо, заостренный подбородок с ямочкой, глаза маленькие и темные, но улыбающиеся — такое сочетание редко встретишь. Плечи слишком узкие на мой вкус, худощав и нескладен, как подросток. Складывалось впечатление, что тяжелее книги он ничего в своей жизни не поднимал, но я знала, что он в состоянии перевернуть конторку и играючи швырнуть ее через помещение. Фамильяры сильнее, чем все привыкли

думать. Когда парень услышал нас, то поднял указательный палец вверх и предупредительно потряс им. Стэнли громко кашлянул. Архивариус резко выпрямился и попытался закрыть книгу, но она с грохотом рухнула на пол. Вздогнув, он округлил глаза, перебегая взволнованным взглядом с моего лица на лицо Стэнли. Главный Фамильяр вопросительно изогнул брови.

— Вы напугали меня, сэр.

Стэнли не мигнул — так и смотрел на парня. Беззвучно забормотав, тот опустил за книгой. Он был немногим выше меня, на вид около двадцати пяти лет. В движениях ощущалась статность, угадывалась птичья элегантность. Даже мне не удалось бы с такой же изящностью наклониться и что-то поднять с пола. Когда он водрузил фолиант на стойку и вытянулся в полный рост, Стэнли склонил любопытно голову. Архивариус нервно оправил лиловую клетчатую рубашку и посмотрел на него.

— Чем ты был занят, когда мы вошли? — спросил он и покосился на обложку. Я невольно проследила за его взглядом, но парень пододвинул к себе книгу и облокотился на нее руками.

— Изучал древнюю хрестоматию одного из темных магов с целью обогащения своего магического арсенала, который мне понадобится, если я решу захватить мир, — небрежно бросил он и рассмеялся. Это был приятный, мягкий, лающий звук. Ни я, ни Стэнли не поддержали его веселье, стояли и смотрели, как два истукана с каменными лицами. Парень скис и нехотя пододвинул к нам фолиант. Мы, словно улитки, вытянули шеи, чтобы прочесть название: «Магические существа и места их обитания». Разочарованно вздохнув, я потеряла интерес к книге, а Стэнли хмыкнул.

— Позволь тебе представить нашего книжного червя, — он жестом указал на парня за стойкой. — Это Брэйден.

— Меня зовут Эшли, — сообщила я помрачневшему парню и мило улыбнулась. Он уязвлено посмотрел на фамильяра. От Брейдена веяло энергией, она клубилась у него под кожей, в присутствии Стэнли он напрягался. В его глазах читалась неуверенность и что-то еще. Слишком темные для ворона, слишком таинственные.

— Моя гостыя хочет осмотреться и изучить некоторые записи, а ты должен будешь ей в этом помочь, — мягко, но требовательно сообщил Стэнли, и никто бы не посмел воспротивиться его тону. — Окажи любезность и проводи для Эшли экскурсию. Если она сочтет что-то любопытным или важным — немедленно предоставь ей к изучению. — оглядев нас по очереди, Стэнли одарил нас улыбкой: — а я подойду позже. Нужно уладить кое-какие дела, — последние слова были предназначены для меня, поэтому он произнес их в полтона.

Растерянно кивнув, я посмотрела на Брэйдона, и никто из нас не произнес ни слова, пока Стэнли не вышел из архива и не закрыл за собой дверь. Парень устало выдохнул и отвел взгляд, нехотя поднял книгу со стойки. Я чувствовала, что мое присутствие ему в тягость, но и мне было неловко находиться здесь. Шагнув к конторке, я осторожно опустила ладонь на его руку. Брэйден застыл и посмотрел на нее, едва заметно нахмурился. Я обезоруживающе улыбнулась.

— Я не хочу доставлять тебе неудобства и докучать своим присутствием, Брейден. Но не из праздного любопытства Стэнли привел меня сюда. Я расследую исчезновение студенток Университета, и ты наверняка об этом слышал, — я решила действовать мягко, не давить на парня. Прощупать, так сказать.

Брови Брэйдона взлетели на лоб, а глаза загорелись. Он медленно поднял взгляд, и меня окатило его обаянием — будто кто-то выключатель повернул, и парня подменили. Он словно стал выше, шире, возмужал за мгновение ока. Брейден скинул шкуру книжного червя — любовь его украшала.

— Ты ищешь Адриану и Валери?

— Да, — кивнула я.

Улыбка на моих губах застыла — я смотрела в карие глаза, светящиеся надеждой, и должна была бы сообщить правду, но не смогла. Слова застряли в горле. Что будет, если он узнает о смерти Адрианы Хиггинз? Что будет, КОГДА он и все остальные узнают? Я молчала, потому что рассчитывала вычислить убийцу в ближайшее время. Как же самонадеянно, черт возьми! Похоже, расследование затянется, но мне уже духу не хватит признаться. Проклятье. В этот миг я ощутила себя бессердечной лицемеркой. Совесть ворочалась в груди, но я повесила на лицо сочувствующее выражение.

— Поможешь мне?

— Что именно мы ищем? — Брейден был полон энтузиазма. Он мелькал между стеллажами, бесшумно скользил и оглядывал полки, а я едва за ним поспевала. Когда он проводил пальцем по переплетам, названия книг подсвечивались золотым мерцанием. Приходилось тут же читать — действие магии длилось несколько секунд, а после корешки снова тускнели, и буквы исчезали под слоем пыли.

— Ты хорошо знаешь Адриану?

— Да. Мы встречаемся, уже три месяца.

— И она часто бывает в архиве?

— Почти каждый день. Забегают с подружками. Забегали....

— В каком смысле, Брейден? Без Адрианы ее подруги не появляются здесь?

— Нет, ведь она дружит с Валери и Сабрин. Валери тоже пропала, а Сабрин в таком состоянии....

— Понимаю, — сказала я, хотя на самом деле ничего не понимала. Мать Валери сказала, что Адриана не дружила с ее дочерью, потому что они были «из разных слоев общества», а Брейден уверял, что они являлись закадычными подружками. Кто же лгал или заблуждался?

— Девушки проявляли интерес к древним книгам?

— Это не про них, — он усмехнулся. — Их больше волновало, как уложены волосы, и что надеть на субботнюю вечеринку.

— Девушки посещали балы, несмотря на запрет Стэнли?

Парень остановился в задумчивости между двумя секциями, разделенными письменным столом. Потер подбородок, промычал что-то под нос и повернул направо.

— Субботние балы всегда являлись неотъемлемой частью жизни студентов Университета, но в связи со смертью Линетт, их на время прикрыли, — Брейден повернулся ко мне и многозначительно приставил указательный палец к губам: - официально. На деле, студенты недолго горевали.

— Разве никто не скорбел о Линетт? — запинаясь от удивления, спросила я.

Брейден продолжал бродить между стеллажами.

— Ее мало, кто знал. Линетт прекратила учебную практику несколько десятилетий назад.

— Как так?! — прошептала я и остановилась. — Я полгода назад ушла отсюда, и точно

знаю, что она преподавала вплоть до самой смерти.

— Нет, — протянул Брэйден и коротко посмотрел на меня. — Ты что-то путаешь, Эшли. Линетт многие годы проводила в своем кабинете и не показывалась. Изредка посещала балы, но только чтобы мы не забывали, как она выглядит, наверное.

— Невозможно, — бормотала я себе под нос. — Я точно знаю.... Она говорила.

Переведя дыхание, я двинулась за парнем уже не так резко.

— Значит, девушки бывали на балах, и, вдобавок к этому, дружили. Я слышала иное о Валери, — произнесла я вслух. Брэйден бросил взгляд через плечо.

— Пока она не связалась с Адрианой и Сабрин, так и было. Валери — тихая и милая девушка, а они — любительницы приключений, магазинов и вечеринок, — когда Брэйден говорил, то на его губах появлялась мечтательная улыбка. Какая бы Адриана не была, Брэйден любил ее. — Не вижу ничего дурного в том, что Валери захотелось выйти из тени, сбросить лягушачью шкурку и окунуться в студенческую жизнь. Такую, какую она еще не видела.

— Ты так много знаешь о них? — я с удивлением улыбнулась.

— Они были неразлучны, — его голос сквозил грустью. — Поэтому всегда приходили вместе.

— Тогда, может быть, ты знаешь, Брэйден. Ни во что они не ввязывались? Есть какие-то догадки, что могло произойти?

Парень пожал плечами и чуть слышно ответил:

— Знал бы — сделал бы все, чтобы предотвратить несчастье. — Тяжело вздохнув, он откашлялся: — так что мы ищем?

— Сведения об узниках подземелья. Мне необходимо знать, кто сбежал из темницы.

Брэйден сбавил шаг, и я была вынуждена притормозить. Он нахмурился и покосился на меня через плечо.

— А как это связано..... Простите, — сокрушенно пробормотал он и опустил голову. — Я не должен задавать вопросов. Как и сказал Стэнли, я предоставлю все необходимое для вашего дальнейшего изучения.

— Не надо, — я поморщилась. — Я сама недавно была студенткой этого Университета и пока еще не заслужила, чтобы ко мне обращались на «вы».

Брэйден улыбнулся и посмотрел на меня гораздо дружелюбнее и доверительнее.

— Поиски займут несколько дней, — предупредил он и вздохнул. Мы снова гуляли между стеллажей и читали названия книг, подсвеченные его пальцем. — Мы даже не знаем, о каких годах или веках идет речь.

— Полагаю, что-то запредельно древнее. Как давно существует темница?

Брэйден нахмурился.

— Я знаком с историей замка — изучил на досуге. Подземелье всегда служило тюрьмой для магических существ, которых невозможно уничтожить, или они представляют собой историческую или иную ценность. Но в последние века туда никого не помещали.

— То есть, там остались только древние экземпляры?

— Да, но и те быстро исчезали.

— В каком смысле? Насколько я знаю, узники не могут покинуть этот мир по собственной воле из-за сильнейших чар, наложенных на их камеры?!

— Это вопрос скорее к Стэнли, чем ко мне, — виновато усмехнулся Брэйден. — Я знаю только то, что сообщил тебе, Эшли.

— Еще один, — пробормотала я и надула губы.

— Что? — не понял парень.

— Еще один вопрос к Стэнли, — отозвалась я и отмахнулась:- не бери в голову, Брэйден.

Остановившись, я огляделась и в задумчивости покусала губу. Архивариус по инерции прошел еще несколько шагов вперед, прежде чем застыл на месте и обернулся ко мне. Я скрестила руки на груди и склонила голову набок.

— Мы поступим так: я отправлюсь с вопросами к Стэнли, а ты исследуешь свои книжные владения и подберешь наиболее древние издания. При помощи магии, полагаю, это сделать не так уж и сложно!?

— Да, конечно, — растерянно пробормотал он.

— Я вернусь, и мы вместе изучим. У меня слишком мало информации, — наморщив носик, призналась шепотом я. — Нужно выяснить, что мы должны искать. Особенности поведения, почерк, магические характеристики....

— Хорошо. — он с воодушевлением кивнул:- а как ты это выяснишь, если не секрет?

— Мне необходимо посетить темницу. Тогда я многое узнаю, но Стэнли не пускает меня туда одну.

— Почему бы тебе не обратиться к Мариссе? — бесхитростно предложил Брэйден. — Она — начальник охраны, и кто, если не она, знает каждую ловушку в подземелье?!

Ловушки? Я это не продумала. Вот черт.

— Хорошая идея! Так и поступлю, — изобразив полнейшее счастье, солгала я и попятилась к выходу. Брэйден с сомнением наблюдал за мной, но ничего не предпринимал. — И как я сама не додумалась, — сквозь зубы, произнесла я и чуть не вскрикнула, когда налетела на кого-то спиной. Резко развернувшись на каблуках, я уперлась взглядом в подтянутую грудь в чернильно-синем пуловере. Стэнли. Взяв себя в руки, подняла глаза и просияла.

— Привет.

Он изумленно вскинул брови и улыбнулся в ответ.

— Вы уже закончили? Так быстро?

— Нет, — моя улыбка скисла. — Придется провозиться немного дольше, чем я рассчитывала. Мы договорились с Брэйденом, что он подготовит книги и рукописи наиболее дальних столетий, а после мы изучим их.

— В таком случае, куда ты сейчас направлялась? — он поставил вопрос в прошедшем времени, а, значит, мне не удастся совершить задуманное. Стэнли не проведешь. Склонив голову в другую сторону, он слегка прищурился, но улыбка на губах осталась. Я не чувствовала холода или напряжения от него, но, возможно, потому, что он безупречный лгун?!

— Хотела кое-что сообщить тебе, — уже не так весело сказала я. — И задать несколько важных вопросов.

— Это не подождет, верно?

— Верно.

Фамильяр насторожился, и долгое мгновение мы смотрели глаза в глаза. Брэйден застыл в пролете между стеллажами и словно боялся пошевелиться. Когда тишина стала невыносимой, Стэнли устало вздохнул и снисходительно улыбнулся.

— Я провожу тебя в свой кабинет, Эшли.

— До завтра, Брэйдэн, — бросила я на ходу и поспешила за фамильяром. Он выскользнул в дверь, за которой тянулись путанные черные тоннели.

На этот раз мы шли в полной тишине. Я уже знала, что что-то не так, да и от Стэнли веяло напряжением — вокруг него воздух потрескивал. Внешне он оставался беспристрастен, лишь суровая морщинка на переносице выдавала его чувства. У меня в животе соткался комок, началась дрожь, и я поняла, что чего-то боюсь. Того, что мне собирался сообщить Стэнли. В темных коридорах затевать серьезный разговор — не лучшая идея, поэтому мы торопились покинуть их.

Впереди показалась полоска света, и я облегченно вздохнула. От темноты у меня сердце замирало — еще не клаустрофобия, но близко к тому, буквально на грани. Стэнли открыл дверь, пропуская меня вперед. Мы оказались в холле башни, откуда началось мое путешествие в архив Университета. Он словно намерено не водил меня по зданию — хотел запутать или сбить со следа. Это навевало не лучшие мысли. Но сейчас я была просто рада оказаться вне зловещих коридоров.

Стэнли прикрыл дверь и замер у меня за спиной. Чувствуя холодок между лопаток, я медленно обернулась и наткнулась на лишенный эмоций взгляд и точно такое же пустое выражение лица.

— Почему ты вернулся за мной?

— Почувствовал в этом острую необходимость, — сухо бросил он. — Пропала еще одна девушка, Эшли.

— Кто она?

Стэнли устало прикрыл глаза, запрокинул голову и громко выдохнул, как будто изо всех сил старался держать себя в руках.

— Сабрин Дей. Еще одна студентка.

— И подружка Адрианы.

Стэнли едва заметно кивнул.

— Тебе рассказал Брэйден?

— Почему ты не сообщил мне об этом? — с вызовом спросила я и прошлась по холлу, скрестив руки на груди. Он лишь скривился.

— Тебе лучше опираться на сведения, полученные от свидетелей, а не заинтересованного лица, верно?

— Ты заинтересован в том, чтобы их нашли. Разве нет?

— Да, — тихо отозвался фамильяр. — Но мои наблюдения могут оказаться предвзятыми.

— Что ты хочешь этим сказать, Стэнли?

Он встал передо мной и, коснувшись пальцем витража, задумчиво произнес:

— Мне необходимо мнение независимой стороны. Я подозреваю заговор.

— Почему мы говорим об этом здесь и сейчас? Именно это ты хотел сказать мне весь день?

Стэнли перевел на меня взгляд.

— Мы одни в этой башне. И здесь я могу контролировать каждый вход и выход, а в своем кабинете давно перестал ощущать уединение. Словно кто-то наблюдает....

То, как он говорил, заставило меня затаить дыхание — зловеще, пугающе, глядя в упор,

не позволяя отвести глаза.

— Ты кого-то подозреваешь?

— Возможно, ты — единственный человек, которому я могу раскрыться, — произнес он и устало потер лоб.

— Мне очень жаль, Стэнли, — вдруг протянула я. — Но я кое-что утаила от тебя.

Фамильяр вопросительно изогнул бровь и посмотрел на меня — ничего более.

— Что-то важное? Полагаю, ты сделала это в интересах следствия?!

— Адриана мертва. Ее тело было найдено рано утром, — слова дались мне с трудом, и еще сложнее оказалось смотреть на Стэнли. Он чуть заметно нахмурился, взгляд стал задумчивым и продолжал изучать мое лицо. Заламывая руки, я виновато глядела на фамильяра и уже начинала понимать, что он вынудил сказать правду. Он вытянул ее из меня при помощи своих чертовых чар.

— Что с ней произошло? — голосом, лишенным эмоций, спросил он. Я почувствовала прилив энергии и воли, словно поднималась с глубины, и ничто более не давило на меня и не мешало свободно дышать. Стэнли отпускал вожжи, и по моему выражению лицо понял, что я догадалась.

— Сильная потеря крови, — сквозь зубы, процедила я. Сверля его взглядом исподлобья, я начинала злиться. Фамильяр не обращал внимания, хотя чувствовал это. — Ее осушили, как сосуд. Но ничего конкретного сказать не могу — я не эксперт.

Стэнли задумчиво закусил губу, привалился локтем к стене и побарабанил пальцами по витражу.

— И когда ты собиралась сказать?

— Когда появятся малейшие зацепки. Ты сказал, что четверо охранников пропали. Так вот, в поле, где я ее обнаружила, меня окружили четыре фамильяра и собирались напасть.

— Ерунда какая-то, — невесело усмехнулся он и поморщился. — Фамильяры не могут напасть на тебя, Эшли.

— Ты скажи это тем четверым, — прошипела я. — Они гнались за Адрианой или искали ее.

— Почему ты так решила?

— Потому что мы обнаружили тело на территории ее дома, Стэнли! А эти.... Охранники шарили поблизости.

— Кто — вы? — он повернул голову, чтобы видеть мои глаза.

— Какое это имеет значение!? — взорвалась я и всплеснула руками. Стэнли шикнул на меня, и пришлось понизить голос до шепота: — мне помогают друзья! Одна бы я не справилась.

— Джош и ручной бэлморт? — совершенно серьезно спросил он.

— Прекрати так его называть, — я ткнула фамильяра пальцем в грудь, на что он только усмехнулся. — Он спас мне жизнь. Лучше выпиши пропуск для Бена, — скрестив руки на груди, потребовала я и для убедительности вскинула голову.

— Серьезно? — он рассмеялся своим дивным осязаемым смехом. — Я должен позволить бэлморту на законных основаниях бродить по зданиям Системы?!

— У тебя перед носом строят заговоры, бэлморты открыто разгуливают по Библиотеке, получают заказы на убийство, пропадают студенты, из темницы бегут узники. О чем ты говоришь, Стэнли?!

— Действительно, — фыркнул он и отвернулся. Задумчиво глядел невидящим взглядом

мимо меня. — Ты не уступишь, верно, Эшли?

— Верно, — кивнула я.

— Хорошо, я подумаю. Кстати, он ждет тебя на улице вместе с Джошем. Сидят в машине через дорогу, как будто я не замечаю, — покачивая осуждающе головой, Стэнли покосился на меня.

Я невольно улыбнулась.

— И тебе нужны еще какие-то доказательства?

Фамильяр мгновение глядел на меня, а потом усмехнулся.

— Что за бардак творится у тебя под носом, Стэнли? — холодно спросила я. Улыбка с его лица медленно сползла. — Куда смотрит наша правительница? У нее есть дела гораздо важнее?!

— Вероятно, — неопределенно ответил он и выпрямился. — Изучи архив, от корки до корки, осмотри каждый сантиметр подземелья, Эшли. Мы должны выяснить, что происходит.

— Ты записался в мои начальники, Стэнли? Я тебе не фамильяр.

— Вовсе нет, — снова рассмеялся он, и устало потер переносицу. — Я хотел выразиться иначе!

— Все ясно с тобой, — хмыкнула я и, расплетая руки, не спеша направилась к переходу между башнями. — Ты знаешь каждого своего фамильяра поименно, так выясни, кто из них не вернулся из патруля. Четверо улизнули из подземелья и вряд ли вернуться.

— Да, конечно, — отозвался он, шагая за мной, как-то слишком покорно.

— А я займусь архивом, и опрошу других студентов. А потом задам тебе кучу вопросов. Например, куда исчезают со временем узники темницы? — остановившись перед деревом, плодоносящим красными сочными ягодами, я скривилась: — и откуда здесь взялся этот уродец?

— Понятия не имею, — протянул Стэнли, глядя на растение. — Просто появился. Так бывает.

Пожав безразлично плечами, я пошла дальше. Стэнли следовал за мной — мы поменялись ролями. Проводив до главного выхода, он открыл дверь, вышел со мной на крыльцо и замер. Я еще не успела увидеть, что его так насторожило, но когда подошла к лестнице, тревожно сдавило грудь — перед зданием Университета стояли Джон Брейнт и Лукас Блэк во всей своей красе.

Я замерла слева и чуть позади Стэнли, но меня уже заметили. Брейнт небрежно отвел полы пиджака, демонстрируя табельное оружие. Я не отреагировала. Хотел выглядеть опасным, в этом весь Брейнт. Он поставил руки на пояс и смерил меня ледяным взглядом. Я бы сжалась, но гордость не позволила. Подавив желание спрятаться, вышла из-за спины Стэнли и встала рядом с ним. Сложив руки на груди, сверху вниз посмотрела на детективов. Брейнт усмехнулся и перевел взгляд на Главного Фамильяра. Лукас воспользовался моментом и покосился на меня, сжимая в руке желтую папку с бумагами так, что костяшки побелели. Пришли опрашивать студентов....

Стэнли смотрел на детективов беспристрастно, воздух вокруг него искрился, но не обжигал. Эти двое застали его врасплох, заставили нервничать. Удивительно, но я только сейчас поняла, что Стэнли все тяжелее контролировать себя. События в Университете затрагивали его лично, принимали скверный оборот. Никому из нас здесь не была нужна полиция людей, а уж ему — тем более. Он плотно сжал челюсти, напряглись жилы на шее,

но выражение лица осталось приветливым.

Через дорогу стояла машина Джоша. Мальчики уже заждались меня. Джош барабанил по рулю и казался напряженным. Я решила, что он хочет что-то сказать, вскинула бровь. Но он качнул головой и поманил меня пальцем. Бен смотрел на происходящее через окно, я поймала его взгляд, и он сурово прищурился. Ему нельзя было высовываться, иначе Брейнт с превеликим удовольствием загребет его в отделение и повесит все несчастья Мортелля. Нам этого не надо, своих проблем хватало с лихвой.

— Детектив Брейнт? — удивленный голос Стэнли заставил меня отвлечься от Бена. — Догадываюсь, что вы по делу.

— Никак иначе, — стальным тоном произнес Брейнт и, опустив руки, медленно направился в нашу сторону.

— Ты можешь идти, Эшли, — едва различимо сказал Стэнли, и все его внимание было приковано к поднимающемуся по лестнице детективу. — Твое присутствие не обязательно. Не будем давать Брейнту лишних поводов для неверных выводов.

— Он уже их сделал, — выдохнула я. — Но я воспользуюсь твоим предложением.

Я обошла Стэнли и застыла на миг, глядя на Брейнта. Щурясь, он остановился передо мной и невесело хмыкнул.

— Не останавливайтесь, — тихо проговорил Стэнли мне в спину. — Продолжайте искать ответы, а полицию я беру на себя.

— И не забудь про допуск в Университет для Бена, — пропела я и улыбнулась еще шире.

Поравнявшись с Брейнтом, мы переглянулись, хотя вернее было бы сказать — померились взглядами. И если бы кто-то рискнул встать между нами, то обратился бы в пепел. Брейнт спал и видел, как щелкает на моих запястьях замком наручников и запирает в камере-одиночке пожизненно. Я же грезилась о том, чтобы в полиции, хотя бы в отделе магии, служили маги. Таким, как он, нельзя доверять жизни волшебного народа.

— Там, где вы появляетесь, мисс Браун, — с презрением и ледяной ухмылкой произнес детектив, — постоянно кто-то умирает.

Первой мыслью было врезать ему по морде, но я удержалась, и, более того, сумела сохранить улыбку на губах. И глазом не моргнув, с достоинством прошла испытание Брейнта. Он рассчитывал меня задеть? Ну, и зря. Самонадеянный балван.

Лукас шел чуть поодаль. Он поднимался по лестнице, а когда мы переглянулись, сбавил шаг. Незаметно запустив руку в папку с бумагами, вытянул один лист и спрятал его за спину. Наблюдая за напарником, скомкал его. Он думал о том, как передать мне всего лишь миг, а я смотрела ему в глаза и боролась с забытым чувством. Нет, это не любовь к Лукасу — я внезапно вспомнила, какой была меньше месяца назад. О чем мечтала, чем жила. Этого больше не вернуть, но я не жалела, несмотря на трудности. Мне показалось, будто Лукас смотрел на меня, как прежде, с любовью и трепетом, но без боли. Неужели сумел отпустить меня?

Мгновение минуло, и взгляд Лукаса похолодел. Отвернувшись, он последовал за Брейнтом, незаметно вложив мне в руку скомканный лист бумаги. Сжав его в ладони, я невольно задержала дыхание. Что это? Заключение о смерти Адрианы Хиггинз. Чтобы выяснить это, придется запастись терпением и, не вызывая подозрений, добраться до автомобиля.

Бен смотрел на Университет, и я бы не поняла, насколько он зол, если бы не пододвинулась ближе. Меня обдало жаром, кожа дернулась, но я лишь улыбнулась. Лукас для него как кость в горле, но Бен никогда в этом не признается. Он сидел в светло-рыжей кожанке с воротником-стойкой, под ней лоснился синевато-зеленый кашемировый пуловер, он был настолько мягким на вид, что хотелось коснуться и проверить. Вообще у Джоша все шмотки щегольские, но эти Бену шли. Запрокинув голову на подголовник, он посмотрел на меня, и его взгляд потеплел. Джош барабанил пальцами по рулю, дожидаясь, когда я заберусь на заднее сиденье и размещусь на нем. Едва успела пристегнуть ремень, как он рванул с места.

— Куда вы так торопитесь? — спросила я и развернула скомканный лист бумаги.

— Мне нужно попасть домой, — сухо бросил Бен. — Достали чужие обноски.

— Я бы попросил, — пробасил Джош, не отвлекаясь от дороги. Ливень стих, город накрыла дождевая пыль, рассеянная в воздухе. Ему пришлось сбавить скорость. — У меня только фирменные вещи.

Бен покосился на него.

— Но они твои, — с издевкой произнес Бен.

Джош посмотрел на него и поджал губы.

— Что удалось выяснить, Эш?

— Адриана Хиггинз умерла от потери крови, — прочитала я вслух, — и сильного истощения.

— Это ты узнала в Университете? — усмехнулся Джош, посмотрев на меня в зеркало дальнего вида. Я ответила взглядом исподлобья, и его улыбка скисла.

— Нет, Лукас только что передал заключение о смерти.

— Когда успел? — голос Бена был подчеркнуто беспристрастен.

— Только что, — чеканя слова, я подалась вперед и сложила руки на спинке его сиденья. Бен повернулся, насколько позволил ремень безопасности, и мне пришлось сильно напрячься, чтобы встретить его взгляд. Под холодной пустотой синих глаз таилась мощь, жгучая тяжесть. Джош покосился на нас и беззвучно усмехнулся. Неужели Бена настолько мучила ревность? Интересно, он сам осознавал, что происходит или нет?

— А в Университете удалось что-нибудь выяснить? — весело поинтересовался Джош, выкручивая руль и сворачивая с проспекта.

Я рассказала практически все, только утаила свои мысли о подозрительном поведении Стэнли. Конечно, Джош давно его знал и мог развеять мои сомнения, но фамильяр ясно дал понять, что кроме меня ни перед кем открываться не станет. До поры, до времени. От меня требовалось лишь сохранить его тайну и помочь во всем разобраться.

Слушая меня, Джош затормозил на светофоре и покосился на Бена. Шерман смотрел в окно, но почувствовал и медленно повернул голову. Я замолчала, наблюдая за ними. Джош одарил Бена широкой белозубой улыбкой. Пустое лицо Шермана дрогнуло, по нему мелькнула гримаса — он осклабился, передразнивая его, и снова отвернулся к окну. Я тихо хохотнула.

— Значит, ты будешь день и ночь околачиваться в Университете? — сделал невероятное

умозаключение Джош и потерял интерес к Бену. Я хотела спросить: «что это сейчас было?», но отвлеклась на заключение судмедэксперта, которое все еще держала в руках. «Множественные ссадины и порезы, предположительно нанесенные жертвой» — что бы это значило? Я оказалась права, и Адриана сама себя поранила? — На сегодня с меня хватит. Нужно поговорить с родными Сабрин Дей, пока Брейнта развлекает беседами Стэнли.

Бен приподнялся на кресле и слегка повернул голову.

— Твоей проблемой займемся с наступлением темноты, — пообещала я. Он нахмурился и посмотрел на меня в отражение в зеркале.

— Когда Том без труда сможет слиться с ночью и переловить всех нас, как кот мышей? Потрясающе, — едко отметил он и кивнул.

— Я не могу разорваться, Бен. Нужно побывать в доме третьей жертвы, пока еще есть надежда на то, что она жива.

Он расстегнул ремень и повернулся ко мне лицом.

— Зачем? — его голос прозвучал почти спокойно, бесцветно, но мне стало не по себе. — Что ты рассчитываешь там увидеть или узнать от родственников? Мы уже выяснили, что в домах жертв царит до омерзения идеальный порядок, за исключением одной детали — растрескавшегося зеркала. Нужно искать в другом месте, Эшли.

— Это ты как эксперт говоришь!? — я рывком подалась вперед, вглядываясь в небесно-синюю бездну глаз Бена. В ней плескалась сила, проплывала на глубине, задевая острым хребтом поверхность. Я покрылась мурашками. — Что, если мы что-то упустим? Какую-то важную деталь.

— Если тебе так нужен осмотр дома и допрос родителей, — скривившись, тихо заговорил он, — то обратись к милому Лукасу. Он охотно предоставит всю необходимую информацию.

— Неужели ты ревнуешь? — удивилась я и невольно улыбнулась. Бен уставился на меня с бесстрастным видом.

— Вот еще, — небрежно бросил он и вернулся на свое место, больше не издав ни звука. Джош заржал в голос.

— В принципе, Бен прав. Вместо того, чтобы терять время на изучение аптечной чистоты в комнатах новой жертвы и покрытого трещинами зеркала — гипотетическими трещинами, ибо только ты их видишь, Эш, не лучше ли заняться продвижением расследования?

— Каким образом? — с сомнением протянула я. Джош пожал плечами.

— Например, поразмыслить, кому могли понадобиться три молодых ведьмы? Кстати, о матери Валери: у нее дочь пропала, а она пироги печет!

— Причем, с нездоровым воодушевлением, — согласилась я и хмыкнула. Скрестив руки на груди, просмотрела в окно. Из головы не выходили четверо фамильяров, окруживших меня в поле. Как узнать их имена?

— Может, она одержима? — предположил Джош, сбавляя скорость перед пешеходным переходом. — Прикидывается тихой домохозяйкой, печет без усталости пироги, а по ночам..... Что за начинка в них? Да кто их есть будет, если дочь без вести пропала?! А где ее муж? Она ничего не говорила? В пирогах?!

— Джош, — предупредительно протянула я. Бен тихо рассмеялся. Запрокинув голову на подголовник, он наблюдал за нашей словесной перепалкой. — Каждый по-своему переживает горе.

— Что, если она и порешила любимую доченьку?! — не обращая на меня внимания, эмоционально продолжил Джош. — И куда столько пирогов?

— Ты по ходу голодный, — поцокав языком, заключил Бен.

— Дались тебе эти пироги! — прорычала я ему в спину. — Прекрати!

— А что я сделал? — Джош внезапно притих и посмотрел на меня честными глазами. — Нужно проработать все версии.

Бен прикрыл глаза ладонью и тихо застонал.

— Все, едем за вещами Бена, а потом посетим одно увеселительное мероприятие. И ни слова о пирогах!

Джош отвез меня к дому, чтобы я могла переодеться в более удобную одежду — джинсы, футболку, кожаный жакет и сапоги на низком каблуке. Я испытывала легкое оцепенение — мы побываем дома у Бена. Волнительное событие не только потому, что мы рисковали нарваться на Тома, и в том плане, что я наконец-то увижу, где он жил. Возможно, сумею понять, что он чувствовал до нашего знакомства, вернее НЕ чувствовал. Чем увлекался, хотя о чем я — у бэлмортвов одно-единственное хобби, и я бы предпочла не знать о нем. И, если честно, меня тревожило то, что я могу ощутить внутри жилища убийцы. Тьма, притаившаяся под кроватью, холод и пустота.

Джош гнал автомобиль по центральному проспекту, мимо дорогих витрин и многоэтажных домов, прочь от центра, затем два раза налево. Пейзаж сменялся, за окном мелькали блики и размытые тени прохожих, а мы все продолжали ехать. Миновав несколько спальных районов, мы свернули на северное шоссе, и я была не на шутку заинтригована. Неподалеку притаился фешенебельный жилой район, не такой шикарный, как Вижн, но дома здесь мало кому по карману. Небольшой парк с озером, идеальное дорожное покрытие и безукоризненные газоны. Машина плавно и бесшумно покатила по асфальту, а я во все глаза смотрела по сторонам. Фасады домов не кричали о состоянии владельцев, как это можно было заметить в Вижн — сдержанно и поразительно красиво.

— Сейчас сверни направо, — заговорил Бен. Он заметно напрягся — настороженно осматривал пустую улицу. — Там будет старая плакучая ива. Под ее ветвями бросим тачку.

— Сколько до дома идти? — спросил Джош, сворачивая к указанному дереву.

— Недолго, — загадочно ответил Бен. — Надеюсь, его где-нибудь носит.

Когда я вышла из машины, в горле клокотал страх. Мне повсюду мерещились тени, от ветра я вздрагивала и вертела головой, но Тома не было видно. Джош взял меня за руку и повел за собой. Бен выглянул из-за ветвей, отодвинув их рукой, словно театральный занавес.

— Машины нет, но он мог тоже ее где-нибудь бросить.

— Как предусмотрительно, — буркнул Джош.

— Пошли, — тихо скомандовал Бен и быстрым шагом вышел из-под ветвей. Озираясь, он шел по тротуару, а мы торопились следом. Я не успевала за мужчинами, поэтому почти бежала, держа Джоша за руку. Сквозь небо, затянутое однородными серыми облаками не пробивались солнечные лучи, и я ждала, что вот-вот его затянет черным дымом. Бен свернул на подъездную дорожку одноэтажного дома, немного помедлил у ворот. Фасад радовал глаз простотой решений и строгими коричневыми оттенками, от черепичной покатой крыши до стен. Уютное крыльцо, большие окна холодно глядели на нас, и по коже ползли мурашки. Мне понравился дом, но от мысли о том, что Том мог видеть нас, становилось не по себе. Настолько, что я сжала руку Джоша, и у него кости затрещали. Втянув воздух сквозь стиснутые зубы, он пробурчал:

— Эшли, успокойся. Нас трое, а он один. Мы по-любому как-нибудь справимся с одним маленьким бэлмортом.

— Том не кажется мне заурядным, и тем более маленьким бэлмортом, или я так думаю, потому что у меня к нему личные счеты, — прошептала я. Бен вставил ключ в дверной замок и бесшумно провернул его. Я с замиранием сердца наблюдала за тем, как он открывает дверь и заглядывает вовнутрь просторного холла.

— Можете подождать на улице, — шепотом предложил Бен, переступая порог. Он сдерживал силу, чтобы не выдать себя на случай, если Том вдруг окажется дома. Я чувствовала его напряжение, ощущала, как бурлит магия под кожей — воздух дрожал, как бывает за мгновение до сильного удара молнии, совсем близко. Прислушиваешься к тишине, ожидая ослепительной бело-синей вспышки и оглушительного раската, который промелькнет по всему горизонту. Чувство опасности кулаком ударило в грудь, и я не могла надыхаться. Страх жег горло, грозя вырваться воплями.

— Я пойду с тобой, — упрямо заявила я и отпустила руку Джоша.

Я не столько волновалась за Бена, сколько хотела заполучить третий конверт и узнать, кого еще заказали Тому. Честно сказать, меня разрывало от противоречий — позволить ему войти одному для меня означало отпустить его на верную смерть. «Искупление» объединило нас и взялось за его темную душу, проникло под кожу, вытесняя тьму. Он не замечал, я не замечала, но мы оба чувствовали изменения — это будто наблюдать за тем, как распускается цветок. Вроде бы ничего не меняется, но что-то происходит каждую секунду. И мы не могли быть уверенными в том, как именно затронет магия его сущность, как отразится на его физических способностях и стойкости. Что, если он больше не мог противостоять своему брату? Никто не знал точного ответа, насколько Бен еще бэлморт, а насколько уже приблизился к свету. Поэтому мы не могли просто стоять на улице и ждать, когда они с братом сцепятся, и чем все это кончится.... Мы решили обойтись без экспериментов.

— Хорошо, — сделав над собой усилие, согласился Бен. — Только ничего не трогай — он тебя почует.

— «Мы должны принять участие», — услышала я мысли Джоша и повернула голову, чтобы видеть его довольную физиономию и улыбочку, не обещающую ничего хорошего. Им двигала жажда мести и ненависть к Тому, но я слишком хорошо знала Джоша — он не отпустил бы Бена одного, и не только из-за меня. Хотя тот все еще оставался для него бэлмортом на перевоспитании у маленькой отчаянной ведьмы, Джош не стал бы за дверью ждать его смерти. К тому же, он давно жаждал почесать кулаки об смазливую рожу Тома, из личных соображений, под которыми я подразумеваю задетое самолюбие и обманутую и брошенную Мишель. Я полностью разделяла его чувства и ни за что не осуждала, поэтому не стала препятствовать. Да и было интересно узнать, насколько мы прониклись друг к другу, тем самым образовав некий триумвират. Ведьма, маг-перевертыш и бэлморт — забавно звучит, но мне совсем не смешно.

Темный паркет и бежевые рельефные стены, пара картин, небольшой угловой диван — Бен быстро прошел холл, и мы не рискнули медлить. В доме не ощущалось чужой силы, но это не означало, что Тома здесь не было. Но я ждала тьму, притаившуюся под кроватью или ползущую по стенам, ледяных сквозняков и утробных стонов из вентиляционных решеток, поэтому шла, нервно вслушиваясь в тишину. Джош не мешал мне развлекаться и с интересом изучал интерьер в доме, прекрасном и светлом — ни за что не подумала бы, что бэлморты предпочитают пастельные тона и классический стиль в мебелировке! Цветовая гамма и

сочетание деталей радовало глаз, благородные ткани в обивке диванов и кресел, шикарных портьерах. Особенно понравилось оформление гостиной, где царило созвучие красного и бежевого. Кожаный диван с двумя креслами, кофейный столик из стекла с искусным ажурным узором, где сливались кровь и золото — ювелирная работа, на мой взгляд. И этот необычный принт присутствовал везде — на обоях, в оформлении штор и ламбрекенов, на декоративных подушках, и даже на обложках книг.

Широкая арка справа от гостиной вела в кухню, в которой основное пространство занимал огромный стол. Он представлял собой стойку, рабочую зону и обеденное место, извиваясь по периметру просторного помещения. Высокий двухкамерный холодильник и вся техника металлического цвета, как и детали фасада кухни. Сама мебель имела шоколадно-глянцевый цвет и отлично сочеталась с белизной стен, кружевных гардин и мраморной отделкой столешницы. И только одна деталь портила всю картину.

В раковине высилась пирамида из грязной посуды, при виде которой Бен закатил глаза. Том не отличался опрятностью и любовью к чистоте, не использовал одну чашку дважды, о чем можно было судить по батарее грязных кружек на столе. Старший Шерман злоупотреблял алкоголем, а в частности пивом, о чем свидетельствовали торчащие горлышки пивных бутылок из корзины для мусора.

Напротив кухни располагалась столовая, перед дверью в нее Бен замялся. Сжимая и разжимая кулаки, он медленно шагнул к арке и замер на пороге. Джош тенью скользнул к стене, чтобы подстраховать Бена слева. Я не стала прятаться, и пошла следом, но чуть поодаль, чтобы успеть увернуться или отразить удар. Бен покосился на меня через плечо и шагнул в помещение.

Секунды тянулись невыносимо долго, от тишины закладывало уши, а в висках стучал пульс. Бен, казалось, уже целую вечность назад исчез в столовой, и я начинала сходить с ума от волнения. Джош осторожно шагнул к проходу и, сделав знак мне, собрался выглянуть вовнутрь. Но именно в этот момент к нам вышел Бен. Беззвучно чертыхнувшись, Джош ткнул его кулаком в грудь, на что тот нахмурился.

— Его нет дома, — тихо сообщил он. — Действуем быстро.

— Действуем? — уточнила я.

Бен двинулся к закрытой двери вправо, которая, очевидно, была его спальней, и вдруг остановился, чтобы посмотреть на меня.

— Ты хотела найти конверт, — напомнил он.

— Да, но откуда ты знаешь?

Он усмехнулся.

— Пора бы уже привыкнуть, — покачав головой, он направился к двери и исчез за ней.

Я непонимающе уставилась на Джоша.

— Он же слышит твои мысли, как и я, — сказал он и задумчиво посмотрел вверх. — Интересно, а мы с ним можем через тебя общаться между собой?!

Я только хмыкнула вместо ответа и быстрым шагом проследовала в кухню. На столе была небрежно разбросана почта — газеты, листовки и несколько конвертов. Предполагать, что Том оставил конверт с заказом на самом виду наивно и глупо, но я должна была проверить. Пока копошилась в корреспонденции, Джош лазил по полкам и не побрезговал заглянуть в мусорное ведро.

— Ежедневный рацион Тома достаточно питательный, — скривившись, сообщил он. — Преимущественно пиво и фастфуд.

— Вряд ли его беспокоит цирроз печени или ожирение, — фыркнула я и быстрым шагом обошла стол, направляясь в гостиную, но холодок на коже заставил меня застыть в проходе. Похожий на сквозняк, легкий порыв магии, поднявший каждый волосок на моем теле. Он коснулся лица, и у меня перехватило дыхание. Джош насторожился и обернулся, но ворвавшийся в помещение ветер заставил его остаться на месте. Мы неподвижно смотрели на арку и прислушивались к звенящей тишине, и вскоре из холла слышались медленные и тяжелые шаги. Осторожно выдохнув, я с пустым выражением лица встретила Тома, сияющего обворожительной улыбкой.

Том держал в руке ключи от дома, когда вальяжно вошел в кухню. Он стал подбрасывать их в ладони, обводя взглядом помещение. Наши застывшие физиономии позабавили его. Серо-голубая ветровка на молнии с накладными карманами, с которой он, похоже, не расставался, была нараспашку, из-под нее выглядывала черная однотонная футболка и потертые синие джинсы. Небрежная естественность, которая ему шла. Лицо Тома озадаченно вытянулось, он сложил руки на груди и в задумчивости потер подбородок.

— Не ожидал вас увидеть у себя на кухне, — признался он. — Вы застали меня врасплох.

И расплылся в улыбке, от которой у меня зубы свело.

— Мы тоже, честно говоря, немного в шоке, — призналась я и наморщила носик.

Том понимающе кивнул, и вдруг его лицо опустело, от улыбки не осталось и тени. Я ощутила недовольство бэлморта по тому, как его сила порывом ветра раскачивала люстру и трепала мои волосы.

— Зачем приперлись? — его ледяной голос отдался звоном от стен, воздух вокруг задрожал, и я попятилась.

Упершись в стол, я вцепилась в него руками, глядя во все глаза на Тома. У меня в животе забурлила сила, захлестнула волной ощущений. Я подумала о Бене, о том, что он вынужден сидеть тихо в столовой и не высовываться. Но он же не сдержится и выйдет к брату! Проклятье.

— Надо, — облизав пересохшие губы, ответила я. Придется Шермана занимать разговорами, но вряд ли меня надолго хватит. — Тебе заказана моя сестра — я хочу получить ее конверт.

Том изумленно хмыкнул, медленно расплетая руки.

— Тебе не по карману ее конверт, куколка.

Он сделал неосторожное движение в мою сторону, и я резко подняла руку. Мелькнула только мысль, как вдруг Тома подбросило в воздух и впечатало в стену. С гулким звуком ударившись, он рывком разрушил мои чары — с видимым усилием, будто разорвал тонкие, но прочные невидимые нити и брезгливо встряхнул рукой. Он шумно выдохнул и склонился вперед, словно готовясь к выпад, и я кожей ощутила его желание размазать меня по этим прекрасным обоям. От него хлынула магия, по коже пронеслась волна силы и вызвала мурашки. Она отозвалась где-то у меня в теле, глубоко и низко, и это ощущение пропало так же быстро, как и появилось. Мышцы живота стянуло судорогой — я боялась пошевелиться и просто боялась, ведь Том гораздо быстрее и сильнее. Только бы Бен успел собрать вещи, пока я его развлекаю.

Бэлморт развел руками и смерил меня тяжелым, взглядом исподлобья. Таких страшных глаз я еще не видала. Они не просто были пустыми — они были мертвыми. Что-то пряталось за этим безупречным человеческим обликом, проглядывало, как чудище из укрытия. Оно проплывало совсем близко под поверхностью, и меня пробирал животный ужас от ощущения его мощи. В Томе не было ничего, кроме этой ждущей тьмы, ничего того, что могло бы помочь ему сойти за человека. Нет, он не человек, совсем нет. Он — воплощение ночных кошмаров, истинное зло в облики красивого мужика.

— Ты стала сильнее с нашей последней встречи, маленькая ведьма. Еще кого-то убила и завладела кулоном? — он хмыкнул, наслаждаясь собственным остроумием, но его слова сочились презрением. По позвоночнику скользнул липкий холодок. Какого черта?!

— Откуда ты знаешь? — на одном дыхании выпалила я, и мой голос на удивление не дрогнул.

— О том, что ты убила Мэриона? — Том прищурился, склонив голову набок. Его интересовали мои глаза, что-то он высматривал в них, а Джоша как будто не существовало. — Как в вашем мире гибель мага, так и в нашем, смерть бэлморта — небывалое событие. Весть о том, что один из нас мертв, прокатилась по всему народу бесшумной волной. Ведьма уничтожила бэлморта! — он возвел глаза к потолку, всплеснув руками. — Это нонсенс! Но что больше всего поражает, — он медленно опустил голову, впился в меня взглядом, и я начала проваливаться в ледяную бездну его глаз, — так это то, что ты осталась при своей смазливой мордашке, куколка.

Его шепот обжигал, и мне было не по себе, но вдруг его лицо разгладилось. Оно озарилось какой-то мыслью, которая, наверняка, мне бы не понравилась. Том резко поднял руку, чтобы почесать небритый подбородок.

Я вздрогнула изнутри, едва не швырнув Тома об стену. Сила шевельнулась внутри, заворочалась, будто огромный зверь, заточенный в тесную оболочку, менял положение, намереваясь выбраться на свободу. Осторожно втянув воздух носом, я ощутила прилив спокойствия.

— Не делай резких движений, Том, — предупредительно сказала я, не опуская ладони. Джош громко сглотнул — у него затекли мышцы от напряжения. Не спуская глаз с бэлморта, я позвала его через плечо: — подойди ближе, Джош.

Он покорно направился в мою сторону, смерив Тома ничего не выражающим взглядом, но я-то знала, чего ему стоило это показное безразличие. Под кожей бурлила ищущая выход ярость и сила, которая могла сломать Тома, как тростинку, скрутить в бараний рог — я чувствовала потенциал Джоша, который он скрывал. Ох, этот скромняга-Джош! Маг-перевертыш, вынужденный жить под крышей моего дома в облике кота. Связь со мной делала его выносливее, сила питалась от моей силы, а я охотно ею делилась. Моя воля, отдала бы кому-нибудь насовсем, но — увы! Подарок Линетт должен был жить во мне — она почему-то решила, что я достойна его. Достойна нести это бремя, и я уже ничего не могла изменить. Может, Тому предложить? А, нет, плохая идея, он же воспримет шутку буквально и попытается меня убить.

— Как Мишель смотрит на то, что вы снюхались? — с веселым интересом спросил Том. — Мы, кстати, тоже могли бы подружиться.

Он шевельнулся, едва заметно, не отводя взгляда от моего лица. Неуловимое движение руки, и я застонала сквозь зубы — от напряжения сводило кости. Словно вода в чаше, сдерживаемая мною магия, заполнила тело до краев, и одна лишняя капля могла привести к тому, что жидкость расплескается. Еще одна подобная выходка Тома, и я не сумею сдержаться, ударю его. Он заслужил это, безусловно, но я не хотела стать зачинщиком мордобоя. Пусть он начнет первым, и мы задавим его.

Бэлморту понравилась моя реакция, он довольно ухмыльнулся. Его забавляли игры с моими рефлексам, а меня раздражала его гнусная смазливая рожа и самоуверенность. Вести светские беседы с врагом — не легкое дело, но мы тянули время, чтобы дать шанс Бену. Сосредоточившись на дыхании, прислушиваясь к шорохам в звенящей тишине, я

отпускала чувство напряжения. Оно медленно уходило, и уходила боль из мышц, я могла дышать полной грудью. Меня не могло заставить волноваться даже то, что по стене сползала густой каплей тьма. И я знала, что она не тронет меня. Ее интересовал Том.

— Навряд ли, — бросила я. Ощувив прилив сил и смелости, я отлипла от стола. — Отдай мне конверты, Том.

У меня не было времени привыкнуть к тьме, скользящей за мной повсюду шлейфом, и я все еще покрывалась мурашками, когда ощущала ее. Дрожь совсем не прибавляла уверенности, я боялась собственной силы, что тоже не способствовало повышению самооценки и не придавало твердости и убежденности в своих возможностях. Если у меня от страха будут стучать зубы, мне ни за что не одолеть Тома. Я должна была взять себя в руки, пустить холод по венам, чтобы не выдать истинных чувств.

— Зачем мне это делать? — резонно спросил Том.

Черная склизкая дрянь сползла на пол и устремилась к его ногам. Я следила за ней взглядом, осторожно, чтобы не упустить из виду бэлморта, но когда в черной глянцевой луже скользнуло его отражение, меня парализовал ужас. Я думала, мне показалось, что она с недавних пор подчиняется моей воле, но сейчас видела своими глазами, как тьма ползет туда, куда хочу. Это странное чувство, когда узнаешь о себе что-то приятное и пугающее одновременно....

— Чтобы выжить, — осторожно сглотнув, я посмотрела ему прямо в глаза. В ледяную серо-зеленую бездну. Как бы Том не старался выглядеть обаятельным весельчаком, его ложь не касалась глаз, они всегда оставались холодными и пустыми. И если долго в них смотреть, то можно провалиться во мрак и пропасть в нем. Я держалась за свою магию, но она прогибалась, когда он смотрел на меня. Если бы только Том знал, насколько близко к нему опасность, то не демонстрировал безупречность зубов и не пытался бы поразить меня своей харизмой. Мне стоило лишь подумать, и тьма бы набросилась на него, окольцевала холодом и сжала в тиски. Что она делает с бэлмортами, если является следом их магии? Я еще не знаю, но могу предположить, что убивает.

Том громко рассмеялся, но вдруг смех оборвался. Он прищурился, изучая мои глаза, и, кажется, был приятно удивлен:

— Ты серьезно думаешь, что убьешь меня, куколка. Это льстит и бесит одновременно. Давай не будем бросаться в крайности, мне нет дела до тебя и твоей сестры. Забудь про конверты, ладушки? У меня их больше нет.

— А где они?

— Их отозвал заказчик, — прорычал с недовольством Том. Его больше не забавлял разговор, моя назойливость перешла границы, или он что-то заподозрил. Но я должна была удерживать его на кухне, пока Бен не ускользнет из дома. Хотя прекрасно понимала, что он не сделает этого, не оставит нас — не теперь.

— В таком случае, ты не станешь нас убивать? — уточнила я.

— Какой мне резон убивать вас? За идею? — фыркнув, бэлморт закатил глаза, но неожиданно его лицо разгладилось, будто он что-то услышал. Мое сердце замерло — Бен. Медленно выпрямившись, Том сплел пальцы рук, размял их с хрустом. Улыбка, с которой он шагнул на меня, была совершенно искренней и доброй, но меня трясло от ее вида. Скользнув взглядом вниз, я увидела, как тьма испуганно дрогнула и отодвинулась от него. Нет, нет, нет! Я не должна бояться!

Остановившись, Том погрозил мне пальцем:

— Я бы убил тебя за то, что ты украла у меня брата, но, — он состроил сокрушенную мину и цыкнул, после чего развел руками. Я еще подумала, какой артистический талант пропадает зря. — Не стану. Я сегодня добрый!

— На кого ты работаешь? — спросила я, чувствуя спинным мозгом напряжение Джоша. Он двигался в мою сторону, едва заметно переставлял ногами, когда Том отвлекался. Шаг вправо, осторожный и невесомый — если бы Шерман не был так беспечен и самоуверен, поменьше бы уделял мне внимания и тщательнее следил за Джошем, то заметил бы. Но нет. Он привлекал его внимание ровно настолько, насколько и гора посуды в раковине. Я слышала ярость Джоша, его магия коснулась моего лица мягко и нежно, словно мех Персика, и я невольно покосилась на него. Опустив руки свободно вдоль тела, он изогнул ладонь, будто держал в руке маленький мячик. Я знала, что это, и кому предназначается, и перевела взгляд на бэлморта. Только бы Том ничего не услышал....

— С какой стати мне говорить тебе?

— Как отозвали заказ?

— Прислали официальное уведомление, — ухмыльнулся Том.

— Кто должен был стать третьей целью?

Ответа не последовало — со стороны гостиной послышался шорох. Я и Джош задержали дыхание, рефлекторно, и уставились на Тома, только бы не смотреть в арку и не давать ему смотреть туда. Но он тоже насторожился, хоть и не подал виду — смотрел на нас, прислушиваясь к звенящей тишине, повисшей во всем доме разом. Это случилось так внезапно, что я как будто оглохла. Его лицо дрогнуло, в глазах мелькнула тень, и взгляд потемнел, как холодное осеннее небо перед дождем. Кончики пальцев покалывало от волнения, и если сейчас ничего не предпринять, то Бену конец. Но я не успела — за спиной Тома скрипнула половица.

Вздыхнув, Том выпрямился, и перед нами распростерлась тьма, мерцающая и клубящаяся. Повиснув на мгновение в воздухе, она взметнулась к потолку, упала резко вниз по спирали и выскользнула из кухни. Кажется, мое сердце не билось целую вечность, пока в ушах гудела кровь. Хотелось обернуться на Джоша, но он мысленно шептал мне, чтобы я не двигалась. Успокаивающе и тихо, будто нас кто-то мог услышать.

Быстрая возня, глухие удары, и в кухне появился Бен, окруженный облаком черного дыма. И не просто появился — его с силой втолкнули. Вернув человеческий облик, Том размытым движением выдвинул стул из-за стола и с усилием усадил на него брата. У Бена не было времени и возможности сопротивляться, Том был невероятно быстр и силен, я такого в жизни не видела! И он доказал это снова, когда из-за пояса вынул пистолет и приставил к затылку Бена. С обворожительной улыбочкой, ехидна его дери!

Он отодвинулся, чтобы я видела Бена и приставленный к его голове пистолет.

— Не надо, — прошептала я.

Том ухмыльнулся и шевельнул волосы Бена дулом пистолета, как собаку почесал.

— Он дорог тебе? — спросил он и, коротко глянув на мое побелевшее лицо, переставил дуло под подбородок брата. Бен стиснул челюсти, буравя потолок глазами — он оказался в невыгодном положении, и любое движение могло привести к необратимым последствиям. Тыкать в брата пистолетом доставляло Тому удовольствие, как и наблюдать за мое реакцией на все это. Из всех, находящихся в помещении, только Джош сохранял беспристрастный вид.

Я не могла вымолвить и слова, рука затекла, но я уже ее медленно опускала. Какая польза от магии, когда в руках Тома пистолет? Пуля быстрее магии. Мое молчание взбесило

бэлморта, и он раздраженно облизал губы. Ткнув сильнее Бена дулом в подбородок, он склонился к его лицу:

— А она стоит того, чтобы ради нее умереть?

Бен, не шевелясь, посмотрел на брата. Не дождавшись ответа, Том стволом пистолета поднял голову Бена так, чтоб это должно было быть больно.

— Отвечай!

Бен слегка кивнул — насколько позволяла задранная шея. Том перевел на меня довольный, но изучающий взгляд.

— Вероятно, ты прав, братишка. Что-то в ней есть такое....- глубоко вдохнув, Том выпрямился.

— Ты же бэлморт, — тихо сказала я. — Зачем тебе пистолет? Разве пулей можно вас убить?

Бен полыхнул на меня свирепым взглядом, и я прикусила язык. Похоже, желание отвлечь Тома перешло черту разумного, и я увлеклась. Настал момент заткнуться, но меня несло.

— Мне нравится этот дом. Я бы не хотел запачкать его темной магией. Поэтому я выбрал пистолет. К тому же, давно хотел испытать на деле оружие людей, — признался с чувством Том и пожал плечами. Затем он улыбнулся, будто мы хорошие приятели. — Убить — может, и не убьет, но боль причинит. А меня, сама знаешь, хлебом не корми — дай кого-нибудь помучить!

— Лично для меня он ничего не значит, — небрежно проговорил Джош. Том посмотрел на него стальным взглядом с коронной усмешкой на губах. Это должно было бы смутить и заставить заткнуться кого угодно, только не Джоша. — Но выстрелом ты расплескаешь его мозги по всей гостиной, — поморщившись, он выглянул за спину Тому. — Придется вызывать службу быта. Или ты сам не прочь повозиться в чужих внутренностях?

Том смерил его тяжелым взглядом и, немного подумав, хмыкнул.

— Верно мыслишь. Здесь с ним кончать нельзя.

Меня поразила бы холодность, с которой он говорил, но я уже успела сделать выводы о его непредсказуемости. У Тома что-то не так в голове, а, значит, он проклятый социопат. Если это синоним бэлморта, то я чего-то не понимаю. Бэлморты никогда не убивали ради удовольствия.

— Но Бен — твой брат! Неужели для тебя не имеет значения родственная связь? — я говорила спокойно и рассудительно, но пульс на шее спокойным не был. Тьма подползла к моим ногам, как побитый щенок, и я с трудом удержалась от желания отступить. Она реагировала на мое эмоциональное состояние, а сейчас я отчаянно боялась за Бена.

Том выдал взгляд, который означал, что я жутко наивна или дико глупа. Я почувствовала, что сморозила глупость и невольно отвела взгляд, на что он рассмеялся, и то был хороший, искренний смех. При других обстоятельствах он вызвал бы у меня улыбку.

— Я вырос на ненависти и хладнокровии, куколка, — лениво заговорил он, переставив дуло пистолета вновь на затылок Бена.

Он раздраженно прикрыл глаза, осторожно сглотнув, но был вынужден подчиниться и опустить голову. У меня сердце обливалось кровью, страх клокотал в горле, и еще мгновение — сила разорвала бы изнутри. Тем временем, Том продолжал делиться воспоминаниями о трудном детстве:

— Меня никто не жалел и не гладил по головке — у бэлмортов не принято. Да нам и не

нужно это! Мы с младенчества жестоки и бессердечны, нам чужды эмоциональные сопли. Какие к черту родственные связи, о чем ты, куколка?!

— Кто ваши родители? Ты помнишь мать или отца?

— Ты заставляешь меня вспоминать то, что было очень давно, — устало сказал Том. — Хочешь узнать, откуда берутся бэлморты? Оттуда же, откуда и вы, маги, вот только вас окружают любовью родители, а нас нет. Мы видим все в серых тонах, с рождения.

— Ты так и не ответил, — тихо заметила я.

— Я помню мать, — холодно проговорил Том. — Она вышвырнула нас на улицу. Что еще хочешь узнать? Спрашивай, пока моего терпения хватает. Я разрешаю.

Том убрал пистолет, и Бен облегченно вздохнул, очень осторожно, как и я.

— Ты распечатывал третий конверт?

— Даже если так, — рассудительно заговорил Том, рассматривая пушку в своей руке. — Что с того? Имя я тебе не назову.

— Он лжет, — процедил Бен, не сводя с брата взгляда, от которого тот давно должен был расплавиться. — Он не вскрывал конверт.

Том прикрыл глаза, борясь с яростью. Стиснув челюсти, он снова посмотрел на меня, а в следующее мгновение его кулак размытой линией ударил Бена. Я не видела, как Том двигался — только что он стоял, играя пистолетом, небрежно крутил его на ладони, и вдруг стул опрокинулся на пол, и в помещении стало жарко и душно.

Бен оказался на ногах раньше, чем Том махнул кулаком перед его глазами. Братья замерли лицом к лицу — пугающая неподвижная тишина. У меня все застыло внутри, воздух загустел, и нечем стало дышать. И вдруг Бен носом ботинка подбросил стул в воздух и поймал обеими руками. В следующий миг в нас полетели щепки — он ударил им Тома. К моим ногам упал пистолет, Бен выбил его из руки брата.

Зарывав, словно дикий зверь, Том бросился на Бена и пробил им стену, мужчины повалились в столовую. Действо переместилось в соседнюю комнату.

Быстро присев, я подобрала пистолет.

— Надо что-то делать, — проговорил Джош, подбегая к кухонному столу. Он поочередно выдвигал ящики, пока не нашел нож для разделки мяса.

— Ты хочешь, чтобы я убила Тома? — я поднялась на ноги.

Джош передразнил меня, состроил удивленную физиономию и развел торжественно руками.

— Что для тебя важнее — жизнь Бена или твоя совесть? Боишься, что Том тебе во снах являться будет?

— Если такой умный — убей сам! — прошипела я и решительно шагнула на Джоша. Пришлось задрать голову, чтобы смотреть ему в глаза. Он уронил взгляд на пистолет в моей руке, и от мысли, родившейся в его сознании, мне стало совсем плохо. Я помотала головой, рассыпав по плечам волосы. — Нет.

Я развернулась на каблуках, крепче сжав пистолет, но Джош с силой опустил ладонь на мое плечо и развернул к себе лицом. У него пылали магией глаза, лицо разгладилось и казалось восковым, будто подсвеченным изнутри — он был настроен решительно. Но оставалось убедить меня.

— Одним уродом станет меньше, Эш. Он же не успокоится, пока не сотрет брата в порошок! — Джош говорил тихо и вкрадчиво, делая акцент на каждом слове. Я потрясенно сглотнула.

— Ты за него волнуешься? С каких пор?

— Я волнуюсь за тебя, а он уже стал частью твоей сущности. Вас нельзя разлучать, Эш. Ты не переживешь.

— Что?

— Ты держишься на плаву, пока он рядом. И только мысли о нем помогают тебе отгонять ту дрянь, что прочно поселилась в твоей душе.

— Почему вы знаете больше меня? — испуганно прошептала я. Джош печально улыбнулся и сжал ладонью мое плечо.

— Потому что мы одно целое.

— Я боюсь, Джош, — выдержав паузу, проговорила я.

— За свою душу? Боишься утратить сущность?

— Боюсь убивать, — выдохнула я и неосознанно коснулась кулона. — Она ведь только этого и ждет.

Взгляд Джоша упал на кулон — темное сияние камня отразилось в его глазах, которые слегка расширились от изумления. Поджав губы, он вырвал из моей руки пистолет и решительно двинулся в столовую, уронив нож на пол.

— Нет, Джош! — завопила я и бросилась за ним.

— Не подумай, что мне плевать на твою душу, Эш, но я должен с ним покончить, или он это сделает с нами. Я должен оберегать тебя, таково мое предназначение.

Я хотела возразить, но между нами размытой полосой пронесся Бен и, едва коснувшись стены, обратился в дым. Том парил под потолком, будто грозовое облако, сверкающее от далеких раскатов молний. Бен рванул на него, но в попытке уйти от столкновения, Том упал на пол и принял человеческий облик. Именно в этот миг прогремел выстрел.

Джош промахнулся или намеренно выстрелил не на поражение, выбил ему коленную чашечку. Это должно было значительно замедлить Тома, но ненадолго.

Отодвинув Джоша, я вошла на негнущихся ногах в столовую, перешагивая через обломки мебели. Бен уже обрел человеческий облик и стоял спиной к окну, не спуская глаз с брата. Решил не рисковать — никому не хочется словить шальную пулю, особенно когда пистолет в руках у Джоша. Сжимая кулаки, он пребывал в полной боевой готовности, его злость пронеслась по комнате обжигающим ветром. Если бы взглядом можно было убить, то Том уже валялся бы мертвым на полу.

Том медленно выпрямлялся и сквозь зубы насылал на Джоша проклятия. Меня трясло от страха, в горле стоял ком, но рука уже была направлена на старшего Шермана. Я не могла позволить Джошу пойти на такую жертву и лишиться облика, как не могла дать Бену разрушить то, что мы с таким трудом строили. Бессонница — меньшая из бед, которую я согласна принять.

В голове зашумело, по телу потекла магия, так долго сдерживаемая и, наконец, нашедшая выход. Перед глазами стелилась тьма, цвета меркли, и теряли привлекательность звуки. Спокойствие заполнило меня, холодная белая пустота, и глаза полыхнули силой. Я ощутила, как волосы отбросило назад, словно от ветра, и хлынула магия. К ногам бэлморта скользила тьма.

— Я знаю, кто ты, — криво ухмыльнувшись, сказал Том и расправил плечи. — Но тебе меня не достать и не подчинить!

Он обратился в дым и вылетел в окно, разметав гардины. Бена осыпало осколками, но он не пригнулся и не прикрыл лицо руками — пораженно смотрел на меня. А я на него.

— А я только настроилась, — пробормотала я, иронично надув губки, но скрасить момент и свести его к шутке не удалось. Двое серьезно настроенных мужчин сверлили меня глазами.

Тьма ползла по стенам однородной густой массой, я видела в ней призраки своего отражения. Она подбиралась ближе, стекала к ногам, а я смотрела в небо, надеясь, что вот-вот облако серого дыма скроет полную луну и обрушится на меня, разгонит липкую дрянь. Но зачем, если я сама ее позвала?

Тягучими тяжелыми складками, словно расплавленная карамель, она спускалась со стен и собиралась в гляцевую лужицу. Я наблюдала не в силах отвести глаз, хотя безумно хотелось смотреть в небо. Скользя змеей, тьма извивалась и плавно подкрадывалась, и чем ближе она была, тем сильнее меня било дрожью. Я уже забыла, как дышать, потеряла надежду на спасение с неба, и только подняла руку в сторону зловещей тьмы. И в то же мгновение она застыла, покорила мне. Склонив любопытно голову, я смотрела на свое отражение в гляцевом блеске, и зрелище все сильнее завораживало. Появились очертания стен, изгибы мебели и четкие контуры помещения. Я уже была здесь, вот только осталось вспомнить....

Как подтверждение моих мыслей, в голове раздался голос Линетт:

— Ты уже знаешь, Эшли. Осталось только вспомнить.

Волосы шевельнул ветерок, холодный и резкий. Сбился пульс, и я прикрыла глаза, справляясь с удушьем. Стоя с закрытыми глазами, училась заново дышать, прислушивалась к порывам воздуха. С каждой секундой он становился нежнее и приятнее, будто его прикосновение..... Я знала наверняка, кто ко мне спешит, и знала, где нахожусь. В доме отца до пожара.

В пустом камине завывал ветер. В комнате еще витали запахи, тянуло дымком от давно прогоревших поленьев. Величественная птица распахнула крылья на большом полотне над резной каминной полкой. Коршун — эту картину было видно из дверей, птица сурово смотрела в глаза входящему. Где-то тикали часы, шелестел сквозняк в дымоходе. Плотные жаккардовые портьеры с плетеным узором не пропускали лунный свет. Я знала, что за окном чернеет старый лес, а к нему сбегаются волнами холмы, поросшие травой и васильками. Здесь прошло мое раннее детство, и в памяти все осталось на своих местах, разве что тепло и жизнь покинули эти стены.

Когда кожу защекотало от трескучего холода, сон оборвался. Я проснулась от того, что замерзла. В спальне царил теплый полумрак, в окно светила полная луна, проливая серебро на подоконник, подсвечивая неподвижные шторы. Лежа на спине, я смотрела в потолок, наблюдала за тенями, скользящими по стенам. На улице гулял ветер, гнул в холодной ночи деревья. Стуча зубами, я свернулась на кровати под пуховым одеялом, но никак не могла согреться. Я продрогла изнутри, будто проглотила льдинку, и каждая клеточка моей сущности остывала.

— Эшли, — тихо позвал Бен, немного удивленно прозвучал его голос. Он скользнул ко мне в темноте и опустился на край кровати. — Ты замерзла?

— Смертельно, — едва ворочая языком, отозвалась я. Мне даже показалось, что я говорила не вслух. Глаза быстро привыкли к ночному мраку, и становилось все отчетливее видно стены. Я искала, шарила по комнате взглядом, все еще не веря, что видела просто сон. Я чувствовала тьму, совсем рядом. Но она не могла исходить от Бена — она пришла ко мне,

стеклась со всей округи.

Он поднялся, а вскоре вернулся с одеялом — принес свое. И накрыл меня. Подоткнув края, укутал, словно в кокон, полностью обездвижил и снова сел рядом. Его задумчивый взгляд светился во тьме, он замер на моем лице и дрогнул, когда Бен понял, что я смотрю на него.

— А как же ты?

— Мне не холодно. И тебе сейчас оно нужнее.

Я задумчиво отвела взгляд.

— Я во сне видела дом отца. До пожара.

— И что бы это могло значить?

— Не имею представления. Но Линетт отчетливо дала понять, что я должна что-то вспомнить.

— Где-то обязан быть ключ, — хмуро проговорил Бен. — Эти сны и воспоминания должны же иметь какой-то смысл?!

— Я тоже давно задаюсь этим вопросом. Там была тьма — я ее помню.

— Не в ней же дело, в конце концов...

— Как знать. Я чувствую ее, Бен, — произнесла я после паузы. — Она всегда рядом, и я не могу избавиться от этого ощущения.

— Из-за меня? — он насторожился. Склонившись, всмотрелся в мое лицо, и в его глазах блеснул свет луны.

Я помотала головой.

— Нет. От тебя я почти не чувствую, за редкими случаями, когда ты злишься.

Бен повел удивленно бровью.

— И часто я злюсь? — он усмехнулся, но не весело. Для него, похоже, стало неожиданностью узнать, что я чувствую его эмоции и мысли. Более того, могу отличить искренние от напускных, которые чаще всего служили прикрытием. Он боялся своих чувств, они были новы для его темной холодной сущности и вызывали страх и тревогу. Поэтому каждый раз, когда в сердце рождался теплый искрящийся огонек, плавил обледеневшую мышцу и освещал темную душу приятными живительными лучами, Бен реагировал всегда одинаково — злился. Я свыклась и перестала обижаться на его выпады и колкие замечания сквозь стиснутые зубы. Он не мог иначе. Пока.

На самом деле, мы уже многого достигли за несколько дней. Бен проявлял заботу, шел на уступки и помогал нам, что также противоречило его сущности. С Джошем они почти нашли общий язык, и здесь нужно сказать «спасибо» Джошу. Он из-за меня сделал над собой усилия и принял Бена, хотя всем нутром ненавидел бэлмортов и испытывал врожденную необходимость защищать меня от них. Но он увидел разницу между Беном и другими представителями этого жестокого народа. А после его слов про то, что мы — частички друг друга, все встало на свои места. Теперь я не волновалась о том, что он попытается прикончить Бена в мое отсутствие — Джош не сделал бы этого. Это убило бы меня.

Склонив любопытно голову, Бен прищурился. Он не замечал, как менялся, когда смотрел на меня. Не все чувства возможно сдержат, как и эмоции, проявление которых стало для него незаметным и потому естественным. Его глаза светились не магией, а теплом, и выражение лица смягчалось — природа Бена отвечала на мое естество. Мы сами не понимали, насколько становились близки, наши сущности сплетались и прирастали друг к другу, как побеги диких вьюнов. И, вероятно, я перенимала его равнодушие и

беспристрастность, а Бен приобретал новые качества и постигал чувства. И сейчас, глядя на меня, он согревался изнутри. Не потому что я полностью им обездвижена, а потому что у него перед глазами, он мог протянуть руку и коснуться, и никто не возразил бы. С каждым днем он ощущал все больше свободы действий по отношению ко мне, капля за каплей, тьма покидала его, освобождая место для света и тепла. Теперь он на многие вещи смотрел иначе, воспринимал по-другому окружающий мир, людей и магов. Еще несколько дней назад он, не задумываясь, набросился бы на Джоша только потому, что так поступил бы бэлморт. Они видят опасность и устраняют ее. Сейчас они пили кофе за одним столом, даже вытеснили меня с переднего сиденья авто, хотя раньше это было мое законное место — я и Джош давно породнились, не только духовно, но и физически. Я ощущала его так же хорошо, как свою руку или кончик носа, к которому могла прикоснуться в любой момент, чтобы убедиться — он мой. И теперь нас трое — разномастная команда, вмещающаяся в темные истории. Благодаря Бену, у нас появились новые возможности, и мы могли забраться куда угодно и в несколько раз быстрее.

Возвращаясь к чувствам Бена, хочу отметить, что не только у меня от его взгляда внутри разливался жар и достигал нижней части живота. Бен тоже это чувствовал, отзывался на мое желание, не в силах погасить свое, и непроизвольно его голос становился тише и мягче, лицо разглаживалось, а в глазах вспыхивал свет. Не тот, который появлялся из-за пробуждающейся магии, а едва уловимый блеск, при виде которого я покрывалась мурашками и с трудом сдерживалась от того, чтобы наброситься на него.

Кажется, я затянула с ответом — Бен нахмурился, а улыбка на губах чуть померкла.

— В последнее время все реже, — успокоила я Бена и улыбнулась. Зубы уже не грозили расколоться от постукивания, и дрожь отпускала, но я все еще ощущала себя снежной королевой, вместо крови у которой по жилам текли снежинки. — Но с Лукасом тебе лучше не сталкиваться.

Бен вытянул губы, пряча улыбку, но я ее увидела. Тогда он криво ухмыльнулся, немного смутившись, но даже это получалось у него как-то мужественно. Неожидаемое проявление чувств, которое он уже не мог контролировать, отчасти из-за того, что не знал — хорошо это или плохо. С моим появлением, а именно «искупления», у него возникли проблемы с восприятием мира. Прежде для Бена не существовало значения таких слов, как «плохо» и «хорошо», а были лишь «надо» и «так должно быть».

— Он не создает впечатления человека, которому можно доверять, — начал оправдываться он, посмотрев на меня с такой бурей эмоций в глазах, что даже стало как-то неудобно. Он говорил с гордо поднятой головой и надменным видом, но стоит ли напоминать, что улыбка не сходила с его губ?! — И я видел, как он наставил на тебя пистолет.

— Он не ожидал меня увидеть, — встала я на защиту Лукаса. — Ты бы повел себя точно так же.

— Нет, — холодно отрезал Бен и отвел взгляд, опустив ладонь на мои ноги, замотанные в два одеяла. — Я бы почувствовал тебя.

— О, да! — я рассмеялась, вспомнив, как он гонял меня по лесу. Бен насторожился и покосился на меня, коротко мотнув головой.

— Я не имел в виду.... Тогда все было по-другому.

— Значит, ты осознаешь это? Принимаешь изменения, и уже не повернешь обратно?

— Что-то подсказывает, что назад дороги нет. И я почувствовал разницу, увидел своими

глазами, каким животным был. Нет, не животным — звери и то гуманнее, — шумно выдохнув, он устало потер лицо ладонью, держа вторую руку на своих ногах.

— Уже не важно. Ты знаешь, чего хочешь, а прежде тебе было все равно, правда ведь?

Бен посмотрел на меня долгим взглядом.

— Я хотел бы, что бы у нас стало поменьше разговоров о Лукасе, — усмехнувшись, тихо ответил он. — Сократилось их число до минимума. Моя сущность просыпается, когда я слышу о нем, а если вижу..... И еще хочу, чтобы ты держалась подальше от него.

В нем говорила ревность, и я не могла не радоваться — приятно, что в Бене просыпались чувства ко мне, пусть пока только на животном уровне «мое, не трогать!». Ему хотелось заботиться, но он делал это неумело и отчасти грубо, ведь о нем никто и никогда не заботился. А я радовалась каждому проявлению, как дурочка.

— Хорошо, я постараюсь, — только и смогла вымолвить я. А что еще? Ведь я сама не была уверена, что это возможно. Случай постоянно сталкивал нас с Лукасом, мы встречались по работе, сами того не планируя и не желая. Я бы и рада вычеркнуть его из жизни, но это казалось нереальным.

Бен ощутил мое сомнение и поджал губы. Его рука стиснула одеяло, и если бы оно не разделяло нас, я бы обожглась.

— Его только смерть отведет от тебя, — почти прорычал он, но тут же прикрыл глаза, и разжал пальцы на одеяле. — Я не хотел, прости.

— Я понимаю, — пробормотала я, хотя немного испугалась. В нем говорил бэлморт — ревнивый, и неконтролирующий эмоции бэлморт. — Все в порядке.

Он открыл глаза и осторожно посмотрел на меня исподлобья. В груди разлился холодок, медленно и тягуче, будто тьма оказалась внутри меня и заполняла собой все пространство. Приоткрыв рот, я прерывисто вздохнула, с ужасом осознав, что почти ничего не чувствую, кроме холода. Запахи исчезли, как и звуки — биение сердца Бена, аромат его кожи стали нереальными и почти недостижимыми. Я тянулась к ним всем сознанием, своей сущностью, но тьма не пускала. Прежде я не ощущала ее так отчетливо наяву, только во сне.

Бен нахмурился и подался вперед, склонился надо мной и заглянул в глаза.

— Ты чувствуешь ее внутри себя? — слова я почти выдавила из себя — лед сковал легкие.

— Никогда. Раньше я ощущал холод, но не считал это странным, ведь это было мое нормальное состояние, — с легкой тревогой в голосе ответил он. Когда Бен волновался, он говорил чуть быстрее, а взгляд замирал. Он забывал, как моргать и дышать. Надеюсь, что приступ холода пройдет так же быстро, как все предыдущие, которые можно было сосчитать по пальцам, я решила его отвлечь.

— Когда ничего не чувствуешь — жить легче?

— Нет, — немного подумав, ответил Бен. — Я всегда ощущал себя не на своем месте, мне хотелось вырваться из плена сущности, но Том не позволял. Да и куда мне было идти?!

— Теперь тебе есть, куда идти, — улыбнулась я. — И тебе станет легче и спокойнее.

Бен посуровел и прерывисто вздохнул, как будто едва сдерживал злость.

— Когда я прогоню тьму, преследующую тебя, и убью Тома — только тогда мне станет легче.

Я не успела порадоваться его словам, вернее той частью, в которой говорилось обо мне — тьма заволокла глаза, и свет померк.

Передо мной был весенний сад — цветущий и благоухающий. Со всех сторон

доносились трели птиц и легкий шелест листвы, ласкающий слух. Был слышен скрип деревянных качелей, но где-то позади. Влажная от росы трава щекотала кожу — посмотрев вниз, я обнаружила, что иду босиком, а шлейф белого платья из многослойного кружева тянется за мной. Втянув носом весенний воздух, остановилась и подняла руку, чтобы взглянуть на нее — длинные ажурные рукава спустились складками, обнажив кожу. Тонкие бледные пальцы, ухоженные ногти, сверкающее кольцо на безымянном пальце левой кисти — в одном из предыдущих ведений я видела его у мужчины в черном пальто.

Я долго любовалась сверкающими камнями — потеряла счет минутам. Да и не существовало в том мире понятия времени. Ветви деревьев переливались желтым, голубым и пурпурным, необычайно красиво и странно — я потянулась, чтобы дотронуться, и в воздух поднялся рой разноцветных бабочек. Улыбнувшись, я посмотрела вверх, туда, где они кружили, порхая бархатными крыльями. Но вдруг легкий ветерок коснулся волос, перебросился на ветви деревьев, и у меня перехватило дыхание. Я знала, что это вернулся ОН, но сердце не радовалось, как прежде — оно сжималось от холода.

Все вокруг померкло — деревья, небо, крылья бабочек. Облака неслись так низко, что хотелось пригнуться, потянуло приближающейся грозой. Ароматы цветов горчили, насекомые и птицы притихли и попрятались. Я покрутилась на месте, придерживая подол платья, но не слышала ничего, кроме шороха ткани и травы под ногами. Ветви клонились к земле и расступались перед мужчиной, идущим ко мне. Чем ближе он подходил, тем порывистее и холоднее становился ветер, а в сердце кололо тонкими иглами. И когда он, наконец, вышел на поляну и остановился передо мной в покачивающихся тенях, время застыло.

Голубые глаза, темно-русые волосы, закрывающие уши, и аккуратная бородка — «мужчина в пальто» или, как его называла Линетт — Ровер. Он хмурился, держа руки за спиной. Белая рубашка, расстегнутая до середины груди, и черный легкий повседневный пиджак, сшитый по фигуре, снизу — узкие брюки и кожаные лакированные туфли. Повстречаешь такого на улице и не обратишь внимания, если не заглянешь в глаза. Они были сутью, преобразовывали все, и неприметный молодой мужчина казался невероятно привлекательным и соблазнительным. Он смотрел мне в глаза и суровел, перебегая взглядом, и его лицо вытягивалось. Я же смотрела в его глаза и видела свое отражение. Не Линетт — мое собственное. Холодные черты, пустой взгляд — что-то было не так. Прежде он смотрел на меня только с теплом. Ахнув, я коснулась своего лица ладонью.

— Она дотронулась, — с тревогой сказал Ровер. — Не позволяй ей овладеть тобой.

— Она — это тьма? — спросила я и удивилась во сне тому, что говорю от своего имени.

Ровер едва заметно кивнул. Я смотрела на него, изучала лицо, россыпь веснушек, и не могла оторвать взора. Простые черты, но приятные, мое сердце отзывалось на его теплую, струящуюся волнами, магию. Воздух вокруг него переливался, чуть смешиваясь. Сила скользнула по лицу, словно бережное прикосновение. Я хотела спросить, отчего же тьма подчиняется мне, но Ровер растворился в солнечных лучах. Я протянула руку, чтобы коснуться, а он уже исчез.

Я открыла глаза и заморгала. Бен навис надо мной — теперь он сидел рядом, а не в ногах.

— Неужели я уснула?

— Мне показалось, что ты сознание потеряла, — он вглядывался так, словно что-то искал, что-то определенное. Я испугалась и попыталась высвободиться из пут одеяла, но Бен

сдавил меня рукой в области талии, прижал к кровати.

— Что-то не так? — покорно прекратив попытки вырваться, спросила я.

— Все в порядке, — бесцветно ответил он, и его лицо уже походило на непроницаемую маску. — Скоро ты согреешься и уснешь.

Он поднялся с постели и направился к дивану.

— Тьма коснулась меня, — сказала я ему в спину. Бен замер и посмотрел через плечо. — Наверно, в доме, когда я распутывала убийство Саммер. Он мне сказал.

— Кто — он? — почти шепотом спросил Бен.

— Мужчина в пальто из моих ведений. Он предупредил, чтобы я не позволяла ей овладеть собой. Что это значит, Бен? Я думала, тьма прилипает к людям, обрекает на проклятия, но не проникает внутрь.... Почему так происходит?

— Потому что я нахожусь рядом, — холодно произнес он. — Это все из-за меня.

— Нет, — с жаром прошептала я. — Она подчиняется мне, Бен. Ты ее не видишь — никто не видит, но она всегда рядом и не причиняет мне вреда. Я не могу отделаться от чувства паники, но она слушается меня.

Бен долго смотрел на меня через плечо и молчал. Решив, что я заслуживаю видеть его лицо, повернулся, медленно и осторожно, чтобы снова шагнуть к кровати. Я наблюдала за ним, терпеливо ждала, пока он остановится рядом. Когда Бен смотрел вот так, внизу живота мышцы скручивались в узел, и я непроизвольно краснела. Склонив голову набок, он собирался с мыслями и подбирал нужные слова — я чувствовала его волнение, и по коже строем бегали мурашки. Он знал, как действовал на меня, и сам сейчас смущался — это сбивало с толку. И я поняла, что он ощущал то же самое.

Тяжело вздохнув, Бен склонился надо мной и уперся руками в изголовье кровати. Долго всматривался в глаза, будто собирался сказать что-то крайне важное и откровенное. Я же таяла под его взглядом, как кусок сливочного масла, сгорала изнутри от одной только мысли, что эти руки могли бы делать со мной....

— В доме Калеба она тоже тебя слушалась? — он прищурился. — Может, мне и не дано видеть то, что видишь ты, но что-то внутри меня — точно знает, откуда ждать опасности. Стекающая по стенам тьма, от ее тягучего движения замирает сердце.... — Бен тяжело вздохнул и заговорил громким шепотом: — я детально помню, как в твоём горле застрял вдох, как твоё тело сковывал потусторонний холод. Не знаю, какая хрень отвечает за мой чувственный диапазон, как её выключить, чтобы не испытывать раз за разом тот миг. Как бы мне ни было неприятно, в памяти навсегда застряло то ощущение, с которым твои жилы стыли. Пусть он был скоротечен, и, вероятно, ты сама не успела его испытать, но я помню.

— Ты никогда не говорил об этом, — выдохнула я, глядя в синеву его глаз. И боялась моргнуть, будто он мог исчезнуть.

— Я о многом не говорил.

— Как и о своей матери? — проговорила я и боязливо сглотнула. Бен продолжал изучающее смотреть на меня, но только сейчас я заметила, что он неподвижен и напряжен.

— Ты хочешь именно сейчас это обсудить?

— Совсем недавно ты говорил, что не помнишь своих родителей....

— Так и есть, — спокойно перебил меня Бен и склонил устало голову. Я находилась под пристальным наблюдением, чувствовала, как он смотрит, но не смогла понять его взгляд.

— Но Том....

— Вот именно, — шипящим от раздражения шепотом сказал он. — Том! Не я.

— Ты был настолько маленьким? Как она могла вышвырнуть вас на улицу?! Своих детей....

— У бэлмортвов нет понятия «маленький», — невесело усмехнулся Бен. — Как и родственных связей нет. Раз она нас выгнала, значит, на то были причины. Лично я считаю, что мы не были идеальными сыновьями.

— Ты оправдываешь ее?

— Нет, — выдохнул он. — Но и обвинять в бездушии не стану. Потому что ничего не помню. Том был моей семьей и наставником. Он меня обучил всему, что знал сам, а то, что я, сколько себя помню, противился, мешало ему. Его бесило это.

— Он бил тебя?

— В смысле наказывал? — переспросил Бен и улыбнулся, отведя взгляд. — Нет. Но мы дрались довольно часто. А когда повзрослели, стали меряться магической силой.

— И кто побеждал?

— Том, — Бен снова посмотрел на меня глубоким взглядом, застывшим на моих глазах. — Он заставлял меня прогибаться и подчиняться, опираясь на то, что я другой.

— Ты всегда был другим, — прошептала я. — Да, Бен?

— Не таким, каким должен быть бэлморт в его понимании, да. Мне хотелось спокойной жизни вдали от смертей и вечной гонки за «целью». Хотелось быть, как все нормальные люди, а не хладнокровным убийцей за деньги. Получив конверт с заказом, я начинал задумываться, за что «цель» заслужила смерть, и каждый раз находил неутешительный ответ — ни за что. Мне это не нравилось.

— А если бы «цель» совершила что-то жестокое или просто плохое, тебе было бы легче?

— Пожалуй, — согласился осторожно Бен.

— Но ты все равно убивал? — мой голос дрожал от волнения, хотелось отвести глаза, но я продолжала смотреть на Бена. В душе я не хотела знать ответ на свой вопрос, вернее, я знала его наверняка, но хотелось бы, чтобы Бен соврал или реальность оказалась лучше, чем я думала. Но разве такое может быть?

— Зачем тебе это, Эшли? — тихо спросил он. Бен облизал губы, чуть склонил голову, и его лицо приблизилось к моему. Внутри меня все замерло, и вдруг стало тяжело дышать. Я почти подалась ему навстречу, но голова так сильно кружилась, что не получилось оторвать ее от подушки. Бен действовал на меня, как наркотик, который я, еще не попробовав, страстно желала. — Не думаю, что тебе будет легче, узнай ты всю правду обо мне.

— Да, ты прав, — согласилась я и непроизвольно улыбнулась. — Достаточно того, что я уже о тебе знаю. А то, что было раньше, не имеет теперь значения.

— Для тебя — может быть, — резко произнес он. — Но никакое «искупление» не сможет стереть то, что я успел сделать за свою жизнь бэлморта. Такое не прощается. Магия не вернет умерших.

— Самое главное, чтобы ты сам себя простил.

— Этого не будет. Благодаря тебе, — он проговорил последние слова с желчью, и я на миг растерялась. Не то, чтобы Бен обвинял меня — он хотел стать лучше, хотел искупления грехов, но это было нелегкой задачей. Если раньше он не мог чувствовать, но понимал, какое зло совершает, то теперь его чувство справедливости обострилось, и все деяния привстали в еще более неприглядном виде. Я бы могла помочь ему исправиться, но забыть и простить себя — никогда. Ему предстояло жить с этим, а мне необходимо облегчить или хотя бы

сгладить его мучения.

Захотелось коснуться его лица — Бен так пристально смотрел на меня, будто слышал каждую мысль. И стоило подумать об этом, как он тихо усмехнулся.

— Неужели настолько отчетливо? — разочарованно прошептала я.

— Каждая мысль, — пожав плечами, улыбнулся он и прищурил один глаз. — Ну, почти. Я обиженно надула губы.

— Это не всегда вызывает приятные чувства.

— Я ничего не могу с этим поделать. Ты громко думаешь, Эшли. И даже когда я не слышу твоих мыслей, то читаю по выражению лица то, что ты не произносишь вслух.

— Это так странно, — я выдохнула ему в лицо — Бен слишком низко наклонился. И больше некуда было смотреть, только рассматривать его, лишь бы не утонуть в синей бездне глаз. Слышался стук сердца, глухой, но учащенный, он отзывался на мой пульс. Я чувствовала его горячий трепет на языке, ощущала вибрацию кожей, и мое тело отзывалось на него. Теплая дрожь прокатилась волной, заставив чуть прогнуться навстречу жару Бена и вновь опуститься на кровать. Между нами витала магия, и именно она заставляла сблизиться и тянуться друг к другу. И когда мы оба протрезвели и осознали это — одновременно издали беззвучный вздох.

— Не стану спорить, — улыбнулся Бен и отстранился. Настолько резко, что в глазах все расплылось. Его руки по-прежнему опирались на кровать, но я больше не слышала его сердце — волшебство развеялось, и больше не трепетал горячий леденец пульса на моем языке.

— Что тебя останавливает? — слетело с языка, но я была рада, что наконец-то сказала это вслух. Бен чуть заметно нахмурился.

— Ты о чем?

— Не притворяйся, будто не понимаешь. Тебя тянет ко мне, но каждый раз, едва приблизившись, ты даешь задний ход. Почему, Бен? Что тебе мешает поддаться своим чувствам?

— Поддаться чувствам — это не про меня, — холодно усмехнувшись, сказал он.

— Не лги, что тебе не хочется коснуться меня, Бен, — я попыталась выпутаться, но туго стянутое одеяло не позволяло даже пальцем пошевелить. Но я не оставляла попыток — как гусеница, извивалась на кровати. Бен спокойно наблюдал за мной с ничего не выражающим видом.

— Давай лучше поговорим о моей матери, — раздраженно предложил он.

— Чего ты боишься? — громким шепотом спросила я. — Вряд ли ты так церемонился с другими женщинами!

Взгляд Бена дрогнул. Он хотел отвести его, но собственное упрямство не позволило. Показалось даже, что мои слова обожгли его — я наступила на очередную старую мозоль. И, поняв это, прикусила язык. Бен же смотрел на меня с пустым видом, хотя я чувствовала, как напряженно он сейчас думал.

— Прости, — пробормотала я.

— За что? — Бен изобразил удивление и слегка вздернул брови.

— За то, что напомнила тебе о том, что ты стараешься забыть. За то, что тебе неприятны мои слова.

— Тебе показалось, — после паузы бесцветно произнес Бен, почти шепотом. Его взгляд застыл на моих глазах, лицо разгладилось, с него ушли все краски и эмоции.

— Ты что-то скрываешь, — выдохнула я.

— Мой голос меня не выдал, — отозвался он.

— Нет, но когда твой голос вот так пуст, ты что-то пытаешься утаить.

Мы долго смотрели друг другу в глаза, не произнося ни слова. Он нависал надо мной, я кожей чувствовала тепло его тела, слышала аромат кожи и медленно сходила с ума. Как же жестоко с его стороны было закутать меня в два одеяла и подойти так близко!

Вдруг он усмехнулся, и устало покачал головой. В глазах еще угадывался озорной огонек, но я знала, что разговор окончен, и Бен не прикоснется ко мне. Так и произошло — он выпрямился и смерил меня двусмысленным взглядом. Я снова залилась краской.

— Спокойной ночи, Эшли.

— Я уже не усну.

— Я тоже, — пустым голосом ответил Бен и неспешно направился к дивану, ни разу не обернувшись, а я не нашла, что сказать.

За окном медленно таяла ночная мгла. Рассвет будто холодной рукой останавливал ветер. Небо посерело, зависнув между светом и тьмой — неуловимая грань. День распускался от первых лучей солнца, заполняющих горизонт. Теплые, золотые, пробуждающие душу, лучи. Они заглядывали в окно, оживляя цвета и запахи. Будто кто-то вдохнул жизнь в музыкальную шкатулку, завел ее, и полилась музыка. Щебетание птиц, шелест сухой листвы и скрип ветвей — все вокруг воскресало ото сна.

Бен занял ванную комнату, я успела выпутаться из импровизированных пут, служивших мне обогревом, и поплелась через гостиную в ванную комнату Мишель. Стрелки на часах отмерили семь, но солнце не успело проникнуть в дом, и комнаты все еще были погружены в полумрак. Отмахнувшись от приставучей дремы, я потерла глаза и вошла в темное помещение уборной — Мишель закрывала дверь в свою спальню, и я никому не помешаю.

Включив свет, я на какое-то время ослепла. Закрыв глаза ладонью, на ощупь нашла ручку смесителя и включила воду. Мягкий успокаивающий звук. Щурясь, я склонилась над раковиной, чтобы умыться, краем глаза заметив грязь на зеркале. Я выпрямилась и промокнула лицо махровым полотенцем цвета сочной травы, но увиденное напрочь выбило из меня дух. Зеркало покрывала тонкая паутина трещин, разделяла его на сотни мелких кусочков, в каждом из которых я видела свое отражение.

— Бен, Джош! — мысленно завопила я.

Сознанием я ощутила, как пробудился Джош в гостевой спальне, из ванной вышел Бен. Протянув дрожащую руку, я легко и очень осторожно коснулась зеркала кончиками пальцев. Кожей ощущались изломы и трещины, острые, как бритвы. Края чуть слышно трещали и скрипели, с легким оттенком звона, будто вот-вот зеркало расколется. Отдернув руку, из страха порезаться или, хуже того, осколки осыплются в раковину от моего неосторожного движения и перебудят сестер, я выдохнула. Я уже видела аналогичную картину в доме пропавшей молодой ведьмы, и не могла поверить, что история повторилась с моей сестрой. Но, в то же время, понимала, что это не могло быть совпадением.

Прикрыв рот ладонью, я припала спиной к холодному кафелю стены. Слезы заволокли глаза, зеркало расплылось и превратилось в мутное черно-белое пятно, как и лица двух мужчин в дверях.

— Скажите, что вы тоже видите это. Пожалуйста, — осипшим голосом попросила я.

— О чем ты, Эш? — сонно пробурчал Джош.

— Зеркало все в трещинах. Скажите, что вы видите. Пусть это она его разбила, так мне будет легче.

Меня трясло, я охватила себя руками, будто это могло помочь согреться и справиться с ужасом. Джош шагнул в уборную и приблизился к зеркалу, провел по нему ладонью, и пока он не закончил изучение, я наблюдала его обнаженную мускулистую спину. Он был в одних лишь домашних серых брюках, оставшихся дома с тех времен, когда он еще часто оставался ночевать у Мишель.

Бен смотрел на меня из дверей, но когда я потерла глаза и смахнула слезы, он отвел взгляд — пустой, лишенный эмоций. Я знала, что это значит — я видела то, что видела.

— Ничего не вижу, — пробормотал Джош, выпрямляясь.

— И не увидишь, — сухо бросил Бен.

Мужчины переглянулись.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Что ты хочешь этим сказать? — в голосе Джоша прозвучало раздражение. Бен скрестил руки на груди и припал плечом к двери.

— То, что зеркало действительно в трещинах, но только Эшли их видит. Твоя бывшая ввязалась в мерзкую историю, ты же понимаешь?

— Ввязалась? — горячо переспросил Джош и шагнул на Бена, но тот не сдвинулся с места, не дрогнул ни одним мускулом, только выше поднял голову.

— Успокойся, Джош, — прошептала я и взяла его за руку. — Похоже, Бен прав. То же самое я видела в домах Адрианы и Валери.

— Мишель не учится в Университете и не появляется там по работе, — он начинал злиться, и с шепота переходил на тихий гневный голос. Я шикнула на него, попыталась повернуть к себе лицом, но Джош одернул руку, отмахиваясь от меня, как от назойливой мухи. Я снова брала его за локоть и тянула на себя, но он только сильнее раздражался. — Каким, по-вашему, образом она могла войти в ряды зеленых ведьм, пропавших без вести?!

— Одна из них умерла, — тактично отметил Бен, на что Джош зарычал сквозь стиснутые зубы. Бен небрежно пожал плечами, выдав ему свою коронную холодную усмешку.

— Бен, прекрати, — прошипела я.

— Она обмолвилась, что ходит на субботние вечеринки, — устало выдохнул Бен и рывком отлип от двери. — Это никак не связано с Университетом, как считаешь?

— Прекратите! — громко потребовала я, мужчины синхронно повернули головы и уставились на меня, будто только что заметили. — Утром я попробую поговорить с ней.

— Если она во что-то темное ввязалась, то вряд ли захочет болтать об этом. Даже тебе, Эшли.

— Она ни во что не ввязывалась! — смерив Бена свирепым взглядом, процедил Джош.

— Угу, — буркнул тот, лениво разворачиваясь, чтобы покинуть уборную. — Это ты зеркалу расскажи и Адриане Хиггинз.

— Ты намекаешь на то, что Мишель тоже ждет смерть? — Джош схватил Бена за предплечье и развернул к себе лицом. Мелькнуло перекошенное от злости лицо Шермана, по помещению порывом ветра прокатился жар, но он быстро взял себя в руки и изобразил равнодушную холодность.

— Я ни на что не намекаю, — примирительно сказал он и поднял ладони вверх. — Делай, как считаешь нужным, Джош. Если, по-твоему, Мишель не угрожает опасности, и зеркало всего-навсего треснуло от старости или чьей-то небритой рожи — так тому и быть! Только трогать меня не надо.

Джош убрал руку после напряженной паузы, в ходе которой они с Беном мерялись тяжестью пристальных взглядов.

— Надеюсь, не слишком наивно прозвучит, если я спрошу — как быть дальше, и что нужно делать? — Джош заметно остыл и прошелся по тесной уборной, задевая плечами полки и стены.

— Мы пытаемся это выяснить уже несколько дней, — бросил Бен. — А ты чем занимался?

— Я впал в ступор, — признался Джош и почесал смущенно затылок. — Не каждый

день твоя девушка оказывается жертвой преступления, расследование которого зашло в тупик.

— Бывшая девушка, — напомнил Бен и выдал холодную ухмылочку.

— А тебе доставляет удовольствие напоминать мне об этом, — процедил Джош. — Но это не меняет сути — мы должны выяснить, как остановить процесс и обернуть его вспять.

— Мы ничего не выяснили, — испуганно прошептала я и прикрыла рот ладонью.

Мужчины обернулись на меня.

— Значит, будем действовать в два раза быстрее, — сказал Бен и пожал плечами. — Мысль о том, что ждет Мишель, будет нас подталкивать вперед.

— Это не смешно, — проговорил Джош, помотав медленно головой, и смерил Бена стальным взглядом.

— А я разве смеялся? Самое главное — начать действовать.

— Нужно присмотреться к Мишель, — облизав пересохшие губы, прошептала я и убрала ладонь от лица. — Понаблюдать за ней.

— Она всегда была у нас перед глазами, — прошипел Джош и со злостью потер лоб кулаком. — А мы ничего не заметили. Это все твой братец! — сказал он и ткнул Бена в грудь. Он не сдвинулся с места, будто сила удара была ничтожной. Я бы на его месте вылетела из дверей в комнату и шлепнулась на задницу.

— Ну, конечно! — процедил Бен. — Меня приплети еще. Ведь это я вел себя, как баран, и Мишель меня бросила!

— Нет, но твой брат....

— Что — мой брат? — Бен шагнул на Джоша грудью, расплетая руки. Мужчины оказались лицом к лицу, почти вплотную, и в тесном помещении накалился воздух. Лампа над моей головой замигала, и волоски на коже поднялись, как наэлектризованные. Ойкнув, я пихнула Джоша в плечо.

— Джош, — протянула я, но осталась незамеченной. У него под кожей бурлила магия, я ощутила ее, коснувшись обнаженного плеча. Отдернув руку, я обратилась к Бену: — Бен?!

Мужчины игнорировали меня, продолжали мериться силой. В памяти всплыли слова Бена о том, как они с братом выясняли отношения. Тома рядом нет, но привычка осталась. А Джош тоже хорош!

— То, что он с ней сделал, — звенящим шепотом сказал Джош, глядя в глаза Бену, — заставило ее пуститься во все тяжкие.

— Мишель — взрослая девочка, — отрезал Бен. Его ледяные глаза смотрели на мужчину напротив снизу вверх, но сейчас он казался выше и сильнее Джоша. Потому что ничего не чувствовал, вернее, не показывал, что чувствует. — У нее есть голова на плечах, — к словам он добавил небрежный жест — приложил палец к виску. — И она сама решает, как с ней поступить.

— Он причинил ей боль!

— А ты, наверно, доставил счастье? — хмыкнул Бен. — Ты разбил ей сердце, а Том довершил дело.

— Каким же образом я разбил ей сердце?

— Не оправдал надежд.

— Она хотела больше, чем я мог ей дать, — взорвался Джош и ударил кулаком в стену. Зеркало задрожало, я втянула воздух ноздрями, но оно не разбилось.

— А когда потерял? — вздернув бровью, спросил Бен. — Все изменилось, верно?

Теперь ты готов дать то, что она хочет.

— С каких пор ты стал психологом по семейным проблемам? Не припомню, чтобы ты отличался пониманием и сердечностью!

— Джош, — предупредительно протянула я.

Бен изумленно хмыкнул.

— Я не претендую на место советчика по романтической хрени, — тихо проговорил он и задумчиво нахмурился, глядя на разъяренного Джоша. — Но со стороны вижу, как вы мучаетесь. Вы оба виноваты, на самом деле. Не смогли уберечь то, что было между вами, принимали, как данность, и что в итоге? Страдаете, не зная, что делать дальше. Неумело распорядились даром, а столкнувшись со сложностями и обязательствами, решили все бросить к чертям собачьим и разойтись. Так же проще.

— Откуда тебе знать? — все еще злясь, но испытывая удивление, пробормотал Джош. Его лицо смягчилось, взгляд неожиданно прояснился. — Ты никогда не любил, и только недавно обзавелся чувствами.

— У меня хороший учитель, — прошептал он. — Я только хотел сказать, что Мишель переживает не лучший момент своей жизни и пытается заполнить пустоту в душе вечеринками, алкоголем и другими мужчинами. Она клюнула на Тома только потому, что ты не сумел удержать ее внимание, Джош.

Джош долго всматривался в лицо Бена с огорошенным видом. Я стояла между мужчинами, купалась в пульсирующих волнах магии, опасаясь, что лампа над головой взорвется и осыплет осколками. Но сила стихала по мере того, как успокаивался Джош. Бен отвечал на импульсы его энергии, а когда они исчезли, и его магия улеглась. Глубоко и облегчено вздохнув, я припала к стене и закрыла лицо руками.

— Ты сегодня удивил меня, — признался Джош и отстранился. Посмотрев на меня с усталым видом, он тяжело вздохнул. — Но я не скажу тебе «спасибо», Бен.

Бен усмехнулся — каждый в помещении ощутил облегчение, хоть и ненадолго.

— Благодарю Эшли, ведь это ее мысли я произнес вслух.

— Ты сейчас все испортишь, — протянула я, но Бена было не остановить.

— По мне, так это ваша жизнь — делайте, что хотите. Но Эш решила, что для твоего восприятия будет лучше услышать все это от представителя мужского пола.

— Ну, вот....- вздохнула я и покачала головой.

Джош тихо рассмеялся, запрокинув голову, и вдруг на мое плечо опустилась его рука. Я вздрогнула и прогнулась под ее весом.

— Спасибо, мелкая.

Проснуться с хорошей мыслью — гарантия бодрого и удачного начала дня. Почти наверняка. Но мое пробуждение было похоже на подъем с темной глубины, такое же тяжелое и изнуряющее. Лоб покрылся испариной, футболка прилипла к спине из-за холодного пота. Я снова была смертельно больна, и с каждым днем становилось только хуже.

Спустив ноги с кровати, я осмотрелась, уже зная, что нахожусь в комнате одна. Бен и Джош сидели на кухне, чтобы это почувствовать, нужно было всего лишь подумать о них. Потянувшись, я отправилась в ванную комнату.

Еще неделю назад я стояла у окна и наблюдала за соседями, удивлялась их жизнерадостности и беззаботности, когда как сама чувствовала себя истощенной. На какое-то время мне удалось забыть то состояние, но после ночного кошмара болезнь вернулась. Я умирала. Медленно. Маленькими кусочками. Последние крупы моей сущности поглощала тьма, и можно было только гадать, сколько мне осталось.

На мне было нежно-розовое узкое трикотажное платье с длинными рукавами. Я медленно спускалась по лестнице на высоких каблуках — бежевые кожаные туфли, отделанные стразами. Распущенные волосы, неброский макияж, румяна для свежего вида — когда Бен и Джош слышали мои шаги и обернулись, у обоих вытянулись физиономии. А я только выдавила из себя вымученную улыбку.

Бен встал из-за стола, Джош на него коротко глянул. Я не люблю, когда мне подадут руку, чувствую себя немощной старой дамой. Бен и не собирался, потому что знал о моих причудах. Он налил мне чашку кофе и выдвинул из-под стола стул, и я наградила его выразительным взглядом. Он удивился — слегка приподнял брови и сел рядом. Смущаться, но подавать это с соусом из насмешки и изумления — в его стиле. Усмехнувшись, он поставил передо мной чашку с коф и откинулся на спинку стул. Я невзначай посмотрела на Джоша, и его улыбочку я не оставила без внимания. Он наблюдал за Беном, за каждым его движением и жестом, и по мере смятения Шермана, Джош становился все счастливее. Я бы сказала, что ничего смешного здесь не нахожу, но у него свои мысли были на этот счет. Развалившись на стуле, он по-мужски закинул ногу на ногу и, пожевывая зубочистку, демонстрировал всем своим видом наслаждение. Случайно заметил мой взгляд и нахмурился, сложил губы бантиком, что потребовало немало усилий. Улыбка выезжала за границы лица.

— Я все вижу, — одними губами произнесла я. Джош возвел глаза к потолку.

Когда Бен потянулся за своим кофе, то выглядел задумчивым, мрачным. Припав губами к чашке, он сделал вид, что не замечает гримасничества Джоша. И только я собралась высказаться по этому поводу, как с лестницы сбежала Мишель.

— Всем доброе утро, — на ходу сказала она. Остановившись перед вешалкой, сестра накинула плащ и схватила сумочку.

— Ты в магазин? — спросила я, выглянув из-за Бена, методично помешивающего пенку в кофе чайной ложечкой.

— Конечно, — неуверенно пролепетала сестра и вскользь посмотрела на меня. Безупречный золотисто-коричневый макияж, сверкающий блеск на губах, кожа цвета

спелого персика — я слегка смутилась, подивившись ее красотой, не придав особого значения интонации. Выпрямившись, долго смотрела перед собой, пытаюсь понять, что сейчас произошло и почему показалось подозрительным.

Лицо Мишель выглядело посвежевшим и сияло благодаря косметике. Странно, почему я заметила только сейчас? Она словно расцвела. Но при этом, ее взгляд казался отстраненным, далеким, будто мысленно она была за много миль отсюда. Зачастую такой взгляд является пустым, ничего не значащим, и за ним никого нет. Насколько глубоко Мишель увязла? И как мы могли позволить ей оступиться? А теперь оставалось изображать спокойствие, не подавать виду, что в чем-то ее подозреваем, и бездействовать, ведь неизвестно, кто смотрел на нас ее глазами.

Я боялась столкнуться взглядом с Мишель, не могла смотреть в упор, но когда это все-таки произошло, то поняла сразу две вещи: она не чувствовала моей тревоги, совсем не слышала эмоций, и все потому, что она меня не видела. Мишель смотрела на меня, но мимо, и от этого чужого взгляда по спине побежал холодок.

— Ты хорошо себя чувствуешь, Мишель? — не удержалась я и спросила настолько бесцветным голосом, насколько могла. Потому что все еще боялась по неосторожности выдать всю ту бурю чувств, что разрывали сейчас меня изнутри.

— Отлично, — ответила она и просияла всем своим видом. На миг показалось, что ее внимание сфокусировалось на мне, и мелькнула мысль: как давно я видела ее такой светящейся, яркой, довольной? Но я затоптала ее — через мутную поволоку на мгновение выглянула настоящая Мишель. И она не показалась мне счастливой. В теле моей сестры нашла пристанище какая-то тварь или подчинила ее разум себе. Ни тот, ни другой вариант меня не устраивал.

Пытаясь уловить все подробности и рассмотреть в деталях, я скользнула взглядом вниз, к подолу ее платья. Ничего необычного — стройные ноги, закрытые синим атласным платьем до колен, велюровые туфли на высоких каблуках. Талию стянул черный эластичный пояс, вырез-лодочка подчеркивал красивую шею, и выглядывали точеные плечи. Руки до середины кисти закрывали длинные широкие рукава. Я невольно подняла глаза и посмотрела на Мишель, и что-то было на моем лице, заставившее ее вздрогнуть и шагнуть назад. Склонив вопросительно голову, я выдавила из себя улыбку.

— Я не видела прежде это платье. Оно новое?

— Да, — чуть слышно отозвалась сестра и спрятала руки за спиной. В помещении повисла напряженная тишина, мальчики вели себя так, словно их здесь и не было. Только я и Мишель, лицом к лицу. Медленно поднявшись из-за стола, я оправила платье. Стараясь вести себя естественно, неторопливо прошлась по кухне и остановилась перед столом с кофейником.

— Тебе идет синий цвет, Мишель, — мягко проговорила я и легкомысленно подмигнула ей через плечо. Сестра расслабилась — ее губы изогнулись в улыбке. Оправив подол, отчасти из-за волнения, но как-то небрежно, она шагнула в мою сторону. Ее поведение настораживало — если Мишель нечего было скрывать, и она не осознавала, что с ней происходит, то к чему эти осторожные взгляды, неловкие жесты и попытки скрыть от меня что-то, о чем я до сих пор не догадалась? Она хотела спрятать руки под одеждой, но я обратила внимание — и как не обратить, если сестра терпеть не могла, когда ей мешают чрезмерно длинные рукава?! Мишель предпочитала рукава три четверти или вовсе платья без них. На ум невольно пришла мысль: сестра знала, что с ней. Она по своей воле связалась

с темной мутию, пожирающей ее изнутри. Вот только зачем?

Я вздохнула, слишком громко, потому что Бен и Джош подняли на меня глаза. Мишель же не заметила, продолжала улыбаться. Я не могла не отметить, как ей идет сияющий цвет лица и блеск в глазах, хоть он и был искусственным. И пока смотрела на нее, искала нечто необычное, любую мелочь, показавшуюся неправильной, лишней, чужой. Как черная паутина трещин на зеркале. Но только кукольное лицо и фальшивая улыбка, и чем дольше я смотрела, тем ближе к горлу подбирался холодок, поднимающийся из недр моей души. Унять дрожь в руках не вышло, и я скрестила их на груди. Повернувшись лицом к Мишель, я улыбнулась как можно приветливее.

— Вижу, твои душевные раны заживают, — отметила я. Прежняя Мишель бы выдала мне утрюмую физиономию и фыркнула, но эта, идеальная Мишель, пожала плечами и улыбнулась еще шире. Я смотрела в ее глаза и не видела ничего. Ничего хорошего. Пустота.

— Я впервые за долгое время чувствую себя просто прекрасно, — призналась сестра.

Еще бы! В таком-то теле! Но вслух я сказала другое:

— А как дела в магазине? Помощь не нужна? Я ведь совсем не помогаю тебе, — изобразить сожаление было не так уж и сложно, тем более, что Мишель не чувствовала фальши. Или тот, кто прятался за ее глазами — принимал все мои слова за чистую монету.

— Нет, что ты! Все отлично, я справляюсь.

— Ты нашла нового поставщика?

Мишель даже не моргнула.

— Еще нет, — рассеянно проговорила она. — Пока нет острой необходимости.

Расплывчатые ответы сестры вызывали во мне тревогу, хотелось спросить в лоб о ее сердечных терзаниях и о том, почему она игнорирует Бена. Его присутствие осталось для нее незамеченным, или ей теперь совершенно плевать на то, что она живет под одной крышей с бэлмортом? Это не похоже на мою Мишель.

— Может, все-таки я помогу тебе, Мишель? Ты слишком много времени проводишь в магазине — нельзя столько работать. Надо и о себе подумать. Сходить куда-нибудь, развеяться.

Сестра смутилась — на лбу пролегли тонкие морщинки, но в целом она держалась твердо. Или апатично и деревянно. Тот, кто прятался за ее глазами, не умел притворяться и чувствовать. Вот дела....

— Мне это не нужно, — отозвалась сестра.

— Как же так? — удивилась я и шагнула к столу, где с краю сидел Джош. Неподвижное лицо, озадаченный взгляд и раздувающиеся ноздри. Он держал в руке чашку и таращился на ее содержимое с чрезмерно серьезным видом. Бен смотрел на меня через стол. Он беззвучно барабанил пальцами по кружке, закинув ногу на ногу. Мы переглянулись, и он нахмурился. Я замерла, глядя ему в глаза, всматриваясь в холодную синюю даль, и вдруг звуки унеслись прочь.

Мишель шагнула к вешалке, остановилась перед окном. Солнце отсвечивало, и уличный пейзаж не было видно из-за ярких золотых лучей. Однако отражение Мишель хорошо угадывалось. Я покосилась в сторону сестры, на ее тень в окне. Показалось, я слышу треск стекла — мерзкий звук, от которого сводит зубы, и вдруг окно покрылось паутиной тонких трещин. Они бежали снизу вверх, быстро и с характерным хрустом, и вскоре на окне расцвел цветок из прозрачной сетки разломов и осколков. Я смотрела мимо Мишель, а она, как ни в чем не бывало, вертелась передо мной в своем новом синем платье из атласа.

Легкий звон, от которого каждый волосок на теле встал дыбом, и хруст оглушали, уже закладывало уши, и я боролась с порывом заткнуть их и зажмуриться. Я ничего не слышала, будто оказалась в центре землетрясения, и с ужасом ждала, что в любое мгновение все окна в доме взорвутся и брызгами накроют меня. Дыхание сбивалось, я задыхалась, стоя посреди кухни, но продолжала смотреть на счастливую сестру. И если бы она не отошла от окна, наверно, потеряла бы сознание.

Внезапно все прекратилось — стало тихо, даже слишком. Пошатнувшись от неожиданности, я наткнулась на стул, на котором сидел Джош, и оперлась на спинку рукой. Он слегка запрокинул голову, чтобы убедиться, что со мной все в порядке. Я ощутила его внимательный взгляд, но сама не посмотрела на него — не хотела упускать из виду Мишель. Моргнув, бросила быстрый взгляд на окно и не увидела трещин. Чертово наваждение.

— В субботу бал в Университете, — голос Мишель огорошил меня в звенящей напряженной тишине. В воздухе витала магия, он становился гуще и мерцал, словно кто-то просыпал звездную пыль и подбросил ее — сила исходила от Джоша. Глядя перед собой в окно напротив, он держался за чашку, стоящую на столе. Ветерок развивал белоснежные гардины, кухня утопала в золотых лучах, а он был угрюм и неподвижен. Я понимала его чувства, они отзывались где-то внутри неприятной дрожью. Ему не надо было смотреть мне в глаза, чтобы понять — все очень и очень хреново. Мы почти опоздали, возможно. И Джош перебирал в голове слова, которые хотел ей сейчас сказать. Я слышала их, чувствовала, как тяжело ему себя сдерживать, хотя внешне он был похож на камень. Он бы обнял ее, встряхнул за плечи и прижал к себе, поцеловал в макушку, и снова было бы все хорошо. Но не сейчас. И вот уже злость застила глаза, в груди разгорался огонь и только одно желание — найти тварь, укравшую душу Мишель. Я ощущала Джоша, могла мыслить, как он, но он намеренно избегал прямого взгляда, чтобы не выдать самое сокровенное. Боль, чувство вины, страх, а под ними жгучая ненависть к Тому. Он перебирал в памяти слова Бена о разбитом сердце Мишель и том, что Том завершил начатое Джошем. Они виноваты в равной степени, причинили ей боль и толкнули в пропасть, из которой пока не было выхода. Мишель уже по уши вляпалась, а мы так и не выяснили, что с ней происходит. И Джош ненавидел себя за это.

— Ты пойдешь? — тихим голосом спросила я, и это стоило мне немалых усилий. Я чувствовала на себе взгляд Бена и невольно посмотрела на него. Он знал, как болит мое сердце за Джоша, как страшно за Мишель, и делился своим спокойствием, холодным и размеренным. Стало чуть легче дышать и трезво мыслить. Мы не должны поддаваться эмоциям, не сейчас.

— Думаю, да, — неуверенно сказала Мишель. Мне захотелось взглянуть на нее, я повернула голову, но вдруг наткнулась на ее пустой взгляд. Мороз пробежал по коже, я невольно передернула плечами и отвернулась. И снова посмотрела на Бена — он успокаивал меня, дарил легкость и отчужденность.

— Ты бывала там прежде?

Мишель шагнула к двери, подхватив подмышку сумочку и взялась за дверную ручку. Она загадочно улыбнулась:

— Пару раз, с друзьями. Ну, все, мне пора!

Дверь захлопнулась, и я вздрогнула. С минуту мы не двигались, и, кажется, даже не дышали. Только размышляли, и от объединенного напряжения воздух дрожал и перемешивался.

— Это не слишком было похоже на допрос? Почему-то мне кажется, что мы с ней разговаривали на разных языках, — задумчиво проговорила я. — Сердцем чую, что Мишель давно не была в магазине.

— Мы должны проследить за ней, — голосом, лишенным эмоций, сказал Джош и медленно поднес чашку к губам. Отпив, он поморщился. — Когда Мишель начала краситься? — он посмотрел на меня слишком серьезно для ситуации. Я изумленно вздернула брови.

— Вроде бы совсем недавно. Я не обращала внимания.

— Что ты почувствовала? — спросил Бен, и я повернула голову, поймала его беспристрастный взгляд. Он привык демонстрировать равнодушие, даже когда изнутри его терзали сомнения. Снаружи Бен всегда оставался холоден, по привычке и чтобы не пробудить во мне еще большую тревогу. И мне, и ему так было удобнее. Пускай это ложь, но она помогала держать эмоции под контролем.

Глядя в студеную синюю бездну его глаз, я пыталась сосредоточиться. И если долго в них смотреть, то можно добраться до глубин, где прятались истинные чувства. И сейчас я увидела их, взгляд Бена дрогнул, и я моргнула — как же приятно осознавать, что он научился переживать и думать о других! Ему действительно была не безразлична судьба Мишель.

— То, что передо мной стояла только оболочка, — не веря собственным словам, тихо сказала я. — За ее глазами никого не было. Мишель там не было, или она пряталась где-то очень глубоко. Эта дрянь заточила ее в темнице собственной сущности.

— На что это похоже? — звенящим от холода голосом спросил Бен. Джош поднял голову, чтобы посмотреть на него исподлобья. Если не смотреть на Бена, может показаться, что над ним снова властвовала тьма.

— Мне не с чем сравнить. Она была похожа на куклу — безупречная, слишком красивая, чтобы быть настоящей. И от ее отражения трескаются стекла.

— И ты совсем ничего не почувствовала? — многозначительно поинтересовался Бен и прищурился.

— Если ты о магии, то совсем ничего. Ее будто опустошили — Мишель не ощущала моих эмоций. В ней не осталось ни капли ее силы, — сглотнув, я отвела взгляд. — Больше я ничего не уловила.

Бен толкнул пальцами чашку, и она скользнула к центру стола. Нахмурившись, он сложил руки на ноге, закинутой на другую ногу.

— А то, что она не заметила присутствия Джоша — никого не смутило? Я здесь живу сравнительно недавно, но успел кое-что понять.

— Что же? — поинтересовалась я и подалась вперед, опершись на руки. Бен иронично повел бровью, покосившись на меня.

— Твоя сестра всегда вела себя несколько странно, но сегодня она перешла все границы.

— И что натолкнуло тебя на столь смелый вывод? — пробурчал недовольно Джош и пододвинулся к столу, чтобы поставить чашку на стол. — Что в твоём понимании «странно»?

Бен бросил на него лишенный эмоций взгляд.

— Ты и сам прекрасно знаешь. Прежде ее выводила из себя сама мысль о моем присутствии в доме, — он хмыкнул, посмотрев на меня поверх стола. — О чем это говорит? Правильно: перед нами была не Мишель.

— Мишель смирилась, — сухо бросил Джош и упрямо уставился в окно. — В конце концов, это дом Эшли и она в праве приводить сюда кого угодно. Это еще не дает повода считать, что от Мишель ничего не осталось, кроме телесной оболочки.

— Она смотрела мимо Эшли, будто не видела ее. А что говорить о нас.... Ни я, ни ты, Джош, сейчас для нее не существовали.

Джош повернул медленно голову и смерил Бена стальным взглядом.

— Почему ты вообще для нее должен существовать?

Бен закатил глаза и откинулся на спинку стула, но сделал это плавно и грациозно.

— Только не говори, что ты ревнуешь, Джош, — поморщившись, поддел его Бен. — Не вешай на меня свое эмоциональное дерьмо. Я не желаю зла Мишель. Напротив, пытаюсь помочь, но если ты продолжишь в том же духе — останусь в стороне. Ты становишься невыносимым, когда речь заходит о твоей бывшей.

— Неужели? — Джош хмыкнул и скрестил руки на груди. — Серьезно!? Не думал, что это в глаза бросается.

— Я многое замечаю. Я вообще очень наблюдателен, — ледяным тоном отозвался Бен. — А ты отрицаешь очевидное. Засунь свое упрямство куда-нибудь поглубже и прими действительность. Какая бы она ни была хреновая — Мишель в опасности, и счет пошел на дни.

— Я без тебя знаю, что она в опасности, — прорычал Джош и швырнул чашку через весь стол. В кухне повисла тишина — три пары глаз следили за движением фарфора и замерли в ожидании, когда она оказалась у края стола. Чашка уже накренилась, но я щелчком пальцев вернула ее на место. Джош безразлично уставился на предмет, оказавшийся вновь в его руке. И заговорил он тихо и с горечью: — но у меня нет предположений, как ей помочь. А у тебя, похоже, есть.

Он поднял голову и смерил Бена неподвижным взглядом. Шерман устало усмехнулся.

— Для начала огородить от тебя.

— Хватит, — пустым голосом сказала я и отпустила спинку стула, чтобы пройти вдоль стола. — Мне нужно съездить по делам — вы останетесь оба дома. Мне не хочется сейчас слушать вашу грызню, своих мыслей хватает, из-за которых хоть в петлю лезь. Я возьму твою машину, Джош?

— Мы не станем следить за Мишель? — сглотнув, с желчью спросил он.

— Я не хочу терять время, — сухо бросила я. — И так понятно, что с ней происходит.

— Понятно? — переспросил Джош. — И что именно тебе понятно? Лично мне ничего не понятно!

Бен прикрыл лицо ладонью и громко выдохнул. Я склонила голову, изучая гневную физиономию Джоша.

— С таким настроением оставайся дома, Джош, — проговорила я сквозь зубы. — Мы должны рассуждать трезво, а где-то и вовсе хладнокровно. От того, что мы тратим попусту нервы и изливаем друг на друга эмоции, Мишель не избавится от нависшей над ней угрозы. И никому из нас не станет легче. Расследование приобрело личный характер, но нужно относиться к делу так, как если бы на месте Мишель была совершенно незнакомая девушка. Ясно, Джош?

— Ты изменилась, — тихо проговорил он, глядя на меня, и вдруг округлил глаза, будто не хотел этого произносить вслух. Отвел взгляд и уставился в окно. И только я заметила, как он осторожно сглотнул.

— Да, Джош, — так же тихо отозвалась я. — Но я не стану спешить с выводами и утверждать, что этому не рада. Возможно, изменения к лучшему. И я почти смирилась, чего и тебе советую. А теперь меня ждет дело.

Мы долго смотрели друг другу в глаза, и даже, когда он медленно поднимался со стула, то не отвел глаз. Выпрямившись и нависнув надо мной, Джош боролся с собственной яростью. Наконец, поджав губы, он тяжело вздохнул и моргнул.

— Даже не думай, — громким шепотом предупредил он, угрожающе выставив палец у меня перед лицом. — Мы не позволим тебе одной выходить из дома. По Университету бродит неведомая дрянь, интересующаяся телами молодых ведьм, и мы до настоящего времени не сталкивались ни с чем похожим. Я не сталкивался, хотя не первый год, и даже десятилетие в Системе. И кто знает, может, она вышла на улицы, и скоро город охватит зомби-безумие?! Я не могу позволить тебе рисковать своей жизнью, Эш.

Я нахмурилась, сложив руки на груди. Джош приходил в себя, что, несомненно, радовало, но разве могла я признаться ему в этом?! Улыбка бы поощрила его, но он этого не заслужил. Точнее сказать, проявление слабости в сложившейся ситуации не являлось чем-то постыдным, но ему нельзя раскисать. Джош помогал мне держаться на плаву, точно так же, как и Бен, без него я бы пропала. И проявление мягкости он расценил бы, как одобрение, которое не пойдет ему на пользу. Пусть держит себя в руках.

— Несмотря на то, что в беду попала Мишель?

— Без тебя нам ее не спасти, — изрек он и склонил голову, изобразив щенячий взгляд.

— И даже личные разногласия не помешают вам защищать меня?

— Ты хочешь, чтобы я пообещал? — с мольбой протянул Джош и сложил ладони на груди.

— Именно.

Издав звук, слишком резкий для вдоха, он покосился на Бена. Тот, в свою очередь, развел беспомощно руками, не произнеся ни слова.

— Ладно, — согласился Джош и снова посмотрел на меня. — Я буду держать себя в руках и не срываться на этом проницательном засранце!

Я изогнула бровь, а Бен громко откашлялся в кулак, поднимаясь из-за стола. Джош скривился.

— Ну, ладно, ладно! Я не буду называть его засранцем.

— Так-то лучше, — кивнула я и направилась к дверям.

Безжалостный ветер срывал последние листья с ветвей, кружил их и швырял мне под ноги, обнажал деревья, из-за чего они смотрелись униженно и смущенно. Дорогу устилал пестрый ковер, накрапывал холодный дождь, переходящий в морось, смолкли последние птицы. Я стояла, кутаясь в кожаный жакет, надетый поверх платья, и выглядывала из-за голого орешника на симпатичный домик красного кирпича. На обочине стояли две патрульные машины, и на одной из них прибыли Лукас Блэк и Джон Брейнт. Ветер бросал волосы в лицо, и приходилось постоянно убирать пряди, заслоняющие обзор. Двое полицейских осматривали ухоженный двор, пока детективы допрашивали родственников Сабрин Дей.

Джош и Бен сидели в автомобиле, припаркованном у соседнего дома, пока я поджидала Лукаса. И к тому времени, когда он вышел на крыльцо, ускользнув из-под носа Брейнта, успела продрогнуть. Перепрыгивая через ступени, он спешил ко мне, сжимая в руке блокнот. На нем был серый костюм строго покроя, подчеркивающий совершенные линии тела, белая рубашка в тонкую серую полосу и черные лакированные ботинки. Лукас с опаской оборачивался на двери дома, но когда остановился, его взгляд оказался прикован к моему лицу. Учащенное дыхание, вздымающаяся грудь и ласковый взгляд серых глаз — я пожалела, что так разоделась на встречу с ним. Кажется, это было жестоко с моей стороны....

— История повторилась, — Лукас облокотился рукой о ствол дерева. — Никаких следов — безукоризненно чистая комната. Родители не имеют представления, куда исчезла их дочь.

— На счет чистой комнаты я бы поспорила, если бы увидела ее, — возразила я. — В ней есть зеркало?

— Да, — с недоумением протянул Лукас. — В спальне есть туалетный столик с трельяжем.

— С ним все в порядке? — я знала ответ наперед, но само собой слетело с языка. Охватив себя руками, я спрятала лицо в ворот кожанки. Глаза слезились от холодного ветра, и зубы начинали мелодично постукивать. Можно было бы встретиться в кафе, но мы решили сэкономить время и мои нервы. Остаться наедине с Лукасом вредно для нас обоих.

— А что может быть не так?

— В случае с первой жертвой зеркала в доме потрескались.

— Ясно. Тогда — да, с ним все в порядке, — он кивнул. — Родители сказали, что ничего не трогали, и в спальне все осталось на своих местах, как было при Сабрин.

— Они не заметили ничего странного в ее поведении? Неужели совсем ничего? Я понимаю, что все жертвы — уже вполне взрослые и самостоятельные ведьмы даже по меркам магического сообщества. Но, все же, не могу понять, как близкие люди не заметили изменений в поведении и настроении человека, живущего с ними под одной крышей?!

Я прикусила язык. Да о чем я, в самом деле? Сама же заметила перемены в Мишел только когда они стали очевидны и бросались в глаза! Но Лукасу не обязательно знать об этом. Не хотелось бы оказаться свидетелем по делу, а зная Брейнта, — еще и в первых рядах подозреваемых.

— Кроме того, что она стала тихой и молчаливой — ничего. Мне очень жаль, Эшли. Правда, кое-что они все-таки сказали. — Он поморщился и посмотрел мимо: — Сабрин стала

необычно выглядеть.

— В каком смысле? — изумилась я, а в груди уже похолодело от страха.

— Она стала слишком красивой — так сказал ее отец.

— Какая наблюдательность. Но это уже что-то.

Лукас нахмурился. На его безупречном лице отразилось глубокомыслие, мужественные черты приобрели суровость. По коже пробежали мурашки от его сосредоточенного взгляда. Я не должна испытывать трепет от всплывающих воспоминаний. Это глупо и неприятно. Совесть играла со мной, страшила чувством вины, и это было тяжкое испытание. Главное, не залиться краской.

— Хочешь сказать, изменения во внешности являются определяющим фактором? Что это значит, Эшли?

— Все жертвы стали чуть красивее обычного, — выдохнула я и осмелилась посмотреть ему в глаза. Все-таки влияние Бена не прошло бесследно — равнодушие и отрешенность помогали справиться с неловкостью. — Красивее и спокойнее.

— Принесли в жертву свои души ради привлекательности? — Лукас пренебрежительно хмыкнул и оглянулся на дом. Моя версия, мягко говоря, не впечатлила его. Любопытно, что думал об этом деле Брейнт? Полагаю, у них зацепки куда правдоподобнее.

— С привлекательностью у потерпевших проблем не было. И отдали они не души, а свою магическую силу, хотя в нашем понимании это одно и то же.

— Нет предела совершенству, — рассудительно произнес Лукас, перекладывая блокнот из руки в руку.

— Очаровательно, — выдохнула я, глядя ему в глаза. — И что мне с этим делать?! Полиция с места не сдвинулась, мы тоже в тупике, — я провела рукой по волосам, зарылась в них пальцами. Все без толку, мы топтались на месте и ничего нового не выяснили. Надо решать, как быть дальше, обратиться к литературе. Где-то встречались упоминания о выменянной красоте, в одной из книг по демонологии.... Демон? Нет, здесь что-то не так.

— А нам? — усмехнулся Лукас, и я медленно повернулась, посмотрела в упор. Что-то не понравилось мне в его тоне — безразличие, надменность? Он сощурился и склонил снисходительно голову. — Если ты не знаешь, что это значит, то мы, простые смертные, подавно.

— Меня настораживает факт обескровливания. Я бы решила, что все остальное — происки завистниц, и на девушек наложили заклятье или проклинали их вещи. Но, похоже, дело гораздо сложнее.

— Магическая тварь, питающаяся кровью?

— Нет, не думаю, — я покачала головой и обернулась на дом. Кто-то выглянул из окна, и я шагнула за дерево.

— Предмет поклонения? — Лукас посмотрел на пасмурное небо и встал под не успевшую облететь крону клена. Снова накрапывал дождь. — В хрестоматии по курсу запрещенной магии я читал о зачарованных предметах и идолах. Чтобы они работали, им приносили в жертву кровь. Это мог бы быть наш случай?

— Хороший вопрос. А хорошие ответы у меня давно закончились, — я склонила голову набок и вымученно улыбнулась. — К сожалению, эту версию мы не рассматривали и не проверяли. Опрометчиво с нашей стороны.

— А мы ничего не выяснили о личной жизни жертвы....

— Из разговора с парнем Адрианы я выяснила, что в последнее время подружки

буквально помешались на своем облике. Но пока не знаю, как это связано с их исчезновением, — задумчиво протянула я. — Почему-то из головы не выходит проклятое дерево....

— Какое дерево?

Заметив смятение на лице Лукаса, я улыбнулась.

— Не бери в голову. Это мои личные кошмары. В Университете в переходе между башнями стоит мерзкого вида дерево в горшке. Когда я вижу его, у меня внутри все переворачивается. От него веет злом.... Я не могу объяснить, Лукас.

— Может, тебе не стоит заниматься этим делом? — осторожно предложил Лукас. И мне не понравилось то, как он посмотрел на меня — с заботой и нежностью.

— Я должна найти девушек, понимаешь? Пока еще кто-то не погиб.

— Кому ты должна? Себе или этим девушкам? Никто не обязывал тебя, Эшли....

— Если не я, то кто, Лукас? — я подалась вперед, вторгаясь в его личное пространство, почти толкнула рукой в грудь, но вовремя остановилась. Хотелось напомнить об отношении Брейнта к магам и полиции, в общем, о том, что людям не по зубам преступники нашего мира. Но его обезоруживающий вид заставил проглотить слова. Лукас все еще не понимал, а, может, уже никогда не поймет, в чем разница между нами. Облизав губы, я отпрянула и спросила уже гораздо спокойнее: следов крови тоже не нашли? Я сомневаюсь, что из Адрианы Хиггинз выкачали всю кровь за один раз. Думаю, кровопотери были регулярными.

— Думаешь, в город заявился вампир? — лицо Лукаса разгладилось, в глазах появился металлический блеск — к вампирам у полиции особое отношение. Стиснув в ладони блокнот, он спрятал его во внутренний карман пиджака, не отводя от меня испытующего взгляда.

— Нет. Иначе бы фамильяры уже на ушах стояли — вампирам запрещено пересекать границу Мортелля без особого разрешения Верховной Ведьмы. Но это все объяснило бы, да.

— Ты видела ее?

— Никто не видел, Лукас. Подозреваю, такой чести только Стэнли удостоился, но тщательно скрывает это.

— Он создает впечатление влиятельного мага, — отметил Лукас. — Смотрит свысока, хоть и говорит вежливо и на равных. Рядом с ним охватывают противоречивые чувства. Стэнли кажется дружелюбным, но выходишь от него с ощущением того, будто тебя с грязью изысканно смешали.

— Да, он умеет. Потому-то он — главный фамильяр Верховной Ведьмы, — я натянуто улыбнулась. Заметив детектива Брейнта выходящим из дома семьи Дей, я напряглась и скользнула вокруг ствола дерева, чтобы он меня не заметил раньше времени. — Похоже, наш разговор зашел в тупик, и мы ничем друг другу не помогли.

— Да, — вздохнул Лукас. — Специалисты изучают вещи жертвы, но можно предугадать результаты экспертизы.

— Если вдруг что-то выяснится, — чуть слышно попросила я и с надеждой посмотрела на Лукаса, — сообщишь мне?

— Хорошо, — рассеянно проговорил он и улыбнулся, чуть ли не смущенно. — Ты тоже держи меня в курсе. Если откроется что-то на счет проклятых предметов — я хотел бы об этом знать.

Повисла пауза, у нас кончились вежливые слова. Секунду мы смотрели друг на друга, и захотелось отвести глаза — невыносимо было видеть печаль Лукаса. Сзади послышались

шаги, и он посмотрел мне за спину. Его улыбка превратилась в оскал.

Я обернулась — к нам шли мои сопровождающие. Джош был выше Бена почти на голову, но это не мешало им смотреться одинаково внушительно. По его лицу ничего нельзя было прочесть, лишь на губах играла улыбка. Он двигался с наглой уверенностью, в походке ощущалась ленивая раскованность, безразличный взгляд был прикован к Лукасу. Подходя ближе, Джош слегка прищурился, и первое впечатление рассеялось, как утренний туман. От приветливого хладнокровия не осталось и следа, теперь я видела твердость, в глазах — решимость, а на коже угрожающе плясала магия. Прежде он не открывал Лукасу свое истинное лицо, и все годы знакомства держался образа красавца-весельчака, встречающегося с моей сестрой. Сейчас он больше напоминал вышибалу или телохранителя. Его плечи были напряжены, и это бросалось в глаза. Но Лукаса волновал не он.

При виде Бена его перекосило. Шерман шел и смотрел, хоть его лицо оставалось непроницаемым, пустым, в глубине глаз искрилось ледяное пламя неприязни. Я смотрела на него, изучая черты. Он был красив, но во взгляде мерещилась тень, резкость в углах рта, что-то, для чего у меня нет слова. Бен многое повидал за свою жизнь, от некоторых вещей остался неизгладимый след, и ничто из этого мне не хотелось бы увидеть. От него веяло страхом, он сам по себе его внушал — первобытный ужас, вылезающий из недр души. Он заложен в нас на молекулярном уровне. Лукас почувствовал так же явно, как и я, и передернул плечами, приняв за порыв ледяного ветра. Нет, то была магия — для его понимания это слишком сложная материя. И я знала, что Бен в любую минуту мог подтвердить это пугающее впечатление делом.

Бен помнил последнюю встречу в подробностях, и пистолет, направленный на меня, не давал ему покоя. Я бы сказала, что он несправедлив, ведь сам когда-то пытался убить меня, но его мысли все объясняли. Горечь и злость на самого себя за то, что был бездушной сволочью и отбирал жизни. Наверно, я никогда не узнаю точное число кулонов, оказавшихся в его руках, но это к лучшему. Смогла бы я спать спокойно, зная, что мужчина, которому принадлежало мое сердце, загубил двадцать, а то и больше, невинных душ?! И какое количество облегчило бы мою совесть? Никакое, это разумно. Но все равно сердце сжималось от его взгляда, дыхание замирало от улыбки.... Могла ли я считать себя бессердечной или безрассудной из-за того, что питала чувства к убийце? Он исправлялся, но прошлое нельзя изменить. Бен навсегда останется бэлмортом, память его не отпустит.

Бен и Лукас встретились взглядами, и воздух накалился от напряжения и тестостерона. Повеяло жаром, обожгло кожу, словно я стояла около костра. Тяжесть в груди заставила глубоко и жадно вдохнуть. Спрятав лицо в лодочки ладоней, я прикрыла на секунду глаза и прерывисто выдохнула. И снова посмотрела на Бена — он приподнял голову, не отрывая взора Лукаса. Этот агрессивный жест, его твердая холодная решимость и делали Шермана зрительно одного роста с Джошем. Он будет держаться ради меня, останется неприступной каменной горой до тех пор, пока ему не надоест или мы не уйдем. Но хватит одной искры в разговоре, неосторожного слова или движения, чтобы неприязнь перешла во враждебность. Язык жестов и мимики — Бен знал его на «отлично», а я только училась. Мой взгляд упал на руки Бена. Он держал их свободно опущенными вдоль тела, но в любой момент они могли превратиться в кулаки. Мне бы не хотелось этого. Брейнт совсем близко, да и если Шерман выйдет из себя — от Лукаса мокрого места не останется.

Я украдкой покосилась на Лукаса, и было приятно видеть изумление на его лице. Взгляд застыл на Джоше — не изучающий, а удивленный, и медленно переместился на Бена.

В серых глазах тут же что-то мелькнуло, похожее на ненависть. Парни хотели показать Лукасу, кто здесь бос, и им это удалось. Возможно, не будь он такой рохлей, и они бы вели себя иначе. Он повел себя, как трус. С первой встречи Лукаса и Бена стало ясно, кому быть вожаком в стае, такое положение вещей устраивало всех, хотя они продолжали друг другу что-то доказывать. Я размышляла, как женщина, и мне не нравилось, что их взаимоотношения затрагивали меня, но в животном мире по законам стаи вожаку приходится каждый день подтверждать свое право на главенство.

Бен и Джош подошли сзади и остановились.

— Что они здесь забыли? — нарушил тяжелую тишину Лукас.

— И я рад тебя видеть, Лукас, — ухмыльнулся Джош. — Мы работаем вместе, если ты забыл.

— Я думал, что ты придешь одна, — Лукас перевел взгляд на меня, демонстративно игнорируя ребят.

— Мы бы не оставили ее наедине с тобой, — слова, произнесенные Беном тяжело, с расстановкой, придавили будто камни. У Лукаса лицо утончилось от гнева, и он двинулся на Шермана.

— Эй, полегче, — Джош выставил вперед руку и остановил его. — Если серьезно, то твоей помощи нет острой необходимости. Эш отдает дань нашей договоренности с копами. Так что уймись, Лукас.

Он зыркнул на меня потемневшим взглядом и оттолкнул руку Джоша.

— Что, мать вашу, вы тут устраиваете?! Ты специально заявила со своими быками, чтобы мне нос утереть?

Я не успела подумать, как придвинулась к нему.

— Ты можешь думать о чем-то, кроме своего ущемленного самолюбия?!

У него лицо сморщилось от изумления.

— Ты что, не видишь? Он ссучился, — прорычал Бен и взял меня за руку, отвел в сторону от Лукаса. Я задыхалась от гнева, глаза щипало от нахлынувших слез. Бен сжал мою кисть в ладони, по коже растеклось тепло. Он хотел отвлечь от нападков Лукаса, дать остынуть. Можно было бы решить, что мы искали повода коснуться друг друга, но на самом деле нас это успокаивало.

Лукас обратил внимание, что наши руки светятся, и неприятно рассмеялся.

— Ну, надо же!

— Не начинай, — процедила я, посмотрев на Лукаса исподлобья. Он изумленно улыбался, а в глазах пылала лютая ненависть. Я почувствовала, что его терпению пришел конец, и по-хорошему разойтись не удастся. Проклятье.

— Джон оказался прав. Ты с самого начала путалась с Шерманом, а меня использовала. Не хватало духу дать пинка под зад, да, Эшли?!

Бен ринулся к нему, и я не видела его движения, лишь ощутила. Рука мелькнула размытой полосой — у него напряглись скулы, когда он схватил Лукаса за грудки. Бен занес кулак, но Джош перехватил его.

— Копов бить нельзя.

— Ты нашла себе такого же урода, как ты!

— Да ладно, — Джош закатил глаза и медленно выдохнул, отпустил гнев. Когда он снова посмотрел на Лукаса, у него взгляд потемнел, а на шее натянулись жилы. Он заговорил тихо, тщательно выговаривая слова, но они были адресованы Шерману: — Ты заслужил один

удар, но не здесь, Бен.

На лице Лукаса застыло настороженное выражение, но он и не думал заминать перепалку. Джош отступил и опустил ладонь на плечо Бена. Шерман выдал ледяную ухмылку и, разжав пальцы, отошел. Он спрятал руки в карманы кожанки, не переставая смотреть на Лукаса. Что-то натянулось у меня в животе. Страх? Джош посмотрел на него менее злобно, почти утратил интерес — его гораздо больше волновал тот, кто шел к нам от дома Дейев. Детектив Джон Брейнт.

Стальной пронизывающий взгляд предназначался мне — под таким злодеи складываются, как дешевые табуреты, но только не я. Я же не злодей. Улыбнуться не вышло, поэтому Брейнт получил в ответ от меня холодное выражение лица, а от Джоша улыбку — веселую и одновременно ехидную. Бен слегка склонил голову, но остался бесстрастен, настолько, что это можно было расценить, как недружелюбие. В его глазах угрожающе ворочалась магия, зрачки тонули в белом сиянии. Я почувствовала силу Шермана, как гудящую ноту, низкую и глубокую. В какой-то момент она замерцала в воздухе вокруг него, закружила пеплом. Мне щеки обожгло, и с губ слетел прерывистый вздох. Но Бен сдержал порыв гнева, загнал магию обратно в укромный уголок своей темной души, и в глазах растаяли белые всполохи. Его взгляд опустел, стал безучастным, но почему-то хотелось убежать от него с воплями. Внутри меня все сжалось — я отвернулась. Всегда боялась попасть под такой взор — он не обещал ничего хорошего, только боль и муки.

Лукас осторожно сглотнул и застыл, с лица ушли краски — у него за спиной уже остановился Брейнт. Ни Бен, ни Джош не подумали вытащить руки из карманов. У мужчин принято показывать руки, даже если они не собираются мериться силой и бить друг друга по морде. Брейнт перекопился от злобы, но на губах заиграла ухмылка. Сложив руки на груди, он пренебрежительно взирал на меня. Вероятно, я должна была сжаться и потупить глаза, но лишь нахально изогнула бровь. Ни для кого не секрет, что я была камнем преткновения в его вражде с Беном и единственным средством, чтобы приструнить Лукаса. Если Брейнт хотел зацепить Шермана, то у него это получилось с лихвой — в воздухе вновь забурилась магия. По позвоночнику скользнул жар, и кожа дернулась, как если бы в спину ударил ветреный порыв летнего зноя. Дыхание пламени, заставившее прогнуться. Я посмотрела через плечо, осторожно, одним движением глаз, но Джош опередил меня и опустил ладонь на плечо Бена. Скрипнув зубами, он шумно втянул воздух носом и чуть склонил голову, чтобы смотреть на детектива исподлобья. Брейнт раздраженно скривил губы.

— Смотрю, ваш гарем, мисс Браун, растет и пополняется? А с виду — такая маленькая и хрупкая.

— У вас проблемы с личной жизнью, детектив? — я ядовито усмехнулась. — Завидуйте молча.

Лукас покосился на Брейнта, но не посмел повернуться к нему лицом. Я снова в нем разочаровалась.

— Если вы и ваши самцы продолжите вмешиваться в мое расследование, — прошипел он и шагнул вперед, небрежным движением плеча подвинув Лукаса. Джон выставил вперед указательный палец, потряс им перед моим лицом, и вдруг в голове щелкнул предохранитель.

Чувства смыло порывом холода, и из глубин тела выползла тьма. Меня охватила невероятная легкость — я потеряла контроль, потеряла себя. Все, что происходило дальше, казалось кошмарным сном.

Склонив голову, я выдала детективу улыбку не из приятных. Мрак застилал глаза. Цвета померкли, звуки утратили оттенки — я видела только Брейнта, его перекошенную физиономию. Мое лицо разгладилось и стало похоже на восковую маску, в его взгляде вдруг что-то дрогнуло. Но слишком поздно. Схватив детектива за запястье, я резко и быстро притянула его к себе. Мои твердые пальцы впились в его теплую податливую кожу, под ней пылала влажная плоть. Он не смог воспротивиться, хотя по инерции дернул руку на себя. Каменная хватка маленькой и хрупкой ведьмы оказалась не по силам большому и злому детективу.

— Я буду вмешиваться столько, сколько посчитаю нужным, детектив, — дыхла холодом я ему в лицо. Бен и Джош задвигались у меня за спиной, но сейчас существовало лишь лицо Брейнта, его пустые глаза, наливающиеся гневом и одновременно страхом. Он невольно прищурился — его обдало магией, остудило кожу лица. Мои губы изогнулись в оскале. — Тебе меня не остановить.

Джош протянул руку, но Бен отбил ее, подошел сзади и охватил руками мою талию. Сильные руки сомкнулись, и он рывком притянул меня к себе. Ноги оторвались от земли, я разжала пальцы на запястье Брейнта. Бен волок меня к машине, а я продолжала улыбаться детективу.

Джош остался стоять на месте. Медленно шагнул в сторону, не спуская глаз с Брейнта. Детектив пришел в бешенство — ослабив узел галстука, он сошел с бордюра, но не решился следовать за нами. Джош возвышался над ним, смотрел свысока на то, как он мечется по дороге. Брейнт насылал на меня изощренные проклятия, некоторые обороты вызвали у меня смех. Я фактически унизила его при напарнике — надеюсь, это прибавит Луксу уверенности, и впредь он не станет прогибаться под Брейнта. Я его жалела. Снова. Да что же я за дура такая?!

Джош схватил Брейнта за руку выше локтя и придвинул к стволу дерева. На удивление детектив не кинулся на него с кулаками и не заплевал огнем — он оправил полы коричневого пиджака и посмотрел в лицо Джошу. Между ними застыл воздух, Лукас хотел было помешать, но Джош остановил его рукой. Цвета и звуки возвращались, но я слышала, словно через вату.

— Даже не думай, — процедил Джош, наблюдая за выражением лица Брейнта. — Только тронь ее пальцем, и останешься без рук. Засунь себе в задницу свои принципы, Брейнт. Они больше не работают. И помни: ты не должен нарушать договор, не должен приближаться к ней. Она тебе не по зубам. Не теперь.

Я не увидела реакцию детектива — его скрыл старый клен. Только недоумевающее выражение лица Лукаса, и то, как он переводил взгляд с одного на другого. Но и он вскоре исчез за широким стволом дерева.

Развернувшись, Джош направился к нам. Он ни разу не передернул плечами и не дрогнул под испепеляющим взглядом Брейнта. Даже я бы почесала между лопатками.

— О чем Джош говорил?

Бен посмотрел на меня холодно, непроницаемо, и я поняла, что он ничего мне не скажет.

— Что это было, Бен? Что со мной произошло?

Бен посадил меня на заднее сиденье автомобиля. Когда он хотел закрыть дверь, я поймала ее. Он тяжело вздохнул и прикрыл глаза, переводя дух.

— Ответь мне, — мой голос дрогнул, к горлу подступили рыдания. Глаза заволокло

мутной пеленой слез. Взгляд Бена смягчился — он не мог смотреть на то, как я плачу. Мои слезы заставляли его испытывать необъяснимую нежность. Он беспомощно зарычал сквозь стиснутые зубы и, оставив меня, сел на переднее сиденье. Я заморгала и закрыла дверь. Сложив руки на коленях, сосредоточилась на дыхании, чтобы не разреветься. Повисла тишина, от которой закладывало уши. Кожу обжигал кулон, а я боялась на него смотреть. Что со мной? И о каком договоре напоминал Джош Брейнту?

Джош обошел машину и на мгновение замер, ненароком заметив меня сквозь лобовое стекло. Я с мольбой глядела на него — он сглотнул и посмотрел на Бена.

— Что, мать вашу, происходит? — прошептала я, наблюдая за тем, как Джош садится в машину. Захлопнув дверь, он повернул ключ в замке зажигания, не удостоив меня ни ответа, ни взгляда. Я подалась вперед, приподнявшись с сиденья, и оперлась руками в подголовники их кресел. — Кто-нибудь ответит мне или нет?!

Джош насторожился и замер, в зеркале дальнего вида мелькнула его хмурая физиономия. Бен повернул голову, но ровно настолько, чтобы видеть меня краем глаза. Тишина давила, их реакция приводила в бешенство и пугала. Я заскребла ногтями по обивке. Чтоб вас драли ехидны! Глубоко вдохнув, я прикрыла на миг глаза, а когда открыла их, то произнесла спокойным, тихим голосом:

— Почему мой кулон потемнел?

Мужчины выглянули из-за кресел, чтобы посмотреть на темно-серый, почти черный камень в золотой огранке. Потом они буравили друг друга глазами и долго решали, кто ответит. Отвернувшись и уставившись на дорогу, Джош громко выдохнул через рот, но ответ я услышала не сразу.

— Видимо, когда ты злишься, тобой овладевает неведомая хрень. Ты была сама не своя, Эшли, и напугала нас. Ты же носишь кулон Линетт, верно?

— И что из этого?

— А то, что ваши кулоны взаимодействуют, ты перенимаешь какие-то способности Линетт и черты ее характера. Это неизбежно и неконтролируемо. Вероятно, с пресмыкающейся перед тобой тьмой это тоже как-то связано.

— Мне это не нравится, — протянула я и мотнула головой, рассыпав волосы по плечам. — Совсем не нравится.

— Никто не говорил, что это должно нравиться, Эш, — сдавленно произнес он.

Бен продолжал глядеть в окно, не издавая ни звука, но я чувствовала его. Ему было не по себе, а когда Бен не находил объяснения своему состоянию — он испытывал гнев. Для него это привычное чувство.

— Это происходит и все. К сожалению, ты не знала, чем грозит получение в дар чужого кулона, а тебя никто не предупредил, — Джош завел двигатель и положил руки на руль. Он тщательно подбирал слова, но под подчеркнuto спокойным тоном слышалась тревога.

— О каком договоре ты говорил Брейнту?

— Стэнли заключил договор с детективами, согласно которому они не имеют право мешать служителям Системы вести расследование, иначе их отдел расформируют, лишат финансирования и официальной возможности расследовать преступления магического характера, что повлечет за собой войну между нашими народами. Ну, не войну, — поморщившись, хмыкнул он, — вражду и напряги, которые будут во вред и нам, и людям.

Закусив задумчиво губу, я смотрела на Джоша. Он запрокинул голову, чтобы видеть меня.

— Вот вроде бы ты говоришь складно, но отчего-то я не верю тебе, Джош, — я медленно повернула голову и посмотрела на Бена. Ощувив мой взгляд, он нехотя шевельнулся — мы посмотрели друг на друга в упор. У него напряглись желваки, но глаза остались беспристрастны.

— Надеюсь, ты не сможешь солгать, Бен?

Он не дрогнул ни единым мускулом, но взгляд потяжелел.

— Полагаю, это все, что тебе пока нужно знать, Эшли. Ты нас напугала, и мы еще не поняли, что произошло на самом деле. Возможно, тебе необходимо побеседовать со Стэнли?

С досадой зашипев сквозь стиснутые зубы, я опустилась на сиденье, скрестила руки на груди и уставилась в окно. Глаза заполняли слезы гнева и беспомощности, и мне было плевать, что кто-то их увидит. Все вокруг что-то знали и молчали, бессовестно лгали, как врачи перед лицом смертельно больного пациента. И если Джош и Бен отводили глаза и говорили загадками, жалея мою тонкую душевную организацию, то Стэнли не будет церемониться. Солжет, проникновенно глядя в глаза, чудесно улыбаясь, потому что плевать он хотел, что о нем подумают. Секреты Системы важнее чужих чувств.

Накрапывал дождь. Пейзаж словно размыло водой, повсюду красно-желтые пятна утопали в печальной серости. Природа увядала. По площади перед Университетом пробегали редкие зонтики от стоянки к центральному входу. Фонтаны умолкли, старые дубы облетели, и кривые голые ветви вздрагивали от порывов ветра. Я смотрела в окно в кабинете Линетт, опираясь ладонями на подоконник. Мысли были заняты инцидентом у дома Дейев, но я старалась отвлечься. Погода не благоприятствовала. Все вокруг что-то скрывали и наблюдали за мной, как за подопытным кроликом, переглядывались, распаляя мою мнительность. Все бы ничего, если бы я не замечала. Посвящать же меня в происходящее никто не планировал. И пока ситуация не прояснилась, оставалось ждать и пытаться сделать хоть что-то полезное. Но что я могла?

Развернувшись, я присела на подоконник и сложила руки на груди. Собираясь в Университет, я учла возможность повстречать выскочку Мариссу — круг фигурирующих в деле магов сужался, и ее имя летело впереди других. На мне было узкое платье цвета бирюзы с отсрочкой под грудью и рукавами с высокими жесткими манжетами. Широкий круглый вырез подчеркивал зону декольте, но скрывал кулон. Белые туфли на высоком каблуке дополняли образ. Волосы я завila и оставила распущенными, макияж повседневный, но подчеркивающий глубину глаз. И меня коробило от мысли, что я прихорашивалась лишь для того, чтобы не упасть лицом в грязь перед мисс Голубые Глазки — перед Мариссой.

Пройдясь по кабинету, я остановилась напротив книжного шкафа. Старинные книги выстроились ровными рядами, будто кто-то их старательно выставлял под линейку и по цветам. Тот, у кого была масса свободного времени — шкаф занимал всю северную стену и упирался в потолок. Я надеялась, что одна из книг поможет окунуться в воспоминания, навеет очередное видение из жизни Линетт. Хотелось выяснить как можно больше о Ровере, или "как там его звали на самом деле". Для меня он оставался мужчиной в черном пальто, значившим для Линетт гораздо больше, чем казалось. И раньше я думала, что он причинил ей боль, заставил отвернуться, но с каждым видением отношение к нему и мнение, в общем, менялось в обратную сторону. Теперь я чувствовала, что Линетт отвернулась от него, это она причинила Роверу боль, но он продолжал бороться за нее, пытался достучаться сквозь стену из холодности и огорчения. Отчасти я понимала его — мы остались наедине со своими печальями, и никто не спешил откликаться на наш крик души.

Но меня постигла неудача. Книга за книгой я теряла надежду. Кабинет был пропитан воспоминаниями Линетт, но я не знала, где находится рычаг, активирующий их. То тягостное чувство, когда пытаешься что-то вспомнить, в голове мелькают блики и образы, но ты не находишь нить, связующую и объединяющую их в цельную картинку. Разочарованная поисками, я вернулась к окну.

Прикрыв глаза, глубоко вдохнула и ощутила аромат лилий с тонкой ноткой молодой хвои. Странно, в кабинете не было живых цветов.

Распахнув глаза, я моргнула, глядя в окно. Ясный солнечный день, повсюду зелень, клумбы пестрили диковинными цветами. Шелест фонтанов и щебетанье птиц наполняли площадь, шторы раздувал теплый ветерок, несущий запах весны. В груди защемило от волнения, и закружилась голова — я снова оказалась в чужом прошлом. Шагнув назад,

обняла себя руками и ощутила гладкость шелка. Я опустила глаза. На мне струилось глянцем изумрудно-зеленое платье в пол с ассиметричным вырезом, обнажающим одно плечо, и шлейфом, расшитым бисером. Длинные рукава закрывали кисти рук, на талии тугой широкий пояс. Я чувствовала от себя аромат парфюма, но он не принадлежал Линетт. Это были мои духи. Воспоминания перемешались с реальностью. Так что же, теперь я олицетворяла Линетт, или все же она меня? По комнате струилась сила. Я резко обернулась — в дверях застыл мужчина в черном длинном пиджаке.

Он входил в кабинет, но мое неожиданное движение заставило его остановиться. Сложив руки за спиной, он чуть заметно поджал губы и вскинул голову. В воздухе нарастало напряжение — Линетт испытывала недовольство.

— Ты что-то хотел, Ровер? — ее голос сочился холодом.

— Похоже, ты совсем забыла мое настоящее имя, — без интонации проговорил он и медленно прошел в кабинет, в задумчивости застыл около стола. Я наблюдала в молчаливой неподвижности, и когда он остановился так близко, что можно было протянуть руку и коснуться лица, внутри все задрожало. Я чувствовала его силу, бурлящую мощь под кожей, Ровер и не думал ее скрывать. И она казалась мне знакомой, настолько, что сердце споткнулось, в груди пульсом забились боль. Охватило внезапное ощущение чего-то далекого, забытого, но безумно важного. И сложно было понять, чья эта боль — моя или Линетт.

Ровер посмотрел на меня и чуть заметно улыбнулся.

— Ты прекрасна, как всегда, Линетт.

Я не ответила, только склонила голову набок. Чуть-чуть. В воздухе витал аромат мужского одеколона с древесной ноткой под запахом свежести и чистоты. Я могла сосчитать веснушки на лице мужчины — настолько четким было видение. И его черты притягивали взгляд, я вновь не могла оторваться от них. Выразительные голубые глаза, россыпь бледных веснушек на носу, красивой формы губы — в простоте яркая индивидуальность, она и заставляла любоваться им. Не больше тридцати пяти лет на вид, когда как Линетт не дашь меньше сорока при ее ухоженности. Я начинала сомневаться, что они были любовниками, но не исключала до конца такой возможности.

Слегка наклонив голову вперед, он посмотрел на меня исподлобья, и в глазах блеснул гнев.

— Сколько можно отмалчиваться? Мы на краю пропасти, Линетт. Нашему народу грозит истребление....

— И всему виной твой эгоизм. Ты — идеалист, Ровер, но не всегда это хорошо для других так же, как для тебя, — перебила я ледяным тоном. Его лицо натянулось, и я поняла, насколько он зол. Сила закружилась в комнате теплым ветром. — Я предлагала принять меры, но ты отверг мою помощь.

— То, что ты предложила — неприемлемо, — с нажимом произнес он.

— Да, — согласилась я и вышла из-за стола. — Но то, что ты страстно желаешь заполучить, — я прошла в центр кабинета и встала перед Ровером. Он неспешно развернулся, чтобы видеть меня. — То, что, по твоему мнению, может помочь нашему народу, я не отдам тебе, Ровер.

— И что же это? — его осязаемый голос звонким эхом отразился от стен. У меня по спине скользнули ледяные мурашки.

— Моя сила.

Ровер, недоумевающая, прищурился, и на его губах заиграла улыбка.

— Она не нужна мне. Тем более, что ты ею уже распорядилась. Я видел твоё завещание, Линетт. Как это понимать?

— Ты против? — бесцветным голосом спросила я и фыркнула, сложив руки на груди. — Я так и знала.

Ровер шагнул вперед и остановился настолько близко, чтобы видеть мои пустые глаза. Я непроизвольно напряглась, ощутив искорки силы. Меня обдало теплом его тела, окутало ароматом одеколona, а запах кожи показался мучительно знакомым. Я забилась внутри Линетт, колотила руками по твердокаменной оболочке, сдерживающей мою сущность, но она оставалась невозмутима и непреклонна. Ровер смотрел в мои глаза и хмурился, будто слышал, как я скребусь, желая вырваться наружу. Он забегал настороженным взглядом по лицу наставницы, увидел то, что не хотел видеть, но не мог не смотреть. А на ее губах растекалась ядовитая улыбка.

— Что ты сделала? — горячим шепотом спросил он, но я уже поняла, что он точно знал ответ на свой вопрос.

— Ты только заметил, Ровер? — тихо, на выдохе проговорила наставница и с нежностью посмотрела на него. Она протянула руку, но он шагнул в сторону, не позволил прикоснуться к своему лицу. — Я давно ее впустила.

— Так вот почему мир рушится?! Ты во всем виновата, Линетт!

Боль кипящей смолой разлилась по венам, на глаза навернулись слезы. Я не смогла сдержать их — по щекам бежали влажные дорожки. Ровер быстрым шагом пересек кабинет и ушел, о чем оповестила громко хлопнувшая дверь, и я осталась одна со своей горечью и болью. Закрыв лицо руками, я прерывисто вздохнула.

— Что случилось, Эшли?

Я отняла руки от лица и резко обернулась — в дверях замер Стэнли. Он взволнованно всматривался в мое лицо, даже когда шагнул в кабинет. Изысканно-бордовый пуловер, черные узкие брюки и лакированные туфли с заостренными носами — одет он был как всегда эффектно и строго, ничего лишнего. Волосы небрежно взъерошены, на щеках темнела легкая щетина. Я смотрела и видела Стэнли, но сердцем не чувствовала его.

— Джош? — с изумлением в голосе протянула я. Стэнли поспешно вошел в кабинет и, шикнув на меня, закрыл за собой дверь.

— Нас услышат и вышвырнут за ворота!

Долго подбирая слова и разглядывая его с ног до головы, я, как рыба, выброшенная на берег, возмущенно хватала воздух ртом.

— Зачем? — только и смогла вымолвить я и уронила безвольно руки.

— Нам же нужно пробраться в подземелье?! А как это сделать, если Стэнли не позволяет?

— Стать Стэнли, — рассеянно пробормотала я и смахнула слезы. — Теперь понятно.

Джош подошел и взял мое лицо в ладони, впился в него взглядом. Странно было видеть у Главного Фамильяра такое обескураженное выражение. Я рассмеялась, и слезы вновь потекли по щекам.

— Почему ты плачешь?

— Я больше не плачу, — возразила я и стерла влажные дорожки с лица.

— Опять Линетт? Что на этот раз?

— Куча бессвязных видений и снов, я запуталась, — высвободившись из рук Джоша, я

шагнула в сторону и обняла себя за плечи. — Если бы можно было посмотреть все с самого начала....

— Попробуй восстановить видения, вспомни самое первое, — предложил он. — Что из него узнала, как себя вели Линетт и неизвестный мужчина?

— Ровер, — прошептала я.

— Что? — переспросил Джош и нахмурился, его голос прозвучал гулко и хрипло. Я обернулась.

— Его зовут иначе, но Линетт называет его Ровером. В каждом воспоминании они ссорятся.

Джош смотрел на меня глазами Стэнли, я не могла понять его эмоций. Схватившись руками за голову, я тихо застонала.

— Нет, Джош. Ты — не ты. Я не могу сосредоточиться.

Он с облегчением вздохнул и тут же усмехнулся, совсем как Стэнли.

— Времени мало, — он взял меня под руку и поволок к дверям. — Стэнли пока занят, но это ненадолго, поэтому мы должны спешить.

— Чем он занят?

— Пересчитывает головы в своем великом пернатом отряде. Он не на шутку встревожен исчезновением четырех стражников. Тем более, что они кого-то должны были сменить, но никто не может ответить вразумительно, как те четверо выглядели.

— Как все запутано, — пробормотала я и позволила затолкнуть себя в беспросветный проход тайных коридоров. — Никак не могу понять, каким образом юная ведьма сумела вырваться из темницы?! И как она обошла стражников?!

Мы вышли в холл второй башни, под лестницей ждал Бен. Он стоял у витража, цветные блики разбегались по стенам и его одежде, рассеивались в полумраке и пыли просторного пролета. Завораживающий шарм ярких стеклышек навевал сказочное настроение. Увидеть Бена среди этого волшебства стало для меня приятной неожиданностью. На нем была рубашка сочного сине-зеленого цвета, надетая поверх черной футболки, голубые потертые джинсы и черные спортивные ботинки на шнуровке. Он чувствовал себя уютнее в своих вещах, и это было заметно не вооруженным взглядом. Развернувшись на звук наших шагов, Бен посмотрел вверх, и я чуть не споткнулась, засмотревшись на него. Чувствуя, что улыбаюсь самым глупым образом, я нахмурилась и отвела глаза, посмотрела под ноги. Бен деликатно не обратил внимания и покосился на Джоша, встретил его коронной ухмылкой. Изображать птичью грацию Главного Фамильяра у него получалось прекрасно, но кошачья энергетика хлестала через край. Лично у меня это вызывало смешанные чувства. Проводив его взглядом до двери, Бен снова посмотрел на меня. Я остановилась и неловко оправила волосы, но заплаканные глаза он уже заметил. Ухмылка сползла с его губ, лицо разгладилось, на нем застыло сердитое выражение.

— Все в порядке, — прошелестела я, цепляясь за локоть Джоша. Он подвел меня к двери, отворил ее широким жестом, и я заторопилась скрыться в мрачном пространстве коридора. Бен последовал за нами, и я затылком ощущала его тяжелый пристальный взор.

Путь оказался недолгим, но утомительным. Коридор уходил вниз и скатывался широкой круговой лестницей в подземелье, мы могли спускаться по ней, держась все трое за руки. Стены здесь были из черного камня, пол — темно-серый мрамор. От кованных бронзовых факелов исходил тусклый голубой свет, они вспыхивали, разгоняя перед нами мрак. Царящую здесь тревожную тишину нарушало эхо наших шагов, отраженное сводчатым

потолком. Воздух был прохладным и влажным с пряным привкусом страха. Узорчатые колонны переливались бликами волшебного огня в струящейся темноте. Ступени были скользкими, и я, боясь оступиться, считала их и цеплялась за предплечье Бена. Он шел рядом, чтобы придержать — ему было известно о моей сказочной неуклюжести. Джош вел нас, текуче спускался, вглядываясь в расступающуюся тьму. В ушах шумело, мерещились тени — я ловила себя на мысли, что ищу глазами черные подтеки, сползающие за мной шлейфом. Отголоски птичьих криков в голове растревожили сердце, оно подпрыгнуло к горлу. От напряжения сдавило грудь, захотелось вернуться обратно, к солнечному свету. Бен позволил сжать его руку, и меня окатило холодным спокойствием. Лестница вилась и вилась, уже кружилась голова, но впереди забрезжил огонь, и вдруг стало легче дышать.

Сюда сбегались тоннели с разных частей Университета — небольшой зал с квадратным фонтаном в центре. Он возвышался трехступенчатой чашей, фигурные углы были чуть утоплены внутрь. Шелестела вода, черные глянцевые стены сверкали бисером бликов. За фонтаном показались двухстворчатые двери, охраняемые фамильярами. Двое мужчин в черных одеждах почти сливались с синим полумраком подземелья. Их длинные и свободные туники скрывали все, кроме рук, сцепленных в замок у груди. Капюшоны фамильяры не надели и во всех этих метрах ткани походили на монахов темного ордена. Я не почувствовала их силу, как если бы перед нами возвышались бездушные статуи, но в сознании далеким эхом зазвучал шелест перьев. Они подавляли в себе магию, чтобы враг не смог их почуять, и я была поражена — они делали это мастерски. Как правило, полностью скрыть свой потенциал способны лишь древние или высшие маги, эти же были простыми фамильярами с отшлифованными до совершенства талантами. Я была бы не прочь познакомиться с колдуном, что тренировал их.

По обе стороны дверей располагались сапфировые факелы. Пламя точно электрические молнии, заключенные в стеклянных сосудах, вспыхивало и тут же угасало. Фамильяры следили за нами неподвижными взглядами — мы вышли из темноты и остановились перед ними. Джош двинулся вперед и плавно скользнул мимо охранников, пристально вглядываясь в их лица, скрытые в тени.

Тот, что стоял справа, был высоким и жилистым. Русые волосы отливали серебром в свете синего мерцания факелов, а серые глаза вспыхивали каждый раз, когда пламя извивалось и плясало в стеклянном пузыре. Заостренный нос на юношеском лице, тонкие губы и четко очерченные скулы придавали мужественности. И все же ему нельзя было дать больше двадцати лет.

Слева стоял брюнет, чуть ниже ростом, но крепче и шире в плечах. Он скользнул темным взором в мою сторону, но Джош уставился на него с вызовом. Парень виновато заморгал, не зная, куда деть глаза. Симпатичный и атлетически сложенный, с приятными, лепными чертами лица и ямочками на щеках. Он любопытно склонял голову, интуитивно — видимо, много времени проводил в обличии птицы.

— Нам необходимо пройти в темницу, господа, — Джош умело подражал бархатному голосу Стэнли. Фамильяры вздернули головами, как птицы в предвкушении кормежки. Я и Бен сосредоточенно смотрели в спину Джоша. Мы должны были олицетворять важную твердость и излучать уверенность, но нас тянуло переглянуться.

— Как долго вы пробудете в темнице, сэр? — нейтральным голосом спросил высокий. — Через сорок минут смена патруля.

— Да, я помню, — кивнул Джош и изящным жестом потер подбородок. — Думаю, мы

управимся быстрее.

Фамильяры расступились отработанным синхронным шагом. Отворились высокие тяжелые двери, испещренные золотыми язвами и трещинами, которые переливались в свете факелов. Следы защитной магии и шрамы от силовых воздействий.

Перед нами вытянулся коридор — он исчезал в синеве сгущающегося тумана. Под ногами искрился звездной пудрой прозрачный пол. Сначала я решила, что он стеклянный и не сразу осмелилась наступить. Джош скользнул вперед, мгла раздалась, пропуская его. То, что я приняла за стекло, оказалось чем-то куда более твердым и толстым, не слышались шаги в тишине, словно Джош шел по мягкому ковру. Перешагнув порог, я остановилась и посмотрела вверх. Потолок застилала тьма, и она сверкала как ночное небо. Я прерывисто выдохнула и растерла плечи, от ощущения магии бегали мурашки. Она была густая и терпкая, на губах появился сладковатый привкус. Я облизала их и зажмурилась. Темница впечатляла, буквально дух захватывало. Здесь не было дверей, стен и решеток — повсюду мерцающая синяя мгла. Древние силы ограждали узников от реального мира, они томились в своих личных пустотах, полных магии. Здесь заключенный проживал свой век, и для него камера являлась целым миром, галактикой или черной дырой. Каждый ощущал ее по-разному. Снаружи они сверкали скоплением мелких звезд и искр в тусклом свечении чар.

Чем больше дверей Университета передо мной открывалось, тем ошутимее становилось могущество его стен. От них исходил такой разум, что виски сдавливало. Замок впитывал в себя события, воспоминания и магию и, казалось, жил своей жизнью. Мыслящий организм, молчаливый и мудрый, таящий в себе как чудеса, так и опасности. Но именно в подземелье сосредоточились все ужасы нашего мира — они стекались сюда, как грязная вода после дождя в низину. Темница поглощала отчаяние, страдания и злобу узников, их силу, и с каждым шагом находиться здесь становилось все мучительнее. Ни в одном из помещений Университета я не испытывала ничего подобного. Сколько еще комнат скрывалось за его темными тоннелями? Сколько секретов унаследовали и хранили его своды?

Мы осторожно брели по полупрозрачному полу. Из-за густого тумана в застывшей тишине доносились слабые голоса — стоны, зловещие всхлипы и невнятный шепот. От них сосало под ложечкой. Меня не покидало чувство, будто в темнице витало нечто жуткое, темное — призраки канувших в забвение колдунов. В спину подул холодок, и зачесалось между лопаток. Я прижалась к Бену, схватила его за руку чуть ниже локтя. Он не был против.

— Они все заняты? — чуть слышно спросила я.

— Нет, — ответил Джош, оглядывая печати на туманных стенах. Древние магические символы вспыхивали золотом, когда он проходил мимо. — Но сложно сказать, какие из них свободны.

Мы медленно продвигались вперед, и не было конца и края темнице, будто она простиралась в бесконечность. Темный тоннель уводил нас в таинственную тьму, и чем сильнее мы отдалялись от дверей, тем отчетливее звучал дрожащий женский крик.

— Вы слышите? — спросила я.

— Кто-то молит о помощи, — хмыкнул Джош и обернулся через плечо, чтобы смерить меня насмешливым взглядом Главного Фамильяра. — Ты забыла, куда попала, Эшли?

— А ты забыл, зачем мы пробрались сюда, Джош? — разозлилась я.

— Да тише вы, — шикнул на нас Бен. — Где-то совсем рядом....

Он остановился и высвободил руку. Я обернулась — по его лицу промелькнула тень, как

мимолетная мысль, и оно опустело. Страх зашевелился в моем сознании, зарделся кулон под тканью платья, согрел кожу сиянием. Сердце забилося пойманной птицей, стало трудно дышать. Я неосознанно потянулась к украшению, накрыла пульсирующий камень ладонью и закрыла на миг глаза. Магия потекла теплой водой, успокоила. Бен повернулся, оглядел туманные стены и шагнул вправо. От него повеяло напряжением, потянуло жаром его силы, она захлестнула меня порывом знойного ветра. Я посмотрела ему в спину, на крепкие плечи, которых так хотелось коснуться. Что-то было в Бене, что заставляло меня холодеть и восхищаться одновременно — его пугающая сущность. Она как корень в сухой почве, осталась глубоко внутри, и до нее не добраться, никогда не уничтожить. Бэлморт. В эту минуту его чутье уловило то, что не могли бы понять мы. Джош нахмурился, придвинулся ко мне, но не решился спросить, что происходит. Я запрокинула голову, ему пришлось склониться надо мной, и мы встретились взглядами. На его лице отразилось глубочайшее смятение, совершенно не свойственное Стэнли. Я подавила нервный смешок. Джош выпрямился, мигнул и впечатлено хмыкнул.

Бен всматривался в звездный туман, и его лицо все больше походило на каменную маску.

— Что ты видишь? — прошептала я.

Он буравил потемневшими глазами неприступную туманную стену и будто совсем меня не слышал. Символы печатей ослепляли — они почувствовали бэлморта и окрасились в красный. Но его это ничуть не беспокоило. Я же отвернулась, не стерпев жжения, отгородилась рукой.

— Никто ничего странного не заметил? — спросил Джош и осмотрелся. От него поползла сила, поплыла по густому воздуху волной щекочущей энергии.

— Что опять? — я в легком оцепенении наблюдала за Беном. Он приблизился к чарам и поднес ладонь, провел ею, изучая мглу на ощупь.

— Разве здесь не должны быть еще четверо охранников?

Я моргнула и обернулась на Джоша. Сердце споткнулось и покатилося кубарем в пятки. В его глазах мелькнула тревога, губы дрогнули, но он так ничего и не сказал. Бен медленно обернулся к нам, его взгляд скользнул мне за спину.

— И что здесь забыла ваша тайная братия?

Повернув голову, я увидела Стэнли в сопровождении четверых фамильяров. Он удивленно улыбался, когда как в сапфировых глазах промелькнул гнев. В свете магического огня его черные волосы отливали синим, светлая кожа казалась белой, и выглядел он нереально красивым, словно ожившая статуя. Одет он был в темную, кирпичного цвета рубашку с длинными рукавами и черные зауженные брюки. Стеклопные пуговицы поблескивали, когда Стэнли двигался, как и весь он в пламени факелов. От него нельзя было глаз оторвать.

— А вот и охрана, — пробормотал Джош, понизив голос, и встретил Главного Фамильяра широкой улыбкой. — Мне конец.

— Кто за этой стеной? — не растеряв самообладания, спросил Бен. Казалось, сложившаяся ситуация его совершенно не смутила — он не дрогнул ни единым мускулом, сосредоточился на деле. Стэнли перевел на него взгляд, его густые брови сошлись на переносице.

— Полагаю, преступник. А что, есть какие-то сомнения?

— Отпусти охрану, — потребовала я. Стэнли снова посмотрел на меня, без тени

улыбки. Его глаза грозно блеснули и сузились.

— Ты понимаешь, о чем просишь, Эшли?

— Отлично понимаю. Разумеется, если желаешь обсуждать расследование в их присутствии, то пусть остаются. Может, советы дельные дадут или ответы вразумительные, как считаешь?

Стэнли поджал губы и поднял руку, щелкнул пальцами — фамильяры покинули темницу, словно в воздухе растворились. Он медленно выдохнул, прикрыв веки на мгновение, и гневно оглядел нас по очереди.

— Что вы задумали? И почему ты, Джош, до сих пор в моем облике?

— Кто здесь отбывает наказание? — повторила я вопрос Бена и подошла к Стэнли почти вплотную, чтобы видеть его голубые и холодные, как лед, глаза.

Он непонимающе скривился и перевел взгляд на Джоша. Я чувствовала его волнение, чего прежде не случалось, ощущала легкое покалывание на коже. Во мне поднялся ответный шквал силы, с губ сорвал беззвучный вздох. Стэнли редко давал волю эмоциям, но сегодня что-то изменилось. Нам удалось загнать в угол Главного Фамильяра? Какие из моих слов зацепили его за живое?

Склонив любопытно голову, я решила его поторопить:

— Нам необходимо знать, Стэнли. Ты можешь открыть ее для нас?

— Вы совсем рехнулись? — бесстрастным тоном проговорил он и спрятал руки в карманы брюк. — Камеры нельзя открывать. Никому неизвестно, что оттуда вырвется на свободу. Хотите с жизнью распрощаться и меня подвести под плаху?

Я непонимающе моргнула, но вперед вышел Джош и встал рядом со мной. Бен медленно обошел Стэнли и застыл у него за спиной. Фамильяр проследил взглядом и изумленно усмехнулся.

— У меня за спиной бэлморт? Seriously? — у него лицо утончилось, злость достигла пика, и скулы выступили из-под кожи. Глаза у Стэнли полыхнули магией, стали чернильно-синими. Его голос прокатился раскатом грома в обители мрака и тишины: — вы подозреваете меня? МЕНЯ?! Да ведь это я вас о помощи просил!

Мы застыли, глядя на него — все трое. Стэнли ждал ответа или какой-нибудь реакции, но никто из нас ничего не предпринял. С шумом выдохнув через рот, он возвел глаза к потолку, такому же призрачному, как и все вокруг. Тихо рассмеялся и опустил голову, посмотрел на нас снисходительно из-под занавеса волос:

— Я не смогу открыть камеру при всем желании. Не решусь взять на себя такую ответственность. Можете обвинять меня в убийстве Адрианы Хиггинз или похищении Сабрин Дей и Валери Гилберт. — Главный Фамильяр протянул нам руки ладонями вверх: — надевайте наручники, пытайте, или что вы собирались сделать. Но я не открою камеру. Нет.

Он говорил убедительно, даже слишком, и заронил в мою душу сомнение. Я покосилась на Бена, но лицо приобрело суровые черты, на лбу пролегла морщинка. Мы мгновение смотрели друг на друга, мысленно решая, как поступить. Стэнли вздернул любопытно бровь и уставился на Джоша. У него как-то получалось одновременно выглядеть сконфуженным и злорадным.

— Сыщики, — с сарказмом произнес Джош и улыбнулся весело, приветливо. — Мастера дедукции.

Я ткнула его локтем в бок, он от неожиданности ухнул.

— Извини, Стэнли, — протянула я и одарила его ослепительной улыбкой. Он

передразнил меня и, хмыкнул. — Не мог бы ты сказать, из какой камеры удрал наш беглец?

Стэнли с непроницаемым видом указал пальцем на соседнюю камеру с той, что изучал Бен.

— Любопытно, — хмыкнул Джош. — Мучитель держит жертв по отдельности. Но каким образом он запирает их внутри?!

— Для этого нужно владеть древней магией, — напомнила я.

— С чего вы взяли, что здесь одна из пропавших девушек? — Стэнли обвел нас взглядом и остановил его на Бене — что-то прочел у него на лице и насторожился.

— На меня не действуют ваши чары, — ответил Бен. Он обошел Главного Фамильяра и встал около стены из тумана. В нее можно было просунуть руку, собрать в горсть ладонью воздушную материю, но проникнуть в камеру — нет. Бен указал на стену пальцем: — там стонет девушка, молит о пощаде. Я бы не стал утверждать, если бы не смог разглядеть ее.

— И что ты там увидел? — заинтересовался Стэнли.

— Девушку в грязном голубом платье, с растрепанными волосами и порезанными руками. Лицо не удалось рассмотреть — она закрыла его ладонями.

— Цвет волос?

— Блондинка, — лаконично бросил Бен.

Сжав губы в тонкую линию, Стэнли развернулся на каблуках и направился к выходу.

— Следуйте за мной.

Вновь вилась лестница, но на этот раз вверх. Черные стены давили на меня, в ушах гудело, нечем было дышать. Повсюду мерещился шорох перьев, взмахи крыльев рассекали воздух около лица. Я вздрагивала и озиралась, но ничего не видела. То ли кулон играл со мной, то ли замок запугивал. Сердце гулко билось, трепетало, и страх сдавливал легкие. Я едва поспевала за Джошем, Стэнли шел впереди. Бен был рядом, но я его не чувствовала. Хватаясь за скользкие перила, я взбиралась по ступеням, и каждый последующий шаг давался с усилием. Здесь, в синем полумраке между стенами Университета, мы оказались скрыты от глаз и ушей Системы. Последнее время Главный Фамильяр искал уединения — его подозрения о заговоре все больше походили на правду.

— Я проверил каждого фамильяра, — сообщил он тихим голосом, не сбавляя шаг. — Взглянул каждому в глаза, и никто из моих людей не пропал.

— То есть? — удивилась я и посмотрела ему в спину. — Но где же четверо охранников?

— В этом вся загвоздка, — гневно протянул Стэнли, бросив взгляд через плечо. — В ту ночь мои фамильяры не заступали в патруль.

— А кто же тогда?

— Люди Мариссы — тоже фамильяры, но из другого, так сказать, подразделения, — пустился в объяснения Джош и остановился, дожидаясь меня. — Голуби.

— И Университет — территория Мариссы, — согласился с ним Стэнли. — А, значит, в ночь, когда из темницы сбежал узник, дежурили ее люди.

— Голуби, — упрямо поправил его Джош.

— Ты говорил с ними? — спросила я и зажмурилась, замерла. Голоса звучали как во сне, даже себя я слышала будто издалека, расплывчато, голова шла кругом. По спине скатилась струйка ледяного пота.

— Как? — Стэнли усмехнулся и передернул величественно плечами. — Без дозволения Мариссы я не имею права их допрашивать.

— Ты же здесь главный, разве нет? — сказал Бен и обернулся. Заметив, что я отстаю, он медлил и то и дело поглядывал назад.

— Главный, да не очень, — Стэнли фыркнул, и даже это у него получилось важно, мелодично, как у певчей птицы. — Я же сказал, что подозреваю заговор?!

— И кому это нужно? — Бен спустился на две ступени и застыл, но не осмелился подать мне руку. Я остановилась и посмотрела вверх. Его лицо было скрыто в тени, исходящий от факелов свет синим ореолом рассеивался вокруг его темной фигуры. Заслепило глаза, своды перехода завертелись немыслимой каруселью. Опустив голову, я медленно выдохнула и продолжила подниматься. В обители Верховной Ведьмы мне ничего не грозило — я так думала, но то, что ослабляло меня, болталось камнем на шее. Проклятый кулон. И какой-то частью сознания я понимала, что это только начало, и дальше будет куда хуже.

— Тому, кто претендует на звание Главного Фамильяра, предводителя птиц-магов.

— Мариссе? — с нескрываемым сомнением протянули в один голос я и Джош. Бен иронично скривился. Проходя мимо, я посмотрела на него. Я ждала, что он изогнет бровь или укоризненно хмыкнет, но Бен остался беспристрастен. Лишь в глазах, глубоко в их

синеве шевельнулась такая скорбь, что у меня в груди защемило. С моих губ сорвался вздох, и Бен нахмурился, отвернулся, чтобы я не видела выражения его лица. Поджав губы, я продолжила путь.

— Больше никто не управляет птицами, — устало проговорил Стэнли и остановился. Он развернулся, чтобы посмотреть, отчего мы так медленно плетемся. Как я ни пыталась смотреть мимо, ему удалось поймать мой взгляд. По лицу Главного Фамильяра пробежала задумчивая гримаса и исчезла под идеальной непроницаемой маской. Он вздохнул и отвернулся, последовал вверх по лестнице. — Она — главная подозреваемая. Вы своими глазами видели, как Марисса ведет себя. Не подчиняется приказам, находит способ обойти запреты.

— Как она стала начальником охраны Университета? — Джош скривился, выказав свое непонимание.

— Долгая история.

— Так излагай вкратце. Юная ведьма, мисс Голубые Глазки внезапно становится во главе отряда фамильяров. Она не окончила Университет, ничем непримечательна и не блистает умом. В голове помада, платья и конфетти. Кто доверил ей руководить патрулем?! — Джош остановился и всплеснул руками: — Странно, что только у меня это вызывает недоумение! Сама собой напрашивается мысль...

Стэнли остановился, резко развернулся и погрозил ему пальцем.

— Вот этого не надо. Держи свои пошлости при себе. Марисса — одаренная ведьма.

— И чем же она одарена? Чувством стиля или чутьем на скидки?

— Я уже упоминал, — стиснув зубы, протянул Главный Фамильяр, в голосе прозвучал намек на то, что его терпение вот-вот лопнет. Он отвернулся и последовал вверх по лестнице. — Голуби ее слушают, смотрят покорно в рот.

— Она их гипнозом берет или короткими юбками? Хоть убей меня, Стэнли, — уже серьезно возмутился Джош, обгоняя его и заглядывая в лицо, — но я не понимаю.

Стэнли тяжело вздохнул и остановился, посмотрел на него снизу вверх.

— Некоторые вещи происходят, и все, Джош. На должность начальника голубинового патруля требовался маг, и Марисса выиграла конкурс. Комиссия работала еще при Линетт, поэтому девице повезло — она входила в круг любимцев преподавательницы. Положа руку на сердце, скажу: при мне она бы вылетела еще на отборе перед экзаменом, — Стэнли невесело усмехнулся и жестом показал, чтобы Джош уступил дорогу. Тот задумчиво нахмурился, но отошел в сторону.

— И ты ничего не можешь предпринять?

— А смысл? — Стэнли пожал плечами, глядя под ноги. — Она сама споткнется и все испортит. Я выжидаю момент. Эта высокомерная нимфетка попила моей крови вдоволь, я устал от ее фортелей, но без дозволения владычицы у меня руки связаны.

— Поэтому нам придется все делать за тебя, — язвительно отметил Бен.

— Вы заинтересованы в поимке преступника, — голос Стэнли вновь был холоден и пуст. — А меня волнует безопасность моих птиц.... Людей.

— А ты только птицами командуешь? — Бен обращался к Стэнли, но я чувствовала его взгляд между лопаток. Шерман шел следом, это смущало и нервировало. Понимая, что он волнуется, я сердилась. Пульс бил в висках, голоса разносились эхом в голове, и мне было безумно холодно. Я не чувствовала рук, но упрямо цеплялась негнущимися пальцами за перила. А кулон теплел, наливался магией, тяжелея. Сорвать бы побрякушку, разбить о пол и

растоптать — он оказался в родных стенах и мучил меня, желая остаться здесь. Без меня.

— В моем подчинении все фамильяры. Все виды, подвиды и породы. Даже Джош.

Джош, услышав свое имя в сочетании с унижительным словом «порода», сплюнул в сторону и посмотрел Стэнли в спину. Его перекосило от злости, но он проглотил обиду и покачал головой. Его умению владеть собой я всегда завидовала, но иногда оно подводило. Например, когда дело касалось Мишель.

— Не знал, что Джош — фамильяр, — небрежно пожав плечами, бросил Бен и смерил Джоша ехидным взглядом.

— Я не фамильяр! — Джош остановился и развернулся к нам лицом. Он стоял посреди широкой лестницы и буравил Бена глазами. Шерман наступил на его болезненную мозоль, и показную сдержанность смело выплеском силы. Бен посмотрел на него снизу вверх, ухмыляясь. Он несколько не боялся Джоша, но им обоим требовалось как-то снимать напряжение. У Бена это получалось лучше. Я бы поддразнила обоих, но оказалась слишком слаба и сосредоточена на подъеме по лестнице.

— Так какие наши дальнейшие действия? — спросила я, проходя мимо них. Мальчики мерились взглядами, и ни один не уступал, а мне хотелось поскорее выйти на свет, глотнуть свежего воздуха. От привкуса древней магии уже першило в горле. — Сколько времени у нас в запасе? Девушка слаба и наверняка потеряла много крови.

— Воздуха в камере хватит на вечность, но ни о каком запасе времени и речи быть не может, — Стэнли провел ладонью по волосам, зарылся в них пальцами. Почудилось, что на его лице промелькнуло мученическое выражение, но он прикрыл веки, взял себя в руки и выпрямился — грациозно, плавно, горделиво. Снова передо мной был прежний Стэнли — закрытый, непрошибаемый, внушающий трепет. И голос Главного Фамильяра прозвучал ровно, будто мгновение назад его не охватывало отчаяние: — Необходимо действовать как можно быстрее. Мы не можем знать, когда убийца решит покончить с ней. И где искать вторую девушку?!

— Кто же эта блондинка? Ты так нам и не сказал, — напомнила я.

— Валери Гилберт, — произнес Стэнли с облегчением. — Никогда бы не подумал, что у меня под носом произойдет такое! Архив не изучен, голуби не допрошены — черт, как бредово звучит.... Кто-то должен поговорить с Мариссой, а кто-то отправится в архив.

Вдруг переход качнулся. Меня окутал мрак — словно одеяло на голову накиннули. Безумно холодно — это последнее, о чем я успела подумать. Выпустив перила, я закрыла лицо ладонями, привалилась к стене и безвольно сползла на пол.

— Эш? — Джош опустился на колени и отвел мои руки, ощупал ледяное лицо, стер со лба испарину. Я заморгала — перед глазами плыло. Ощувив жар, исходящий от его тела, я задрожала. Джош склонил голову, вглядываясь в мое лицо. — Что с тобой?

Я поморщилась, но он не дал мне отвернуться. Заключив руки в свои ладони, Джош стал согревать их дыханием.

— Похоже, кулон почуял дом и пытается от меня избавиться, — я посмотрела поверх плеча Джоша. Бен отошел к противоположной стене и стоял с отсутствующим видом. И я знала — он чувствовал вину за собой за то, что творилось со мной.

— В тайных проходах Университета витает дух Линетт, им пропитаны стены, и не мудрено, что кулон так себя ведет, — Стэнли спустился к нам, замер за спиной у Джоша. — Но боюсь, что дело не только в нем.

— Ты сам догадался, или фамильяры нашептали? — раздраженно бросил Джош.

Я ощутила изучающий взгляд Стэнли и подняла голову. В глазах Главного Фамильяра мелькнула тень — мимолетная мысль, и он нахмурился. Он отвел взор, рассчитывая скрыть то, что я успела заметить. Я непонимающе открыла рот, но меня отвлек Джош.

— Тебе уже лучше? Давай убираться отсюда, пока мы не потеряли тебя, — он взял меня за руку чуть выше локтя, придержал за талию. Так я оказалась вновь на ногах.

— Все в порядке, — я выпуталась из его рук и обернулась. Джош недоверчиво покосился на меня, перевел взгляд на Бена и, закатив глаза, последовал за Стэнли. Бен отлип от стены, спрятал руки в карманы джинсов и посмотрел на меня исподлобья. В его глазах плескался гнев, скулы напряглись, но выражение лица осталось непроницаемым. Я отвернулась, охватила себя руками. Бороться с чувствами у него получалось лучше, чем скрывать их. В груди жгло, глаза щипало, но я упрямо переступала ступень за ступенью. Между нами клубилась магия, по спине бегали мурашки от ее горячих прикосновений. Сомнение и угрызения совести сменила необъяснимая злость на меня, на мою слепую веру в него, но Бен отмахнулся, стиснул сильнее зубы — он понемногу разбирался в себе и увязал в трясине собственных противоречий. И сейчас он подавил порыв подойти ко мне, а гнев — лучшее лекарство от сентиментальности в его случае.

— А куда отправлюсь я? — Джош перешагивал сразу через две ступени, чтобы не отставать от Стэнли. Главный Фамильяр скользил вверх по лестнице бесшумно и текуче, будто у него был лишний набор мышц. Человек так двигаться не может. Я посмотрела ему в спину и ненароком вспомнила его потрясающие крылья. На коже защекотали перья, в голове пронеслось эхо птичьего щебета, и я отвела взгляд. В архив предлагалось отправиться мне, но с ролью соблазнителя для Бена я была не согласна, и он, судя по недовольному виду, был настроен точно так же. Но за нас все уже решили.

— Бен? — обратился к нему Стэнли, разворачиваясь, и театрально поморщился. — Ты же бэлморт, а, как известно, вы обладаете даром соблазна в совершенстве. Так почему бы и нет?!

— Я не обладаю им в совершенстве, — огрызнулся Бен. — У нас это в крови. И необходимым условием является полная холодность и равнодушие. Я не гарантирую, что вспомню — каково это, — последние слова он произнес с нажимом.

— Не скромничай! — хохотнул Джош.

Я ожидала, что Бен посмотрит на меня, но он демонстративно глядел в сторону.

— Бен уже не тот, — прищелкнув языком, саркастически отметил Джош. — Боюсь, не потянет.

Шерман обернулся, полыхнул на Джоша разъяренным взглядом с каменного лица.

— С радостью уступлю тебе эту роль.

Стэнли тихо рассмеялся и покачал головой. Джош замолотил руками в воздухе:

— Нет, что ты! Я не претендую. Мое сердце занято, я не сумею выглядеть убедительно, Марисса почует ложь и пустит меня на меха.

Я вызверилась на него, но не нашла, что сказать.

— Кем же оно занято? — Бен изумленно вскинул бровь. — Тобой?

— Не без этого, — Джош расплылся в самодовольной улыбке. Я фыркнула и, проходя мимо, толкнула его плечом. Он проводил меня растерянным взглядом. — Я не хотел задеть чьи-то чувства.

— Не беспокойся, — холодно бросил Бен и усмехнулся, его лицо при этом ничего не выражало. — Мои ты точно не задел. Нельзя задеть то, чего нет, — с этими словами Шерман

направился к Стэнли. Я обернулась и поймала его ледяной, колючий взгляд, и вздрогнула. Джош заметил и насмешливо свел брови на переносице. А мне стало невыносимо горько, что-то внутри сжалось, жалостливо и мучительно. Через что мы должны были пройти, какие испытания преодолеть, чтобы Бен поддался искуплению? Он разбивал мне сердце, но не осознавал этого. Еще немного, и оно рассыплется в его ладонях....

Мы разошлись под лестницей. Стэнли увел Бена наверх башни, и он даже не обернулся. Я стояла и смотрела Шерману вслед, боролась с наворачивающимися на глаза слезами. Джош подошел ближе, мы соприкоснулись плечами, повеяло его приятным одеколоном, и плакать захотелось еще сильнее. Я прикрыла рот тыльной стороной ладони.

— Вы так ведете себя, так смотрите... будто обижены, что не спите друг с другом, — его голос прозвучал рядом с ухом, тихо и осторожно, с едва уловимой ноткой удивления. Я сглотнула, опустила руку и прерывисто вздохнула.

— Почти так и есть.

— Seriously? — изумленно воскликнул Джош и взял меня за плечи, развернул к себе лицом. Такое выражение у него было, словно мне удалось потрясти его до глубины души. Я изрекла нечто наивное и простосердечное, и это вызывало смесь чувств — от насмешки до восхищения. Я нехотя кивнула и отвела глаза.

— Ну, надо же, — хмыкнул он. — Я думал.... Хм. Вы пугаете меня, ребята.

Не хотелось мне оправдываться перед ним, что-то объяснять. Да, я и Бен являлись образцом благоразумия и целомудрия, но кому было от этого легче? Для чего все эти жертвы и принципы? Джош испытующе смотрел на меня, мерно вздымалась мускулистая грудь, и его мысли проплывали в моем сознании. Он был в шоке. Он в действительности думал, что мы давно любовники и, исходя из соображений приличия, переместился из моей спальни в комнату для гостей. Забавно.... Я рассеянно шарила взглядом по переходу, пока он не зацепился за дерево в горшке. Высвободилась, и Джош позволил — подошла к растению под его тихий озадаченный смех.

— Почему мы медлим? В архиве полно работы, управиться бы до ночи, — сказал Джош. Ему хватило ума закрыть тему и не ворошить мои чувства. Он повесил на лицо будничное выражение, но глаза все еще были слегка расширенны.

— Я хочу кое-что проверить, — я шагнула в переход. Меня окружили разноцветные солнечные зайчики. Блики от витражей играли со светом, и пестрые окружности плясали на полу. Я наступала на них, направляясь к уродливому дереву в горшке.

Сочные красные ягоды шапкой покрывали сухие, истощенные ветви. Такие тонкие, будто плоды высасывали из корней все питательные вещества. Я наклонилась, разглядывая тяжелые ягоды, и вдруг одна, особенно налитая и крупная, оторвалась и упала. Я ожидала, что она покатится к моим ногам, рефлексивно отступила, но плод лопнул, и вокруг тонкой кожицы разлилась лужица сока. Во рту появился металлический солоноватый привкус, к горлу подкатил тошнотворный ком, но я присела на корточки и осторожно коснулась кончиками пальцев густой жидкости. Они окрасились в красный, и я уже знала, что это, когда подносила к лицу, чтобы рассмотреть поближе и ощутить запах. Это была кровь.

Ахнув, я вскочила и заметалась по холлу, не зная, обо что вытереть руку.

— Что с тобой, Эш? — рассмеялся Джош и приблизился ко мне. Я, холодея от ужаса, подняла на него глаза. Что-то он увидел в них и отпрянул, огляделся. Его взор замер на растении, усыпанном кровавыми ягодами. Джош негодуя скривился.

— Что за дрянь?

— Я всем твержу, что с деревом что-то не так, — я брезгливо посмотрела на свою

перепачканную кровью ладонь. — Оно омерзительно.

Джош подошел и склонился над ним, рассматривая ягоды, затем присел и осторожно коснулся пальцем одной из самых крупных. Она качнулась, упала и покатилась мне под ноги. Я пошатнулась к стене, будто плод мог наброситься на меня. Джош проследил за ней взглядом и посмотрел на меня снизу вверх. Его глаза сурово блеснули — он медленно выдохнул и поднялся. Потирая в задумчивости подбородок, прошелся по холлу и вернулся к ягоде, замер передо мной. Мы смотрели вниз на круглую алую полупрозрачную мерзость, и Джош решил раздавить ее. Опустив ботинок, он хмыкнул, наблюдая за растекающейся лужицей.

— Это что — кровь? — в его тоне послышалось отвращение.

— Похоже на то, — я сглотнула кисло-сладкий ком. — Пахнет, как кровь.

Джош посмотрел на меня.

— Из головы не выходит это дерево. Что, если оно имеет какое-то отношение к происходящему?

— Ты спрашивала у Стэнли, что оно здесь делает?

— Да, но он сам удивился, увидев его.

— Просто удивился? — переспросил Джош, на его губах заиграла ледяная улыбка. — Стэнли не удивляется, как правило. Он либо играет, либо догадывается.

— Возможно, он слегка побледнел, — поразмыслив, добавила я. — Совсем чуть-чуть нахмурился.

— Тогда можно смело утверждать, что он имеет соображения на счет этого уродца. Остается выяснить, кто его здесь поставил, и почему именно здесь? На самом видном месте?!

— На самом видном месте сложнее всего увидеть.

— Но ты же увидела?!

— Я почувствовала его темную энергетику, как только вошла. Но это я, Джош. Другие маги могут не обращать внимания на декоративное растение в проходе между башнями и дальше идти по своим делам. Я не видела, чтобы кто-то ползал вокруг него, как мы с тобой.

Джош нахмурился.

— В таком случае, мы идем в архив, ищем любые упоминания о темнице в подzemелье Университета, а после избавляемся от этой мерзкой штуковины.

— Может, сожжем его? — предложила я.

— Как вариант. А теперь пошли, — он взял меня под руку и повел к лестнице, ведущей на второй этаж башни.

Наши шаги отражались эхом от стен и раздавались по всему помещению архива. В воздухе мерцала пыль, чудесно пахло старой бумагой, кожаными переплетами и тайнами. Брэйдэн выглянул на звук из-за стеллажа и приветственно помахал рукой.

— Я ждал тебя, Эшли, — воодушевленно выпалил он и посмотрел на моего спутника. Его лицо разгладилось, напряглось. — А вы — ее друг?

— Я — друг всех и каждого, — Джош выдал ему широкую улыбку и оперся локтем на стойку.

Брэйдэн недоверчиво кинул и исчез за стойкой. Я и Джош переглянулись — неужели он что-то нашел без нашей помощи?! Но вскоре парень выпрямился и опустил перед нами толстую книгу в потрепанном кожаном переплете.

— Это весьма любопытная вещь! В ней упоминается темница.

— А списки узников? В книге о них не говорится? — слегка расстроившись, спросила я и перевернула форзац. Черно-белые иллюстрации были выполнены мастерски от руки и поражали своей точностью и красотой.

— Я пролистал вскользь, не вчитывался, — рассеянно пробормотал Брэйден и пригладил ладонью темные взъерошенные волосы. На нем был черный пуловер, надетый поверх голубой клетчатой рубашки, и серые брюки. Пятна пыли серебрились на одежде, парень заметил, раздосадовано причмокнул и принялся отряхиваться. — Здесь история Университета. Что касается заключенных в подземелье преступников, то следует искать книги с золотыми закладками-лентами. Именно так отмечаются записи, сделанные Верховной Ведьмой.

От мысли о том, что сама Верховная Ведьма прикасалась к книгам, по коже побежали мурашки. Меня волновала каждая мелочь, связанная с ней, любая деталь, способная что-то поведать о нашей правительнице. Коснуться страниц, расписанных ею, открыть и пролистать книгу, что читала ОНА — бесценно. Пока Владычица магов упивалась своей таинственностью, я искала ниточки, ведущие к ней, и собирала крошки, чтобы объединить в целую картинку. И готова была пойти на многое, чтобы встретиться с Верховной Ведьмой лично, но пока могла довольствоваться фолиантами, подписанными ее рукой.

Брэйден вывалил перед нами кипу папок и потрепанных книг, подняв в воздух облако пыли. Джош закашлялся и отпрянул от конторки, поднеся ко рту кулак.

— Можете разместиться за стеллажами, — вытирая ладони о брюки, предложил архивариус. — За столом вам будет гораздо удобнее.

Мы так и поступили — расположились за рядами полок, в глуби помещения за небольшим столом. Его покрывала пурпурная бархатная скатерть с желтой бахромой, из-под нее торчали ножки — резные деревянные львиные головы. Нас окружали витражи, как в волшебной шкатулке — мозаичные окна были повсюду. Обложившись древней макулатурой, я и Джош увязли в нескончаемых исторических фактах. Он довольно быстро приуныл, растеряв весь энтузиазм, я же из последних сил вглядывалась в рукописные строчки. Отложив очередную книгу, я перевела дух и пододвинула к себе следующую, но на глаза попалась бледно-желтая картонная папка. И я не удержалась. Бумага была плотной, серовато-белой, чернила — иссиня-черные, блестящие. «Особые заметки» — интригующее название. Я сразу обратила внимание на красивый каллиграфический почерк, а когда перевернула титульную страницу, то обнаружила золотую ленточку.

— Джош, — шепотом позвала я и потрепала его за рукав.

— А? — рассеянно отозвался он, и я подняла голову. Джош вытянул шею и всматривался в зазор между полок поверх ряда книг.

— Что ты там увидел?

— Кто-то пришел к Брэйдену.

— И чем же тебя это заинтересовало? — я усмехнулась и пододвинула к нему свою находку.

Джош посмотрел на меня, игнорируя папку с золотой закладкой. В его глазах блеснул интерес, но он не был связан с литературой.

— Я научился у тебя любопытству, — раздраженно фыркнул он. — Хожу, развесив уши, и запоминаю любую чушь. Поэтому не мешай мне подслушивать чужие разговоры.

Отвернувшись, он состроил внимательную мину и загадочно прищурился — процесс был запущен. Улыбнувшись, я подперла голову кулачком, наблюдая за Джошем. В ожидании,

когда ему наскучит шпионить и....

— Сейчас не лучшее время, — понизив голос, сказал Брэйден.

— Мы решили нанести тебе предупредительный визит, — чуть слышно произнес низкий мужской голос с едва сдерживаемым гневом.

— Повсюду фамильяры, — поддакнул второй, тоже мужской, слегка нервно и быстро проговаривая слова.

Я не видела собеседников Брэйдена, как и его самого — только спину в узком проеме между стеллажами. Я забыла про воздух и, кажется, даже перестала моргать. Джош покосился на меня и прыснул, опустив голову. Пихнув его ногой под столом, я продолжила вслушиваться в чужую беседу.

— Хватит играть с нами, — проревел первый и стукнул кулаком по стойке. — Мы по горло сыты твоими сказками! Держи язык за зубами, Брэйден, и все твои кости останутся целы.

— Это угроза? — голос Брэйдена прозвучал холодно, но в нем чувствовалось напряжение.

— Нет, что ты! — первый саркастически изумился. — Всего лишь житейское замечание.

— Тише, Тед. Мы не угрожать пришли, — примирительным тоном сказал третий и обратился к архивариусу: Ты думаешь, мы в одной связке? Не бывать этому. Где ты, и где мы, Брэйден?

— Это в ваших же интересах, — терпеливо возразил Брэйден. Его плечи напряглись, пальцы вцепились в столешницу. Он жутко нервничал, но голос его звучал ровно и рассудительно.

— В наших? — переспросил высокий мужской голос — уже четвертый. — С каких пор?! Вляпались мы из-за тебя!

— В первую очередь все-таки из-за своей глупости, — поправил его Брэйден. — Никто не подумал, чем эта блажь вам обернется, верно?

— Нам, — прорычал первый.

— Нам, — соглашаясь, вздохнул архивариус. — Но помните: хотите вы того или нет, а наши судьбы сплетены в узел. Иначе правда о вашей теплой компании всплывет наружу. — Он выдержал паузу. Убедившись, что достиг желаемого результата, Брэйден добавил: — Я постараюсь. Вы слишком глубоко увязли, парни. Самостоятельно выбраться не удастся, и к кому вы придете, а?

— Ты все придумал, — сглотнув, презрительным тоном бросил второй.

— Да нет же! Я дал вам инструмент, остальное вы сотворили без моего участия.

— Это не снимает с тебя ответственности, Брэйден, — полыхнул жаром голос третьего невидимого гостя.

— Кто тебе поверит? — плюнул первый и подался вперед. Показались мускулистые руки, опершиеся на стойку. Пригнувшись, я сползла со стула, перебежала к стеллажу и присела на корточки. Но и этого было недостаточно. Обратившись в полупрозрачную дымку, я скользнула вверх, протиснулась между книгами и затаилась.

— «Что ты вытворяешь?» — обеспокоенно прозвучал голос Джоша в моем сознании.

— «То, что должна и умею».

— А кто вам поверит, Тед? — прямодушно возразил Брэйден и достал руки из-под стойки, положил их перед собой и сцепил пальцы. Он играл с огнем, блефовал, но его

«гости» этого не ощутили. Они сами были на взводе — воздух трещал и переливался от напряжения. Я во рту чувствовала их объединенный страх, как горячий леденец.

Тедом звали первого — крупного мускулистого парня. Темные волосы коротко подстрижены, слегка вздернутый нос и улыбающийся разрез глаз. Не красавец, но от него веяло обаянием, необъяснимым шармом. Он был одет в однотонную серую футболку с длинными рукавами и темно-синие джинсы, и одежда сидела так, словно ее сшили прямо на нем — тесно и четко повторяя контуры тела, но, не сковывая движений. Про себя я отметила, что Тед довольно привлекателен, и обладал необычным цветом глаз — желто-зеленым.

— Если ты работаешь в архиве, книжный червь, и на хорошем счету у Стэнли, это не значит, что мы не достанем тебя, — прорычал он и перегнулся через стойку, нависая над низкорослым Брейденом. Мышцы на руках вздулись, ткань футболки натянулась, и никаких сомнений не возникало в том, что он одним ударом отправит дерзкого архивариуса отсыпаться под стойку. Я бы на месте Брэйдена сбавила тон и придержала пыл, но это был его бенефис, не мой. Что же он задумал?

— Не советую мне угрожать, — проведя пальцем по стойке, произнес Брэйден. Похоже, его не так просто сломить, одной игры мускул недостаточно.

Тед стиснул зубы, но промолчал. На слова Брейдена отреагировал второй — рывком подался вперед и почти лег грудью на стойку. У него были большие голубые глаза и короткие русые волосы, взъерошенные средством для укладки. Миловидный, даже смазливый — таких парней любят девушки, но, как правило, кроме внешности предложить им больше нечего. В бордовой толстовке с капюшоном поверх обтягивающей белой футболки, и потертых черных джинсах он выглядел так, словно забежал в архив после спортивной тренировки, перепутав двери с раздевалкой. Он был атлетически сложен, но заметно уступал в габаритах Теду. Сейчас, сверля Брейдена глазами, парень внушал опасение, вокруг него клубилась энергия, и язык не поворачивался назвать его слащавым. Опустив голову, он сдержал порыв врезать тощему Брэйдену. Во многом благодаря тому, что их разделяла стойка.

— Ты себя в зеркало видел!? — прошипел он и посмотрел на него исподлобья. — Да я тебя размажу по стенке, мозгляк!

— А вот и нет, Ленни, — улыбаясь, возразил Брэйден. — Пока это не в вашей власти.

— Успокойся, Ленни. Никуда он не денется, — изрек четвертый. Я попыталась рассмотреть говорящего, но его загораживал Ленни. — Разве что исчезнет в одной из своих книг. Но мы и там его разыщем.

— Так, может, пора прихлопнуть его, сообща? Никто не узнает, — предложил третий с легкой небрежностью в голосе.

Он прошелся за спинами товарищей, как тигр в клетке, заметивший добычу, но не в состоянии до нее добраться. Остановившись рядом с Тедом, он скрестил руки на груди. Ростом ниже среднего, узок в плечах и совсем неприметен внешне. Темные волосы вились мелкими кудряшками, карие глаза светились добротой, но почему-то именно от него больше других несло опасностью. Он был одет в бледно-голубую рубашку, серый неброский пиджак и черные брюки и выделялся на фоне своих друзей. Не только отсутствием бицепсов, но и наличием интеллекта, который светился в темных глазах.

— Я же говорю, Арне, — усмехнулся Брэйден и склонил голову набок, — не советую вам этого делать. Сами же пострадаете, к тому же, меня быстро хватятся.

— Какой резон нам дальше вести с тобой дела? — спокойно спросил четвертый и подвинул Ленни, вышел вперед, чтобы лучше видеть архивариуса.

Я узнала его сразу. С этим парнем мы столкнулись в переходе между башнями. Волосы у него были светлые и отливали золотым, черты лица приятные, мягкие, если не сказать — идеальные. Он возвышался над своими друзьями и при таком росте был довольно пропорционален, хоть и худощав на мой вкус. Парень подкупал теплым взглядом, который выгодно подчеркивал темно-каштановый пуловер с круглым вырезом. И говорил он тихо и беззлобно:

— Ты угрожаешь нам, Брэйден. Как, по-твоему, мы должны реагировать?

— Подожди, Картер, — перебил его Тед, глядя на архивариуса. — Кто тебя хватится, Брэйден? Кому ты нужен со своей макулатурой?!

Обстановка накалилась. Ленни нахмурился и отпрянул, сложил руки на груди. На его лице застыла гримаса недоумения. Он повернул голову, посмотрел на Арне — тот мигнул и перевел взгляд на Брэйдена.

— Что ты задумал, книжный червь?

— Вас Марисса попросила? — спросил он, и в помещении повисла тишина.

Странная разномастная компания заметно напряглась. Тед забегал взглядом и оттолкнулся от стойки. Ленни украдкой поглядел на выход, а Арне нервно озираясь по сторонам. Картер же упрямо глядел на Брэйдена.

— Не приплетай Мариссу, — процедил он и угрожающе подался вперед. В его голосе прозвучали первые искорки гнева.

— Я знаю, она твоя подружка, — быстро проговорил Брэйден и отступил, попятился к стеллажу. — Но я не виноват.

— А кто тогда? — взревел Картер и бросился через стойку на Брэйдена. Он уперся спиной в стеллаж, но и тогда Картеру не удалось его достать — Тед и Ленни схватили друга под руки и оттащили на безопасное расстояние.

— Ты заплатишься, Брэйден, — прошипел Картер, багровый от ярости. Он вырывался, но товарищи крепко держали его. Тогда он стал размахивать ногами и бить ими по стойке. — Ты за все заплатишься!

Брэйден лишь робко помотал головой.

Тед и Ленни потащили Картера к выходу, Арне же решил задержаться. Опустив руки свободно вдоль тела, он стоял перед Брэйденом и сверлил его презрительным взглядом.

— Ты забыл про Адриану? — сглотнув, хрипло спросил он. У него под глазами пролегли тени, на лице отразилась скорбь, но голос звучал монотонно, устрашающе. — Она мертва.

В его словах был тайный смысл — я услышала намек, и Брэйден тоже. Он протестующе выставил вперед ладони.

— Нет.

— Да, — многозначительно кивнул Арне. — Кто ответит за ее смерть? Ты, конечно.

Он холодно усмехнулся и направился к выходу. Тед и Ленни выволокли бессвязно рычащего и плюющего Картера из архива. Когда за ними захлопнулась дверь, Брэйден сел прямо на пол, закрыл лицо руками и притих. Я промелькнула между полками, вернулась к Джошу и вновь обрела телесный облик. Взобравшись на стул, оправила платье под его требовательным взглядом.

— Что? — прошептала я и нахмурилась.

— Теперь я тебя понимаю. Это так захватывающе!

— Ты хоть понял, о чем они говорили?

Выражение его лица стало непроницаемым, от улыбки не осталось даже тени в глазах.

— О смерти Адрианы, и о том, что ее убийство повесят на Брэйдена.

— А еще?

— Их подослала Марисса. Похоже, Брэйден ей чем-то мешает.

— Думается мне, эти четверо замешаны в убийстве Адрианы, — вздохнула я и пробежалась взглядом по строчкам в раскрытой папке. — Вот только кто запер в темнице других девушек, и как их оттуда вызволить?!

— Марисса должна знать. И эти четверо. Убийца мог забрать все важные записи или вынудить их отдать Брэйдена, но как это выяснить? Попробовать допросить его?!

— Вряд ли это что-то даст. Его крепко держат, — я прикрыла глаза ладонью и отодвинула рукопись. Здесь мы ничего нового не узнаем, только напрасно потеряем драгоценное время. Оставалось уповать на обаяние Бена. Как бы ни было неприятно думать об этом.

Бен ждал нас в холле главной башни. Он сидел в кресле и смотрел в одну точку на стене. Картины с диковинными тварями его не интересовали — на лице застыло напряженное выражение, в глазах плясали тени. Сложив руки на коленях, он склонился вперед и перебирал пальцами, сцепленными в замок. Я издалека почувствовала его раздражение и сбавила шаг. Горячие импульсы магии вились вокруг Бена, клубились. Не хотелось мне знать, как прошло его знакомство с Мариссой. И слышать ничего не желала. Но, стоило нам сойти с лестницы и приблизиться к Бену, как сила растворилась в воздухе. Он продолжал сидеть с отчужденным видом. Пришлось встать перед ним, чтобы привлечь к себе внимание. Шерман перевел на меня пустой взгляд.

— Как все прошло? — спросила я.

Повернув голову, Бен посмотрел на меня снизу вверх. Не выдержав тяжести его взора, я отвела глаза. Он медленно поднялся из кресла, все так же глядя на меня, прожигая мыслями. Джош косился на нас с нескрываемым интересом. Затея с Мариссой и правда была идиотской, но на другую, более удачную попросту не осталось времени. Мне было больно предлагать Бену участвовать во всем этом, но чувства пришлось подвинуть. Я верила, что мы справимся. Хотела верить.

— Лучше не бывает, — сухо бросил он.

— Тогда что с тобой? — удивился Джош и усмехнулся. — Оказался не в ее вкусе?

— Очень даже, — Бен устало запрокинул голову и, убрав руки в карманы джинсов, закатил глаза.

Джош поцокал, состроив сокрушенную мину, и Шерман смерил его пронизывающим взглядом.

— Она будет ждать меня на вечеринке. Так что мы идем на бал.

— Я безумно рада, — голосом, лишенным эмоций, произнесла я. — Даже не знаю, как выразить неопишуемый восторг по этому поводу.

Бен поморщился, чуть заметно смутился. Моргнув, он поглядел на меня, и я пошатнулась от наплыва его гнева. Сузив глаза, он всмотрелся в мое лицо, будто ждал чего-то, каких-то слов — извинений? Я нахмурилась, но положение спас Джош.

— Мы тоже зря времени не теряли, — выдохнул он и похлопал Бена по плечу. — Осталось прищучить Мариссу, и дело в шляпе! Так что ты служишь великому делу, Бен. Не зря мучаешься.

— Кто сказал, что я мучаюсь? — ледяным тоном бросил он и уставился в стену, вскинув бровь. Такое выражение у него мелькнуло на лице, что у меня в груди защемило. — Давно так не развлекался. Заках в четырех стенах, растерял сноровку.

— Ничего, — ободряюще протянул Джош, искоса заметив мое замешательство. Я силилась сердиться на них, но к горлу подбирался ком. Он мешал здраво мыслить и дышать. — Наверстаешь, Бен. Марисса — горячая штучка. Суховата, на мой взгляд, но на безрыбье...

— Может, хватит? — я сама почувствовала, с каким жаром прозвучали слова.

— Что — хватит? — Джош посмотрел на меня с деланно изумленным видом. Бен, наконец, удостоил меня взгляда — колючего, упрекающего. Внутри что-то надломилось,

сердце затрепетало. Он злился на меня. Я разве заслужила?

— Соревноваться в остроумии. Хотели уесть? У вас это получилось, — растягивая слова, чтобы не сорваться, сказала я. Скрестив руки на груди, с недоумением взглянула на них по очереди. — Когда вы спелись?

— Мы присматривались, — заявил Джош, и Бен, соглашаясь, кивнул и осклабился. — Так бывает у мужчин. Теперь мы — закадычные друзья.

Положив руку Бену на плечи, Джош выдал широкую улыбку. Шерман еще мгновение подыгрывал, но вдруг раздраженным движением плеча оттолкнул его и скривился.

— Ты уже явно переигрываешь.

Поджав губы, я развернулась на каблуках и направилась к выходу, пробормотав себе под нос:

— Балваны.

Дома нас ждал сюрприз — Моника вышла из спальни. На кухне витали аппетитные ароматы — ваниль, дрожжевое тесто и лесные ягоды. Во рту появился теплый привкус свежей выпечки, и желудок жалобно сжался. Сидя за столом в белом длинной халате, сестра попивала кофе и читала с важным видом газету. Холодные сумерки за окном окрасили двор в медово-оранжевой гамме, по небу размазались перистые облака, подсвеченные заходящим солнцем. Я прошла к раковине, наполнила стакан водой из крана и жадно осушила его. Моника повела бровью, выглянула поверх газеты. Отметив про себя, что она посвежела, я отвернулась и убрала стакан на полку. Из всех нас сестра больше всего была рада видеть Бена. Джош заметил блюдо с пирожками и забыл о моем существовании. Я прошла к лестнице, чувствуя между лопатками пристальный взгляд Бена, и взбежала наверх. Он остался внизу, соблазнившись на предложение Джоша перекусить, но меня замутило от одной мысли о еде. Холод пробирал до дрожи, и я уже знала, что происходит.

Наполнив горячую ванну, я добавила в нее душистую пену и погрузилась в воду. Благоухание пионов и лилий окутывало легкой вуалью, я легла и расслабилась. Нежась, вдохнула приятные пары и прикрыла веки. Попытка успокоить разыгравшиеся нервы. Что со мной сделала Линетт? Как ее кулон изменил меня? Размышляя, я открыла глаза и посмотрела на свои ладони, подняла их, черпая пену. Воздушные пузырьки просачивались сквозь пальцы, это навело на мысль. Как приручить тьму? Я все еще не понимала, каким образом призывала ее. Черная липкая дрянь появлялась каждый раз, когда меня охватывал гнев, но откуда она выползала? Откуда знала, что необходимо делать?

Случайно увидев, что кулон снова темнеет и приобретает сине-черный цвет, я приподнялась, схватившись руками за бортики ванны.

Сила играла на коже, пылала надо мной заревом, но я, не моргая, глядела на стены — по ним ползла тьма. В голове зашумело, зазвенело, но то были не птицы.

— Я вижу только то, что ты мне показываешь, Линетт. Потому что хочу это видеть, хочу верить тебе. Но покажи мне правду, — бархатный голос Ровера принёсся издалека и окутал, вызвал мурашки, словно по коже провели пуховкой. Зажмурившись, я прерывисто выдохнула, но что-то шевельнулось у стены и привлекло внимание, но он не позволил мне посмотреть. — Не позволяй тьме овладеть тобой! Не впускай ее!

В ушах звучало гулкое эхо, слова повторялись, как заезженная пластинка. Я не заметила, как сама начала их шепотом проговаривать. Стоило только подумать, что Ровер имел в виду, как в помещении похолодало. Неуловимый порыв воздуха пронёсся вдоль стен, шелохнулись

тюли на окне. Я села, обхватив руками колени, и подняла ненароком глаза. Из вентиляционной решетки скользила тьма. Она стекала, как черная краска, подтеки стремились вниз, где собирались в лужицу.

— Ну, здравствуй...

Тьма дрогнула, по глянцевой поверхности прошла рябь. Она остановилась, как покорный ждущий зверь. Темная магия, подвластная моему зову. Жутко было даже думать об этом. Когда-то бумажные салфетки в моих ладонях превращались в живые цветы. А что теперь? Я пугала саму себя.

Тьма шевельнулась, словно в нетерпении. Я склонила любопытно голову.

— Что ты такое?

Она поползла ближе, растеклась по кафелю перед ванной. Я осторожно взглянула вниз — лужа осталась неподвижна, точно черное зеркало. В отражении мое лицо казалось бледным, черты болезненно утончились, а глаза.... В них чудилось что-то чужое, пугающее. Я не заметила, как свесила руку, желая дотронуться. Мои волосы были черными и блестящими, как шелк. Они спадали волнами на плечи, и в тот момент я не вспомнила о том, что они должны быть мокрыми и прилипшими к шее и спине. Локоны упали на лицо, обрамляя его, свесились с моим движением.

— Не смей! Не делай этого! — голос Ровера отрезвил, как пощечина.

Я заморгала, силясь понять, что произошло. Но вдруг вздрогнул кулон, потемнел камень, потяжелел, и тьма зашевелилась. Она скользнула к ванной, потекла вверх. Я отпрянула, сердце забилося у горла, пульс оглушал раскатами грома. Стало холодно, пена растаяла слишком быстро, и это заставило меня повернуть голову. Вода замерла и потемнела — тьма сочилась из слива, как пролитые чернила. Я вскочила, взвизгнув, и перешагнула бортик.

Она заполняла комнату. Ноги подкосились, и я припала к раковине. Руки скользили, я сползала на пол, по которому стелилась липкая дрянь. Стянув с крючка белый пеньюар, надела его на мокрое тело, завязала пояс. Нужно было выбирать, но как? Она окружала, вытесняя тепло и свет из помещения. Круглый лиловый коврик был единственным островком, нетронутым тьмой, и я встала на него. Страх колотился в груди, губы пересохли, и я смогла позвать лишь шепотом:

— Бен....

Он распахнул дверь рывком, она ударилась о стену. Свет из спальни озарил ванную, окутанную зловещей тенью. Бен шагнул внутрь, и тьма раздалась перед ним, поползла прочь. Я сжимала в ладони пылающий, жалящий кулон. Он был таким горячим, что, казалось, вплавился кожу. Бен подошел и склонился — я стояла на коленях, не помня, как оказалась в таком положении. Он поднял меня на руки без усилий, прижал к груди — мой отважный рыцарь. Черная дрянь взбиралась по стенам, затекала обратно в ванну и ускользала туда, откуда явилась. Джош застыл в дверях, ошалело оглядывая комнату, будто видел то же, что и я.

Бен внес меня в спальню и посадил на кровать, а Джош остался стоять.

— Что это?

— Ты видишь? — осипшим голосом спросила я, но посмотрела на Бена. Его глаза слегка расширились от волнения, но выражение лица осталось равнодушным. — Это темная магия. Стекается ко мне со всего города, из всех мертвых домов.

— Зачем? — чуть слышно спросил Джош, пятясь от ванной. — Что ей нужно?

— Я. Ей всегда была нужна я.

Он обернулся, чтобы видеть меня.

— И что произойдет, если она получит то, что хочет?

— Вы же видели, как я набросилась на Брейнта, — я пожала плечами. — Думаю, ничего хорошего.

— Разве ты ею не управляешь? — спросил Джош, обходя кровать кругом, будто боялся ко мне приближаться. Я подобрала ноги, прижала их к груди. Меня трясло так, что зубы стучали.

— Я тоже так думала, но теперь не знаю.

— Но ты догадываешься? — не унимался Джош, сокращая между нами расстояние медленно и плавно, словно недоверчиво крадущийся кот.

Бен стоял передо мной и невидящим взглядом смотрел мимо. Я потянулась, накрыла ладонью его руку, но он поспешно отстранился. Нет, он не отверг меня — его переполняло чувство вины.

— Я притягиваю бэлмортгов, ко мне стекается тьма со всей округи. Похоже, я магнит для неприятностей. И кажется, виной тому проклятый кулон.

Робко улыбнувшись, я взглянула на Джоша, но ощутила взгляд Бена и вздрогнула. Он прошелся до стены, посмотрел в окно. Запустив руки в волосы, он закрыл глаза.

— Ты не виноват, Бен, — я осторожно поставила ноги на пол и попыталась встать. — Твое присутствие в моей жизни никак не связано....

— Откуда тебе знать? — холодно перебил он и повернулся к нам лицом, его руки безвольно повисли вдоль тела. Джош казался спокойным и задумчивым. Он добрался до стены и привалился к ней плечом, потирая подбородок. Бен поставил руки на пояс и невесело усмехнулся: — Ты стала меняться, когда я появился у калитки твоего дома.

— Нет. Это началось, когда я получила кулон Линетт. Ты наоборот спасал меня и сейчас спасаешь. Тьма боится тебя, Бен.

— И все же ей удалось достать тебя, — с горечью произнес он и поморщился. — Хреновый из меня спаситель, Эшли.

— Я не пойму, — скривив рожу, сказал Джош и посмотрел на нас по очереди, лишь на миг задержав взгляд на лице Бена. Тяжело выдохнув, он обратился ко мне, ткнув в его сторону пальцем: — У него прилив совестливости? Впервые случилось, вот и бесится?

— Похоже на то, — с вымученной улыбкой ответила я. — Бен еще плохо справляется с эмоциями, а чувства и вовсе вызывают у него агрессию.

Бен поджал губы и склонил голову набок.

— Ничего, что я здесь и все слышу!?

— Это часть терапии, — Джош многозначительно кивнул.

Прерывисто вздохнув, я опустила взгляд на свои руки. Они дрожали.

— Я должна узнать, почему так происходит. Должна выяснить, почему тьма так стремится заполучить меня, чтобы попробовать предотвратить, пока еще не поздно.

— Ты говорила, в воспоминаниях Линетт постоянно ссорится с каким-то мужчиной, — вспомнил Бен и прошелся до кровати, сел рядом, и меня окутало ароматом его кожи. Приятно закружилась голова, я потупила глаза, чтобы он не заметил. — Ты уверена, что ничего не ускользнуло от твоего внимания? Какая-нибудь мелочь или слово, смысл которого остался неясен?!

— Роверу было не по нраву, что Линетт без его ведома привела в дом девочку. Она

объяснила это тем, что давно хотела дочь, но он обвинил ее в жестокости.

— В жестокости? — протянул Джош. — Что в ее поступке было жестокого?

— Она что-то сделала. Ровер сказал, что Линетт обрекла девочку на муки и обременила тяжелой долей — я так поняла.

— Тебе сколько лет было, когда Линетт приняла тебя в Университет? — задумчиво потирая подбородок, поинтересовался Джош.

Я испуганно помотала головой.

— Я была уже взрослой. И она приняла меня за особенные способности.....

— Ты видишь тьму, Эш. Именно за это она тебя приняла. А когда они говорили о девочке, то объяснялись фигурально.

Опустив голову, я перебирала пальцами край халата. Бен осторожно накрыл ладонью мои руки — кожа озарилась нежно-голубым свечением, и по телу пробежала сладостная дрожь. Джош подошел ближе и вытянул шею, изумленно глаза на нас. Он никогда такого не видел и был потрясен до глубины души.

— Невероятно, — пробормотал он.

— Я не хотела в это верить, — прошептала я. — Надеюсь, что ошибаюсь.

— Ничего зазорного не вижу в том, что тебя приняли за особенный дар, — удивился Джош, все еще не в силах оторвать взгляд от наших переплетенных рук. Ему нужно было увидеть своими глазами, чтобы поверить в то, что искупление — не плод моей фантазии. И он увидел. — Я имел в виду, что это Линетт и привлекло в тебе. Она относилась к тебе, как к дочери, верно?

— Пожалуй.

— Они ссорились из-за тебя. Я давно служу в Системе, и застал Линетт. Поверь мне Эш, у нее не было других преемниц, кроме тебя. Никогда.

— Тогда ты должен был застать и Ровера, — я посмотрела на него с надеждой. — Я должна его найти и поговорить.

Джош насторожился. Его взгляд застыл на моем лице — он закрылся. Я смотрела на него и видела пустоту, а когда мысленно обращалась, то наталкивалась на стену.

— Ты знаешь его, — холодно проговорила я.

Джош коротко мотнул головой.

— Нет, не знаю.

Бена окатило порывом магии, взметнувшимся от меня — он поежился и сжал мои руки в своей ладони.

— Лжешь, — прорычала я, поднимаясь на кровати. Кулон полыхнул, и в нем зашевелилась тьма. Ярость, обжигающая изнутри, нахлынула внезапно и казалась чужой. словно со стороны я слышала свой голос, почувствовала горячий наплыв силы. Цвета меркли, звуки стирались в монотонный шум, кожа дернулась от ощущения магии, растекающейся по воздуху, словно запах парфюма.

Я увидела в глазах Джоша горечь и сожаление, и подалась вперед, но Бен перехватил меня. Поймав руками, сдвинул и притянул к себе, так близко, что я была вынуждена прижаться спиной к его груди. Его тело пылало — это я остыла, и кожу кололо тонкими иглами. Захотелось обернуться его крепкими мускулистыми руками, свернуться клубочком и растаять. Я тряхнула головой, и волосы немного просохли. На большее сил не хватило — тьма и гнев ослабили меня. Футболка Бена промокла от моего халата. Приятное тепло от соприкосновения отрезвляло, играло с волосками на теле. Звуки постепенно возвращались,

цвета снова были насыщенными, реальными. Привстав, я хотела коснуться губами шеи Бена, а не разорвать на части Джоша. На этой мысли я очнулась, меня снова сковал холод. Он был где-то глубоко внутри, настолько, что одними лишь объятиями не согреться.

— Тебе все еще интересно, что будет с ней, когда тьма доберется? — сквозь зубы спросил Бен.

— Прости, Эш, — протянул Джош и качнул головой. — Но здесь я не могу ничем помочь. Я не знал никакого Ровера.

Попытка заговорить чуть не стоила мне языка. Бен почувствовал — прижал меня к себе еще сильнее. Нас разделяли миллиметры ткани, и это заставляло сердце пылать, колотиться и подпрыгивать к горлу.

— Иногда кажется, что действительно во мне причины их разногласий, — голос сорвался до шепота — я таяла в тесных объятиях. — Но Ровер мог бы развеять мои опасения и пролить свет на судьбу Линетт.

— Мы найдем его, Эш, — пообещал Джош и обошел кровать. Он опустился на корточки и обнял мои колени, принялся растирать их ладонями. Я не могла смотреть ему в глаза — неизвестно откуда взявшаяся скорбь мешала Джошу быть самим собой. Теперь я была уверена, что он что-то знает.

Бен медленно выдохнул и ненавязчиво прижался щекой к моему виску. Мы сидели на кровати, и ему некуда было деть голову. Почувствовав, что немного согрелась, я высвободила руку, чтобы сплести с ним пальцы. Это успокаивающее движение стало для нас настолько привычным, естественным, что Бен не обратил внимания. И не заметил, как магия проступила на коже голубыми замысловатыми узорами.

— Нихрена себя, — вырвалось у Джоша.

— Первым делом мы должны выяснить, зачем Мариссе похищать девушек и заточать их в темнице? Какую ценность имеет их кровь? А если все это можно связать с деревом в переходе....

— Мы не там ищем, — прошептал Бен и обжег дыханием, мой пульс затрепетал бабочкой. Он заправил мне волосы за ухо — они мешали ему, щекотали лицо. Невольно дотронулся до шеи, и по моему телу прошла волна дрожи. Пальцы скользнули по коже нежно и бережно, она плавилась от его прикосновений. — Нам нужны сведения об этом дереве. Верится с трудом в то, что оно появилось в башне случайно.

— Я слышал о кровожадных растениях. Они не произрастают в Эгморре, — сказал Джош. — Значит, его кто-то специально привез.

— Кому-то в подарок? — выдохнул Бен горячо и близко, сбивая с толку. Я заставляла себя вникать в разговор, силилась не отвлекаться, но тщетно. Каждое его движение распаляло чувства, и тело, словно один сплошной оголенный нерв, отзывалось на его тепло.

— Ты приглядываешь за Мишель? — я попыталась отстраниться, и Бен поддался — мягко выпустил мои руки, пропустил их сквозь пальцы. Я судорожно сглотнула, по спине скользнула дрожь. Не хотелось покидать плен его объятий, упускать мимолетную возможность ощутить, каким ласковым он может быть. Кому я вру? Я боялась потерять голову, боялась, что наша слабость разозлит Бена и спугнет. Если бы все зависело только от меня....

— Она скрупулезно перебирает побрякушки, когда не занята разглядыванием своей идеальной внешности, — голос Джоша упал до беспомощного шепота. И столько в нем было скорби и боли, что на глаза навернулись слезы. Я накрыла его руку ладонью. — Я смотрю на

нее и не узнаю свою Мишель. Она же глядит на меня и не замечает, будто глядит куда-то вглубь, плотоядно, и видит лишь еду. И я чувствую, как ее личность растворяется в этом неизвестном нам чудовище.

Джош опустил голову, погрузился в свои мысли. Я не выдержала их тяжести и вновь прижалась к Бену. С ним спокойнее, теплее. Из головы выветривалось все, что мешало ощущать его близость.

— Мы выясним, как ее спасти. Перевернем все полки, выпотрошим все книги до единой. — Я прижалась лицом к колючей щеке Бена. Закрывает глаза, позволив ему водить пальцами по шее.

— Мы должны были сами обшарить архив, — кивнув, добавил Джош и сдал в руках мои щиколотки. Я бы воспротивилась, но оказалась слишком увлечена другим. — Брэйден как-то замешан в этой истории.

— Из темницы сбежала Адриана, а не узник, — сказала я, уткнувшись лицом в шею Бена. Он прижимался щекой к моему виску, кожу обжигало тяжелое прерывистое дыхание, и у меня дух захватывало от ощущения его беспокойного пульса на языке. — Фамильяры преследовали ее, и их было четверо.

— Как и четверо парней в архиве, — Джош опустил подбородок на мои колени. — Они служат Мариссе.

— Она их послала вдогонку, но они вернулись с пустыми руками. Убили сбежавшую ведьму, чтобы тайна не всплыла наружу.

Я пригrelась, замлела, окутанная телом Бена. Внизу живота что-то напряглось, вспыхнуло от прикосновения его жаркого дыхания. Он скользнул губами за ухом вдоль линии волос, не целуя, но прижимаясь. Я повернулась к нему лицом, не в силах справиться с дыханием. Глупо было скрывать то, что он сам чувствовал. Его губы оказались совсем близко, и я невольно посмотрела ему в глаза. Они были мутными, зрачки утонули в сиянии магии. Она плыла над нами заревом, полыхала медленным голубым огнем.

Джош ощутил, как я покрылась мурашками, и нахмурился. Он выпрямился и громко произнес:

— Эй! Ничего, что я еще здесь?! Я могу, конечно, удалиться...

«— Но момент уже испорчен», — подумала я и очнулась, удивленно моргая, отпрянула от Бена. Его взгляд прояснился. Он смотрел с озадаченным видом, будто не понимал, как тут оказался, и осторожно ослаблял хватку, чтобы я не упала. Посмотрев растерянно на Джоша, я вдруг спохватилась, что сижу в тонком мокром халате, а он обтирается о мои ноги.

— Ты с ума сошел? — я сползла с колен Бена. Джош отодвинулся, быстро убрал руки и виновато развел ими, расплываясь в улыбке. Обведя обоих мужчин сердитым взглядом, я поднялась с кровати и поспешила исчезнуть в ванной комнате. Закрыв дверь, я прислонилась к ней спиной и закрыла глаза. Тьма ушла, но не она меня сейчас волновала — тело горело, вспоминая ощущение ладоней Бена на коже. И это было потрясающе.

Знакомые стены кабинета Линетт больше не вызвали волнительного оцепенения — изнурительные поиски воспоминаний уже не увлекали. Не осталось живого места, ни единого предмета в помещении, к которому я бы не прикоснулась. На меня обрушился шквал бесполезных видений о преподавательских буднях наставницы, но ни намек на ее душевные терзания. Призраки прошлого ластились ко мне, обтирались о ноги, как фантомные котята, но я ждала другого. Меня интересовал Ровер и все, что с ним связывало Линетт. Как же она глубоко запрятала мысли о нем!

Я сидела на диване, разглядывая стену — ее украшала гардина из золотых нитей, а за ней темнела дверь. Сосчитав завитки на обоях, изучив и запомнив их последовательность, я отвлеклась на картины, но и они быстро наскучили. До вечеринки оставалась уйма времени, а находиться дома оказалось нестерпимо тяжело. Меня пугал грядущий вечер. Пугало то, что я не справлюсь с чувствами, не вынесу видеть Бена в объятиях другой женщины. Поэтому я вернулась в Университет, но так и не смогла выбросить его из головы. Это сильнее меня.

Дверь обнаружилась совершенно случайно. Если не знать, что она там есть — не увидишь. Возможно, именно сегодня она позволила заметить себя? Вероятнее всего. В обители магии, где каждый дюйм пропитан силой, всегда есть, чему удивляться. Поднявшись с кресла, я оправила платье — горчичного цвета с тонким черным узором, плотно прилегающее к телу. Длинные рукава прикрывали кисти рук, вырез обнажал плечи, а изящное черное кружево создавало дополнительный акцент на нем. Длинной до колен, оно смотрелось тесным и тугим, но было удобным. Обтягивающие платья — моя слабость, как и высокие каблуки. Сегодня на мне были черные замшевые туфли на шпильке. Оставаться женственной в любой ситуации, даже когда на душе скребут кошки — мой жизненный принцип. Тряпки не спасут положение, но помогут поднять самооценку.

Скользнув к стене, я перебросила распущенные волосы на левое плечо. Не дыша, замерла перед дверью. Завеса тайны — проход в спальню Линетт. Прежде я не бывала там, и сердце неистово колотилось в предвкушении чего-то нового. Я надеялась, что там спрятано самое ценное и сокровенное воспоминание Линетт.

Раздвинув руками сверкающие нити, я отворила темную резную дверь, и на меня хлынули ароматы и ощущения. Здесь пахло весной, несмотря на холодный осенний пейзаж за окном — и тоской. Светлая просторная комната, исполненная в пастельных желтых и нежно-розовых тонах. Большой однотонный шафрановый палас занимал добрую часть помещения, и он оказался безумно мягким, прям волшебная дорога в мир грез — напротив двери располагалась огромная кровать с балдахином из парчи. Королевское ложе — не меньше. Покрывало напоминало весеннюю поляну: пыльно-розовое в желтых пионах, пущенных по низу.

Справа пристроился низкий диванчик, обитый пудрово-розовым шелком, кресло у изголовья кровати, высокий старинный шкаф скрывался в тени балдахина. Золото ненавязчиво сверкало в мелочах — будь-то узор на мебели или бахрома на покрывалах. Темные обои с замысловатым рисунком оттеняли нежность остальных цветов. На окнах развивались гардины — форточка оказалась открыта. Линетт не стало, но кто-то заботился о ее спальне, проветривал и смахивал пыль с высоких книжных шкафов.

Люстра над кроватью напоминала распускающийся пион — идеальная точность и изящность деталей поражали воображение. Я прошла к туалетному столику у окна. На нем стояла вазочка со свежими садовыми цветами и флакончик духов. При одном взгляде на него я ощутила аромат, всегда сопровождавший Линетт. Он настолько подходил наставнице, что для меня являлся ее индивидуальным запахом. Проведя ладонью над столиком, я ничего не почувствовала и решила осмотреть шкаф.

Многообразие нарядов, сотни платьев — все я видела на Линетт и сейчас испытывала острую необходимость коснуться, но не могла осмелиться. Хотелось узнать, действительно ли кружева такие жесткие, как смотрятся — казалось, о них можно порезаться. Ткани благородные, мягкие и струящиеся, силуэты — величественные, притягательные. Каждый наряд был памятным — я провела пальцами по складкам юбок и покрылась мурашками. Призраки ее памяти — видения пронесли в сознании мимолетными кадрами. Голова закружилась, и я отступила от шкафа, охватила себя руками. Застыв перед кроватью, прислушалась к тишине. Что-то было в ней спрятано, и оно просилось обнаружить себя. Сила клубилась вокруг меня, я ощущала каждый предмет в спальне. Моя магическая чувствительность обострилась — кулон почуял родные стены, дух прежней хозяйки. Он рвался на свободу, вибрировал, тяжелее и раскаляясь. Я прошла к картине над диваном, провела пальцами по позолоченному багету рамы. Портрет наставницы ожил, зашевелился, будто усаживаясь передо мной удобнее. Изумрудное платье с серебристой вышивкой переливалось в лучах солнца, медные волосы жидким шелком растекались по плечам. Строгий взмах ресниц, поджатые губы — ее безупречно красивое лицо не передавало эмоций, но глаза смотрели на меня. Линетт едва вынесла мучительную неподвижность, когда художник писал этот шедевр. Она разгладила складки платья и застыла — сила вытолкнула меня из воспоминания, я попятилась к шкафу. Из окна подул осенью и холодом, я обернулась, будто меня кто-то окликнул по имени, и взгляд упал на книжные шкафы, упиравшиеся в потолок. Не медля, приблизилась к ним, взглянула на полки, плотно набитые пестрыми книгами. Их было чересчур много, чтобы каждой касаться.

Пробежавшись ноготками по корешкам, дотронувшись до древних и ветхих переплетов, я обошла шкаф и припала к нему ладонями, прижалась лбом к гладкой поверхности стенки. К чему все эти воспоминания, если я не могу сама их пересматривать, как фотографии в альбомах? Зачем они мне? Какая от них польза? Магия хлынула из меня, замерцала в воздухе и облетела ряды книг, прощупала каждую. Я ощутила ее и отлипла от шкафа, подошла к полкам. Зажатая между пузатыми томами научных собраний Линетт, нужная книга задрожала, затряслась, пытаясь выбраться из заточения. Я протянула руки, и она охотно выпрыгнула. Оказавшись в подсвеченных силой ладонях, раскрылась на шестьдесят третьей странице, переместила меня в залитую солнцем комнату. В ту же самую, но многими годами ранее.

— Значит, ты переезжаешь? — издали прозвучал голос Линетт. Она говорила холодно, глядя в книгу. Густые рыжие волосы свесились и упали на страницы. Они заслонили строки, на которых наставница остановилась. — Находиться со мной под одной крышей тебе мучительно и тягостно?

Ровер тяжело вздохнул и прислонился спиной к стене. Запрокинув голову, прикрыл веки. Он стоял у двери, но Линетт не отрывала взгляда от книги. Пробегала глазами по одним и тем же строкам, словно не могла вникнуть в их смысл, и перечитывала заново. Но я знала, что она не хотела на него смотреть — боялась выдать свою боль.

— Я всегда буду рядом, Линетт. К чему опять затевать этот разговор? — устало проронил Ровер.

— Нам на роду написано жить в стенах Университета....

— Мне здесь более нет места.

— Ты излишне жесток, — ее руки задрожали, пальцы скомкали страницы. — Нам обоим необходимо твоё внимание.

— Драгоценная Линетт, — он открыл глаза и оттолкнулся от стены — плавно и грациозно. Заложив руки за спину, скользнул мимо диванчика, на котором сидела она. Звук его шагов отдавался в груди — сердце отмеряло их и болезненно сжималось. — Я не согласен с твоим выбором и никогда не примирюсь с ним. Но ты знаешь, где меня найти, если я тебе понадобится.

Перед глазами из воздуха соткался дом. Уютный и светлый, окруженный нежными флукциями и кустами жасмина. Большие окна с белыми резными ставнями, на темной черепичной крыше поскрипывал черный флюгер в форме взлетающей птицы. Подвесной фонарь на крыльце качался от порывов ветра, и удушливо пахло приближающимся дождем. Я прерывисто вздохнула, справляясь с волнением.

— Да, теперь знаю, — прошептала я и захлопнула книгу.

Стоило только представить дом, как я дымкой переместилась на окраину города. Лес обступил улицу, холодные лучи солнца мягко рассеивались сквозь ветви. Они золотили листву на крышах, отражались от уцелевших оконных стекол. Неожиданный контраст с шумным центром — покосившиеся строения и ветхие заборы выглядели запущенными, покинутыми. Несколько домов, точно привидения затаились в тени многолетних деревьев, накрывавших крыши пестрыми кронами. Дворы поросли багульником, фасады густо обвил плющ. Он забирался в разломы и окна, заполнял собой пустые жилища. Неподалеку было озеро — сладко пахло мокрым мхом, грибами и трухлявой древесиной. Здесь царил необыкновенный покой и буйство красок — разгар осени, когда как за чертой города чувствовалась поступь приближающейся зимы. На крыльце небольшого деревянного дома поскрипывали веревочные качели, почтовые ящики понуро сторбились, проржавели, облупилась краска. И среди этой дикой красоты затерялся двухэтажный дом со светлыми каменными стенами и флюгером в форме взлетающей птицы. Он почти не изменился, разве что ставни заменили жалюзи, обновили ограждение балкона — прежде оно было из дерева, а сейчас белели кованые перила с завитками, в круглых клумбах чахли петунии.

Я издали разглядывала аккуратный особняк, и сердце трепетало от волнения. Балкон нависал над просторной белой террасой, обнесенной невысокой живой изгородью. Столик, пара кресел — все в опавшей листве, словно нарочно оставленной для антуража. Дом был красив, ухожен, без всяких вычурностей. Сделав шаг к нему, я замерла — птичий гомон смолк, меня обступила густая и терпкая тишина. Здесь даже дышалось иначе. Я будто в другой мир попала — нереальный, созданный исключительно для Ровера.

Посреди улицы раскинулись заросли душистого раkitника. В них пряталась скульптура прекрасной девы. Ее не пощадили годы и ветра, краска облетела, но хорошо угадывались большие глаза, волосы до пояса и русалочий хвост, заваленный обломками камня. Когда-то давно это был фонтан. Магический народ всегда почитал русалок, на улицах старого города можно встретить множество упоминаний о морском народе в архитектуре.

Прерывисто вздохнув, я двинулась к дому. Меня пробирала дрожь. Линетт была

Верховной Ведьмой — эта мысль давалась нелегко, но сомнений почти не осталось. Вспоминая, как близко была к ней, как смотрела в глаза и не видела истины, я испытывала нестерпимую горечь. Но теперь ее нет, и все трудности и ответственность за мир магов легли на плечи Стэнли, ведь он являлся правой рукой Верховной Ведьмы. Так мне говорили, и я верила. Теперь многое стало яснее, сложились детали мозаики, но кем же был Ровер? И как его звали на самом деле? Голова закружилась — я стояла перед его домом. Он не казался заброшенным, я чувствовала, что в нем кто-то жил — от постройки тянуло домашним теплом. Ухоженный двор, свежая краска на рамах....

Ноги не слушались, но их тянуло в нужном направлении. Я брела, кутаясь в воротник черного пальто. Каблочки звонко постукивали по потрескавшемуся асфальту, разбивая нереальную тишину этого места. Обитель покоя — Ровер искал уединения. Природа затаилась, ветер стих, и ни одной птицы не пролетело над улицей. На миг почудилось, что ничего живого, кроме меня, здесь не осталось. Я замерла напротив светлого особняка, но слева мелькнула искрометная тень, пронеслась с другой стороны, заставив сердце подпрыгнуть к горлу. Что-то двигалось в мою сторону. Вал энергии прошел по телу огромной ладонью. Я не успела проследить за тенью взглядом, только внезапно охватило тревожное чувство, словно налетевший сквозняк из приоткрытой двери, и засосало под ложечкой. Я медленно, очень медленно обернулась.

Он шагнул ко мне, обошел спереди, чтобы видеть лицо, и остановился справа. От него веяло древесным одеколоном, чистотой и крепким кофе, как от обычного прохожего. Ни капли силы, ни намек на магию. Кончики пальцев закололо от желания занести руку, отгородиться от возможной опасности. Черное пальто с поднятым воротником, черные джинсы, серый пуловер, ботинки на толстой подошве. Атлетичная грудь медленно вздымалась от спокойного глубокого дыхания, и ткань пуловера натягивалась. Внушительные габариты, неприступная гора мышц. Ветер трепал полы пальто — он запустил руки в карманы, придерживая их. Гладкая кожа головы поблескивала. На меня смотрел бэлморт и изучал, как товар в витрине магазина.

— Не может быть, — прошептала я. Мы стояли и рассматривали друг друга. Он был высоким и крупным, и если бы не каблуки, то пришлось бы запрокидывать голову.

Бэлморт нахмурился, изобразил на каменном лице недоумение.

— Сейчас не время.

— Я должна его увидеть.

Бэлморт растворился в воздухе, я вновь не успела за его движением, только вздрогнула, когда он появился совсем близко. Возвышаясь, обступил справа и тихо сказал на ухо:

— Уходи.

— Чей это дом? — в горле пересохло от страха, но сдаваться я не планировала. Ветер зашелестел, сдул мои волосы назад, но я даже не моргнула — настолько была напряжена.

— Тебе не нужно знать.

— Ошибаешься, — прошипела я и медленно повернула голову, посмотрела снизу вверх. — Мне жизненно необходимо это знать.

Он улыбнулся, будто ожидал такой реакции. И улыбку нельзя было назвать дружелюбной. Деревья внезапно ожили, гневно зашумели, дорожная пыль взметнулась вверх облаком.

— Ты живешь здесь?

Бэлморт склонился, изучающе посмотрел на меня. В темных глазах блеснул интерес,

отразилась насмешка. Но его лицо, будто вылепленное из глины, не выражало ровным счетом ничего.

Стиснув зубы, я бросилась к дому, но он обратился в дым, слился с ветром и преградил мне путь. Пришлось остановиться, чтобы не врезаться, не обжечься. Его сила загремела, наполняя мне голову, путая все мысли. Волосы зашевелились от жара, исходящего от черного столба дыма. В сознании всполошились вороны, закричали. Их звонкий гомон вытеснил силу бэлморта, он попятился, будто его оттолкнули. Давясь собственным сердцем, я выставила перед собой руки. Опавшие листья закружились, поднимаясь в воздух, ветер бросил их охапкой мне под ноги. Лепестки петуний рассыпались по сухой земле, как брызги крови. Вновь оказавшись в материальном облике, бэлморт не сдвинулся с места, лишь коротко мотнул головой.

— Почему Линетт звала его Ровером? И почему они поссорились?

— Не мне отвечать на твои вопросы.

— Да, я тоже была бы не против услышать ответы от него, но ты меня не пускаешь!

— Я уже сказал, — низким голосом сказал он, — сейчас не время.

Я прошлась по дороге туда-сюда, он следил за мной глазами, как за маятником. Ему не нравилось, что я напирала, не нравилось играть по моим правилам. Мы оба заметили, что с прошлой нашей встречи что-то изменилось, а именно — я. Бэлморт больше не пытался поразить своей магической мощью. Ветер вновь был просто ветром и нес желанную прохладу. А он стоял и смотрел, словно чего-то ждал. Ждал, когда я уберусь восвояси? Раздраженно фыркнув, я приблизилась к нему почти вплотную, но в последний момент испугалась и отступила. Отошла, бросив взгляд через плечо. Он изогнул бровь и рассмеялся низким грудным смехом. Когда «гора мышц» улыбался, у него глаза светились добротой. Это вызывало смятение.

— Кто он? Я должна знать. Ровер — повелитель бэлмортов?

Бэлморт запрокинул голову — громкий хохот заставил меня покрыться ледяными мурашками. Но я крадучись шагнула ближе и посмотрела в упор.

— Ты охраняешь его? Он твой хозяин?

— Я бы так не сказал.

— Ты вообще не разговорчивый, — вспыхнула я. — Почему ты помогал мне? Он приказал?

— Я разве помогал? — с беспристрастным видом удивился «гора мышц» — в интонации послышалась нотка снисходительного изумления.

— Нет, — прошептала я, застыв перед бэлмортом, и забыла, как дышать. Что-то сжалось в груди и вспыхнуло, адреналин забился в висках. Знала я одного мужчину, игравшего словами, говорившего загадками. Странник? Передо мной незнакомец в капюшоне?! Я осторожно обошла его, смерила придирчивым взглядом, пробормотав чуть громче: — Нет, не верю.

— Во что?

— Ты не можешь быть им, — подумала я вслух и остановилась, подняла голову, чтобы посмотреть в глаза. Он довольно ухмыльнулся. — Ты бы не поместился за его столиком, и толстовка лопнула бы. Здоровяк, ты не можешь быть Странником, — мой голос прозвучал уверенно, но наивно.

У бэлморта глаза сузились от удовольствия.

— Ты так уверена?

— Я ни в чем не уверена, но здесь ошибки быть не может. Ты — не он, — я с силой толкнула бэлморта пальцем в грудь и чуть не сломала его. Мышцы под тонким пуловером были просто каменными. Бэлморт опустил голову, посмотрел, но руки из карманов не вытащил. Я чувствовала, что он ничего не сделает, и эта мысль подстегивала подойти ближе, ощупать его, убедиться в том, что он настоящий. И он не оттолкнет меня, не дотронется. Я шагнула к бэлморту, но он попятился, избегая моих прикосновений. Выражение его лепного лица вновь стало непроницаемым. — Откуда ты взялся и почему преследуешь меня?

— Тебя ли?

— Ты привел меня к детскому дому, — выдохнула я, спрятав и сжав замерзшие руки в карманах пальто. — А когда мы столкнулись в Библиотеке, я выяснила, как именно бэлморты получают заказы. Это ты меня навел. Зачем?

— Если бы я не показал, то ты бы вечность копошилась и разбудила то, что не должно пробуждаться. Подняла бы на уши всю Систему.

— Он знал? — дрожащим голосом спросила я, теряя самообладание. — К чему вы оба пытаетесь меня подвести?

Бэлморт чуть заметно вздернул бровь.

— Ты зря пришла. Сегодня никто не станет отвечать на твои вопросы.

Ровер знал, что я ищу встречи. Знал, что я здесь. Возможно, украдкой наблюдал за нами через окно. Я повернула голову и посмотрела на дом. Ничто не шевельнулось, не выдало его присутствия. Он предугадывал мои мысли, поэтому послал «гору мышц» встретить меня и развернуть обратно у порога. Наконец-то я была близка к разгадке, стоило лишь шагнуть к дому, взбежать на крыльцо и повернуть дверную ручку, но верный голем Ровера не позволит. Что же связывало их? Что заставляло бэлморта хранить его тайну?

— Не ты его первостепенная проблема, не обольщайся.

— Он обращается ко мне во снах и видениях, будто бы оберегает. Что-то пытается сказать, но я не понимаю.

— Так и оставь все, как есть. Пусть сны будут только снами. Представь, что у тебя есть призрачный покровитель. Не ломай привычный ход событий, ни к чему хорошему это не приведет. Он сам тебя найдет, когда посчитает нужным.

— Не пропустишь меня?

— Нет.

— Когда он вернется? — спросила я, пятясь. Бэлморт остался стоять на дороге и следить за мной немигающим пустым взглядом карих глаз. И это были просто глаза — ни капли магии.

— А я не говорил, что его нет дома.

Я чуть не потеряла сознание от волнения. Споткнулась и застыла посреди пустынной улицы.

— Скажи хоть имя, — прошептала я.

Бэлморт хмыкнул и растворился в воздухе. Я не успела моргнуть, как он выплыл из черной дымки на противоположной стороне дороги. И заговорил очень тихо, почти беззвучно, но я слышала каждое слово:

— Держись отсюда подальше. Он даст знать, когда будет готов принять тебя. Слушай его шепот, иди на звук его голоса....

Он исчез, слова растаяли в воздухе. Дождевые тучи нависли над улицей, приятно запахло сыростью. На коже еще осталось ощущение жара, но бэлморт уже был далеко

отсюда. Резкий порыв ветра остудил, наполнил меня благословенной прохладой. Невыносимо тянуло перебежать дорогу и постучаться в дверь дома, но я стояла посреди дороги, кутаясь в пальто, и смотрела на темные окна. Все это время Ровер был рядом, наблюдал за мной, а я только сейчас его почувствовала. И на душе стало мучительно горько.

Гораздо сильнее, чем раньше.

Этим вечером в баре у пристани царила привычная атмосфера хмельного веселья. Официантки не успевали обслуживать шумных посетителей. Драки в «Сирене» случались крайне редко, подвыпившие и раскрасневшиеся моряки не хамили и руки не распускали. Как правило, местная публика вела себя благородно и доброжелательно. Я расположилась за самым дальним столиком и наблюдала за тем, как Странник пускал кольца дыма — педантично, искусно, с наслаждением. В воздухе повисло неподвижное табачное облако, но я вперилась глазами в его темный силуэт, комкая в руках бумажные салфетки. Сквозь пальцы на синюю бархатную скатерть сыпались лепестки желтых фиалок. Было приятно снова видеть его, от волнения дрожали колени, сильнее, чем прежде. Достаточно одного взгляда на Странника, чтобы убедиться — он не тот бэлморт, что повстречался мне сегодня днем. Он был меньшей комплекции, ниже ростом, но сильный и жилистый, если не сказать — изящный. Я бы не назвала его щуплым, нет — на мой вкус, так идеальное сложение по всем меркам.

От сердца отлегло, и с губ сорвался вздох облегчения, я прикрыла на миг веки и улыбнулась своим мыслям. Как никогда мне нравилось смотреть на него. Не то, чтобы я категорично настроена против его темной сущности — душу грела сама мысль о том, что это два совершенно разных мужчины. И я не могла объяснить — почему. Весь оставшийся день меня тянуло в задымленное, пропахшее алкоголем и потом заведение, чтобы подсесть за столик к незнакомцу в черном капюшоне. Я пришла к Лорелее, но, как всегда, можно подумать, что это являлось поводом для встречи с ним. Нет, нет! Мне было жизненно необходимо развеять свои сомнения, а тут случай подвернулся...

Я долго колебалась, но, наконец, решилась и встала из-за стола. Не терпелось ощутить табачное дыхание таинственного собеседника. На фоне местного контингента я выглядела, как участник костюмированного представления. На мне струился черный атласный плащ-накидка с капюшоном, спадавшим на плечи, он скрывал сверкающее стразами бальное платье. Наряд по случаю вечеринки в Университете. Пышную юбку с кринолином, которую приходилось придерживать, Странник не оставил без внимания — он отметил каждую деталь моего туалета, стоило только переступить порог бара. Его прощупывающий взгляд скользил по моей фигуре, словно лазерный луч — он был почти осязаем. Плащ заметал пол, и когда я шла, он растекался вокруг ног черной блестящей лужицей. Совсем как.... Тьма. Я подошла к столику и плавно опустилась на стул. Сложила перед собой руки в длинных черных перчатках и склонила голову, волосы, завитые в крупные локоны, упали на плечо. Я посмотрела во тьму капюшона, и Странник затушил сигарету в пепельнице. Шумно выдохнув, он сцепил руки на животе, закинул ногу на ногу, в общем, занял удобное положение для увлекательной беседы.

— По какому случаю, позволь спросить, ты так изумительно выглядишь, Эшли? — поинтересовался он, и его бархатный голос перечеркнул мои последние сомнения.

Я пожала плечами и не удержалась от улыбки. Пусть прозвучала ирония в словах Странника, все же это был комплимент. В груди растекалось тепло, которое чувствуешь рядом с близким и родным человеком после длительной разлуки. Всеми виной его голос — ни с чьим другим я его более не спутаю. Странник становился для меня некой формой

зависимости, я нуждалась в общении с ним, в запахе табака и насмешливых замечаниях. Мне было достаточно провести с ним несколько минут тет-а-тет в полной тишине, и на душе светлело. Когда это произошло? В какой момент я заболела им и стала подвластна его образу? Наверно, Лорелея точно так же утратила волю и влюбилась в неизвестного мужчину в капюшоне. Но в моем случае романтика не имела место быть — нас связывало нечто иное.

— Сегодня вечеринка в Университете, — как бы нехотя протянула я, разглядывая поверхность скатерти, и наморщила носик. — Давно хочу попасть туда и осмотреться.

— Любопытно, — хмыкнул Странник. Подавшись вперед, будто бы в нетерпении, он сложил руки на столе, сцепил пальцы в замок. Поскрипывая, натянулись черные кожаные перчатки. Я посмотрела на них — движение одних только глаз, и от волнения по спине скользнули мурашки. — Не знал, что балы до сих пор проводят. Как и не догадывался, что тебе они интересны.

— Вкусы меняются, — загадочно сказала я и прищурилась. — Ты бывал там?

— Случалось, но очень давно. А кто их проводит?

— Мне тоже хотелось бы знать. Стэнли наложил запрет на вечеринки в Университете из-за траура по Линетт. Но каждую субботу в зале гремит музыка, а пол усыпан блестками и конфетти.

— Зачем ты стремишься туда попасть? Какой интерес для тебя представляет сборище подвыпивших студентов и жаждущих беспечного веселья магов? И не говори, что захотелось окунуться в студенческую жизнь и тряхнуть стариной. Я не поверю.

— Ты как всегда прав, Странник. Во времена учебы я не посещала подобного рода мероприятия. Мне это не было интересно. А сейчас.... Я занимаюсь одним делом, — я прикусила язык. Не потому, что не собиралась рассказывать Страннику — совет мне бы пригодился, но смущало его любопытство. Он вел себя настойчивее обычного, я ощущала... тревогу? В том, как он покачивал ногой под столом и перебирал пальцами. Странник всегда отличался сдержанностью, но сегодня что-то пошло не так. — Пропали три студентки Университета, одну из них уже нашли мертвой. Меня попросили помочь с поисками виновного в ее гибели. И, кажется, произошедшее как-то связано с побегом узника из подземелья Университета.

— Подземелье? — удивился Странник и отодвинулся, оставив одну руку на столе. Другая потянулась в карман толстовки. — Там все еще кого-то держат? Ты своими глазами видела?

— Я видела темницу. Невероятное местечко! Пробралась тайком, потому что меня не пускали. Но кроме синих пустот ничего не обнаружила — никто не станет для меня отворять магические двери, за которыми заперты преступники.

— Что случилось?

Пришлось рассказать ему про то, как я обнаружила тело Адрианы Хиггинз и нарвалась на четырех фамильяров, преследовавших ее. И, разумеется, поведала про то, как из темницы Университета якобы сбежал узник.

Повисла пауза, которую нарушил Странник:

— Я учил тебя не верить в совпадения.

— Помню. Но первая жертва пропала на день раньше побега узника, а когда фамильяры бросились на его поиски, она уже была мертва.

Остальное он додумал сам. Беглецом была погибшая девушка, но убийца не хотел создавать шумиху. На уши Патруль поднял тот, кто случайно увидел ее. Я упустила из

внимания эту маленькую деталь — кто же всполошил Университет и фамильяров? Кто первым обнаружил двух охранников без сознания и исчезновение еще четверых? Ведь никто не входил и не выходил из темницы, кроме самого патруля и начальника охраны, если в том есть нужда.

Что-то отразилось на моем лице — уж не знаю, что именно, но Странник коротко кивнул:

— Необходимо выяснить, кто навел панику среди фамильяров.

— Я уже думала о Стэнли, но он не виновен. Совершенно точно.

— Стэнли?

— Главный Фамильяр Верховной Ведьмы. Он руководит всеми пернатыми и мохнатыми помощниками нашей правительницы. Я уже говорила.

— Значит, он на твоей стороне? — уточнил Странник, и я кивнула. — Тогда выясни у него, кто оповестил о побеге заключенного.

— А если это всего-навсего обманный маневр? — я подалась вперед, взволнованно всматриваясь в темноту его капюшона. — Убийце нужно было время, чтобы замести следы и отвести от себя подозрение, вот он и взбудоражил пернатое духовенство! Опять же, нестыковка во времени: девушку нашли утром, а Патруль вылетел в погоню только в середине дня.

— Это еще ничего не значит, — холодно отрезал Странник, разминая сигарету пальцами. — Если тебя смущает разница во времени, то проанализируй события. Отследи каждый шаг первой жертвы, выясни, что заставило ее сделать то или иное действие. Ты в мире магов живешь, Эшли. Можно получить любую информацию, ни с кем не разговаривая.

— Предметы, — прошептала я и улыбнулась. — Стены. Ты как всегда прав, Странник. Вот только.... В подземелье они сотканы из тумана и чар.

— Тебе не обязательно кшупать их. И не обязательно именно в подземелье. Важно лишь узнать, где в последний раз видели жертв и осмотреться. В метафизическом и чувственном смысле.

— Если сегодня не получу достаточно сведений, то вплотную займусь изучением памяти предметов. Считаешь, моих способностей для этого достаточно?

— Вполне. Ты можешь больше, чем думаешь, Эшли. Тем более, с новыми, недавно открывшимися возможностями. — Вздохнув, Странник посмотрел на свои руки, в которых крутил сигарету. Он не прикуривал ее, почему-то медлил — я снова ощутила, что его что-то тревожит.

Было тяжело дышать, будто задели сразу все нервы тела. Я никогда не смела думать о Страннике плохо, но и не могла объяснить — почему. Душа тянулась к нему, чувствуя родство, будто передо мной сидел близкий по крови человек. Не приходило в голову, что он вполне мог быть темным магом или бэлмортом, одним словом злодеем, вжившимся в роль безобидного завсегдатая бара у пристани, где никто его не замечал, кроме меня. Именно меня, потому что никто и не должен больше видеть его и подсаживаться. Странник сидел за дальним столиком, ожидая именно моего появления. Только для меня его таинственность. Пожалуй, я давно поняла это, но не хотела принимать, ведь тогда бы рухнула красивая легенда, рассыпалась эффектная декорация, ставшая неотъемлемой частью моей жизни. Уже не помню, когда первый раз пришла в бар и подсела к нему — сколько лет минуло?! Десять или двадцать? Мы столько времени знакомы.... Что же побудило заговорить с мужчиной в черном капюшоне? Разумеется, его загадочность, мистическая индивидуальность, которую

кроме меня никто не чувствовал, не видел в невзрачном отпугивающем облике. От Странника не веяло магией, но в груди все замирало от одного его вида. Драматичная скрытность — она завораживала. И на протяжении многих лет я посвящала его в свою жизнь, он прочно поселился на ее страницах. Но отчего же? От того, что он стал частью моей судьбы, частью меня, если будет угодно. Для того, чтобы приходить к Страннику в бар и усаживаться за столик, вместе разоблачать иллюзии и раскрывать преступления. Проклятье, какое чудесное, реалистичное заблуждение!

— Ты поняла, о чем я говорю, Эшли? — с веселым интересом протянул Странник и склонил голову набок, ловя мой взгляд. — Ты обрела новую силу, и пусть она тебе не слишком приятна, ее бремя тяготит — нужно укротить ее и подчинить себе. Используй темный дар в благих целях.

— Поэтому-то я и иду на бал, — кивнула я и убрала руки. Сложив их на коленях, легкомысленно пожала плечами. — Хочу испытать на своей шкурке воспоминания предметов и стен зала для торжеств. Жертвы там бывали с завидной регулярностью.

— Отлично, — пустым голосом сказал он и расслабленно откинулся на спинку стула. — Что же в бар тебя привело? Пришла снова меня потрогать?

— Неплохая идея, — улыбнулась я и протянула руку над столом. — Не удостоишь чести?

Странник надменно хмыкнул, поглядев на нее.

— Что тебе это даст, Эшли? Поможет раскрыть преступления или сделает тебя чуточку увереннее или сильнее?!

— Хочу почувствовать, что ты настоящий, — бесхитростно ответила я. — Так же, как и мужчина из моих снов. Я почти поймала его, Странник. Ухватила за отворот пальто, но ему удалось ускользнуть.

Что-то насторожило его в моих словах или лице — Странник медленно склонил голову, разглядывая меня, и застыл в таком положении. Даже пальцами перестал перебирать и крутить в них сигарету.

— Ну же!? Ты боишься меня, Странник?

— Что с тобой происходит, Эшли? — голос его прозвучал придушенно, отчужденно. — Откуда такой интерес к моей скромной персоне? Я нарушил течение твоего красочного бытия?

Я закатила глаза и опустила руку на стол.

— У меня слишком много вопросов, на которые ты не дашь ответов.

— Потому что не знаю?

— Нет. Потому что не хочешь.

— Ты не опоздаешь на бал, принцесса? — рассмеялся Странник и потянулся в карман толстовки за зажигалкой.

— Я жду Лорелею. Она составит мне компанию на балу.

Странник прикурил и повернул голову. Я проследила за его взглядом — он смотрел на часы. Без четверти десять вечера, скоро она взойдет на берег.

— А как же группа поддержки, что топчется у барной стойки? Они не составят тебе компанию?

Я обернулась. Около бара стоял Бен, облокотившись на спинку высокого деревянного стула. Чернильно-синий костюм-двойка сидел на нем как влитой, глубокий цвет подчеркивал яркость голубых глаз. Короткие светлые волосы он зачесал набок. Белая

рубашка была расстегнута на две верхние пуговицы, и в вырезе виднелся треугольник кожи. Даже на расстоянии я чувствовала его пульс, видела трепещущую жилку на шее, и у меня в животе порхали бабочки. В памяти всплыл аромат его фужерного одеколona и вскружил голову. Бен был прекрасен, хотелось дотронуться до его лица, провести ладонями по гладкой ткани пиджака.... И чем больше я думала, тем сильнее жгло в груди — сегодня его будут касаться чужие женские руки, не мои. Да, зависть или ревность высунула свою мерзкую морду.

Стиснув зубы, я медленно выдохнула. Бен одарил меня мимолетным скучающим взглядом и отвернулся. Он будто выглядывал что-то в полумраке бара поверх головы Джоша, восседавшего на стуле со стаканом рома. На нем был черный матовый костюм и смотрелся он безупречно на его подтянутой фигуре, бледно-голубая рубашка оттеняла золотистый загар. Судя по выражению лица, Джош сам был доволен своим внешним видом. Волосы блестели гелем для укладки в бликах пляшущих огней вечерней подсветки. Среди местной публики они выглядели, как два благородных ворона, затерявшихся в толпе крикливых чаек, и привлекали настороженные, любопытные взгляды. Они бросались в глаза, а не просто выделялись на общем фоне.

Когда мы встретились с Джошем взглядами, на его лице застыла гримаса безразличия — он сделал вид, будто я пустое место. Странник занимал его куда больше — он давно хотел посмотреть на него хотя бы со стороны. Изобразив разочарование, я удивленно заморгала.

— Похоже, они меня не знают, — я сокрушенно вздохнула, опустив плечи, и повернулась к Страннику.

— Не надейся обмануть меня, Эшли. С тобой пришел бэлморт — кому еще удавалось обуздать и приручить темную сущность охотника за головами?!

— Не знаю, чему больше удивляться, — призналась я, нахмурившись. — Тому, что ты отличил бэлморта в толпе или тому, что ты так много обо мне знаешь?!

— Я проницателен и наблюдателен, — тихо рассмеялся Странник и затянулся. Кольца дыма парили в воздухе, перекручивались и медленно таяли. Я невольно засмотрелась.

— Лорелея поведала словесный портрет Бена, а ты методом исключения выявил его среди двоих мужчин, сопровождающих меня, — я осуждающе поцокала.

Моя наивность нравилась Страннику, только когда она касалась его персоны. Озвучивать свои мысли о том, что он видел в толпе бэлмортов, было бы преждевременно. И именно видел, потому что он сразу посмотрел на Бена, Джош его не интересовал. Что-то кольнуло в груди — кажется, многовато для одного дня откровений. Я приоткрыла ширму — или кто-то сделал это за меня — и оказалась ослеплена реальностью. Вокруг все лгали, чтобы мне было хорошо и спокойно. Создавали безоблачную и увлекательную историю, в которой я жила по-настоящему. Долгое время, долгие годы. Но не всегда жители солнечного города будут счастливы — рано или поздно декорации померкнут и утратят свой шарм, рухнут занавесы, и неприглядная действительность привстанет перед взором. Я уже разглядела ее сквозь трещины в многослойной глазури лжи. И от того все сложнее было улыбаться тем, кого я узнавала в новом свете. Слишком извилисто, слишком изощренно, но этого следовало ожидать.

— Ты быстро учишься, Эшли, — коротко кивнул Странник. Если он и уловил мое настроение, то ничем не выдал этого. — Скоро у тебя отпадет необходимость в моих советах.

— Нет, — с жаром выпалила я, и повисла густая тишина. Мгновение я изучала тьму под

капюшоном, всматривалась в нее, когда как в груди дрожала печаль. Я боялась, что когда-то действительно так и произойдет. И я не смогу жить без загадочности Странника. Меня устраивала иллюзия присутствия в жизни человека, с которым можно болтать обо всем на свете, не зная его истинного лица. Он был дорог мне, и я все еще надеялась, что Странник — не плод моего воображения. Тот, кто построил этот таинственный мир, поистине жесток и бессердечен. Я опустила глаза и выдохнула слова, тише шепота:— Этого никогда не произойдет.

— Что на самом деле тебя тревожит? Ты приходишь сюда, Эшли, чтобы поговорить о вещах, о которых не можешь даже думать в присутствии сестер и не спросишь у друзей. Я действительно могу помочь тебе?

— Они не поймут, — тихо произнесла я. — Потому что никогда не видели.

— Что же ты видела? Что тебя так напугало? — бесстрастно прозвучал голос Странника. Он покрутил сигарету между пальцев и стряхнул пепел на пол. — С чего ты решила, что я смогу понять? Ведь мне тоже не дано видеть то, что видишь ты.

— Кажется, тьма коснулась меня, Странник. Так сказал мужчина из снов.

— Тебе снятся другие мужчины, когда под боком живой бэлморт — любопытно!

— Хватит смеяться, — хлопнув ладонью по столу, процедила я. Мне нравилось злиться на него, безумно.

— Я всего лишь пытаюсь понять. Между вами ничего нет? Seriously? Я же вижу, как ты смотришь на него....

— Не важно, как я смотрю на него. Ты слышал, что я сказала?

— Ты чувствуешь тьму, — рассудительным тоном произнес Странник. — Тебе она снится, или ты видишь ее наяву?

— Тьма всегда рядом, и это уже не сон. Она появляется, когда я злюсь, пугает меня.

— Ничего не изменилось? — настороженно протянул Странник и затушил сигарету. — Ты не почувствовала ничего нового?

— Холод, — я кивнула. — Иногда мне кажется, что я перестаю существовать, и во мне ворочается что-то мерзкое и липкое. Черная дрянь сползает по стенам, и, кажется, будто она преследует повсюду, скользит по пятнам, куда бы я ни пошла. Тьма слушается меня, покорно пресмыкается, но стоит отвернуться, как она норовит укусить. Я не могу расслабиться — она навязчива, коварна.

Кулон ожил. Вокруг меня раздавалась сила, словно рябь на воде от упавшего камня. Все, чего она касалась, меркло, тускнело, замирало. Стены двигались к центру бара, сметая столики, качались лампы, полосую лучами света помещение. Обои трещали и рвались, своды скрипели, угрожающе постанывала древесина. По резным пилястрам стекала тьма, в ее глянцевом блеске я видела свое бледное отражение. Прерывисто вздохнув, я покосилась на Странника и посмотрела на свои руки. Страх сжимал легкие, я боялась дышать — изо рта шел пар, как на морозе. Мерзкий хлюпающий звук, холодящий жилы, с которым двигалась черная дрянь, становился все отчетливее и громче, сердце трепетало в горле. Обжигающий леденец — я сглотнула его и прикрыла веки, надеясь, что когда открою их — она исчезнет.

Поступь тьмы отдавалась на коже дрожью. Легкий холодок коснулся щеки, и я сжалась, отвернулась, как от порыва ветра. Внутри меня была пустота. Звуки размыло, голоса слились в неразборчивый гул. Вдруг кто-то накрыл мою руку ладонью, и я распахнула глаза. Странник придвинулся так близко, что я могла сорвать с него капюшон. Но духу не хватило — я смотрела во мрак, скрывающий лицо, и ничего не видела, не чувствовала. Там должно

было быть лицо, но его не было. Без магии такой фокус не проделать. Застыв в изумлении, я позабыла о тьме, растекающейся вокруг. Шум стихал, в помещении светлело, и лампы качались с все меньшей амплитудой. Липкая дрянь заползала обратно по стенам и просачивалась сквозь стыки досок, будто ее что-то напугало. Наверно, то же, что и меня.

У Странника была горячая рука, сильная, в половину больше моей. Я ощущала ее тяжесть и чувствовала на среднем пальце широкий, украшенный камнями, перстень. Что это мне давало? Да ничего. Многие носят кольца, но если бы я коснулась украшения, то узнала бы о хозяине чуть больше. От Странника веяло теплом, дорогим табаком и силой. Она клубилась под бархатистой тканью толстовки, обжигала, как знойный ветер. Его взор замер на моем лице, впился в глаза, и я покрылась мурашками. Он не так прост — совсем не прост. Под капюшоном скрывался некто настолько могущественный, что у меня кожа зудела. И это тоже ничего не давало. Он мог быть кем угодно с ожерельем из кулонов на шее.

Странник медленно и плавно убрал руку и сел на место. Мой взгляд прояснился, я заморгала. Он что-то почуял?

Устало вздохнув, он достал очередную сигарету из кармана и прикурил ее.

— Что ты сделал? — спросила я, от волнения едва шевеля губами.

— Отвлек тебя, — он пожал плечами и затаился.

— Ты прикоснулся ко мне, чего прежде не делал, — но в мыслях у меня было совсем иное. Он отогнал тьму точно так же, как это делал Бен. Странник на самом деле бэлморт?! Казалось бы, что в этом такого? Я узнала Бена, и могла с уверенностью сказать, что и бэлморты бывают хорошими. Тогда что меня так напугало?

— На что только не пойдешь ради тебя, Эшли, — мягко рассмеялся Странник, и звук разнесся резонансом у меня в голове. — У тебя был очень несчастный вид.

— Откуда она приходит?

— Сама как считаешь?

— Бен думает, что это его вина. Его присутствие в моей жизни стало причиной появления тьмы.

— Это версия Бена, — небрежно отмахнулся Странник. — А сама что думаешь? Мне интересно твое мнение, Эшли.

Я ответила после паузы:

— Кулон призывает тьму, она подчиняется ему, а не мне.

Утомительная тишина, красный огонек сигареты, и двое напряженных мужчин за спиной — время загустело. Я ждала реакции Странника, а он испытывал мое терпение, пуская идеальные кольца дыма. Джош и Бен все свое внимание обратили к нам, я ощущала их пронизывающие взгляды между лопаток. Что же так встревожило их? То, что Странник прикоснулся ко мне? Да, это было волнительное событие для меня, но не для них.

— Ты ничего не скажешь? — мой голос дрожал.

— Какого ответа ты ждешь от меня, Эшли? — спросил он бесцветно, отрешенно. — Ты сама все поняла.

— Значит, я права.

— Заметь, я ничего не сказал, — усмехнулся Странник.

— Хватит путать меня!

Тихо рассмеявшись, он поставил локти на стол и сцепил пальцы в замок. Я осторожно подалась вперед, глядя туда, где должны были бы быть глаза.

— Когда мы в прошлый раз виделись, я столкнулась с бэлмортом. Он следил за мной.

Не говори, что его присутствие здесь для тебя новость. Я бы еще поверила, что ты не причем, но не в это.

— Ты разочаруешься, Эшли, но я не понимаю, о чем ты говоришь.

— Почему меня никто не понимает в последнее время?! — подумала я вслух и поднялась из-за стола. — Ты все отлично понимаешь, Странник. Потому что ты — единственный, с кем я разговариваю на одном языке. Языке, непонятном для других.

Я замолчала под его испытующим, задумчивым взглядом. Он был неподвижен, но не напряжен, и я медлила, не решалась уйти, все еще ждала ответа. Но его не последовало, а время шло. И пауза затянулась, но я успела исчезнуть прежде, чем она вызвала неловкость — развернулась на каблуках, подхватила подол платья и направилась к выходу, изо всех сил стараясь не бежать.

Попасть на вечеринку оказалось проще простого — в двери Университета свободно заходили юноши и девушки, мужчины и женщины в бальных нарядах и карнавальных масках. Удачная идея для тех, кто хотел скрыть лицо от публики и веселиться анонимно, не волнуясь о том, что кто-то тебя заложит. Впрочем, мы обзавелись масками из тех же соображений.

Я поднималась по лестнице. Поток людей плавно, но стремительно увлекал меня вверх, и главной задачей стало не наступить на чей-то шлейф или не запутаться в подоле собственного платья. Многослойные юбки, дорогие ткани, роскошные оттенки и блеск шикарной отделки, немыслимое количество блесток, как на модном показе. Шорох кринолина, шелест материи и цокот каблуков — я считала, что вечеринка имела тайный характер, но толпа ломилась в двери здания, словно стадо слонов, раздетое в вечерние наряды до пола.

У входа веселую публику встречали двое молодых людей в черных костюмах-тройках и черных масках, отделанных пайетками и перьями. Тот, что стоял слева, был широк в плечах и крепок, белая рубашка прилегала к телу, как вторая кожа, под тканью отчетливо выделялись плавные изгибы, твердые бугры мышц. Верхние пуговицы были расстегнуты, и в вырезе виднелся треугольник гладкой загорелой кожи. Когда парень дышал, а делал он это напряженно и глубоко, его грудь вздымалась, и ткань черного шелкового жилета натягивалась под пиджаком. Пожалуй, я слишком долго пялилась на него — он обратил на меня внимание. Я не растерялась — не уронив достоинства, еще секунду смотрела ему в глаза, такие же голубые и теплые, как весеннее небо. Обворожительно, но мимолетно улыбнувшись, отвела безразличный взгляд. Криво ухмыльнувшись, парень смерил меня самодовольным взором, очевидно, решив, что завладел сердцем легкомысленной дурочки. Сомнений в том, что он не обделен женским вниманием не возникало, я же сама засмотрелась на него. Сделала парню приятно, что с того? Теперь он считал, что в его сети попала новая жертва, и наверняка предпримет шаги в мою сторону. Зачем мне это? Разумеется, я не узнала лица того, кто прятался под маской, но то, что увидела, мне понравилось.

Справа от входа стоял русоволосый парень в точно таком же костюме, но меньше как минимум на два размера. На нем он тоже сидел безупречно, но иначе, из-за разницы в телосложении. Поджарый, но худощавый, он казался выше ростом — лишь казался. Слегка вытянутое лицо, чувственные губы — он изучал толпу с отрешенным видом, будто мысленно находился совсем в другом месте. Спрятав руки за спиной, расставив ноги, подражая охранникам на входе в элитный ночной клуб, смотрел вдаль. Но когда я проходила мимо, то поймала на себе его взгляд. Пронзительно-серые глаза с едва уловимым намеком на желтизну. Я забыла, как дышать, и вдруг планета остановилась, воздух застыл, а все эти люди на долю секунды стали неподвижными фигурками в стеклянном шаре. Меня затыгивало в серо-желтый омут, я проваливалась так быстро, что закружилась голова. Послышался шум дождя, и звук приближался, нарастал лавиной, повеяло сырой землей и холодом. По моему лицу сбегали ледяные капли, волосы промокли и потяжелели, а вокруг колыхалась ковыль. Снова оказавшись в поле за домом Адрианы Хиггинз, я дрожала, глядя в глаза неизвестного, притаившегося за высокими стеблями травы.

Мы смотрели друг на друга лишь мгновение, и я отвела взгляд первой, устремила его в холл Университета. Разорвала воспоминание, не выдержала его реалистичности. Меня все еще трясло, я ощущала капли на коже, хотелось их смахнуть, стереть ладонью. Но вспомнил ли он меня? Почувствовал ли то же, что и я? Навряд ли. Изображая гордое безразличие, я прошла к дверям, придерживая подол платья. Сердце трепетало, норовя выпрыгнуть изо рта. Огни Университета завертелись надо мной ослепляющей каруселью — мы на верном пути. Один из фамильяров найден, но не вычислен. Предстояло сорвать с него маску. Не такое уж и плохое начало! От волнения пересохло в горле, но я старалась дышать ровно, переступая ступень за ступенью. Вечер только начинался.

Я вошла в холл, залитый мягким желтым светом. Пестрый поток гостей вливался в переход и проносился бойко бегущей рекой в соседнюю башню. Я старалась не отставать, чувствуя на себе взгляд Джоша, затерявшегося в гуще толпы. В тусклом освещении витражи переливались волшебным калейдоскопом. Разноцветные тени плясали на потолке и стенах, перекликались с черными бусинами на моем платье. Оно было насыщенно-алым, корсет отделан черным изящным кружевом. Пышная юбка мерцала россыпью золотой пылицы, отбрасывая солнечных зайчиков, они тут же заполнили небольшое помещение. Завитки, расшитые бисером, рисовали тонкий узор на струящейся ткани. Туфли на высоком каблуке, черные и мерцающие, на руках — перчатки до локтей. Волосы собирала на затылке заколка, украшенная агатами, они стекали мягкими шелковыми кольцами на обнаженные плечи. Карнавальная маска вторила платью — красный атлас, черное кружево и золотая пыль. Я потратила уйму времени на сверкающий черно-золотой макияж, но из-за маски были видны лишь мои ярко-красные губы. Придерживая подол, я шла и ощущала себя королевой в этом роскошном наряде — одинокой и покинутой. Мой король в этот вечер окружал вниманием другую девушку, и они должны были уже подъехать к зданию Университета.

Марисса.... Мысль о том, что они явятся на бал под ручку, неприятно холодила душу. Еще хуже становилось, когда я думала о том, что Бен будет с ней флиртовать, заигрывать, используя все возможное оружие, имеющееся в его арсенале. Он не осознавал, что ему не нужно особо утруждаться — девушки падали штабелями перед бэлмортами, улыbnись они или лишь одари теплым взглядом. Природный дар, врожденная особенность, как у хищных и ядовитых цветов. Они приманивают беззаботное насекомое своей необузданной красотой и экзотичным ароматом, а потом безжалостно поедают. Бэлмортам не нужно выделяться перед жертвой — все за них делает их темная сущность.

Я почти миновала проход, когда взгляд невольно скользнул в сторону мерзкого дерева. Толпа в ярких нарядах загораживала его, но я замедлила шаг и всмотрелась сквозь мелькающие силуэты. Растение раскинуло голые кривые ветви и выглядело, как живое — в свете ламп сочные плоды переливались перламутром, будто оно радовалось предстоящему пиру и принарядилось по случаю. Дерево напилось, его наполняли мерзкие соки, бежали под корой, точно кровь по венам. Меня замутило. Я ускорила шаг, чтобы поскорее покинуть переход и избавиться от скверного ощущения. К дереву придется вернуться, но позже. И желательно спалить к ехиднам.

Среди торопливой толпы выделялась необыкновенно красивая пара. Маги расступались перед ней, как река перед камнем, и провожали восхищенными взорами. Лорелея и Джош. Она шла, держа его под руку. Вернее было бы сказать — грациозно и горделиво плыла. На русалке струилось тысячей искр платье нежно-бирюзового цвета, меняющее оттенок в зависимости от освещения. Когда на него падал свет фонарей, платье отдавало зеленой и

безумно походило на рыбью чешую. Густые золотистые волосы стекали волнами на точеные плечи. Лорелея выглядела восхитительно, и Джош украдкой косился на нее. Все смотрели на русалку — маги чувствовали ее энергетику. А я особенно остро, даже когда нас разделял десяток представителей волшебного народа. Она цеплялась тонкими пальчиками за локтевой сгиб стройного мужчины в черном костюме и маске, расшитой серебристо-черными пайетками и блестками. Джош будто родился в нем — идеальные изгибы, ровные линии, точно повторяющие стройный силуэт. В петличке красовалась водяная лилия в тон платью Лорелеи. Он смотрелся, как эффектно упакованный подарок, и русалка изображала довольную обладательницу. Эта парочка обещала произвести фурор на сегодняшнем мероприятии. Я нисколько не сомневалась в том, что всеобщее внимание будет к ним приковано. Этого мы и добивались.

Я покосилась в их сторону, Джош почувствовал и повернул голову. Он поглядел на меня с каменным выражением лица и подмигнул. В ближайшие пару часов мы могли общаться исключительно мысленно, и когда я собралась с духом и переключилась на его волну, меня охватило напряжение. Мы все волновались, а, значит, могли потерять контроль. Сила, будто сжатая пружина, норовила вырваться из телесной оболочки и заполнить все вокруг, коснуться каждого присутствующего и прощупать. Предстоящая вечеринка будоражила сознание юных магов, и они не сдерживались, забывали про прущую через край магию, а мы задыхались от ощущения их объединенной силы. Энергия клубилась, заряжала воздух, ее можно было попробовать на вкус, покатасть на языке, как конфету. Наша магия ответно рвалась наружу — защитный рефлекс. Если не расслабимся и не начнем получать удовольствие от происходящего, то сорвем ко всем вивернам операцию.

Хотелось обернуться и оглядеть толпу, найти глазами Бена и Мариссу, но я сжала ткань платья в кулачках и ускорила шаг. Проклятье, меня же трясло от ревности! Сама уговорила его окрутить Мариссу и вывести как можно больше — так было нужно для нашего общего дела. Ревность — поганый червь, пожирающий сердце изнутри, и в большинстве случаев она не поддается логике. Особенно когда осознанно отправляешь объект своего вожделения в объятия другой женщины. С моей подачи Бен в эту самую минуту где-то обжимался с Мариссой, хотя восторга моя гениальная идея у него не вызывала. Я поняла это по тяжелому ледяному взгляду, которым он одарил меня, когда мы расставались перед балом. Так что наберись терпения, Эшли, и не рисуй в воображении страшные картины гипотетической измены! Бен пошел на это ради тебя и расследования, так что еще стоило проявить благодарность к его героическому поступку. Но от чего же тогда ком в горле и глаза щиплет?

Меня несло потоком к приемному залу, музыка гремела, разносясь тонкими отголосками эха по коридорам башни и переходам, где им вторили витражи. Звон, восторженный шепот, доносящийся отовсюду, запах мишуры и шампанского — народ шел на него, слетался, как пчелы на нектар. Голова шла кругом, звуки затухали и сливались в монотонный грохот, перебиваемый чьим-то смехом и звоном бокалов. Шорох платьев и шарканье ног по натертому до блеска паркету, обзор загородили высокие прически и широкие спины — мое безвольное тело внесло в двери, и бал обрушился волной музыки и брызгами конфетти. Я будто очутилась в чужом сне. Огромное помпезное помещение радовало глаз золотом и благородной белизной. Оно вращалось, как сумасшедшее, стены и люди слились в пестрые ленты, закручивающиеся вокруг меня. К горлу подкатил кисло-сладкий ком, и я прикрыла лицо руками. Показалось, что падаю назад, но чьи-то руки подхватили меня за талию и поставили на ноги. Распахнув глаза, я изумленно ахнула — меня

кружил в танце совершенно счастливый Ровер.

На его губах играла улыбка. Он смотрел на меня сияющими глазами и вел в танце, придерживая за талию. Белый костюм-тройка с золотыми пуговицами отливал глянцем. Отложной воротник белой рубашки украшал невесомый шелковый золотистый платок, перехваченный старинной брошью с благородным блеском черного агата. Ровер был выше меня, из-за чего приходилось слегка запрокидывать голову, чтобы видеть все его лицо сразу. Нежная на ощупь и скользкая ткань пиджака — моя ладонь лежала на его плече. Костюм без лишних деталей, явно сшитый по меркам, идеально подчеркивал стройную мужскую фигуру. В образе Ровера не было ничего лишнего. Русые волосы развивались от быстрых и плавных движений и снова падали на лицо — притягательное, с правильными чертами и россыпью светлых веснушек на носу. Я смотрела на него и испытывала нежность, а он с теплом смотрел на меня. Никаких мыслей, только пульсирующие в сердце чувства, от которых хотелось улыбаться. Глядя в его васильковые глаза, я понимала, что значит любить до слез, и не замечала никого вокруг. Танец, неторопливый и изящный незаметно менялся, и вскоре музыка стала громче, а ритм быстрее и настойчивее. Лицо Ровера изменилось — оно похолодело, разгладилось, и только морщинки на лбу говорили о том, что он напряжен. В глазах появился металлический блеск, губы сжались в линию, и я переняла его настроение. В зале стихли краски, померк свет, одна за другой гасли лампы, а Ровер сменил белоснежный костюм на иссиня-черный. Склонив голову, он чуть сильнее сжимал мою руку и тверже держал за талию, холодно глядя в глаза. И я не смела моргнуть. В воздухе витала магия, согревающая и мягкая, словно вода. Она приятно обволакивала, но я сбрасывала ее объятия небрежным движением плеча. На прекрасном лице Ровера пролегла тень печали. Мы кружили по залу, где почти не осталось людей, или их силуэты слились с общей картиной, став частью интерьера. Плавно и заученно двигались, будто тысячу раз танцевали вместе и именно здесь. Знали каждую щербинку в полу, за которую можно зацепиться подолом платья, каждый бюст и вазу с цветами, обтекали столики, словно ручей. Этот зал был нашей жизнью, его стены видели каждый наш день и сейчас переживали вместе с нами ссору, которая затянулась и причиняла боль обоим.

Несмотря на то, что где-то в груди трепетала любовь пойманным мотыльком, сердце пылало яростью. Жар казался холодом, свет — полумраком, цвета померкли, звуки утратили свою прелесть. Музыка шумела, словно сбитая радиоволна, и наш танец больше не был танцем. Мы топтались на месте, не в силах отвести взгляда друг от друга. Ровер чуть подался вперед, замедляясь, и только по слегка прищуренным глазам можно было понять, что он зол. Его мысли обжигали, сила жалила тонкими иглами. Между нами разверзлась пропасть, и все, что было нужно обоим — тепло моей души. Но я ничего не чувствовала.

Его лицо оказалось так близко, что кожу обдало осторожным дыханием. Прикрыв на миг веки, он качнул головой.

— Еще не поздно все вернуть, — тихо произнес он и, облизав губы, поднял взгляд, чтобы видеть мои глаза. — Ты еще можешь остановить это....

— Нет, — пылко бросила я и отстранилась, оттолкнула Ровера.

Он шагнул по инерции в сторону, и его лицо посуровело, утончилось и более не казалось по-юношески милым. Ему было не меньше тридцати пяти, хотя еще мгновение назад я дала бы ему на десяток лет меньше. Боль придавала твердость и тяжесть взгляду, а лицу прибавляла морщин.

— Ненависть — холодный огонь, Линетт. Он не греет.

— Я выбрала свой путь, и ты ничего не изменишь словами. Прими мою волю, и я подумаю.

— Не на этот раз, — сдавлено произнес Ровер.

— Даже если цена твоему упрямству — моя жизнь?

— Да, — едва слышно ответил он.

Спрятав руки привычным движением за спину, он стоял передо мной, слегка вздернув головой. Непреклонность давалась ему с усилием, но он не мог снова поддаться ее прихоти. Снова.... Ровер всегда потакал капризам Линетт, но последний перевесил чашу терпения. Ее безрассудство грозило разрушить все, что они вместе построили. Он не мог уступить, нет. Линетт зашла слишком далеко, этому нужно было положить конец.

Я разгладила складки на пышной юбке платья цвета молочного шоколада. Длинные рукава закрывали кисти рук, глубокий вырез обнажали плечи. Его мысли заставляли сердце сжиматься — мое, но не Линетт. Оно осталось холодным, каменным. Как же так? Пустота наполняла ее душу, тьма отравляла разум. Кулон вздрогнул и почернел, взгляд Ровера упал на него и помрачнел. Столько скорби было в нем, столько гнева.... Я хмыкнула и прошлась по залу. Но остановилась, когда Ровер оказался слева. Он следил за мной, двигался бесшумной тенью. Он не мог повлиять на ее решение, не смирился, не сумел принять. И я знала, что он будет бороться до тех пор, пока Линетт жива. Проклятье. Неужели....?!

Я падала, прикрыв лицо ладонями, но кто-то подхватил меня сзади, и словно пушинку, перенес по воздуху. И прислонил к стене. Отянув руки от лица, я подняла голову. Надо мной возвышался крепкий парень в черном костюме, сидевшим, словно вторая кожа, и только ткань атласного жилета натягивалась, когда он дышал. По кривой самодовольной ухмылке и черной маске я узнала фамильяра, стоявшего на входе. Улыбнувшись белозубой улыбкой, он слегка поклонился — едва заметный кивок — и протянул свою ладонь, в ней легко поместилась бы моя голова.

— Подарите танец своему спасителю?

Знакомый голос, где-то я его уже слышала....

Я окинула его оценивающим взглядом с ног до головы и застенчиво потупила глаза — играть доверчивую особу у меня получалось на «отлично». Отважный герой, выручающий неуклюжих девиц. Только его мне не хватало. Будет только путаться под ногами. Но что-то заставило меня принять его руку. Я робко улыбнулась в ответ — а почему бы и нет?! Пусть тешит свое самолюбие, а я пока осмотрюсь. Возможно, удастся обнаружить Бена и Мариссу в качающейся в ритме танца толпе.

Не успела я проронить «да», как парень вытащил меня в середину зала, легко и непринужденно растолкав плечами танцующие пары. Никто не решился возмущаться и покорно уступал дорогу движущемуся со стремительностью поезда широкоплечему красавцу. Он оказался удивительно гибким и подвижным, стоило нам влиться в общее безумие танца. Я не поклонница балов и, тем более, плясок, где задействованы оба партнера, да еще в четком соответствии с правилами, но в Университете существовала отдельная наука, обучающая студентов поведению в высшем обществе и, разумеется, бальным танцам. Мои движения выходили плавно и заученно, как у Линетт в недавнем видении, и не вызывали ни радости, ни отвращения. Просто медленный вальс, в ходе которого я должна была улыбаться партнеру, а сама украдкой смотрела по сторонам.

— Кого-то потеряла? — шепнул парень мне в висок, и я обожглась его дыханием. Затрепетали ресницы, споткнулось сердце. Быстро же я вошла в роль кроткого ягненка. С

каких пор меня так легко сбить с толку? Я посмотрела на фамильяра. Он улыбался, упиваясь собственной неотразимостью, и невозможно не согласиться — он и был неотразим. Такой большой и сильный, но нежный и внимательный. На мгновение он мне даже понравился, но я тут же вспомнила о Бене. Куда же он запропастился?

— Где-то здесь мои друзья, — я улыбнулась, пожав плечами. — Но, очевидно, им и без меня весело.

Джош оказался в дальнем углу зала, я смогла дотянуться до него лишь мысленно. Что ж, придется выпутываться самостоятельно.

— Тогда я попробую скрасить это недоразумение, — сказал он. — Постараюсь добавить в твой вечер ярких красок.

Меня слегка смутило его предложение, особенно по поводу красок. Да и прозвучало оно, как заявление, не подразумевающее возражений — поставил перед фактом, что проведет со мной весь вечер. Часть меня возмущалась его наглости, а другая часть не хотела оставаться в одиночестве посреди танцующей толпы. Поразмыслив, я быстро смирилась со своей нелегкой участью, и откуда-то появилось настроение, да и музыка показалась вовсе не заунывной...

Под потолком переливался зеркальный шар, блики ползли по стенам, создавая сказочную атмосферу. В воздухе сверкало конфетти, оно было повсюду — на полу, на столах, в бокалах с шампанским, на одежде и волосах, но никто не спешил его стряхивать. Вдоль стен тянулись столики с пирамидами из бокалов с шампанским. На диванах, обтянутых нежно-зеленым шелком, отдыхали те, для кого праздничный вечер уже завершился. Одна моя рука лежала на крепком плече новоиспеченного кавалера, другая — в его ладони. Я чувствовала кожей, как его мышцы плавно перекачивались под одеждой, и меня это странным образом приводило в восторг. С текучей, но мужской грацией, незнакомец отстранился, убрал ладонь с моей талии, поймал за руку. Мы сплели пальцы, и он снова притянул меня к себе. На миг я оказалась прижатой к его груди. От фамильяра сладко пахло пряностями и цитрусом — я вспыхнула и зажмурилась, покрутила головой, отгоняя от себя аромат его одеколona. Волосы рассыпались по плечам, и он склонился, зарылся в них лицом. Моя рука дрогнула в его руке, он тут же отодвинулся. Я ожидала увидеть недоумение в глазах, но он поразил меня обезоруживающей улыбкой.

Маски добавляли интима в происходящее, шампанское усиливало эффект. Вероятнее всего, без маски он бы мне и не приглянулся. Как все-таки внешность меняет восприятие личности! Думаю, в повседневной жизни мой спутник был капитаном местной спортивной команды или вовсе грозой всего Университетского студенчества. Я бы посчитала его скучным и ограниченным типом. Фамильяр учился здесь, а, значит, был младше меня как минимум лет на пять. Но в маске я не видела ни его возраста, ни показной оболочки — я прикоснулась к его истинной сути. И нам не нужны были имена, мы общались на языке тела и душ. Удивительно и захватывающе. Полагаю, в этом вся фишка тайных балов?

Что-то надломилось во мне, барьер рухнул — я охотно поддавалась и подыгрывала импровизациям своего кавалера. В нашем танце было множество поворотов под рукой и эффектных опрокидываний. Он вкладывал в него все больше страсти, но не переступал черту безобидного флирта. И стоило посмотреть ему в глаза, как я быстро теряла интерес к окружающим. Сердце волнительно замирало, когда фамильяр обнимал меня, хватал большими ручищами и рывком притягивал к себе. Даже это получалось у него деликатно, учтиво, дразняще. Я ощущала на коже тепло его тела, и осторожные, скользящие

прикосновения были приятными. Ритм музыки задавал такт, и мой кавалер отлично чувствовать его. Мелодия стихла, полилась другая — медленная и чарующая. Он увлек меня к себе, ладонь потерялась в его руке, я почувствовала себя маленькой и хрупкой. И это было чудесно.

Мы неторопливо кружились в мерцающем полумраке, обмениваясь улыбками и двусмысленными взглядами. Но неспешный ритм быстро наскучил, и мы потянулись к столику с шампанским.

— И часто у вас такие вечеринки закатывают? — спросила я, пригубив из бокала. Игристый напиток оказался недурен на вкус, букет раскрывался с первым глотком и оставлял фруктовое послевкусие. Похоже, Стэнли был прав — студенты варварски потрошили дворцовые погреба. Не по карману им такое благородное пойло.

— Ты здесь впервые? — удивился он и посмотрел на меня.

Я неопределенно кивнула, отпивая из бокала, чем вызвала у парня бесхитростную улыбку. Склонив любопытно голову, он откровенно разглядывал меня, не стесняясь того, что я замечу или почувствую. Да и я больше не смущалась и отчасти сама заигралась, поверив в то, что он мне нравился. А что, если он, правда, мне нравился?!

— А откуда ты узнала о балах?

— Здесь бывают мои друзья, с которыми я и пришла, — невинно солгала я. — Вот только....

— Вот только они тебя бросили. Хорошие друзья!

— А что? Одной здесь опасно появляться? — доверчиво спросила я, изобразив легкий испуг. Такое поведение польстило моему кавалеру. — Меня съедят?

— Нет, если рядом с тобой я, — заявил он без тени смущения, понизив голос до игривого придыхания. Стрельнув глазами, я улыбнулась, кокетливо закусил губу. Забрав у меня опустевший бокал, фамильяр поставил его на столик. Он хотел обнять меня, но что-то его остановило. Фамильяр коснулся кончиками пальцев ткани платья, провел, едва дотрагиваясь, и неожиданно его лицо озарилось. Он коварно улыбнулся. Сильная рука сомкнулась на моей талии, и я не успела ахнуть, как оказалась прижатой к его груди. Прильнув щекой к моему виску, любвеобильный спутник шепнул:— Всегда готов постоять за честь красивой девушки.

По-юношески дерзко и громко было сказано, я не сумела сдержать улыбку. Меня хотели защищать — разве это не мило? Но в голове «красивой девушки» родилась идея...

— Я слышала, недавно пропала студентка Университета, и она посещала эти вечеринки.

Чтобы видеть выражение его лица, пришлось отстраниться. Положив ладони ему на грудь, я запрокинула голову. Взгляд фамильяра потемнел, улыбка потухла. Водя пальцем по вышитому узору на корсете платья, он небрежно пожал плечами.

— Не думаю, что тебе стоит из-за этого волноваться, — тихо проговорил он, и голос его прозвучал бесцветно.

— Ты меня защитишь, я уже поняла.

Он быстро глянул на меня.

— Даже не в этом дело.

Он собирался продолжить, но рядом с нами остановилась пара, и мы невольно обернулись. Девушка выглядела ярко, вызывающе, но со вкусом. На ней сверкало золотое платье в пол с юбкой-колоколом, декоративно перетянутое парчовыми лентами. Высокая, дощатая и почти на голову выше своего спутника. Я на ее месте не рискнула бы надевать

такие высокие каблуки. Белокурые волосы были уложены на затылке, а выбивающиеся пряди придавали слегка небрежный вид образу. Золотистый макияж, скрытый маской, подобранной под платье — я видела лишь румяна, подчеркивающие выдающиеся скулы, и перламутр на губах. Марисса. Ее держал за руку кавалер в шикарном черном костюме, отливающим глянцем. Белая рубашка с воротником-стойкой, в петличке — золотая роза. Лицо скрывала черная маска, скромно отделанная золотыми блестками. Короткие светлые волосы, пронзительные голубые глаза, холодные, как зимняя река. Я узнаю Бена, даже если его упаковать от макушки до пят — по фигуре, по походке, по запаху. По обжигающей магии, ползущей по коже. Его лицо утончилось, напряглись челюсти — он смерил моего спутника придирчивым мужским взглядом, и посмотрел на меня в упор. Его напускное безразличие жалило в самое сердце. Мне хватило мгновения, чтобы пожалеть о том, что мы все это затеяли. Догадывалась, как больно будет видеть его рядом с другой, но не предполагала, что настолько. Кажется, в груди что-то хрустнуло.... Бен сжал в ладони руку Мариссы, как вдруг его лицо озарилось. Он преобразился, обернувшись к ней. Осчастливил обворожительной улыбкой, от которой у меня засосало под ложечкой. Одарил ее охочим, хищным взором, и я сжалась изнутри. Фамильяр наблюдал за Мариссой — она растекалась от наслаждения, внимание Бена ее окрыляло, и она быстро забыла о нашем существовании. Сперва, увидев меня, она озадаченно моргала, и переводила взгляд на моего спутника, но Бен отвлек ее. Притянув к себе, увел Мариссу в танцующую толпу. Я провожала их глазами, чувствуя, как мое сердце отчаянно стучит о ребра.

— Эй? — ласково позвал фамильяр и провел пальцами по моему подбородку, заставив повернуться к нему. — Ты привидение увидела?

— Нет, — сглотнув обиду, ответила я и запрокинула голову, чтобы видеть его. — Они как-то странно таращились на нас, не находишь?

— Полагаю, обоим есть, что скрывать, и от кого скрываться, — в его тоне послышалась металлическая нотка. Нависнув, он горячо выдохнул мне в волосы: — Здесь каждый прячется под маской, потому что вечеринка запрещенная.

Он хотел пошутить, но шутка вышла смазанной, горькой и пошлой. Кажется, все его усилия оказались напрасными. Издав прерывистый вздох, я хотела повернуться и посмотреть на него. Вдруг фамильяр прижал меня к себе, завел руки за спину, сомкнул их в своих ладонях. Я ощутила себя в капкане, животный инстинкт призывал освободиться, оттолкнуть. Но вместо этого я уткнулась лицом в его мускулистую грудь и вдохнула пряный аромат кожи. Он ничего мне не сделает. Честно-честно.

Заиграла веселая музыка, но мы остались стоять. Я прижалась к нему, он позволил обвить свою шею руками. Медленно сникнув и приуныв, отдалась теплу чужого мужского тела, а он охотно им делился, поглаживая мою обнаженную спину своей огромной ладонью. Мы не делали ничего запрещенного или непристойного, я не ощущала вину за тесные объятия, но во всех наших действиях чувствовалась необъяснимая обоюдная симпатия.

— Ты, наверное, устала? — спросил он, нехотя разрывая объятия.

Я виновато заулыбалась. Он отпрянул, вынуждая оторваться от него. Руки соскользнули с его плеч, но он поймал их и накрыл ладонями. Я удивленно посмотрела ему в глаза, и было в них что-то соблазнительное, обещающее избавить от мучительных раздумий. Он не мог знать о причине моей печали, но в его глазах бегали чертики, и мне это нравилось. Его объятия могли отвлечь, успокоить. Так зачем противиться? Мой спутник оказался отличным танцором и приятным собеседником, отличающимся чувством юмора и обаянием,

сочащимся изо всех щелей. Он отпускал шуточки в адрес музыкантов и танцующих рядом пар, всячески меня развлекал рассказами. Мы будто были знакомы целую вечность, и, не чуя каблуков, я выписывала такие па, что голова шла кругом. Забыв на время о существовании Бена и Мариссы, о цели, что привела нас всех на бал, я смеялась и купалась в чарах, которые в изобилии парень изливал на меня.

Медленную композицию сменила задорная мелодия, зал возликовал и заплодировал. Бойкие музыканты пританцовывали за пурпурной бархатной ширмой, а разгоряченная алкоголем публика строилась паровозиком. Смеясь и повизгивая, линейка двинулась по периметру помещения, активно виляя бедрами в такт мотиву, и хватаясь друг за друга. На поворотах веселый хоровод терял слабые звенья. Не успела я ахнуть, как мой спутник потащил меня вслед за ритмично покачивающейся толпой. Он рассчитывал вернуть мне бодрое расположение духа. Центр зала опустел, все держались за руки или хватались за соседа спереди, беззаботная и безобидная забава, я вдруг вспомнила о Джоше и Лорелее. Оглядев резво скачущую толпу, сумела разглядеть сине-зеленое чешуйчатое платье русалки. Сверкающая юбка задиралась из-за активных движений хозяйки, оголяя стройные ноги, золотые волосы разметались в воздухе. Рядом мелькала маска Джоша. Они плыли в потоке напротив, подражая всеобщему безумию. Джош обернулся, поймал мой взгляд и пожал плечами. А что я могла сказать? Приятное времяпрепровождение мешало делу. Мы забылись, отвлеклись. Едва я выдала ему кислую улыбку, как фамилляр охватил меня руками и вытянул из хоровода. Мы словно вынырнули из бурной реки, оказались вне шумной волны и учились заново дышать. Он подвел меня к столу с шампанским, держа за руку. Поднос почти, опустел, но два бокала сиротливо ждали именно нас. Спутник протянул один мне, и мы звонко чокнулись.

— За знакомство, — сказал он, улыбаясь.

— Но ты так и не сказал, как тебя зовут, — напомнила я и отпила из бокала.

— Тед, — бесхитростно ответил парень и расплылся в лучезарной улыбке. Не знаю, что отразилось на моем лице, надо отдать должное карнавальной маске, но мысленно я скисла. — Я почему-то решил, что мы знакомы.

— Нет, — проблеяла я, сжимая в руке хрустальную ножку фужера. Я чуть не подавилась шампанским от потрясения. Хмель из головы стремительно выветривался — вспомнилось, зачем меня занесло на запрещенную вечеринку для студентов.

Тед хотел что-то добавить, шагнул ко мне, но его привлекла возня у ширмы. Парень повернул голову, и его лицо разгладилось, брови сошлись на переносице. Я невольно проследила за его взглядом. Кто-то запутался в тяжелой бархатной ткани и, в попытках вырваться его бросало из стороны в сторону. Тед склонился, словно для поцелуя, но его внимание все еще было приковано к ширме. Да что же там происходит? Прижавшись гладко выбритой щекой к моей щеке, легко, едва касаясь, он потерся, провел по ней губами. Меня окатило волной мурашек, стало нечем дышать. Его дыхание согревало, заводило, и голова шла кругом от новых, украденных ощущений. Тед принял меня за другую девушку. Я не должна была здесь находиться, не должна радоваться тому, как по телу разливалось покалывающее тепло. Но радовалась. Да и он не сильно огорчился, когда понял, что ошибся. И все неохотнее мой взгляд возвращался к ширме, все быстрее Тед терял к ней интерес. Он заглядывал прямо в глаза, ненавязчиво напирая и зажимая меня между стеной и своим телом. Сильные руки обхватили мою талию, я ахнула и замерла. Его лицо оказалось совсем близко, я упала в его глаза, утонула — они помутнели от желания. Невыносимо хотелось прижаться к его губам, узнать, какие они на вкус. И я осторожно подалась навстречу. Тед

навис надо мной, но грохот за ширмой вновь отвлек его. Поцелуй вышел смазанным. Вернее, он совсем не вышел — Тед скользнул губами по моей щеке, поворачиваясь на звук. Ширма опасно натягивалась, будто за ней боролись, и мой кавалер напрягся. Он уже думал бросаться разнимать драчунов, но к нам от дверей бежал высокий парень в черном костюме и маске. Тот, что стоял с Тедом на входе. У меня внутри все застыло — это же Картер! Его я видела в поле!

— Ты нам нужен, — запыхавшимся голосом сказал фамилляр. Тед нехотя отвернулся от ширмы и посмотрел на друга.

— Что случилось? — он говорил ровно, бесцветно, я почти поверила, что его ничуть не взволновало появление Картера. Руки Теда еще лежали на моей талии, но они напряглись, вспотели.

— Книжный червь слетел с катушек, — прошептал Картер, нетерпеливо переминаясь с ноги на ногу. Парень выглядел встревоженным и озирался на танцующую толпу. Я старалась не разглядывать его, хотя подмывало посмотреть еще раз в эти голубиные глаза. — Я не могу найти Мариссу.

Сердце колотилось так сильно, что, казалось, его мог услышать Тед. Я отпрянула и припала губами к бокалу с шампанским. Тед почувствовал, что момент испорчен, и его руки соскользнули с моей талии. Он чуть отодвинулся, теперь я могла свободно дышать и двигаться.

— Прости, — с ноткой разочарования шепнул он мне в волосы и на миг уткнулся в них носом. — Я найду тебя.

Я робко кивнула и выдала обворожительную улыбку. Тед отступил, с сожалением глядя мне в глаза. Что-то кольнуло в груди — совесть? Я выдержала его взгляд, но не успела моргнуть, как фамилляры исчезли — в голове вихрем пронесся шорох перьев и отрезвил. Я расслабленно прислонилась спиной к стене и осушила бокал одним глотком. Надо бы догнать их и узнать, что произошло. Запрокинув голову, я прикрыла веки, наслаждаясь сладким вкусом пузырьков. В зале царил приятный полумрак, по сводам ползли золотистые блики, помещение сотрясало от музыки. Я чувствовала кожей вибрацию, слышала топот танцующих ног и шорох бальных платьев, не замечая возню за ширмой. Он слился с общей атмосферой.

Раздался треск рвущейся ткани, я открыла глаза и удивленно повернула голову. Из-за ширмы вывалились два страстно переплетающихся тела. Я сдвинула бокал пальцами, каким-то чудом не расколов тонкое стекло. Возникло желание запустить им в эффектно возникшую парочку — передо мной без всякого стеснения жарко целовались Марисса и Бен.

Он по-хозяйски хватал ее за ягодицы, а она прогибалась навстречу. Марисса жадно цеплялась пальцами за его плечи. Прижав девушку к стене, Бен с неподдельным энтузиазмом и неприкрытым желанием изучал ее рот языком. Скользнув ладонью вниз по изгибу бедра до разреза платья, он запустил в него руку. Провел пальцами по гладкой коже, задирая подол, сдвинул пальцами и сорвал стон с ее губ. Марисса разорвала поцелуй, ловя воздух ртом. Они смотрели друг на друга и дышали так, словно только что занимались сексом за ширмой, и страсть еще не ушла. Я чувствовала запах похоти, она резала мое сердце раскаленным ножом. Если Бен играл, то в совершенстве. Даже я поверила, что говорить с Мариссе.

В груди что-то сжалось, и я прерывисто выдохнула. Бен услышал и нехотя повернул голову. Он будто не мог оторваться от Мариссы, но оказался вынужден, и горько сожалел об

этом. Когда мы встретились взглядами, его лицо ничего не выражало. На губах застыла довольная улыбка, из-за сладостной расслабленности движения выходили небрежными и ленивыми. Мы глядели друг на друга в упор, и не нужны были слова. Я даже думать не могла, не то, что говорить. Боль пронизывала, прожигала, капля за каплей утекало мое самообладание. Хрустнул бокал в ладони, но я не дрогнула, не моргнула. Марисса, увлеченная Беном, впиалась губами в его шею, присосалась к ней. Она ласкала кожу языком, а он смотрел на меня пустыми глазами. Ледяными, как океанская бездна. В тот миг я не помнила о том, как минутой ранее тискалась с Тедом, повиснув у него на шее, и охотно подставляя губы для поцелуев. Бен будто смотрел внутрь меня. Хотел понять, что я испытывала, когда видела его в объятиях другой женщины. Я прекрасно понимала, Марисса для него ничего не значит, но не могла унять мучительную боль в груди. Обида терзала душу, грызла сердце. Она — всего лишь очередная цель для Бена, которую не нужно убивать, только очаровать и вынудить разболтать все о пропавших девушках. И он подошел к заданию со всей ответственностью, выполнял его безукоризненно, уделяя внимание мелочам, а заодно заставляя меня тихонько сгорать от ревности.

Бен вспомнил о Мариссе, его лицо смягчилось, на нем появилось какое-то вдохновенное выражение. Сомкнув пальцы на ее тонком запястье, он отстранился. Девушке пришлось оторваться от его шеи, которую она все это время облизывала с блаженным видом, будто ничего вкуснее в жизни не пробовала. Хлопая непонимающе ресницами, Марисса смотрела на Бена мутными глазами.

— Ты перебрала, Марисса, — ласково сказал он, отводя ее руки от своих плеч. Девушка надула губки и изящно сползла на пол. Черт, даже пьяная она выглядела потрясающе! Бен закатил глаза и, подхватив за талию, поднял ее. — Я отведу тебя в уборную.

Подняв Мариссу на руки, будто пушинку, Бен понес ее к выходу из зала. Она то невнятно бормотала, то хохотала, болтая в воздухе руками. Я смотрела им вслед, сдерживая слезы, не в силах пошевелиться. Проходя мимо, Бен смерил меня взглядом, и его гнев заплясал жаром на коже, словно я стояла рядом с открытой печью. Лампы замигали, вторя мелодии, маги продолжали плясать — счастливые и беззаботные. С моих губ сорвался судорожный вздох, первая слеза покатилась по щеке, но ее скрыла маска. Поставив бокал на стол, я склонилась и охватила себя руками. Мгновение, и станет легче. Надо лишь дух перевести. По щекам стекали соленые капли, влажные дорожки холодили кожу. Кажется, Бен вошел во вкус и упустил момент. Марисса уже не в состоянии что-либо говорить. Я тоже допустила ошибку, поддавшись на шарм фамильяра. Если бы он знал.... Злость помогла задвинуть обиду на задний план — я выпрямилась и направилась к выходу, не забывая придерживать платье.

В холодных мрачных коридорах звенело эхо. Игривый смех Мариссы указывал мне путь. Она цеплялась за плечи Бена тонкими пальцами, водила ими по щеке. Он отвечал ей натянутой улыбкой. Длинные ногти, покрытые черным лаком, оказывались в опасной близости от его маски. Он уворачивался, как мог, от попыток Мариссы сорвать ее. Путаясь в пышной юбке, я скользила от стены к стене и выглядывала из-за угла. Маска — вещь красивая, но абсолютно непригодная для слежки. Кружевные складки и выпирающие украшения загораживали приличную часть обзора, что порядком нервировало. Стараясь не создавать шума, я кралась почти на цыпочках, словно тень, перемещалась от колонны до колонны просторного коридора с мраморными полами. Здесь царили тишина и мрак, только серебристое сияние луны проливалось полосой вдаль, словно тропа в чаще леса. Ни единой

живой души, и не была слышна музыка — только шелест ткани моего платья и стук взволнованного сердца.

Бен поднес Мариссу к высокой двери в женскую уборную и бережно опустил на ноги. Улыбаясь, как школьница на выпускном балу, заполучившая внимание самого красивого парня в школе, она повисла у него на шее и впилась в губы поцелуем. И он не сопротивлялся — охотно отвечал, демонстрируя страсть, но вел себя куда сдержаннее своей спутницы. Не зная Бена, я бы решила, что он уже готов сорвать с нее платье прямо здесь.

Руки Мариссы шарили по пиджаку, расстегивая пуговицы. Бен поймал их за запястья и опустил по швам. Он не позволял ей щупать себя, когда как его руки успели побывать там, где даже думать не хотелось. Я не могла смотреть — в груди потяжелело, сердце сдавило в тиски. Но была вынуждена. Припав щекой к холодной каменной колонне, я выглядывала на них и боялась моргать. Он играл не для нее — для меня. Хотел, чтобы видела, на что толкнула его. Не справившись со злостью, я шаркнула подошвой туфли. Хватит, довольно! Они нехотя оторвались друг от друга. Марисса расплела руки и попятилась к двери.

— Я скоро, — прошептала она и исчезла за тяжелой дверью, послав Бену воздушный поцелуй.

Громко и с облегчением выдохнув, Бен запрокинул голову и медленно развернулся к темному коридору. Я шагнула из-за колонны и посеменила к туалету, хватаясь за подол платья. Бен следил за мной глазами, а когда я остановилась у двери, встал напротив. Я подчеркнуто игнорировала его. Прислонившись к стене, затаилась, прислушиваясь к звукам в уборной. Избегала его взгляда, тяжелого и прожигающего насквозь. Он шагнул ближе, меня обдало ароматом его одеколона, захлестнуло жаром силы. Я зажмурилась, сердце споткнулось и сбилось с ритма.

Он вздохнул, снисходительно и слегка раздраженно, но на губах мелькнула улыбка. Шагнул влево, загораживая обзор, вынудил меня повернуться и прижаться спиной к стене. Я уставилась на его шею, на пульсирующую жилку, преодолевая желание закрыть лицо руками.

— Тебе что-то не нравится? — Бен любопытно склонил голову, рассматривая меня. Больше всего его интересовали глаза, которые я старательно отводила. Смотрела куда угодно, но только не на него.

Но он оказался сильнее, я сломалась, дрогнула и устало прикрыла веки. Сказалось волнение и напряженность, отчасти стыд, ведь я тоже вела себя не лучшим образом. Вряд ли флирт с Тедом можно было как-то оправдать — к нашему общему делу его можно было отнести с натяжкой. Я могла обойтись без кокетства с одним из фамильяров Мариссы, не нанося ущерб расследованию, и с тем же успехом изучить башню, не прибегая к ненужным жертвам. Но мне захотелось внимания и ласки. Вот только как объяснить это совести и Бену?!

Я устала и поддалась. Бен с жаром выдохнул мне в лицо, придвинувшись почти вплотную. Упершись рукой о стену, он лишил меня возможности отвести глаза.

— Ты же сама этого хотела, Эшли. Или я все неверно понял?

— Все просто отлично, — глотая предательские слезы, вернувшиеся так некстати, процедила я.

— Если я все сделал правильно, то почему ты не смотришь на меня?

Его слова прозвучали, как вызов. Бен успел хорошо узнать меня и понять, за какие ниточки нужно дергать, чтобы заставить делать то, что ему хочется. Все рассчитал, каждое

слово, даже интонацию и выражение лица — слегка удивленное, немного озадаченное. Хотя и лед в его глазах не успел растаять, все равно я попалась. Повернула голову и посмотрела в упор обжигающим взглядом. В его небесно-синих глазах вспыхнул свет, не добрый и не обещающий ничего хорошего, а улыбка на губах была едва уловимая, но довольная-довольная.

— Не обязательно было лезть к ней под юбку, — я старалась говорить ровно, но вышло не очень убедительно. Бен вскинул брови и хмыкнул.

— А ты тоже так хочешь? — приблизившись к моему уху, поинтересовался он, тихо и с придыханием. Отпрянул и склонил голову набок. Сердце затрепетало в горле пойманной птицей, и слезы высохли. Я не могла ни о чем думать, только смотреть на него и сгорать. Хотелось притянуть его и оттолкнуть одновременно, влить пощечину. Делая вид, что его безумно интересуют мои губы, Бен обжигал дыханием. Я дрожала, словно кролик, пойманный лисой. У меня свело низ живота от желания. Платье стало безумно тесным, как капкан, я не могла в нем дышать.

Правой рукой Бен скользнул по корсету, пробежался пальцами по вышивке. Я закусила губу и опустила голову, наблюдая за его легкими небрежными движениями.

— На тебе слишком много ткани, — выдохнул он мне в висок. Меня окатило волной мурашек, и я проглотила отчаянный стон. Его мягкие губы скользнули по щеке, остановились у мочки уха, и он нежно ткнулся носом, вынудил запрокинуть голову. Теперь его губы касались шеи, бережно и горячо, спускались к плечам, и вдруг остановились. Бен слегка потерся щекой о мою щеку, заставив сердце подпрыгнуть. Я таяла, как свеча, а он нарочно дразнил. Тело заполняло безграничное тепло, лилось под кожей, поднималось к лицу. Сжав кулачки за спиной, я стояла, боясь пошевелиться, тонула в страсти и боролась с ней. Я хотела злиться на Бена, но он снова переключился на шею.

— Прекрати, — выдохнула я, уворачиваясь от его губ. Высвободив руки, уперлась ладонями в его твердую, как камень, грудь. Он снова улыбнулся, довольный моей реакцией, и поднял голову, исподлобья посмотрел в глаза. Бен не собирался меня целовать — играл с искуплением, но у меня по коже бегали мурашки в тех местах, которых почти касались его губы. — Ты минуту назад целовал Мариссу, совал язык ей в рот! От тебя несет ее слюнями! Не трогай меня! — я с силой пихнула его, но это ничего не дало. Бен даже не шелохнулся, дыхание не сбилось, будто я толкала стену. Склонившись над моим лицом, он долго изучал его, ловил взгляд, который я снова прятала. Слезы злости мутной пеленой затягивали их, и я не хотела их показывать Бену. Он итак все о них знал. Но было чертовски приятно ощущать в сердце гнев — он отрезвлял.

— Тебя это волнует? — выдохнул он, чуть слышно, горячо, скользнув губами по линии подбородка, и снова посмотрел мне в глаза. Дрожь волной прокатилась по телу, кожа дернулась от мимолетного прикосновения, засияла. Магия искупления обжигала, охватывала, и не только меня. Она полыхала над нами сине-голубым заревом, наполняла наши тела, будто сосуды, и мы оказались не в силах сопротивляться. Это было приятно, и невыносимо больно одновременно.

Я слышала, как сбивалось дыхание у Бена, когда он касался меня, легко и невесомо, будто только делал вид, что хочет дотронуться. Магия пылала между нами, будто ток, проскальзывала и притягивала друг к другу. Бен только имитировал прикосновения, не прижимаясь губами, но магия все завершала за него, заставляя меня каждый раз вздрагивать. Кожа пульсировала, будто один сплошной оголенный нерв, под ней бурлило тепло, ищущее

выход, а я изо всех сил сдерживалась. В глазах меркло, голова шла кругом, и только чудом я еще не набросилась на Бена. И ведь его ощущения вторили моим, до капли, до мельчайшей крупинки, но держался он лучше меня. Или так только казалось? Внутри перерождающегося бэлморта бушевали чувства, обостренные, как никогда раньше, необузданные и обнаженные, не прикрытые обманчивым равнодушием. Бену было гораздо тяжелее — он не только боролся с искушением, но и противился искуплению. Все еще, из последних сил.

— Ты хочешь, чтобы я произнесла вслух? — с придыханием спросила я, только для того, чтобы хоть что-то сказать и отвлечь его. Но как ни старалась говорить ровно, голос срывался на шепот, и ему это нравилось. Скользя рукой по ткани корсета, спустившись к талии, он с силой притянул меня к себе, так, что я непроизвольно ахнула. Пальцы его запутались в завязках, играли с ними. Другой рукой Бен все еще опирался о стену, небрежно и свободно, без усилий. Он выглядел расслабленным, но я кожей чувствовала, что происходит у него внутри. Какой-то частью себя испытывала волнение его души и слышала неистово бьющееся сердце. Облизав губы, я отвернулась, чтобы не накинуться на него. — Отпусти меня, Бен. Скоро вернется Марисса. Ты хочешь, чтобы она нас застукала?

— Мне плевать, — небрежно шепнул он мне в висок. — Это ты заставила меня соблазнить ее, я и соблазнил.

— Я не заставляла — тебя разве можно заставить?! Мы так решили, все вместе.

— Все вместе решили, что я должен ее обхаживать, лезть под юбку и совать язык в рот? — совершенно спокойно проговорил он, зарываясь лицом в мои волосы. Его лишенный эмоций голос не соответствовал тому урагану чувств, что сейчас обуревали им. В который раз я убеждалась в том, что бэлморты — прирожденные лицемеры.

— Это было крайней мерой, — уворачиваясь, прошипела я. — Но ты, похоже, забыл, ради чего мы все это затеяли.

— Как и ты, — лаконично бросил он.

— Я помню, — устало выдохнув, я запрокинула голову, прислонилась к стене. Бен мягко дотронулся щекой до моего обнаженного плеча. Он ласково потерся, вызвав легкую дрожь, и снова скользнул к шее вверх, плавно и нежно, почти касаясь кожи губами. Я готова была потерять сознание — невозможно столько времени сдерживаться. Сжав пальцами ткань его пиджака, я зажмурилась. — Но ты делаешь все для того, чтобы я забыла.

Я открыла глаза и с силой толкнула его в грудь, но он снова не почувствовал.

— Тебе не нравится тихоня — Лукас, — саркастически изумился Бен, вновь отстранившись от меня, и вид у него был почти невозмутимый. Только в глазах, где-то глубоко, светилась магия, а под моими ладонями ощущалось напряжение. — Не приятен напористый Бен. — Он пожал недоумевающе плечами, убирая руку с моей талии, чтобы опереться ею тоже о стену, и нахмурился. — Чего ты хочешь, Эшли? А, — он озарено округлил глаза и кивнул. — Видимо, тот шкафоподобный фамилляр, что облизывал тебя весь вечер, представляет собой эталон мужской привлекательности?! Он затмил всех в твоих глазах, заставил забыть, какого черта мы все здесь делаем. Куда же нам, ничтожествам, до него!

— Что? — пробормотала я и посмотрела ему в глаза.

— Думаешь, я не видел, как вы жметесь друг к другу? Из центра зала превосходный вид, Эшли. Я мог наблюдать ваши ролевые игры во всей красе.

Он невесело усмехнулся, отвернувшись от меня.

— Мы не целовались, — вяло возразила я.

— Почти.

— А ты? — прошипела я ему в лицо и подалась вперед. — Что ты делал, Бен?! За ширмой, вдали от посторонних глаз..... То, что я не видела, дорисовала хорошо развитая фантазия!

— Ты меня попросила об этом, — сухо отозвался он, резко повернувшись, и отстранился, чтобы видеть мои глаза.

Я все еще держала ладони у него на груди — мне нравилось ощущение его тела так близко. Нравилось чувствовать кожей его пульс — неровный, но тихий.

Лицо Бена напряглось, в глазах появился стальной блеск. Он нахмурился, рассматривая меня, и мне хотелось спрятаться от его взора, убежать.

— Что ты сотворила со мной, Эшли?!

Слова, произнесенные тихим и усталым голосом, сочащимся гневом, заставили меня затаить дыхание. Я непонимающе смотрела ему в глаза, перебирая в голове все возможные варианты ответов, но еще бы понять, в чем суть вопроса?!

— Я не понимаю, — прошелестела я.

— Теперь я чувствую разницу. Понимаю, что мне нравится, а что противно. Знаю, чего хочу, и что мне совершенно не нужно. Мне был неприятен вкус ее губ, — поморщившись, прошептал он, — неприятен запах волос, даже аромат духов — тонкий и изысканный — для меня был приторным и тошнотворным. Раньше я не ощущал ничего. НИ-ЧЕ-ГО. И все казалось одинаковым, однообразным, пресным, без вкуса и запаха, не горячее и не холодное — пустота. Я испытывал только то, что было мне необходимо, не задумываясь о чужих чувствах. О чувствах тех, кто после ночи со мной обращался в прах. А сейчас меня беспокоит, насколько жестоко я поступаю с ее сердцем, как сильно гажу в твою душу, и о том, что мне снова предстоит терпеть вкус ее губ, запах кожи, слышать голос.... Весь вечер, — последние слова он выдохнул с горечью. Прерывисто выдохнув, Бен прикрыл веки, и на его лице появилось утомленное выражение. Он прислонился лбом к моему лбу и замер, не произнося ни звука.

— Прости, — только и смогла вымолить я. Под маской высохали слезы, и Бен не мог их видеть.

— За то, что обрекла на мучительные объятия Мариссы, или за свои поцелуи с гриззли? — чуть слышно спросил он и усмехнулся. Открыв глаза, посмотрел на меня, и нас разделяли только карнавальные маски. — Сегодня странный вечер выдался, не находишь?

— Марисса слишком долго в туалете, не считаешь? — внезапно протрезвев, вопросом на вопрос ответила я. Бен плавно выпрямился, отстранился. Он убрал руки и оправил пиджак привычным движением. Его глаза не выдавали больше чувств, огонек магии погас, уступив место привычному холоду. Приняв бесстрастный вид, Бен шагнул к двери в туалет, но я его опередила.

— Я войду, — преградив путь, шепотом сказала я. Бен пожал равнодушно плечами, но я больше не верила его маскам. — Все-таки, это женский туалет.

Я осторожно толкнула тяжелую дверь и заглянула вовнутрь. Серый полумрак мраморных стен, где-то слева мерцал тусклый свет магического факела, выполняющего функцию лампы. Коридор поворачивал влево, закрывая обзор, пришлось войти. Выглянув из-за угла, я увидела просторное квадратное помещение с высоким потолком. Кабинки с резными серыми дверцами утопали в стене справа, под панорамный обзор попадал ряд белоснежных плоских раковин и полоса зеркал над ними. Марисса стояла спиной к выходу,

разглядывая свое отражение. Притаившись за углом так, чтобы она не могла заметить меня в зеркале, я присмотрелась к девушке. Оправляя волосы, расчесывая их пальцами, Марисса выглядела блаженно-спокойной. Укладка слегка растрепалась, небрежные пряди падали на плечи, но она упрямо их оправляла, подтыкала в прическу, и чем дольше, тем раздраженнее и усерднее.

Я осторожно шагнула из-за стены, вышла к Мариссе, чтобы разглядеть, на что она смотрела в зеркале. Доносился странный звук, будто лед трескался, и я знала, откуда он идет. От него у меня волоски на коже зашевелились. Просторное помещение, в котором любой шорох подхватывало и умножало эхо, навевало страх, хотя я знала, что это всего лишь туалетная комната. Свет дрогнул, как от порыва ветра, и под потолком мелькнула тень. Ноги потяжелели, в груди забился легкий ужас, но я подошла ближе и увидела отражение Мариссы. Внутри меня похолодело раньше, чем я успела осознать, что вижу.

Зеркальную гладь покрывала тонкая паутина трещин. Медленно и с характерным звуком она разрасталась и чернела буквально на глазах. И девушку в отражении можно было узнать с огромным трудом — растрепанные грязно-желтые волосы сбились в колтуны, пряди свисали неопрятно, от аккуратной прически не осталось и следа. Лицо девушки с сероватой кожей и ввалившимися в череп глазами, блеклыми и болезненно-красными. Тонкие пересохшие, потрескавшиеся губы, медно-золотистая помада размазана вокруг рта. Марисса смотрела на себя, чуть слышно хныкая и тяжело вздыхая. Она с остервенением выдирала волосы, которые не могла расчесать пальцами. Вдруг зеркало треснуло пополам — ровно посередине появилась большая трещина, от которой побежали мелкие лучики, испещряя всю поверхность, охватывая и разделяя на мелкие части оставшиеся от него осколки. Трещины появились и на лице девушки, словно на разбитой глиняной маске, из-под нее выглядывали кости и мышцы. Марисса прерывисто вздохнула и замерла. Оторвав руку от волос, протянула ее и коснулась зеркала, провела пальцами по глади — настал мой черед ахать и вздыхать. Она не видела этих ужасных трещин на своем отражении.

Решительным шагом я прошла в комнату и остановилась рядом с Мариссой, не решаясь смотреть на свое отражение. Девушка резко обернулась и уставилась на меня. Она выглядела гораздо лучше, чем в зеркале. Можно сказать, идеально. Я все-таки скосила глаза влево и отпрянула — зеркало снова было ровным и гладким, без трещин, и с него на меня испуганно и возмущенно глядела прекрасная блондинка.

— Что ты здесь делаешь? — спросила Марисса и нахмурилась. Я медленно повернула голову и уставилась на нее. Она узнала меня в маске? Невероятно.

— Полагаю, то же, что и ты, Марисса. Туалет женский, или мы обе ошиблись дверью?

— Нет, не ошиблись, — растерянно проговорила она, оставив в покое волосы, и опустила руки на раковину. — Но почему ты так смотришь на меня?

— Интересно стало, — я пожала плечами. — Ты такая красивая, утонченная — как тебе это удастся?

— Что именно? — хмыкнула она и скрестила руки на груди.

— Так хорошо выглядеть, несмотря ни на что, — чеканя каждое слово, ответила я и медленно обошла Мариссу. Бросив осторожный взгляд, я увидела свое отражение, но в зеркале рядом снова чернели трещины, и с него смотрела безумная, истощенная девушка. Она следила за мной глазами и плакала. Зрелище не для слабонервных, но я должна была расспросить Мариссу. Ту, что стояла около меня, кем бы она ни была на самом деле.

— Я слежу за собой, — ее голос сквозил едва сдерживаемым раздражением. — Всего-навсего.

Остановившись сзади, я резким движением развернула ее за плечо к себе лицом. Марисса рефлекторно расплела руки, чтобы оттолкнуть меня, но я ударила магией, пригвоздила ее к раковине. Девушка дергалась в конвульсиях, пыталась броситься на меня, но тщетно. Я стояла, вытянув вперед ладонь, и разглядывала ее с ног до головы. Первым в глаза бросился кулон, некогда лиловый и переливающийся перламутром, он потускнел и утратил блеск. Блеклый камешек на цепочке, в котором больше не жила магия. А если и жила, то чуть теплились ее остатки. Подняв взгляд выше, я склонила голову набок. Она сняла маскарадную маску еще в зале, но на лице осталась другая маска — идеально ровный тон кожи, румяна, медно-золотистая помада и песочно-золотой макияж глаз. На меня холодно глядела красивая девушка, но если всмотреться, под всей этой мишурой пряталась серая мышка. Я задумчиво прищурилась.

— И что ты подразумеваешь под этим?

— Почему ты применяешь магию, Эшли? — процедила Марисса, не оставляя попыток вырваться. — Я тебе угрожаю?

— Ответ на мой вопрос, и если ответ мне понравится — я тебя отпущу.

— Хочешь, чтобы я перечислила все косметические процедуры.....

— Ты прекрасно понимаешь, о чем я прошу, Марисса! ЧТО помогает тебе выглядеть потрясающе? Какое заклятие?

На мой громкий голос в туалет влетел Бен. Он остановился в центре просторного помещения и поглядел на нас по очереди.

— Помоги мне, Бен! — взмолилась Марисса, цепляясь пальцами за край раковины. — Она свихнулась!

— Подойди к зеркалу, Бен, — нейтральным голосом попросила я. — Посмотри и скажи, что ты видишь.

Бен приблизился к нам и заглянул в зеркало за спиной Мариссы. Его глаза потемнели, слегка округлились. Он медленно повернул голову и уставился на меня. Но ответить не

успел — Марисса протянула к нему руку. Бен посмотрел на нее и отпрянул. Я проследила за его взглядом, и по спине пополз холодок. Запястье Мариссы испещряли тонкие шрамы, некоторые из порезов еще не зажили.

— Когда я увидел аналогичные раны на руках Адрианы, то решил, что она травой порезалась, — он перевел взгляд на меня и изумленно скривился. — Она сама себя изрезала. Какое заклятие требует пролить кровь?

— Не заклятие, — мотнув головой, прошептала я и облизала высохшие от волнения губы. — Не заклятие, Бен.

Повернувшись лицом к Мариссе, я вобрала в себя магию — тепло потекло обратно, скользнуло в кулон и затаилось. Только тогда я опустила руку. Приблизившись к ней, схватила за запястье и поволокла к выходу.

— Я должна видеть, как это работает.

— Зачем? — удивился Бен, не обращая внимания на то, как я тащу за собой жертву его обаяния.

— Вы заодно?! — вскрикнула девушка и попыталась вырваться. — Как ты мог, Бен?!

Внезапно распахнулась дверь и ударилась о стену — полетела бетонная пыль, поднялась удушливым облаком к потолку, и из него вышел Тед. Это был вечер эффектных появлений! Сжимая кулаки, он пылающим взглядом окинул обстановку и, злобно оскалившись, двинулся на Бена. Я только и успела отскочить в сторону, увлекая за собой Мариссу.

Тед налетел, словно товарный состав, на полном ходу и со всей дури. Бена снесло к стене и впечатало в нее, словно в снежный сугроб, но он сумел высвободиться за долю секунды до следующего удара Теда. Тусклый серо-голубой свет замигал, лампы затрещали, рассыпая искры, и стало горячо дышать. Я знала, что происходит, и прижала к себе Мариссу, хотя было неприятно к ней прикасаться. Утешая себя мыслью о том, что в теле невинной девушки поселилась чужеродная тварь, старалась не смотреть на нее. В помещении стемнело, и поднялся ветер, как перед ливнем — Бен ударил полосой магии поперек тела Теда. Фамильяра снесло к противоположной стене через весь туалет. Пока он поднимался, Бен пошел ему на встречу, опустив руки. Его ладони пылали огнем, а зрачки тонули в сиянии магии. И никакая маска не могла скрыть выражение лица — ледяное и неподвижное, словно высеченное из камня.

Тед вскочил на ноги и рванул на Бена, рыча от напряжения и ярости. Я наморщила носик, по инерции — представила, что останется от Бена, если Тед в него врежется. Но Бен не шелохнулся, не дрогнул, только остановился и вытянул руку за миг до столкновения. Я боялась моргнуть, и глаза начинали болеть. В воздухе повисла пыльная дымка, разрываемая вспышками ламп, будто пасмурное осеннее небо, испещренное молниями. Бен поймал Теда за шею, развернул и ударил головой о раковину. Грохот, с которым откололся кусок белого мрамора и рухнул на кафель, оглушил меня. К ногам покатались мелкие осколки, Марисса притихла, подобрала под себя ноги. Она натягивала золотую ткань на колени, с ужасом глядя на дерущихся мужчин, а я совсем забыла о ней.

Пока я беспомощно следила за летящими в разные стороны обломками, Бен швырнул Теда к кабинкам. Дверцы, срывающиеся с петель, треск мрамора, и Бена в грудь ударил сгусток магии. Его подняло в воздух и швырнуло на зеркала — вспышки света, куски разбитых раковин и звон осколков, летящих, как снаряды. Я пригнулась, когда над головой просвистел обломок размером с футбольный мяч. К счастью, он вылетел в коридор, не зацепив ни меня, ни Мариссу. А когда я снова подняла голову, Бен стоял над обломками,

сила его кружилась по комнате теплым ветром. Я смотрела на него, ощущая, как она плещет о мою кожу, омывает, захлестывает. Тэд выдохнул сквозь стиснутые зубы, пригнулся для броска. Я вскочила на ноги, выпустив руку Мариссы, но опоздала — Бен обратился в темно-серый вихрь и, завертевшись под потолком, обрушился на Теда.

— Не надо, Бен! — закричала я, но он уже подхватил фамильяра и подбросил в воздух. Мой голос разнесся эхом по помещению, зазвенел в осколках зеркал, и зловещая дымка замедлилась. Опустившись к полу, она рассеялась — передо мной снова стоял Бен и тяжело дышал. Он хмуро, осуждающе посмотрел мне в глаза. — Почему вы деретесь? Прекратите, на это нет времени!

Рядом возник Тед с перекошенным от ярости лицом. Двинувшись на Бена, он сжал огромные кулачищи, но я уперлась ладонью ему в грудь. Он остановился и удивленно сузил глаза.

— Он облизывал тебя.

— Он лапал Мариссу.

Бен и Тед заговорили одновременно — выдвинули веские аргументы и уставились с изумлением друг на друга.

— Что? — пробормотал фамильяр и перевел на меня взгляд. — Вы — вместе?! Какого черта здесь происходит?

— Мы, — начала я, но, обернувшись на Мариссу, проглотила слова. Ее и след простыл. — Твою мать!

Подхватив подол платья, я выбежала из туалета. Коридор оказался пуст. Я пробежала его на одном дыхании, свернула к переходу и, пролетев по инерции еще несколько шагов, остановилась. В бликах витражей мелькнуло золотом платье Мариссы — она исчезла в темном холле башни. Я поспешила следом, пробегая мимо мерзкого дерева. Казалось, с того момента, когда а я в последний раз его видела, ягоды еще больше налились соком, а ствол мерцал и переливался в потемках. Тварь зря времени не теряла.

Шлейф платья Мариссы сверкнул вверху лестницы. Я взбежала по ступеням, цепляясь взглядом за призрак ее силуэта. Очутившись в коридоре с высокими мраморными колоннами и скользким полом, я осторожно семенила по следам девицы, и они вели прямо до конца и направо — в архив. Туда можно попасть через потайные ходы между стенами Университета, а можно по лестнице, преодолев несколько залов и кабинетов башни. Стэнли водил меня по магическим лабиринтам из соображений конфиденциальности, но я отлично ориентировалась — не зря провела здесь столько лет. Добежав до конца зала, я свернула направо и оказалась в очередном коридоре. Мысленно чертыхнувшись, ускорила — Марисса была начальником охраны Университета и имела власть над зданием. То есть, по ее желанию, стены могли двигаться, а коридоры перемещиваться и путать не прошенных гостей. Однако, я успела убедиться в том, что ее кулон попросту «сдох» — его покинула магия, так что не ожидала подвоха.

Впереди показалась высокая дверь архива, и она была приоткрыта. Сердце екнуло, предостерегая об опасности, но я не могла отступить, поэтому добежала до нее и остановилась. Отдышавшись, вошла в помещение с высокими стенами, где пахло кожей, чернилами и бумагой.

Витражи отбрасывали изумрудных зайчиков на книжные секции, рисовали причудливые тени на стенах, будоража сознание. От тишины звенело в ушах, но я точно знала, что нахожусь здесь не одна — всплеск чужой магии играл на коже с волосками, запах

силы витал в воздухе, она не принадлежала Мариссе. Совсем безрадостная перспектива....

Я шагнула к конторке Брэйдена, прошла вдоль нее, держа руку перед собой. Моя магия проливалась золотым сиянием в темноте, освещая путь. Пусть тот, кто здесь притаился, меня почувствует — я никому не желала зла. Двинувшись между стеллажами, я вглядывалась во тьму, смотрела между книгами и полками, забывая моргать. Выискивала любое движение, но тщетно. Беспокойное сердце дрожало у горла, и казалось, что его стук слышно на весь архив. Шум крови в ушах оглушал, и я боялась, что уже что-то упустила — звук шагов подкравшегося сзади убийцы или шелест его одежды. Повсюду мерещились тени, тьма двигалась, рисуя перед глазами замысловатые узоры и картины. Я никак не могла привыкнуть к темноте, и только сейчас осознала, что дело не в отсутствии света. Замерев посреди архива между секциями, я затаила в ужасе дыхание — так и есть, она ползла по стенам.

Подняв голову, я увидела огромную черную кляксу, растекающуюся по потолку. Она разделялась на капли, которые медленно и с противным хлюпающим звуком сползали вниз, стремясь к центру помещения. Не нужно было гадать, кто именно их интересовал. Все стены облепила тьма, и, окружая, уже перебиралась на шкафы, стекала по полкам. Ее ледяные пальцы тянулись к подолу моего платья, липли к нему — не своя от страха, я принялась стряхивать с себя густые тяжелые капли. Они стекались в одну лужицу, словно ртуть, и быстро перемещались по полу, как-будто нечто живое двигало ими. Мною овладевала паника, я вспомнила о дыхательной гимнастике, хотя в сложившемся положении она совершенно бесполезна. Темную магию невозможно побороть ровным дыханием. Другой вопрос — откуда она здесь взялась?

Сзади послышался шорох, я обернулась на звук. И как раз во время — в меня летел сноп белых искр, похожий на салют. Пригнувшись, я шлепнулась на ворох ткани собственного платья, и удар принял на себя книжный стеллаж. Содержимое полок озарилось и вспыхнуло мерцающим пламенем. Я ошарашено смотрела на то, что осталось от мгновенно прогоревших книг — эта участь предназначалась мне. Примитивная магия студенческого уровня, но достаточно эффективная. Если бы я не успела шлепнуться на зад, то выбыла бы из гонки, так и не успев разобраться, кому понадобилось похищать юных ведьм. Но теперь я знала, что за шкафами прятался студент Университета, а не могущественный маг.

Я обернулась и уловила движение между секциями. Поднялась с пола, словно за ниточки, подхватив все слои юбки. Тьма обтекала меня, собираясь со всех углов архива, сливаясь со всех стен и предметов, и образовывала небольшой круг. В груди ворочалось мучительное чувство, оно будто вторило движениям черной массы. Тьма извивалась змеей, складывающейся в кольца, и я ощущала это внутри себя. Колени подогнулись, но я устояла на ногах, успела опереться рукой о полку. Посыпались книги, запахло пылью. Густая мерзость шевелилась во мне, подбираясь к горлу, и я оказалась беспомощна перед ней.

Она свернулась клубком у ног, словно смиренное животное, и застыла. Тьма больше не стремилась поймать меня, не норовила затянуть в свои сети, а терпеливо чего-то ждала. Она подчинялась мне — совсем недавно это казалось безумием. Об этом даже думать страшно было.... Но я продолжала бояться ее и не хотела подпускать к себе, противилась. Что, если она снова попытается поглотить меня? Именно это произошло с Линетт?

Решив проверить свою версию, я топнула ногой, но тьма не отступила. Напротив, она возмущенно зашевелилась, забурлила, расползаясь по полу. Холодок скользнул по спине, и я попятилась назад. Проклятье....

Это было ошибкой. Я изначально осознавала весь идиотизм своего поступка, но решила попытать судьбу. Подняв руку над черной лужей, я осветила ее магией. Тьма дрогнула, будто бы слегка пожившись, и расширила границы круга. Я гневно прошептала:

— Пошла вон, зараза! Оставь меня в покое!

Густая масса сжалась до размеров кошки и поползла к моим ногам. По мере движения она вытягивалась, удлинялась. Есть еще гениальные идеи, Эшли? Оставалась надежда на Бена, и я обратилась к нему мысленно. Вернее было бы сказать, завизжала, ибо самообладание исчерпало себя еще в зале. Но ответа не последовало. Похоже, я осталась один на один со своими кошмарами.

Впереди посыпались книги, кто-то задел их, крадась между стеллажами. В тишине, от которой закладывало уши, звук показался внезапным раскатом грома. Вздвогнув, я огляделась, не решаясь прибегать к магии. Не хотелось помогать тому, кто затаился среди шкафов, обнаружить себя. Еще не время. Я хотела, чтобы он помучился — его страх был мне на руку. Им веяло в пыльном удушливом воздухе, тянуло тонко и навязчиво. Горько-сладкий вкус чужого ужаса ощущался во рту. Я могла поймать его, последовав чутью.

Тьма терлась о ноги, словно ручная гадюка. Она ждала ласки или приказа. Я хотела, чтобы она убралась подальше. Взрыв белой дымкой, я оставила ее внизу негодовать и отчаянно извиваться. Бесшумным и неторопливым порывом ветра облетела секции и опустилась на пол около столика за секциями архива. Подуло магией, на коже заплескали золотые искорки. Казалось, я слышу сердцебиение до смерти перепуганного кролика. Замерев, я обратилась в слух — неровное частое дыхание, сбивающееся от волнения. И едва уловимый запах крови. У магов нюх не настолько хорош, как у вампиров, но лучше, чем у людей. Неизвестный, что прятался среди стеллажей, был ранен. Из-за этого он и терял контроль над силой.

Впереди отливала синим бархатная скатерть на столике. Блики витражей рассыпались по его поверхности цветными камнями. Его обступали стеллажи. Внутри меня затеплилась магия, очертила силуэт слабым мерцанием. Ощущение, которое сложно описать словами. Он пульсировал в моем сознании в такт беспокойному пульсу мага. Раненым зверем он забился между шкафами и решил повторить попытку ударить, окончательно выдав себя и свое укрытие. Пучок беспорядочно извивающихся лучей пролетел над моей головой и врезался в один из стеллажей, спалив его за мгновение ока. Запахло горелой бумагой и кожей, по пятам ползла холодная, тягучая тьма, а впереди кто-то шевелился, поднимаясь на ноги. Я выставила вперед ладонь.

— Без резких движений. Я сегодня какая-то нервная, могу и спалить ненароком.

Тень вытянулась, и появились очертания фигуры. Невысокий, крепкий мужчина, угадывались плечи и руки с рельефными мышцами под тонкой тканью белой рубашки. Он странно подгибал левую руку, прижимая ее к груди, а правую, обороняясь, держал перед собой. Рукав рубашки окрасился кровью, в полумраке она казалась черной. Шаркая подошвами туфель, незнакомец двигался вперед, медленно и неестественно, но это не мешало мне сбить его с ног порывом силы. Либо я, либо он — тут каждый сам за себя. Парень свалился тяжелым кулем, громко ухнув, и закричал, переворачиваясь со спины на

бок. Все так же прижимая к груди левую руку, опирался исключительно на левую, но и та предательски подгибалась. Я стояла и смотрела на мучения парня и испытывала жалость. Он отбивался из отчаяния, боялся преследования, ведь это не я его ранила. Кто-то другой, но в темноте и в маскарадных масках все кошки серы. Он был решительно настроен брыкаться до последней капли крови. А Бен куда-то подевался, или его что-то или кто-то задержал. Тед. Надеюсь, он не изувечит фамильяра из-за меня....

Тьма следовала за мной зловещим шлейфом. Я поглядывала на нее, чувствовала спинным мозгом и нервно передергивала плечами. От нее веяло холодом, первобытным страхом и смертью. Я напряглась — она отвлекала от основной проблемы, которая уже поднималась с пола.

Встав на колени, неизвестный тяжело выдохнул. Повесив голову, он качнул ею и упал назад, завалился на задницу. Расставив ноги, сел, теща больную руку. Он казался изнеможенным и беспомощным, но я не осмелилась подойти ближе.

Обходя вокруг, я рассматривала его. Сквозь витражи сочился лунный свет, озаряя яркими многоугольниками эту часть помещения. На юноше были серые брюки и серый жилет поверх белой рубашки. На груди темнели пятна крови, влажно поблескивали в пестрых бликах. Он был серьезно ранен, но все еще представлял для меня опасность.

Шагнув вперед, я всполошила парня. Он поднял голову и покосился на меня, но более не пытался испепелить заживо. И на том спасибо. Тяжело вздохнув, он сгорбился, неуклюже сжался и вновь опустил голову, словно ему было тяжело держать ее ровно.

— Слишком поздно, — его осипший голос показался мне знакомым. — Я сделал все, что было в моих силах.

— Что ты сделал? И кто ты?

Парень посмотрел на меня. Я шагнула влево, под искаженный витражами свет полной луны, и посмотрела на лицо юноши. Первое, что пришло на ум — здесь что-то не так. Симпатичный, стройный, с копной темных прямых волос. Но я долго не могла понять, кто передо мной из-за глубоких кровавых царапин на лице. Я открыла рот. Закрыла. И хмыкнула.

— Ленни?

— Мы знакомы? — чуть слышно прошептал он. Я подошла и опустилась на колени. Раны напоминали борозды от когтей крупной птицы. Они перечеркивали левую часть лица от виска до подбородка, задевали шею. Струйки крови бежали вниз, затекали под ворот рубашки. На груди ткань была разорвана, виднелся уголок влажно блестящей кожи. Пока я думала, чем можно ему помочь, фамильяр изучал меня потухшим взглядом. Его дыхание срывалось на хрип, и он откашливался, прогибаясь, будто это причиняло ему невыносимую боль. Когда Ленни стало чуть легче, он посмотрел на меня и горько усмехнулся. — Все равно не узнаю.

— Мы не знакомы, — сказала я. — Но я знаю тебя. Вернее видела пару раз. Что произошло?

— В таком случае я не могу рассказать. Это тебя не касается, — в его голосе прозвучала стальная нотка.

— Еще как касается. Если это связано со смертью Адрианы Хиггинз и исчезновением Валери Гилберт. Где Марисса? Она бежала сюда.

— Марисса? Я ее не видел. А она еще жива?

Вопрос меня слегка обескуражил. Не часто такое спрашивают.

— Выглядела она достаточно хреново, но бежала быстро, — ответила я и протянула

руку, чтобы дотронуться до лица Ленни. — Что здесь происходит?

— Зря ты пришла, кто бы ты ни была, — тихо протянул он и отвернулся, не позволил коснуться. Я раздраженно закатила глаза, уронив руки на колени. Фамильяр посмотрел исподлобья на двери архива. — Сегодня из замка никто из нас живым не выйдет. Мы должны покончить с этим.

— С чем покончить, Ленни? Кто похитил девушек? Отчего умерла Адриана? — хотелось схватить его за плечи и встряхнуть, но мне смелости не хватило. Неизвестно, что этот доведенный до отчаяния тип может еще выкинуть.

Ленни хрипло рассмеялся, запрокинув голову. Звук резал глубоко внутри, словно битое стекло, по спине скользнул липкий холодок. Его рука кровоточила, и я только сейчас разглядела обожженную кожу, свисающую лохмотьями с белеющей кости, обтянутой мышцами. Меня чуть не вывернуло наизнанку. Зажмурившись, я отвернулась, собираясь с мыслями. Я не знала, какую роль Ленни играл в происходящем, но было невыносимо смотреть на его мучения. Он терпел, изредка захлебываясь странным кашлем. И я поступила так, как могла поступить только я — вдохнула глубже, повернулась к фамильяру и накрыла рану своей ладонью. Золотое сияние пылью опустилось на руку и облепило ее в тех местах, где совсем не осталось тканей. Кости обрастали мышцами, мышцы — кожей. Вскоре Ленни уже мог сжимать и разжимать пальцы.

— Может, все-таки поведаешь своей исцелительнице, кто тебя так отделал? По-моему, я заслужила право знать.

— Я не просил тебя помогать, — тихо буркнул парень и посмотрел на меня. В его голубых глазах была такая скорбь, что мне грудь сдавило.

— Но, тем не менее...?

Он с минуту сверлил меня немигающим взглядом, но я оказалась упрямее. Ленни тяжело вздохнул и закрыл лицо ладонью.

— Разговор с другом не задался.

— С другом? — я недоверчиво усмехнулась. — Странные у тебя друзья. В Университетской программе нет таких заклятий. Кто тебе лицо расцарапал и содрал кожу с руки, Ленни? Я настроена серьезно, на моих плечах непростая задача разгрести бардак, что вы учинили. Из-за вашей дурости погибла девушка, разве это не повод остановиться?

— Повод, — согласился Ленни, и его рука безвольно упала на колени. Он повернул голову, чтобы видеть меня. Когда я смотрела на него, то не могла отделаться от ощущения, будто он лжет. Не так прост этот миловидный фамильяр. Криво ухмыльнувшись, парень сказал на выдохе: — Мы бы сами хотели все прекратить.

— И что вам мешает?

— Мы не знаем, как это сделать.

— Так я здесь для чего?!

— Кто ты? — сквозь зубы прошипел Ленни, глядя мне в глаза.

Я осторожно опустила его руку к себе на колени и подалась вперед, чтобы быть ближе к глазам. Он напрягся, сжал пальцы, но не решился вырваться. Бережно поглаживая его по тыльной стороне ладони, я сказала как можно тише, растягивая слова:

— Я не особо тебе доверяю, чтобы открываться, Ленни. Мы оба осторожничаем.

— Но ты знаешь мое имя, — изумился он, в глазах мелькнул доверчивый испуг. Я невольно улыбнулась.

— Я много, чего знаю. И была бы чрезвычайно благодарна, если бы ты помог мне

узнать еще кое-что.

Парень смерил меня долгим взглядом, чем окончательно вывел из себя. Прикрыв веки, я испустила тихий вздох.

— Прекрати тянуть время, — процедила я и распахнула глаза. Он дрогнул, увидев в них магию. — Оно на исходе. Что вас заставляла делать Марисса?

— Она здесь не причем, — сглотнув, наконец, вымолвил Ленни. — Такая же жертва, как Валери и остальные. Если она в чем-то виновна, то в том, что повела подруг за собой в бездну.

— Мне это ни о чем не говорит.

Ленни вымученно застонал. Наконец-то до него дошло, что я не отвяжусь, пока все не выпытаю. Возможно, он рассчитывал на помощь, или просто накопилось. Его судьба меня уже не беспокоила — всех виновных под конвоем доставят к Стэнли или напрямую к Верховной Ведьме. Но это уже не наша проблема — мы должны были разобраться и спасти всех, кого еще можно.

— Вы, девушки, заиклены на своей внешности. Тут морщинка, там морщинка, — он небрежно коснулся пальцами здоровой руки до своего лица и скривился. — Да черт с ними! Мы не считаем их и не обращаем внимания, потому что вы нравитесь нам и такими.

— Марисса хотела омолодиться? — догадалась я, разбирая по косточкам каждое слово Ленни.

Он посмотрел на меня горящими глазами.

— Да, она на этом помешана. Начала с косметических процедур, потом добралась до книги с заклинаниями, но и этого ей показалось мало. И эта безумная затея Брэйдона стала последней каплей.

— Какая затея?

— Он нашел книгу с древними заклятиями и рассказал нам. Предложил подшутить над девчонками, считая, что у них все равно ничего не получится.

— Но у них получилось.

— Да, — выдохнул Ленни, уставившись невидящим взором в темноту архива. — До сих пор не понимаю, как это произошло. Откуда оно взялось — не понимаю.

— Дерево? — у меня внутри похолодело, я забыла, как дышать. Ленни ожил и повернул голову, взглянул на меня в упор.

— Дерево, — коротко кивнул он.

— Откуда у тебя раны, Ленни?

— Я пытался срубить ствол. Принес топор, и когда вечеринка была в самом разгаре, пошел в башню. Оно живое, мать его! Отмахивалось ветвями, норовило выколоть глаза!

— Ты так и не срубил его?

— Нет, конечно! Эта тварь сильная — не знаю, что это и как обозвать. И оно убило бы меня, если бы не нагрянул Брэйден. Он как будто чувствовал, козел! — вдруг лицо Ленни озарилось безумной идеей: — А что, если это его дерево?!

— Ты невероятно сообразителен, Ленни, — саркастически протянула я и улыбнулась. — Он защищал дерево?

Парень кивнул.

— Набросился на меня, бессвязно орал — я ни слова не понял. Это он мне руку спалил.

Я понимающе кивнула и насторожилась. В словах Ленни была лишь доля правды — я нутром чуяла. Брэйден не создавал впечатления безумца, но я не отвергала мысли о том, что

он мог оказаться главным злодеем в этой мрачной истории. И, в то же время, Ленни сыграл не последнюю роль в ней. Я должна была бы быть менее доверчивой, но....

Тьма подползла бесшумно, затаилась. Лишь когда ее ледяное дыхание коснулось плеч, я заметила и обернулась. Еще ничего не увидела, но вспыхнул кулон, и я рухнула на пол. Меня как будто схватили сзади ледяные руки и утянули в черную воду, я плавала на поверхности, осознавая, что это вовсе не вода. Тьма. Тело не подчинялось мне, что-то вытолкнуло душу из него, и я увидела себя со стороны. Паря прозрачной дымкой, смотрела, как гаснет свет в моих глазах, как меркнут цвета вокруг.

Кулон вспыхнул, обжег кожу. Она плавилась под чернеющим камнем, тлела. Боль была невыносимой, но не помогла мне вернуться в тело. Ленни боязливо отполз, не понимая, что происходит. Тьма говорила со мной без слов и голоса, и я понимала ее. Она хотела быть нужной, жаждала приюта в уголке души, откуда ее никто не прогонит. Меня это не устраивало. Птичьи крики разразились гамом, отгоняя тьму, перья защекотали изнутри. Хотелось кричать, но мои губы не шевелились, вопль застрял в горле. И вдруг она меня отпустила, нехотя разжала пальцы, издав отчаянный плач. Я упала и будто ударилась головой о стену, меня обдало облаком черной пыли. Моргая, смотрела в потолок, видела сквозь него, сквозь стены. Объемная картинка развернулась в сознании, и я могла мысленно дотянуться до всех, кого захотела бы. Тьма могла бы. Она показала, на что мы обе способны. Сердце подпрыгнуло, забилося во рту горячим соленым леденцом, я охватила голову руками, зажмурилась и перекатилась на бок. Тьма прижалась к полу и застыла, словно ожидая ласки, одобрения. Я лежала и смотрела на нее, видела в ней нечто послушное, но безумно страшное. Вздых облегчения вырвался из моей груди. Она принадлежала мне и кулону. И я подумала, в какой форме тьма не была бы мне противна. Кошка? Липкая глянцевая масса незамедлительно обратилась в пантеру с черными пустыми глазами, распушила длинные блестящие усы. Что, к ехиднам, я только что сделала? И как? Животное приклонило голову, намереваясь ткнуться мордой в мое плечо. Я мысленно завизжала, и она отступила, легла на пол и уставилась на меня. Что ж, так-то лучше.

Послышались удаляющиеся шаги. Ленни поднялся на ноги и пятился к выходу. Вот засранец! Он решил удрать, воспользовавшись моментом. Я повернула голову, посмотрела ему в спину — парень замер, прогнулся и рухнул на колени. Он застонал сквозь стиснутые зубы и заткнул уши ладонями. Ленни был на одной ноте, раскачиваясь из стороны в сторону. Я смотрела на него и хотела спросить, что происходит, но губы не шевелились. И я не сразу поняла, что улыбаюсь.

От птичьего гомона звенело в голове. Огромная пернатая стая кружила в сознании, заслоняя ночное небо. Голуби, птицы, совы и прочие — я могла дотянуться до каждой и коснуться, ощутить гладкость перьев, пропустить их сквозь пальцы. Среди голубей был один белый с окровавленным крылом. Ленни. Вдруг мне стало безумно страшно. Да так, что перехватило дыхание, и в висках загрохотал пульс. Как все это связано? Что со мной творится? Будь ты проклята, Линетт!

— Останови это! — проорал Ленни сквозь шум.

Я повернула голову, прижалась щекой к холодному полу. Фамильяр корчился, опускаясь все ниже.

— Ленни... — мысленно позвала я.

Парень вздрогнул, его взгляд прояснился, когда он посмотрел мне в глаза.

— Ты слышишь меня?

Вместо ответа фамильяр закивал. Не веря тому, что делаю, я протянула ему руку. Он непонимающе уставился на нее. Крики птиц схлынули, как волна от берега, и наступила тишина. Остались только я, Ленни и тьма.

Он пополз ко мне, как ребенок к матери, ищущий утешения, но вдруг опомнился. В его глазах отразился такой ужас, что лицо вытянулось и побелело. Ленни посмотрел на черную пантеру, жмущуюся ко мне, и попятился. Он же не знал, что это моя ручная зверушка, и ей вздумалось поиграть с ним. Взвизгнув не своим голосом, фамильяр вскочил на ноги и унесся из архива. Я приподнялась на локте и тут же рухнула на спину. Тело было ватным, и сквозь туман в голове пробивался голос Бена. Он привел меня в чувства, как ушат холодной воды.

Я села, словно меня подняли за ниточки. Прежде я так не умела, и от осознания где-то глубоко внутри разлился холодок. Странно такое говорить, но я начинала бояться саму себя. В ушах засвистело, перед глазами прояснилось, так быстро, что меня укачало. Сегодня я обрела нечто новое, познала суть тьмы, приняла ее силу. Она мурлыкала, свернувшись у ног, ликуя и сгорая от нетерпения. Может, ей имя дать нужно? Странно все это.... Спрятав притихший кулон в корсет, я заткнула его во впадинку между грудей, и вновь вспомнила о Ленни.

Тело мое было невероятно легким, невесомым и изящным. Я сама не почувствовала, как поднялась, словно только подумала об этом, и оказалась на ногах.

— Ленни? — тихо позвала и, осмотревшись, шагнула вперед. За мной тянулся медленный черный ветерок, и я больше не боялась его.

Я проплывала между стеллажами в поисках перепуганного фамильяра, хотя уже знала, что он позорно сбежал. Со стороны двери послышался шорох, и я пошла на него, даже не пытаясь красться. К чему? В меня полетел сноб белых искр. Не сбавляя шаг, я отразила удар — отмахнулась рукой, и магия осыпалась пылью на пол. Кошка бежала рядом, неслышной мягкой поступью. Теперь мы едины, нравится это мне или нет. Она наделила меня новой мощью, новыми возможностями. Или все-таки это сделал кулон Линетт? Зачем она завещала его мне? Я ведь даже не знала, кем она была на самом деле.

Ленни убегал, но я не торопилась. Ему уже не скрыться. В коридорах слышались гулкие голоса и шорох перьев, но где же застрял Бен? От мысли, что с ним могло что-то случиться, по спине пробежала дрожь. В нем мало осталось от бэлморта, и Тед вполне мог ранить его. Но где они теперь? Гед Марисса и Ленни? Где запропастились Лорелея и Джош? И почему я одна блуждаю по коридорам Университета?!

Свернув за угол коридора, я поймала глазами тень, быстро исчезнувшую за следующим поворотом. Вытянув вперед руку, я выпустила на свободу магию — тьма рванула вперед, разметав мне волосы, грациозно отталкиваясь лапами от стен, догоняла Ленни. Приблизившись, она распалась на черные ленты, отбрасывающие блики в лунном свете — вскоре за углом послышался сдавленный вскрик. Тьма настигла фамильяра и пленила. Я миновала коридор, свернула налево и замерла — черные тягучие змеи скрутили Ленни. Он увяз в них, прилип к стене, не в силах пошевелиться. В темноте блестели белки перепуганных глаз — он смотрел на меня, а я любовалась собственным творением. В груди кольнул холодок, будто я льдинку проглотила. Было страшно, и приятно одновременно.

Послышались быстрые шаги. Из коридора справа появился Бен. Он вел впереди себя Теда, и сначала я не обратила внимания на лицо фамильяра. Маска как маска. Но когда он подошел ближе, в свете луны блеснул алый цвет. Его лицо покрывала маска из крови.

Резко обернувшись к Бену, я с ужасом перевела взгляд на Теда.

— Что ты сделал с ним?

— Ничего, — прорычал Бен и толкнул Теда к стене. Парень по инерции навалился на нее, и в его горле заклокотала бессильная ярость. — Он был настроен решительно, но я оказался чуточку сильнее.

Я посмотрела на Теда, и мы встретились глазами. Он взирал на меня совсем недобро, но его чувства можно было понять. Бен подошел ближе и осмотрел стену, к которой приросла тьма, окутавшая Ленни. И удивленно хмыкнул.

— Ты нашла ей применение?

— Что? — изумилась я. — Ты видишь?

— Черные ленты, сдавливающие парня? Разумеется. Эту дрянь я ни с чем не спутаю и увижу, где угодно.

— Так почему прежде ты ее не видел? И трещины в зеркале — их ты тоже видел.

Бен медленно повернул голову и посмотрел на меня долгим серьезным взглядом.

— Прежде тьма жила в твоём воображении, а теперь она стала твоей силой. Вполне осязаемой. Не знаю, как ты это сделала, Эшли, но выглядит устрашающе.

Я польщено заулыбалась и посмотрела на Ленни — мы оба на него посмотрели.

— Сама не знаю, как это получилось, — призналась шепотом я.

Нашу милую беседу нарушил пронзительный звук, похожий на крик чаек, и по позвоночнику скользнул неприятный холодок.

— Лорелея, — выдохнула я и наставила руку на Теда. Он вздрогнул и двинулся на меня. Лицо фамильяра исказилось от ненависти, но тьма скользнула по его рукам, сковала запястья и пригвоздила к стене. Он сопротивлялся, но она прирастала, прилипала, окутывая парня, пока полностью не обездвижила. Насладившись зрелищем, я облегченно вздохнула.

— Что им мешает позвать на помощь? — усомнился Бен.

— Она высосет из них все жизненные силы, капля за каплей, но мы вернемся прежде, чем это произойдет. Тьма уже их парализовала, так что не стоит волноваться. Мы можем идти.

Мы прошли коридор, пересекли зал и замерли около высокой арки. Слышался плеск, дуновение прохлады несло запах воды. Бен шагнул, но я остановила его, коснувшись руки. Он резко взглянул на меня. В его синих глазах шевельнулось нечто темное, низменное, не подвластное разуму.

— Не стоит туда ходить, — дрогнувшим голосом предостерегла я и посмотрела под ноги. Граница воды была четкой и резко прерывалась у арки.

Лорелея стояла в центре просторного зала, а вокруг нее плескалось море. Тысячи лазурных огней мерцали на потолке и стенах, вода отбрасывала невероятные блики. Платье Лорелеи бесшумно развевалось, словно на ветру, а волосы блестели золотом в ночи и свете луны, заглядывающей в высокое стрельчатое окно. Волшебство как оно есть, грань между реальностью и иллюзией размылась. Магия кружилась по залу криками чаек, легким бризом, ласкающим кожу. В нее хотелось завернуться, подставить лицо лучам летнего солнца. Шум прибоя отражался от сводов, соленый влажный запах моря можно было взвесить на ладони. Ноги русалки ласково лизали прозрачные волны, подол платья плыл за ней, поблескивая зеленой чешуи. Она протягивала вперед руки, зазывая к себе жертву — Арне.

Он медленно шел на ее зов, преодолевая сопротивление воды. Падая и снова поднимаясь, светящимися глазами смотрел на Лорелею, дарующую ему ослепительную улыбку. Одежда на фамильяре намокла, ткань бледно-голубой рубашки облепила худощавый торс, черные брюки стесняли движения, но он не замечал. С темных волос стекали струи воды, бежали по лицу ручейками. Лорелея выглядела безупречной мечтой, фарфоровая кожа мерцала в темноте. Глаза русалки светились бирюзой и затягивали в холодную смертельно-опасную пучину. И Арне шел, зачарованный ее голосом.

Тихая едва различимая мелодия убаюкивала околдованного парня. Она лилась нежным мотивом, эхо вторило, прокатываясь вдоль стен и рассыпаясь над Лорелейей. Она пела колыбельную, которой русалки заманивали моряков на дно морское многие века назад. Мало, кто ее помнил, мало, кто знал — те времена канули в лету, как и почти весь русалочий народ. Но Лорелея принадлежала к древнему роду и владела той магией в совершенстве.

Улыбаясь, она протягивала навстречу Арне точеные изящные руки, манила, и он спешил к ней с еще большим рвением. Песня разжигала его желание — даже я чувствовала магию похоти в воздухе. Бен с шумом выдохнул и отправил ворот рубашки. Движение вышло нервным, резким. Я медленно повернула голову и посмотрела на него.

— Что с тобой? — испуганно прошептала я.

Бен запрокинул голову и закрыл глаза.

— Жарковато здесь.

— Держись, Бен. Не поддавайся ее магии.

— Ты не знаешь, о чем говоришь, Эшли, — раздраженно огрызнулся он и распахнул глаза, чтобы видеть меня. В его глазах плескалась бирюза. — Сейчас на ее зов сбегутся все изголодавшиеся по женскому телу сопливые, не умеющие держать себя в руках, маги.

— Лорелея обладает сильным даром, но она умеет держать его под контролем. Не думаю, что действие чар распространится за пределы этого зала.

Бен хрипло, сдавленно рассмеялся.

— Если она не прекратит, я поползу на ее голос, хочу я этого или нет.

Я приблизилась к нему и за локоть развернула к себе лицом. Тихо усмехнувшись, он покачал головой.

— Смотри на меня, — потребовала я.

— Не поможет, поверь.

— Я думала, что на тебя не действуют никакие чары?!

— Так и было, пока ты не стала моим искуплением, — сквозь зубы прошипел Бен и решительно шагнул ко мне. Гнев помог ему отвлечься, сфокусировать взгляд на моем лице. Он подошел так близко, что меня обдало теплом его тела, и я прерывисто вздохнула. Нет, сейчас не время. А кто сказал? Разум в этот миг был не слишком убедителен, и руки сами собой оказались на груди Бена. Я прильнула к его телу, окунулась в аромат его лосьона. Его руки властно охватили мою талию, пальцы заскользили по ткани. Его горячие ладони поднялись вверх, коснулись обнаженной спины, прижались к ней. Я ахнула.

— Нет, — прошептала я, когда Бен уткнулся лицом в мою шею.

— Так я борюсь с ее чарами, — выдохнул он, обжег, и меня свело судорогой. — Мне нужен твой запах, чтобы не сойти с ума.

Я прогнулась навстречу, запрокинув голову. Его руки сжимали меня, сдавливали до боли, жадно и отчаянно. И хотелось еще и еще, раствориться в нем без остатка. Мои ладони скользнули под его пиджак, расстегивая пуговицы. Сердце Бена неистово колотилось под ними. Я припала к его виску, скользнула губами вдоль линии волос.

— Не подыгрывай мне, — прошептал он и ласково потерся щекой о мое плечо. — Просто запах, Эшли.

Я обмякла в его руках и позволила стиснуть себя, прижать так тесно, что стало нечем дышать. Бен вдыхал аромат моей кожи, купался в нем, прижимался лицом к шее. Его пальцы скользнули вверх, провели по спине вдоль позвоночника. Я задрожала, проглотив стон. Короткие волосы щекотали мне щеку, и это было чудесно. Отчасти я была благодарна Лорелее за ее чары, но только отчасти.

Арне упал в воду, она расплескалась и расступилась перед Лорелеей. Русалка склонилась над парнем, протягивая руку, и он принял ее, как великий дар. Прижав ее ладонь к губам, он зажмурился и притих, часто дыша. Лорелея опустила на колени, погрузилась по пояс в воду и коснулась свободной рукой его лица. Она приподняла его за подбородок, чтобы видеть опустевшие глаза. Арне послушно открыл их, и русалка улыбнулась. Они любовались друг другом, смотрели так, словно по уши влюблены. Лорелея провела рукой по его волосам, зарылась в них пальцами, сгребла горсть и притянула к себе голову парня, чтобы склониться для поцелуя. Он потянулся ей на встречу, но губами они так и не соприкоснулись — Лорелея нависла над его ртом и что-то тихо прошептала.

Все произошло так быстро, что на мгновение показалось, будто я потеряла сознание — магия рассеялась. Вода больше не плескалась, блики не мерцали на стенах, и не сияли волосы Лорелеи — пустой темный зал, и только свет луны, осторожно заглядывающей в окно. На полу лежал обмякший Арне, его голова покоилась на коленях русалки, а она мягко гладила его по волосам. Его глаза были закрыты, а руки безвольно упали на пол.

Бен поднял голову, жадно втянув ноздрями воздух. Надышавшись, он посмотрел на меня, но не спешил убирать руки. Я испытала легкое разочарование, но была рада видеть его прояснившийся взгляд. Конечно, ощущение его рук на моем теле, жар дыхания на коже и обволакивающий аромат — его аромат — делали меня счастливой. Но хотелось, чтобы он

прикасался ко мне не под действием чьих-либо чар, а по доброй воле и собственному желанию. Эта мысль помогла мне побороть огорчение и выдавить из себя почти искреннюю улыбку.

Бен осторожно убрал руки и застегнул пиджак, не отводя взгляда. Он не улыбался и не выглядел нормально, но держался твердо, как обычно.

— Все в порядке? — спросила я почти ровным голосом.

— Я так не думаю, но жить буду, — холодно усмехнувшись, отозвался он. — Ощущение не из приятных.

Я смутилась и потупила глаза, но тихий, поистине мужской смех Бена заставил посмотреть на него.

— Надеюсь, ты не обладаешь ничем подобным?

— Нет, — почти обиженно бросила я и вскинула голову.

Улыбка Бена потухла, а глаза впилась в мое лицо. Он долго смотрел, не произнося ни слова, а я смотрела на него, пока Лорелея не нарушила тишину.

— Мы должны его куда-нибудь перенести, — сказала она, заставив нас отвлечься друг от друга и обернуться. — Нельзя его здесь оставлять.

Бен шагнул в зал, с опаской поглядев под ноги. Убедившись, что вода исчезла, двинулся к Лорелее. Я спешила следом, озираясь — мы так и не выяснили, куда подевалась Марисса. Склонившись над спящим Арне, Бен подхватил его расслабленное тело и взвалил себе на плечо. Бэлморты невероятно сильны, что ему стоило перенести среднего телосложения парня через весь этаж башни из одного зала в другой!?

Ленни и Тед дремали в тугих путах тьмы. Она выжала их, и сон навалился на обессиливших парней. Бен осторожно посадил Арне на пол, прислонив к стене, и осмотрелся.

— Куда подевалась русалка?

— Отправилась искать Джоша. Картер, Марисса и Брэйден все еще где-то скрываются. Мы должны их поймать и обезвредить, — я сокрушенно вздохнула.

Когда черные густые ленты взялись за Арне, он очнулся от чар и завертел испуганно головой. Но так и не издал ни звука — тьма залепила фамильяру рот, пригвоздив его к стене. Черный, внушающий страх, кокон прирос к ней намертво, но Арне не оставлял попыток позвать на помощь. Его лицо побагровело от натуги, и Бен тихо хмыкнул.

— Какой мерзостью мы занимается. Ты уверена, что их здесь никто не найдет?

— В этой части Университета редко кто-то бывает. Разве что случайно забредет, но и это навряд ли. — Я огляделась, чисто интуитивно. — Мы должны найти Джоша и Лорелею. Я знаю, куда идти.

Нам не пришлось далеко бежать. На последнем этаже, под самым куполом башни располагался небольшой читальный зал. Сюда приходили студенты, желающие уединиться и подготовиться к занятиям. Стенами служили витражные окна, и каждое — произведение искусства. Что ни окно, то замысловатая картина из разноцветных стеклышек. Пол украшал художественный паркет с цветочным орнаментом, тот же узор на резной мебели из красного дерева. Массивные стулья с высокими спинками, скамьи и длинные столы, а с потолка свисала многоярусная люстра из бронзы и хрусталя. Вычурно, как и все в Университете.

Можно было многое сказать об интерьере, сохранившемся с древних времен, но мы пришли не на экскурсию. И едва подошли к распахнутым дверям, как в нас полетела тяжелая деревянная скамья. Бен только успел схватить меня и притянуть к себе, заключив в объятия.

Он загородил мою голову руками, прижав к своей груди, но скамья рухнула на пол, не вписавшись в дверной проем. Вдох облегчения слетел с моих губ, а Бен остался беспристрастен, будто не пытался миг назад спасти меня от неминуемой гибели.

Выпустив из объятий, он позволил мне войти в помещение. От того, что я увидела, глаза поползли на лоб.

Картер оказался зажат между окном и тяжелым столом, и как бы он не пытался его отодвинуть, мебель не поддавалась. А под потолком повисло плотное черное облако, чье таинственное мерцание я не спутаю ни с чем. В горле неожиданно пересохло, помещение завертелось, словно пестрая карусель. Блики витражей ослепляли, и отчаянно хотелось сползти на пол, закрыть лицо руками. Отгородиться от жестокой действительности, спрятаться за ширмой лжи, за которой всю жизнь от меня прятали правду. Припав к дверному косяку, я ловила ртом воздух, как выброшенная на берег рыба. Не может быть. Ни за что не поверю.... Он не мог так жестоко обмануть меня!

Бен подошел сзади, покосился на меня и заглянул в помещение. Он устало усмехнулся, и я ощутила затылком его снисходительный взгляд.

— Ты же говорила, что связанна с Джошем чем-то большим, чем просто дружба?!

— Так и было, — осторожно сглотнув слюну, отозвалась я. — Я в это простодушно верила.

— И ты способна отличить бэлморта от мага? — многозначительно продолжил он. Я обернулась на Бена, непонимающе моргая, и вызвала у него улыбку умиления. Само собой, это была ирония, вызванная моей наивностью. Я покраснела до кончиков ушей, но он не мог видеть из-за маски.

— К чему ты клонишь, Бен?

Его лицо разгладилось, приняло серьезное выражение. Он посмотрел в зал.

— А к тому, что ты бы почувствовала, если бы Джош был бэлмортом.

— Чисто теоретически, — шмыгнув носом, я отлипла от косяка. — А что ты ощущаешь?

— В первое мгновение я был сбит с толку, как и ты, но сейчас, приглядевшись, твердо уверен в том, что передо мной маг-перевертыш. — Он коротко глянул на меня. — Хоть он и выглядит убедительно в этом образе, ему не хватает быстроты реакции и жестокости.

Едва слова отзвучали, Бен испарился. Он слился с воздухом, который окрасился в темно-серый цвет, и передо мной возникла туманная дымка. Она взметнулась вверх и ворвалась в зал, где под потолком черное облако атаковало изрядно побитого юного мага. Картер расшвыривал предметы мебели, разгребая себе путь к выходу, но Джош препятствовал ему. Подхватывая парня, подбрасывал в воздухе и швырял через все помещение, но тот упрямо поднимался на ноги, снова и снова, и пер к дверям.

Заметив еще одно устрашающего вида облако, Картер прижался спиной к стене. Он вооружился яркой вспышкой света, заключенной в правой ладони. Я уже имела несчастье познакомиться с аналогичным умением Ленни и не хотела, чтобы Джоша или Бена угораздило попасть под руку Картеру. Но и не хотела мешать Джошу обезвреживать фамильяра.

Бен замер у выхода, позволив Джошу подобраться к Картеру слева, со стороны окна и занять необходимое для атаки положение. Парень переводил опасно взгляд с Бена на Джоша, решая, кого сразить первым. И его выбор пал на Бена — он решил освободить себе путь. Швырнув искрящийся шар, словно мяч, он стиснул зубы и рванул через скамьи, перепрыгивая их. Но Бен ушел от удара, и шар, угодив в стену, осветил комнату белым

фейерверком. Бен преградил дорогу Картеру, парень отчаянно рванул назад и угодил в сети Джоша, словно муха в огромную черную паутину. Он увяз в дымке, поглотившей его и подбросившей к потолку, как паук, запутывающий жертву в липкий шелк. Доносились слабые отголоски его воплей, а миг спустя черное облако выплюнуло парня на пол, с силой, да так, что Картер ухнул и притих.

Джош замер у стены, а Бен плавно и текуче подплыл к поверженному фамильяру. Оказавшись на ногах, он склонился над ним и пощупал пульс на горле.

— Он достал меня, — изрек появившийся слева Джош. Тяжело дыша, он прошелся до обмякшего тела Картера и бегло взглянул на него. — Тупоголовый кретин! Вы знаете, что он сделал?

Я и Бен уставились на Джоша. Разминая шею, он тихо чертыхнулся, когда один из позвонков хрустнул.

— Что же? — нетерпеливо спросила я.

— Помог Мариссе улизнуть из башни!

— Где она сейчас? — на одном дыхании выпалила я.

Джош устало запрокинул голову.

— В центральном строении.

— И в него ведет переход, в котором стоит дерево?

— Да вроде, — непонимающе промямлил Джош и повернулся ко мне, нахмурился. — Оно так важно?

— Безусловно! — улыбнулась я, и это была совсем не добрая улыбка. — Бен?

— Да, Эшли?

— Хватай Картера.

Бен беспрекословно выполнил мою просьбу, закинув парня на плечо. Джош следил за тем, как он выносит фамильяра из зала, ничего не предпринимая, хотя на лице было написано, что он чего-то недопонимает.

— Мы отнесем его к остальным, — пояснила я. — Остался только Брэйдэн. Кто возьмет на себя Мариссу?

Мои слова прогремели, как гром среди ясного неба. Бен замер в дверях и медленно повернулся в пол оборота, едва не ударив Картера головой о косяк. Он смерил меня тяжелым немигающим взглядом. Я выдала ему ослепительную улыбку.

— Ты издеваешься? — бесцветным голосом поинтересовался он.

— Нисколько. Но мы можем сделать это вместе.

Покачав головой, Бен развернулся и вышел из зала. Ко мне подошел Джош с ухмылкой на губах.

— А он еще идти не хотел, — хохотнул он. — Я что-то пропустил?

Я покосилась на него.

— Ему не понравилось ее соблазнять, — многозначительно проговорила я.

— Серьезно? — развеселился Джош. — А с виду и не скажешь!

Я нахмурилась, на что он тихо рассмеялся — почти захихикал. Ему всегда доставляло удовольствие подстегивать меня.

— Ты напугал меня, — разворачиваясь на каблуках, прошептала я.

— Я знаю, — выдохнул он мне вслед. — Прости.

Пока я и Бен относили Картера к его друзьям и так же бережно «упаковывали» в ленты из тьмы, Джош отправился на поиски Лорелеи. Она сегодня выступала в роли коварной соблазнительницы, но ночь близилась к своему логическому завершению, и ей придется вернуться на пристань. Чтобы это произошло как можно быстрее и без нежелательных последствий, Джош должен был ускорить процесс поимки главного зачинщика безобразия в Университете.

Чтобы разыскать Джоша и Лорелею, нам пришлось обойти всю башню и заглянуть в приемный зал, где народ без устали отплясывал всю ночь. Маги в разномастных карнавальных нарядах и таких же пестрых масках, как заведенные, вторили ритму энергичной мелодии. Больше никакой классики — из динамиков гремело клубное диско.

— Наверняка в шампанское что-то подмешивают, — нахмурившись, пробормотал Бен.

— У меня та же мысль промелькнула, — кивнула я.

— Здесь ее нет, мы теряем время.

Бен направился прямо по коридору, ведущему в переход. Оглядев напоследок зал в надежде увидеть Мишель, я посеменила за ним, придерживая подол. За вечер я так ее ни разу и не встретила. Наверно, была слишком увлечена....

Бен холодно хмыкнул, не оборачиваясь.

— Что?

— Ничего. Громко думаешь.

Поджав губы, я подобрала платье и ускорила шаг, чтобы поравняться с ним. Но это было не простой задачей.

— А ты не подслушивай.

Мы сбежали по лестнице и оказались в главном холле, где не было ни одной живой души. Но впереди маячило многоцветие бликов витражей, и по коже ползли мурашки — перед деревом на коленях стояла девушка. И это была не Марисса.

Я бросилась вперед, забыв, как дышать. Складки платья персикового цвета, расшитого белым бисером, стелились по полу. Темные волосы рассыпались по спине и смуглым плечам — Мишель. Вбежав в переход, я застыла в немом ужасе, и она медленно повернула голову на звук моих шагов. Пустые глаза, будто за ними никого нет, безупречно красивое лицо, а в руках — небольшой нож с зазубренным лезвием. По ее запястьям стекали дорожки крови, тяжелые капли падали в горшок, и ненасытная земля их охотно поглощала. По стволу дерева взбирались мерцающие красные лучи, точно вены, и разбегались по тонким изогнутым ветвям. Они питали ягоды, наполняли их соком. Забыв о нашем присутствии, Мишель отвернулась и сорвала одну ягоду, самую крупную и аппетитную. И положила ее в рот.

— Нет, — прошептала я и проглотила вскрик. По губам Мишель стекали кровавые капли, а она с наслаждением закатила глаза, слизывая их осторожным движением языка.

— Не думал, что когда-нибудь это скажу, но меня сейчас стошнит, — голосом, лишенным эмоций, сказал Бен.

Я бросилась к сестре, путаясь в платье. Она открыла глаза и посмотрела на меня не своим взглядом.

— Пошла вон из моей сестры, — прошипела я. Ударив ее по руке, выбила нож, он,

крутясь, отлетел к стене. Бен тенью скользнул следом и подобрал его.

Упав на колени, я схватила Мишель за плечи и принялась трясти. Мне не нравилось ее бездействие и равнодушие, никаких признаков рассудка, будто питание отключили, и ее мозг работал в автономном режиме. Она и на ощупь была мягкой и расслабленной, но упрямо смотрела остекленевшими глазами на меня.

— Зачем ты это сделала? — мои глаза заполняли слезы. — Зачем, скажи?

— А что, если его срубить?

Бен подошел к дереву и присел на корточки рядом, рассматривая отвратительные ягоды.

— Оно будет сопротивляться, — ответила я, прижав к себе сестру. Руки Мишель повисли плетью, волосы, пахнущие шоколадом, покоились у меня на плече. Я прижалась щекой к ее голове, раскачиваясь взад-вперед. — Ленни уже пытался, так оно ветвями чуть глаза ему не выкололо.

— Мерзкая тварь, — пробормотал Бен и поднялся. — Нам нужно увести ее подальше.

— Почему она такая покорная? — подумала я вслух и отстранилась от Мишель. Ее глаза приобрели блеск, в руках появилась сила, но я слишком поздно почувствовала.

— Бен...

Мишель впилась в мои руки пальцами, ее лицо исказилось до неузнаваемости и больше походило на маску. Оно сморщилось, кожа побледнела, посерела, как старая бумага, проступили вены. Глухо вскрикнув, я прогнулась от боли — Мишель всадила ногти в мои плечи и пробиралась пальцами под кожу. Бен схватил ее сзади под руки, пытаясь оттащить, но Мишель не отпускала меня. Заскулив, я неосознанно запрокинула голову. Глубоко вдохнув, стиснула зубы и посмотрела на Мишель, но передо мной было нечто чужое, лишь отдаленно похожее на сестру. Это придало сил, помогло собраться с духом и сдержать боль, но ненадолго.

Бену удалось подчинить себе тело Мишель и оттащить от дерева, но она так прочно вцепилась в мои плечи, что меня поволокло вместе с ней. Ее пальцы удлинялись под кожей и врастали в плоть, как корни растения. Бен поднял Мишель с пола, но она не отпускала меня. В глазах темнело, сознание затягивало поволокой усталости, и тело мое обмякло. Я ослабила хватку, почти разжала пальцы, но продолжала держаться за нее, пока свет в глазах не потускнел.

— Я не хочу это делать, но ничего другого не могу придумать, — как сквозь вату донеслись слова Бена.

Я нехотя разлепила потяжелевшие веки. Он стоял над Мишель, а она со звериным оскалом вместо хорошенького лица высасывала из меня кровь, впитывала в себя, как то самое дерево в горшке.

— Прости.

Выдохнув, Бен посмотрел на меня, и его глаза светились магией. Подняв руку, в которой мерцало голубое пламя, занес ее над сестрой. С моих губ слетел беззвучный вздох.

Рука Бена только коснулась спины Мишель, как она завизжала не своим голосом. Она извивалась и вертела головой, пытаясь укусить его за запястье, но он стоял сзади и был в недосягаемости ее челюстей. Душераздирающий крик становился пронзительнее и выше, руки задрожали и разжали пальцы. Я почувствовала, как они выходят из меня, выползают из-под кожи, и стон облегчения вырвался из груди. Свалившись на бок, я хватала воздух ртом, наблюдая сквозь мутную пелену за тем, как Бен оттаскивает от меня извивающуюся Мишель. Теперь она норовила вцепиться в него.

Я понимала, что должна что-то сделать, чтобы обезвредить сестру или хотя бы помешать ей впиться в руки Бена. Но она слишком много высосала из меня жизненных соков, чтобы я могла пошевелиться. Лежа на полу, вздрагивая от новой и новой судороги, я смотрела стекленеющим взглядом на Бена. Из меня утекали остатки жизни, кулон вспыхнул и погас, похолодел. Попытка протянуть руку вызвала нестерпимую боль. Что-то лопнуло в груди, вспыхнуло в сознании, как прощальный огонек, и перед глазами расстелился черный туман. Я мысленно звала на помощь, пульс замедлялся, отмеряя последние секунды. В хрупком теле сестры отчаянно извивалась тварь. В последнее мгновение я увидела ее истинное лицо, и меня обдало ледяной дрожью. Кроваво-красные глаза занимали большую часть маленькой уродливой морды. Сморщенная, землистая кожа, ребристая, как кора дерева. Руки-ветви с множеством острых пальцев полосовали воздух, глотка существа извергала утробный вопль. Когда мы встретились взглядами, меня скрутило спазмом. Руки задрожали, спина выгнулась, и я издала бессильный всхлип.

Мишель отшвырнула Бена дугой к стене — стена треснула и просела. Не коснувшись пола, он обратился в дым и окутал сестру. Запахло гарью, воздух нагревался и плавился, как возле костра. Когда Бен вернулся в человеческое обличие, его руки крепко сжимали Мишель. Он охватил ее сзади, заблокировал ветвистые лапы. Я потянулась к нему сознанием, но оказалась слишком слаба. Даже мысленно у меня пропал голос. Бен был занят моей одичавшей сестрой, где-то наверху Джош ударил Брэйдена волной света и сбил с ног. Фамильяр упал под ноги Лорелее, но никто не ощутил, как я ухожу. Однако....

Знакомый скользящий звук заставил меня посмотреть вверх. По потолку тянулись густые глянцево-голубые полосы, стекали быстрыми каплями по стенам и витражам, собираясь на полу. Из лужи выпрыгнула пантера и припала в покорном поклоне. Я слышала ее осторожную поступь, чувствовала внутри себя холодок и какой-то частью сознания тихонько радовалась. Кожу обдало влажной прохладой, будто меня обернули в воду. И когда тьма приблизилась, я смогла шевельнуть лишь пальцем. Но этого хватило — пантера подкралась к Мишель. Обхватив ее щиколотки, потянула на себя, и сестра замерла. Опустив взгляд, она в негодовании стала отбрыкиваться, топтать туфельками, но тьма облепляла ее ноги и поднималась выше, охватывая все тело целиком, опутывая. Когда тьма подобралась к поясу и перекинулась на руки, Мишель отпустила Бена. Стряхнул ее хваткие когтистые пальцы, как нечто омерзительное, он отшатнулся. Тьма повалила сестру на пол — она взвизгнула, по переходу пронесся дрожащий крик. И оборвался. Бен шагнул ко мне и опустился на пол. Взяв мою голову в ладони, приподнял и уложил к себе на колени.

— Что я могу сделать? — его голос прозвучал напряженно. Он тщательно контролировал его, глядя мне в глаза, которые закатывались от слабости. Не хотел показать испуг, который бился бешеным пульсом у меня в висках. Я слышала его сердце, прерывистое дыхание и путалась в его мыслях. И он впервые в жизни чего-то боялся. Его боль пронзала меня, как горячая нить, резала глубоко внутри.

— Вложи мне в руку кулон, — облизав пересохшие губы, прошелестела я. — Он поможет восстановить силы.

Бен сделал, как я сказала, взял мою руку в свою ладонь и сжал. Голубое свечение озарило кожу, приятное невесомое тепло потекло по телу и настигло груди. Я питалась магией кулона, но и искупление насыщало меня силой. Я ощутила энергию, похожую на мягкую прозрачную воду. Она колыхалась, лилась, заполняя тело, как сосуд. Искупление полыхало над нами голубым заревом, пронизывало меня теплыми спазмами. И когда удалось

вдохнуть полной грудью, я шевельнулась и посмотрела на Бена. Он изучал мое лицо внимательным взглядом. В небесно-синих глазах мелькали тени. Его сознание на миг открылось мне, и я ощутила, что он больше ни о чем не жалеет. Я невольно улыбнулась, рассмеялась, перевернувшись на спину у него на коленях. Силы оказалось через чур много, она опьяняла, а его мысли заставляли сердце биться вновь и вновь. Но вдруг сеанс телепатии завершился, и между нами выросла глухая стена. Плевать. Я уже увидела все, что хотела.

— Ты сможешь идти? — в его голосе прозвучала интонация, которую я не успела понять. Бен отвел взгляд, нахмурился и вновь посмотрел на меня движением одних лишь глаз. Испытывал неловкость от неожиданной искренности. Его губы дрогнули — он не смог сдержать улыбку облегчения. И это было лучшее, что я сегодня видела.

— Я постараюсь, — я уже могла говорить.

Бен помог мне сесть. Я поднялась на ноги, опираясь на его руку. Кажется, я могла стоять. Отлично. Он дал мне еще минуту, и оказалось, что я даже ходить могу. Еще лучше. Удостоверившись, что я в состоянии передвигаться самостоятельно, Бен взвалил на плечо Мишель, и мы направились на верхний этаж башни.

Мы пересекли коридор, когда нам на встречу вылетел Брэйден. Он выглядел изрядно потрепанным, на одежде темнели пятна крови, да и лицо казалось мертвенно бледным в темноте. Но я не стала церемониться и беспокоиться о его самочувствии — сбила с ног броском магии. Распластавшись, он поднял голову, чтобы понять, что произошло, но я стояла в тени и наблюдала за ним. Позволив фамильяру подняться на ноги, вышла на свет — треугольник разноцветных бликов в центре помещения. Брэйден засопел и торопливо встал, но заметался на месте, замешкался, соображая, куда следует бежать. И рванул в обратном направлении, откуда появился.

Мне не нужно было догонять его — за меня все сделала тьма. Она метнулась за ним черным пятном, скользнув по стене. Чудовищно быстро и плавно перебирая лапами, прыгнула на пол и ударила в спину, вытолкнула в арку, ведущую в другой, еще более темный и мрачный зал. Упав, Брэйден проехался на животе до центра помещения по скользкому мрамору и затих. Приподняв голову, он огляделся и медленно подобрал под себя ноги, встал на колени и тяжело вздохнул.

Я медленно вошла в арку и очутилась в зале, меньшем, чем предыдущий, с одним большим окном, и встала подальше от парня. Брэйден выглядел поникшим. Он держался за голову, не в силах больше сопротивляться. Будто его долго били, и выдалась короткая передышка. Я осторожно обошла его, двигаясь вдоль стены, не решаясь подойти ближе. Застонав, он закрыл лицо руками и зарыдал.

Пока я смотрела на него, Бен прошел через зал и опустил Мишель на пол. На ней не осталось пут из черной липкой массы, но в себя она еще не пришла. Обтерев ладони о брюки, Бен громко выдохнул, и мы переглянулись. Пантера сидела за спиной Брейдена и ждущими черными глазами смотрела на меня.

— Что за мракобесие здесь творится? — скривившись, спросил Джош и отделился тенью от стены.

Я хотела обернуться на звук его голоса, но не осмелилась упускать из виду Брэйдена. Лорелея стояла чуть поодаль, за спиной у хранителя архива, и ее глаза светились силой — мягкое голубое сияние. Они загнали Брэйдена в угол и ждали меня, но парень сопротивлялся, пришлось применять силу. Держа руки навесу ладонями вниз, русалка сдерживала свою магию. Я чувствовала ее теплыми всплесками, будто морской прибой ласкал ноги. Остановившись напротив Брэйдена, я долго смотрела на него и никак не могла понять, что он мог сотворить.

— Что ты сделал, Брэйден? — ласково спросила я. Парень притих и медленно убрал руки от лица. — Кого ты выпустил из темницы?

— Я? — изумился он и поднял на меня красные заплаканные глаза.

— За что ты убил Адриану Хиггинз?

— Я хотел ее спасти, — сокрушенно взмолился он. — Она сама на себя навлекла беду!

— Что это должно значить? — я подошла ближе — скользнула, будто не касаясь ногами пола. Черный ветерок вился вокруг меня, тянулся шлейфом, точно аромат духов. Джош шагнул за мной, но я остановила его жестом руки. — Все в порядке, Джош. Он не причинит

мне вреда.

— Как знаешь, — недоверчиво протянул он, но с места не сдвинулся. — Нам он дал просрать.

— Каким образом она навлекла на себя беду? — снова спросила я у Брэйдена, склонив голову набок.

— Эти девчонки.... Всегда хотят выглядеть лучше других, мечтают не стареть и оставаться вечно красивыми, — он фыркнул. — Вечные поиски идеала. Невозможно иметь все и сразу. Им же хотелось оставаться вечно молодыми и привлекательными, но и обладать магической силой, сродни которой не существует в природе. Это их привлекало, ими двигало.

— Двигало куда?

— К смерти, — зловеще прошептал он. — Марисса давно искала в архиве книгу, но не находила. Иначе быть не могло, ведь она и литература — вещи несовместимые. И как-то случайно мне на глаза подвернулось любопытное рукотворное издание. В кожаном потрепанном переплете — сразу видно, что вещь стоящая, но на совершенно немыслимом языке. Желая избавить Мариссу от мучений, да и себя от ее постоянного общества, я решил подсунуть ей эту книгу. — Запнувшись, Брэйден перевел дух и тихо подметил:— Мы с ребятами решили подшутить над ней. Картер был, конечно, против, но не помешал нам.

Повисла пауза, которую никто не нарушил, пока хранитель архива сам не заговорил.

— Кто знал, что это по-настоящему темная книга, которую и в руки брать опасно?! Такие, как Марисса, видят только то, что им нужно. Вот она и вычитала, что его нужно кормить своей кровью, а когда плоды созреют, есть их. И красота, и вечная молодость, и магическая сила гарантированы!

— Кого — его? — едва шевеля губами, спросила я.

— Дерево. Это проклятое дерево! — застонал Брэйден и снова закрыл лицо руками. — Тоже темная история. Мы так и не поняли, откуда оно взялось в переходе башни. Просто в один прекрасный день появилось и все! И она кормила его своей кровью.

— Каким же образом она прочла древний язык? — усомнился Джош.

Брэйден поднял на него потерянный, потухший взгляд.

— Словарик купила, — огрызнулся он. — Она нам не сказала.

— Но почему она жива, а Адриана мертва?

— Марисса имела глупость проболтаться подружкам, и они устроили половничество около горшка с этой мерзостью. По очереди, тайком друг от друга бегали к дереву и кормили его, изрезали сами себя, не сознавая, что творили.

— А на самом деле оно питалось не только их кровью, верно? Оно высасывало их силу вместе с кровью.

— Да. Каждый раз, капля за каплей, и когда их кулон истощится, дерево перестанет отдавать взамен красоту и молодость. Их жизни тут же угаснут. Процесс необратим.

— Но как же девушки оказались в темнице? И кто оттуда сбежал?

— Никакого узника не было, — облизав нервно губы, Брэйден поморщился. — Думаю, вы уже поняли. Там ждали спасения девушки, и это я их там запер, — он сокрушенно покачал головой. — В темнице все процессы замирают — как естественные, так и магические. Я хотел выиграть время, чтобы найти способ исцелить их. И когда Адриана сбежала, Арне поднял ложную тревогу, но не сразу — фамильяры не должны были найти ее

раньше нас. Ленни и Тед вырубili охранников, хотели создать правдоподобную сцену побега, использовали зелье, стирающее память, вместо хлороформа.

— Но как маленькая ведьма смогла удрать из темницы, на которую наложены древние чары?

— Не сама, разумеется. Ей помогли.

— Кто?

— Эти кретины — стражники. Мы ведь были с ними заодно, и я по глупости сообщил им, как открыть волшебный замок. Они не выдержали. Решили, что помогают, но на самом деле позволили Адриане умереть. Идиоты, чтоб их....

— То есть, они не хотели ее догнать и убить, а наоборот — спасти?

— Да, именно так. Мы делали все, чтобы излечить их, но не сумели. Парни надеялись вернуть ее в темницу раньше, чем в погоню пустятся фамильяры-ищейки, но она умерла буквально у Картера на руках. Ее истощенный организм не выдержал голод древесного демона. Он высосал ее досуха....

— Осмелюсь предположить, ты так и не нашел противоядия?

— В книгах ничего об этом не нашлось, я знаю, что говорю, ведь перерыл весь архив. Не представляю, как остановить все это....

— А что со стражниками? Куда они подевались? — спросил Джош, следуя вдоль стены и скрываясь в тени арки. Он заметил Мишель, лежавшую без сознания, и застыл на месте. Его голос сорвался, и в глазах вспыхнул недобрый огонек. Я ощутила его ярость и тревогу, в душе разгоралось пламя, и мне это не нравилось.

«— С ней все будет хорошо, Джош», — солгала я.

«— Что с ней, Эш? Скажи мне правду, не пытайся провести. Не говори, что все нормально! Вижу, что вовсе не нормально. Ложь не успокоит меня, а я чувствую, когда ты лжешь!»

«— Мы найдем способ вернуть Мишель», — даже мысленно мой голос звучал поникшим. Джош все равно бы узнал правду. «- Она отдавала кровь дереву, и теперь в теле моей сестры живет вечно голодная тварь».

— Они сходят с ума, как, впрочем, и я. Наверняка уже перебили друг друга, — тем временем продолжал Брэйден. — Совесть — или что там их замучило?! Они хотят все исправить, но не знают, как. И каждый, кто стоит у них на пути — в опасности. Я видел глаза Картера, разговаривал с Ленни. Они обезумели от горя и страха!

— Мы поймали их и связали, — холодно сказал Бен. — Теперь ни им, ни нам ничего не грозит.

— А откуда взялось это проклятое дерево? — не унималась я, обходя кругом Брэйдена.

— Я же сказал — понятия не имею, — честно признался он и поднял на меня глаза. — Оно просто появилось.

— Так разве бывает?

— Иногда случается, но я голову сломал, пытаюсь понять. И пришел к выводу, что его кто-то принес намеренно.

— Кто-то подбросил яд в Университет, — подумала вслух я и посмотрела на Бена. — Стэнли говорил о заговоре. Теперь я начинаю понимать, что он имел в виду. Тот, кто принес дерево, решил извести Систему изнутри.

— Или отвлечь внимание, — предложил свою версию Бен, пряча руки в карманы брюк. Я обошла Брэйдена быстрым шагом и встала напротив.

— Где ты обнаружил ту книгу?

Он поднял голову, устало закатив глаза.

— Не помню, на стеллаже. Наверное....

— В какую секцию ты чаще всего заглядываешь? Может, ее положили на твою полку?

— Не помню. Хотя нет, — протянул парень и помотал головой. — Кажется, я нашел ее в секции, отведенной магическим животным, которой почти никто не интересуется. Помню, еще удивился, откуда она там взялась.

— Тебе ее подбросили, — догадалась я и прикрыла на миг веки. — Нарочно выставили на другой полке, чтобы ты нашел книгу и заинтересовался.

— Но кому это могло понадобиться? — скривился Брэйден. — Загубить столько жизней....

— Думаю, тот, кто это сделал, рассчитывал на большие жертвы, — хмыкнул Бен, обходя Брэйдена.

— К слову о жизнях, — протянула я. — Можно как-нибудь уничтожить это дерево?

Брэйден помотал головой, волосы свесились вперед, заслонив лицо. Он выглядел ужасно — не просто побитый, но и подавленный. На его совести все произошедшее, каждая капля крови, пролитая девушками, ложь, слой за слоем, и смерть любимой являлась вишенкой на этом страшном торте.

— Я не знаю.

— Сжечь, срубить, облить кислотой — должно быть хоть что-то? — раздраженно перечислял Бен.

— Если загубим дерево, то убьем его доноров, — хрипло ответил Брэйден. — В книге так было сказано.

— То есть это ты смог прочесть? — изумилась я и хмыкнула.

— Да, только это и смог. Дерево — живое существо, какой-то древний демон, питающийся жизненной энергией магов.

— Значит, тот, кто подкинул книгу, хотел, чтобы ты это прочел, — прошипел Бен. — И почему зеркала трескались, когда девушки в них смотрелись?

— Я много читал о мифологии демонов, — сказал Брэйден. — Зеркала не выдерживают отражение их сущности. Что-то в этом роде.

Бен вдруг огляделся, встретился взглядом со мной, посмотрел на Лорелею и снова на меня.

— А где Джош?

Я тоже огляделась.

— Не может быть, — прошептала я. — Он пошел убивать дерево!

— Это он напрасно, — схватившись за голову, запричитал Брэйден, раскачиваясь из стороны в сторону. — Он всех их убьет!

— Лорелея, — обратилась я к русалке. Она посмотрела на меня искрящимися от волнения глазами. — Присмотри за ним и Мишель, пока мы найдем Джоша!

— Конечно, — нервно улыбнулась она, выходя из тени. — Только поторопитесь — мое время утекает.

Мы вбежали в коридор, похожий на калейдоскоп, в тот самый миг, когда Джош замахнулся топором над поганым деревом. Он нанес удар с таким остервенением, что его крик отчаяния разразился громом на весь переход и покатился дальше, в башню. Дерево

хрустнуло, на стволе появился неглубокий порез, из которого хлынула густая, почти черная кровь. Оно взвыло нечеловеческим, утробным голосом, от звука дернулась кожа. У меня перехватило дыхание, волосы отбросило назад от порыва силы, вырвавшейся из раны. Я упала назад, но Бен поймал меня и помог устоять. Мы хотели остановить Джоша, но было слишком поздно.

Привалившись к стене, я сползла на пол.

— Его нельзя убивать, Джош, — прошептала я. — Все девушки умрут.

— Кто сказал? — с безумным видом спросил Джош и занес топор для нового удара. — В книге так написано? А кто сказал, что ей можно верить!? Как бы поступили вы на месте демона или того, кто подложил книгу?

Он посмотрел на нас, вскину вопросительно бровь. Взъерошенный, на лбу испарина, рубашка забрызгана кровью, и глаза расширены от возбуждения и ярости. Я видела его таким впервые, и не узнавала. Он так сильно любил Мишель, а я и не догадывалась. Никто не догадывался. Джош был превосходным лжецом или так хорошо умел скрывать истинные чувства?!

— Пожалуй, я с ним соглашусь, — нехотя сказал Бен. — Если бы я не хотел, чтобы дерево уничтожили, то именно так и написал бы.

У меня в груди забилась надежда. Подобрав волны платья, я поднялась и медленно подошла к Джошу. Он следил за мной подозрительным взглядом с высоты своего роста, и когда я остановилась рядом, склонил изумленно голову.

— Дашь мне попробовать? — с жаром прошептала я, перебирая пальцами закатанный рукав его рубашки.

— Еще чего, — хмыкнул он, на губах мелькнула вымученная улыбка. — Перепачкаешь свое шикарное платье. Отойди подальше, Эшли, и смотри, как папочка с ним разделается!

Он занес топор для очередного удара и с жаром прошипел:

— Сдохни, сука!

Я отступила к стене. Не успела встать рядом с Беном, как Джош замахнулся и рубанул, за ударом последовал еще, и еще.... Мерзкое растение стало извиваться и вопить, побежали мурашки от kloкочущего звука, будто в его горле плескалась кровь. С каждым ударом вой все больше походил на рыдания, голос демона слабел и стихал. По полу скользила магия, витала в воздухе, вырвавшись на свободу, и металась, искала хозяина, чтобы воссоединиться с ним. Искры, похожие на песок, взметнулись в воздухе и умчались прочь, а из ствола дерева продолжала выплескиваться кровь. Темная густая лужа подбиралась к ногам, запахло гнилью и железом, пришлось заткнуть нос ладонью. К горлу уже поднимался кисло-сладкий ком, вызывая рвотные позывы. Шагнув к Бену, я уткнулась лицом в его плечо, чтобы чувствовать его запах — запах кожи и едва уловимый аромат лосьона. Он не сводил взгляда с корчащегося в смертельных муках дерева, глаза были чуть расширенны от удивления. Он не видел прежде ничего подобного, но и не хотел увидеть вновь. Никогда. И Джош рубил до тех пор, пока ствол дерева не сломился пополам, и вся жидкость не перелилась из горшка на пол.

Руки Джоша были в крови. Манжеты в алых бисеринках, спереди на рубашке влажные пятна, ткань прилипла к тяжело вздымающейся груди. Он размазывал кровь по лицу тыльной стороной ладони и казался удовлетворенным, глядя на загубленное растение и передавленные ягоды на полу. Крови было море, и вся картина пугала до чертиков, но на душе ощущалась небывалая легкость. Оставалось надеяться, что все девушки выжили, и

книга солгала....

Шагнув вперед, Бен посмотрел сначала на дерево, а потом на Джоша и усмехнулся:

— Чтобы уж наверняка, — и прищелкнул пальцами. Искорка огня вылетела из его ладони и коснулась растения, оно вспыхнуло холодным синим пламенем.

Мариссу обнаружили в женском туалете в центральной башне. Она приходила в себя и не могла понять, что произошло. Мишель очнулась не сразу, и так же, как Марисса, с трудом помнила события последних нескольких дней. Брэйдена и его друзей-соучастников освободили от моих чар фамильяры. Их ждало разбирательство со Стэнли, и, вероятнее всего, исключение из Университета. Валери Гилберт и Сабрин Дей вызволили из темницы, осмотрели целители и отправили домой. Память к девушкам должна была вернуться в скором времени, за исключением тех дней, когда их разумом владел демон, и это не могло не радовать. К чему вспоминать мерзейшие минуты, с которыми потом придется жить?!

Я и Бен стояли на улице перед Университетом — фамильяры выпроваживали гуляк из приемного зала. Повсюду горели фонари, почти все окна здания Университета освещали площадь с огромной лестницей. Целители обработали мне раны и наложили повязки. Я едва могла шевелить руками, кожа на спине натягивалась, и это причиняло боль. Дома осталось зелье Майло, с ним все заживет за считанные дни. Нас окружала густая приятная темнота ночи. Сверху рассыпались поля звезд. Откуда-то издалека ветер принес запах дождя, стелился холодный предрассветный туман. Бен снял пиджак и набросил мне на плечи.

По ступеням спустилась Лорелея и поплыла к нам. Она выглядела усталой, но довольной. Взяв за руки, русалка поцеловала меня в щеку. Она осторожно тронула меня за лицо, и ее взор омрачился.

— У тебя вид такой...истерзанный.

— Спасибо, что помогла, — сказала я и выдавила из себя улыбку.

— Ты шутишь? — ее глаза вспыхнули. — Да это была лучшая вечеринка в моей жизни! А теперь мне пора, Эшли, — Лорелея шагнула назад. Улыбнувшись на прощанье Бену, она снова посмотрела на меня.

— Мы можем тебя проводить, — предложила я.

— Нет. Я быстрее доберусь одна, а вам еще предстоит куча дел. Мишель требуется помощь, как медицинская, так и моральная.

Мои руки выскользнули из ее ладоней, и только мелькнула улыбка русалки — она растворилась в воздухе и умчалась на пристань. Мне стало немного грустно, и когда я повернулась лицом к Бену, улыбка исчезла с моих губ.

Он чуть заметно хмурился. Держа руки в карманах брюк, изучал мое лицо. Я осторожно подняла на него взгляд, и по телу пробежала дрожь. Приятная и волнительная. Внезапно нахлынули воспоминания о прошедшем вечере, но было гораздо легче, когда мы были в масках. Сейчас мы их сняли и смотрели друг другу в глаза, осмысливая случившееся. Кожа вспомнила тепло его дыхания, а тело — прикосновение рук. Бен заметил мое смущение, но не позволил отвести взгляд, подошел почти вплотную. Я снова забыла о воздухе, только запах его кожи существовал в ту минуту. Заглядывая в глаза, он улыбнулся.

— Я же знаю, о чем ты думаешь, — еле слышно сказал он и коснулся моей шеи, забрался пальцами под волосы. — Можешь не отводить глаза.

— Я отвожу их не из-за этого, — так же тихо сказала я.

Он вздернул иронично бровь и придвинулся, его рука ласково бродила по моей шее.

— Из-за смущения, я знаю.

Бен наклонился и коснулся лбом моего лба. Мои ресницы затрепетали. Прикосновение к коже, даже невесомое, высвобождало искупление, и я дрожала, мечтая вновь оказаться в его объятиях. Он осторожно выдохнул, согрел дыханием, и его губы были совсем рядом.

Тепло магии разливалось по моему телу, по его телу, и вот уже его рука легла на мою талию. Руки потянулись к его груди, легли ладонями над сердцем. Мы стали ближе за прошедшую ночь, сделали огромный шаг вперед, навстречу друг другу. Наши отношения выходили на новый уровень — волнительное событие для обоих. Теперь я хотела большего, чем просто прикосновения или взгляды — мое тело требовало быть ближе, а губы сводило от желания поцеловать его. Но оставался Бен со своим упрямством и страхом перед изменениями.

Я подняла глаза и посмотрела на него без тени улыбки.

— Поцелуй меня.

— Что? — Бен отстранился и снова нахмурился. Улыбка медленно сползла с его лица, и в глазах загорелся холодный огонек.

— Просто поцелуй меня, Бен.

Он долго смотрел на меня, и его рука медленно сползала с моей талии, пока не повисла безвольно вдоль тела. Вторая рука дрогнула у меня на шее и исчезла, он спрятал ее в карман брюк. Я будто что-то сломала в нем своими словами, и страх заклокотал в груди — что я такого сказала?

Бен коротко мотнул головой и отступил.

— Нет, — одно коротко слово, три буквы, но как больно они ужалили, сколько холода несли....

— Почему? — чуть дыша, прошептала я, чувствуя, что слезы заполняют глаза. А я не хотела, чтобы он видел, как я плачу.

— Потому что, — он сглотнул, его скулы напряглись, лицо посуровело. — Потому что у нас никогда не будет просто поцелуев, Эшли.

— Не понимаю, — пробормотала я, но он все отдалялся и отдалялся. — Что это значит?

Бен зажмурился и опустил голову. Он качнул ею, будто не хотел меня слушать и боролся с собой, не желая произносить вслух. И когда снова посмотрел на меня, все чувства ушли из глаз, черты лица стали непроницаемыми.

— У нас никогда не будет ПРОСТО поцелуев.

Он собирался отойти от меня, но по ступеням сбежал Джош. Он нес на руках Мишель. Сестра смотрела на него раскосыми от слабости глазами, а он выглядел как никогда счастливым и довольным. Улыбка не сходила с губ, когда он бережно укладывал ее на заднее сиденье своего автомобиля. И не исчезла, когда он в окровавленной рубашке направлялся к нам.

— Чего кислые такие? Кто-то умер?

Ни я, ни Бен, не проронили ни слова, и это вызвало у Джоша повышенный интерес, хотя улыбаться он стал чуть менее счастливо. Он открыл рот, чтобы что-то спросить, но звуки быстрых многочисленных шагов заставили нас забыть о разговоре и обернуться. К нам по лестнице спешил Стэнли с толпой однополовых мужчин-фамильяров. Все с пустыми лицами и по-птичьи мигающими глазами. И только на лице Стэнли угадывались признаки эмоций — он был вне себя от злости. Он шел волной грации и силы, как скрытое кожным покровом сосредоточение агрессии. У меня волосы зашевелились на теле от наплыва его силы. Остановившись перед нами, Стэнли изучающее посмотрел на каждого, но заострил

внимание на Джоше. Его глаза вспыхнули сапфировым огнем, и лицо приобрело холодные суровые черты.

— Под стражу его, — скомандовал он, и четверо фамильяров синхронно обступили Джоша.

— Какого черта, Стэнли? — Джош не сопротивлялся — позволил свести руки за спиной, но смотрел на Главного Фамильяра. Если бы можно было убить взглядом....

— Что происходит? — спросила я у Стэнли, и он нехотя перевел на меня стальной взор. Я чувствовала в нем жестокость, видела боль и обжигающую ярость — и это только глаза. В целом вид у него был хладнокровный, но я ощущала магию и слышала шелест перьев. Они щекотали кожу, были почти осязаемы.

— К вам у меня нет претензий, — бросил он.

Я чуть язык не проглотила от изумления.

— Нет претензий?! — переспросила я, и мой голос разнесся эхом по площади. — Да ты сам нас попросил вмешаться и навести порядок!

— И я вам благодарен, — кивнул он. Лицо Стэнли утончилось, он выглядел старше, на свои годы, от юношеской миловидности не осталось и следа. — А теперь расходитесь.

Фамильяры покорно смотрели ему в рот, и когда Стэнли небрежным жестом указал на лестницу, они повели Джоша к парадному входу в Университет. Мы переглянулись, и в его глазах читалось непонимание и гнев. Что, в конце концов, происходит?!

Стэнли вежливо улыбнулся и развернулся на каблуках. На миг перед глазами мелькнула его спина, под которой бугрились мышцы — крылья, томящиеся под тесной оболочкой. Он быстрым шагом удалялся следом за фамильярами, а мы стояли посреди площади и не могли сообразить, как быть дальше. Это было что-то немыслимое....

Больше книг на сайте - Knigolub.net